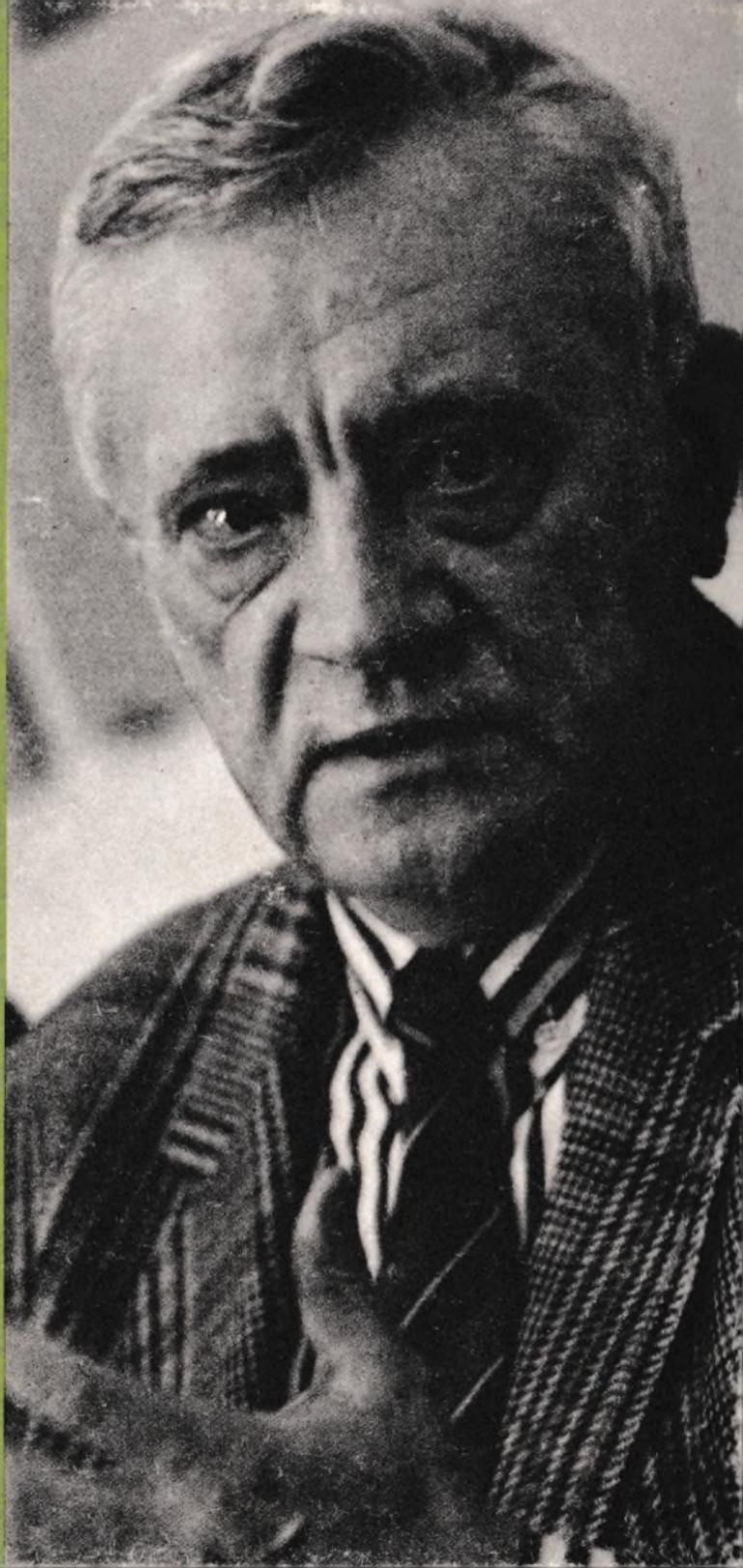

∞ | Владимир МАКСИМОВ

Владимир МАКСИМОВ

8

Владимир

МАКСИМОВ

8

Владимир
МАКСИМОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ВОСЬМИ ТОМАХ

Владимир МАКСИМОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ВОСЬМИ ТОМАХ

«ТЕРРА» - «TERRA»
МОСКВА 1993

Владимир МАКСИМОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ВОСЬМОЙ

ПЬЕСЫ

«ТЕРРА» - «TERRA»

МОСКВА 1993

ББК 84Р7
М17

От редакции

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

*Сообщаем Вам,
что в данное 8-томное
Собрание сочинений В. Максимова
войдет дополнительный,
9-й том, включающий произведения
последних лет.*

Художник И. САЙКО

Максимов В. Е.

М17 Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8: Пьесы. — М.:
ТЕРРА, 1993. — 464 с.

ISBN 5-85255-037-X (т. 8)

ISBN 5-85255-038-8

М $\frac{4702010201-03}{А30(03)-93}$ Подписное

ББК 84Р7

ISBN 5-85255-037-X (т. 8)

ISBN 5-85255-038-8

© Издательский центр «ТЕРРА», 1993

СТАНЬ ЗА ЧЕРТУ

Драма в трех действиях, семи картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Михей Коноплев.
Клавдия, его жена.
Андрей
Семен } их дети.
Паша }
Алексей Иванович, муж Паши.
Ильинична.
Анна.
Плющ.
Прохор, брат Михея.
Настасья, жена Прохора.
Слепой.
Старичок.
Женщина.
Раненый.
Мужик.
Бондо.
Чукча.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Слышится далекий колокольный звон. По глади ночного моря скользят лучи сторожевых прожекторов, выхватывая из темноты то кусок обрывистого берега с частью поселка вдоль него, то дамбу, то резкий силуэт далекого маяка.

От автора. Михей сидел под берегом у ночного моря, и берег, выдаваясь слева от него круто вперед, обозначал перед ним одиноко светящееся пятнышко: окно

дома — его дома. Время от времени Михей отглатывал из бутылки, и все никак не мог заставить себя встать и пойти туда — в сторону зовущего светлячка. Тихая вода поплескивала у Михеевых ног, а он с острой почти до головокружения болью под сердцем думал и думал обо всем, что было в его жизни, но могло и не быть. Вот это самое «могло и не быть», накатываясь, жгло сильнее всего прочего. Михей одним судорожным глотком допил бутылку, но посуду по привычке не выбросил, сунул в карман. И собственные беды и боли его вдруг увиделись ему настолько зряшными и пустыми, что он облегченно вздохнул, поднялся и пошел туда — на это светлое пятно вдали, более не думая и не останавливаясь. Михею казалось сейчас, что это не он идет к окну, а окно выплывает ему навстречу, все увеличиваясь и увеличиваясь, пока, наконец, не заполняет собою ночь.

Вспыхивает свет.

Утро. Горница в добротном каменном доме. Справа — лестница, ведущая вверх. В углу — старый посудный шкаф. Впритык к нему диван, укрытый лоскутным ковриком. От входа к двери, ведущей в смежную комнату, лоскутный же половичок. В простенке между окнами — стол под застиранной скатертью. Занавески на окнах задернуты. По стенам — множество семейных фотографий вперемежку с журнальными картинками. Традиционная гитара с бантом. В комнату входит Михей. Вещмешок как бы сам собой соскальзывает с его плеча. Михей облегченно оглядывает родные стены. На стук из смежной половины слышится женский голос: «Ты, что ли, Ильинична?» Оттуда наконец показывается К л а в д и я. Она замирает и молча глядит на гостя, словно стремясь влиться, втиснуться в дверной косяк.

М и х е й. Вот, значит, и я... (*Клавдия молчит.*) Здравствуй, Кланя... (*Та молчит.*) Помирать пришел, Кланя... К тебе. Примешь ли?

К л а в д и я (*словно бы приходя в себя после долгого обморока, начинает как-то боком двигаться вдоль стены, слепо при этом ощупывая предметы, попадающиеся на пути: диван, шкаф, стул — пока не доходит до стола, около которого и замирает*). Входи, Михей Савельич, раздайся, ты здесь не гость — хозяин.

М и х е й (*стаскивает с себя плащ и, не глядя, заученным жестом определяет его на вешалку у двери. Поверх пристраивает кепку и, сделав шаг навстречу жене, в нерешительности останавливается*). Что же ты мне скажешь, Кланя? Я ведь, как ты скажешь, Кланя...

К л а в д и я (*тихо-тихо приближается к нему*). А что

я скажу тебе, Михей? Ты же знаешь, что я (на «я» она делает ударение) могу тебе сказать... Двадцать раз ждала и еще тридцать три по столько могу. Потому и пришел ты ко мне. И не помирать пришел — жить...

Михей (по мере того как она приближается к нему, колени у него подгибаются, а руки начинают ловить воздух, и когда, наконец, она доходит до него, он обнимает ее ноги). Кланя! (Плечи его трясутся в беззвучном плаче.) Кланюшка-а-а!

Клавдия (кладет ладони ему на голову). По капле ты меня, Михей Савельич, брал, а я без слова по капле отдавала. Коли осталось, остальное отдам... Только ведь дети у нас есть, за ними суд.

Михей (умоляюще снизу вверх смотрит ей в лицо). У них своя жизнь, Кланя, не маленькие, а нам с тобой свое бы дожить.

Клавдия (глядит куда-то сквозь него, в пространство). Не будет нам века, Михей Савельич, без их слова. Как они скажут, так тому и быть.

Михей. А я не к ним — к тебе шел, думал, не забыла.

Клавдия. Не забыла, Михей, ничего не забыла, так ведь и они помнят.

Михей (почти кричит). Что помнят? Что им помнить!

Клавдия (кратко, жестко). Все.

Михей. Я отец им!

Клавдия. Иное и родителям не забывается.

Михей. Клавдия, не надо, не снесу я. Ведь я жизнь прожил. Да какую жизнь? Весь век в крике и на людях. Хватит! Не могу больше. Стиснуться хочу, сжаться, затихнуть, как мышь в своей норе. Пускай свет колготет. Я свое отколготал. Я больше не хочу.

Клавдия. Да разве, Михей, это от нашего с тобой хотения зависимо? Жмись не жмись, все одно — видно.

Михей. Дом продадим, уедем в медвежий угол ото всех, станем век доживать. На жизнь нам хватит. Я не зря ведь по лесам скитался: и запас есть, и в руках ремесло.

Клавдия. Куда захочешь пойду, хоть на край света, а хоть и дальше, только сначала — дети.

Михей. Ну об чем, Кланя, я с ними говорить буду!

Наперед знаю — осудят. Только они мне не судьи. Я сам себе и прокурор, и нарсудья, и конвоир впридачу. Пускай они в шкуру мою влезут!

К л а в д и я. Им в своей не легче.

М и х е й (*вдруг зло*). Надеешься, осудят, и ты в стороне, а я опять куда глаза глядят?

К л а в д и я (*досадливо морщится*). Тебя, Михай, видно, одна могила исправит.

М и х е й. Ну, прости, Кланы, прости, сорвалось в сердцах... Неблизкую дорожку я к тебе прошагал, маятно.

К л а в д и я. Ладно, Михай Савельич, наговоримся еще, день долгий. Садись, попотчуйся, чем Бог... (*Выносит его пожитки в сени. Возвращается, начинает хлопотать вокруг стола.*)

Михей медленно, по кругу обходит комнату, как бы заново вживаясь в каждую вещь, в каждый предмет, находящийся здесь.

М и х е й (*останавливается около рамки с семейными фотографиями*). Ишь ты... Были когда-то и мы рысаками... (*Проводит по струнам гитары.*) Жива... Дед-то давно помер?

К л а в д и я (*между делом*). Летошний год. Просквозило после бани. В три дня убрался...

М и х е й (*подходит к окну*). Построились-таки Ламские...

К л а в д и я. Построились...

М и х е й. С моей легкой...

К л а в д и я. Последнее продали.

М и х е й. Зато — дом.

К л а в д и я (*вздыхает*). Дом... Садись...

Они садятся и некоторое время молча смотрят друг на друга.

М и х е й. Я теперь не балуюсь. Разве что по маленькой.

К л а в д и я (*наливает ему и себе, пьет*). Скажи по душе, Михай, с грехом пришел?

М и х е й (*опускает голову*). С грехом.

К л а в д и я. И тяжек грех?

М и х е й (*опускает голову еще ниже*). Тяжек, Кланы.

К л а в д и я. Детям знать надо.

М и х е й (*вскакивает*). Кланы, пожалей хоть ты меня, или мало я мук принял? И зачем мои грехи детям?

Тебе — как на духу, а им зачем? (*Бросается вниз лицом на сундук.*) Зече-е-ем?

К л а в д и я. Не можешь, я скажу.

М и х е й. Кланя-я-я!

К л а в д и я. Пусть наперед все знают, чтобы потом с меня спросу не было.

М и х е й (*вдруг зло оборачивается к ней*). А, спросу боишься?

К л а в д и я. Не за себя — за тебя боюсь. За себя я тебе на сто годов вперед все грехи отпустила. А они за себя пусть сами скажут. Ведь ты от своего креста каждому дитю своему долю дал, от них тебе и обратно получать.

М и х е й. Что же я скажу им! Что-о!

К л а в д и я (*встает и так же, как и он давеча, медленно обходит комнату, будто заново осмысливая в ней каждую вещь и предмет*). Вот мы с тобой после венчания. (*Касается фотографии.*) А вот с первеньким нашим — Андреем. (*Идет дальше, проводя ладонью по шкафу, сундуку, печи.*) Жизнь это все наша с тобой, Михай. (*Делает полный круг и, встав рядом с мужем, прижимает его голову к своему бедру.*) Я сама им все за тебя скажу! (*Отталкивает его от себя.*) А теперь иди, спи!

Он встает и эдак боком, чтобы не отрывать от нее умоляющих глаз, пятится к смежной двери, пока, наконец, не скрывается за нею. Клавдия некоторое время молча смотрит ему вслед, а затем резко поворачивается и решительно идет к выходу, но шум в сенях останавливает ее. Открывается дверь и на пороге вырастает Андрей. Он вял и печален, как всякий тяжело пьющий человек с утреннего похмелья.

А н д р е й. Вот, мать, шел мимо, дай, думаю, зайду. (*Оглядывается.*) Здравствуй, значит. (*Смотрит в сторону стола.*) Гостей принимаешь?

К л а в д и я. Приняла уже... Заходи... Шел, выходит, мимо и зашел. А нарочно зайти к родной матери недосуг?

А н д р е й (*тяжело опускается на стул у стола*). Да нет, зачем же так вот сразу... Сама знаешь, у нашего брата времени всегда в обрез.

К л а в д и я (*насмешливо*). Что правда, то правда, пока это все пивные обойдешь!

А н д р е й (*вяло*). Брось, мать. И так тошно. Налей мне самую малость, а без того плохой я тебе собеседник.

К л а в д и я (*ставит перед ним стакан, наливает*). Погоди, оглашенный, закусь дам.

А н д р е й (*заученно отмахивается*). Труженики нашей текстильной промышленности, мать, ежедневно выпускают для нашего брата миллионы метров закуса... Твое. (*Пьет, нюхает рукав пиджака.*) Фу, мерзость...

К л а в д и я. Вот и не пей.

А н д р е й (*заметно оживляясь*). Это я не ее — себя ругаю. Экая, действительно, образина, подобную божественность, и — залпом. Ее надо по глоточку, по капельке, как нектар. С чуткостью, так сказать, с признательностью. (*Умоляюще глядит на нее.*) Ма!

К л а в д и я (*наливая ему*). Как ты живешь, Андрей, о чем думаешь? Ведь так и до беды недолго.

А н д р е й (*пьет*). Живу между небом и землей, не думаю, не болею... Ма, не пожалей еще одну, а?

К л а в д и я. Все представляешься, Андрей, все петрушничает, а жить когда?

А н д р е й (*вдруг на мгновение трезвея*). А зачем жить? А?

К л а в д и я (*подходит к нему, гладит его голову*). Расскажи все-таки матери, как ты живешь, Андрюша?

А н д р е й (*пытается высвободиться*). Полнокровной жизнью не совсем молодого районного газетчика. Утром опохмеляюсь и — за авторучку. До обеда проскриплю и снова в «Голубой Дунай». Темпы, темпы, мать... Спешу... Стишки вот опять накропал к уборочной... Хочешь, выдам? Отменные, должен сказать, стишки получились... Редактор пятерку не пожалел, а из него лишний рупь вытянуть — это что-нибудь да значит.

К л а в д и я (*горько*). Все прячешься за юродством своим. От кого прячешься? Ведь мать я тебе.

А н д р е й. Нет, ты постой, мать, постой. (*Роется в карманах, достает сложенную в несколько раз газету, разворачивает.*) Взгляну, и самого слеза прошибает. Один заголовок червонца стоит: «Хлеб — стране!» Каково, а? «Встало солнце над страной, нива золотится. Поднимается стеной тучная пшеница. В гуле, в гrome сельский шлах, хлеб идет Отчизне. Мужики на тракторах едут к новой жизни.» Сила! Тьфу! (*Комкает газету и швыряет ее в сторону двери.*) А ты говоришь... Вот так и живу. (*Со злой требовательностью.*) Налей, старая, все равно нехорошо.

К л а в д и я (*идет к буфету, наливает*). А зачем от Анны ушел?.. И Анна не то тебе?

А н д р е й. А это у меня, мать, наследственное...
От папаши...

К л а в д и я (*резко оборачивается*). Молчи... Ты отцу не судья... У тебя своя жизнь, у него — своя...

В сенях раздается шум. В дверь просовывается голова И л ь и н и ч н ы.
Она с внимательной хитрецей осматривается.

И л ь и н и ч н а. А я смотрю, быдто прошел кто вдоль изгороди... Только вроде бы как и двое. Ан один сидит.

Входит, осматривается.

К л а в д и я (*сурово*). Приползла? Бутылку за версту чуешь? Что глазами блудишь?.. Садись вот... (*Подвигает ей стул*.)

И л ь и н и ч н а (*садится*). А я гляжу, быдто...

А н д р е й. А ты пей лучше, тетка Дарья, глядеть потом будешь, а то меня от твоей дальнорзости уже поташнивает.

И л ь и н и ч н а. А ты не торопи, не торопи, Андрюшенька, я и смолоду не торопкой была, а ныне и совсем медлительной сделалась. Люблю врастяжку. (*Пьет залпом*.) Вот эдак. (*Снова оглядывается, но теперь уже откровенно в сторону двери в соседнюю комнату*.) А я гляжу, быдто двое и быдто...

К л а в д и я (*наливает ей снова*). С одной двоиться стало, еще одну глотни, троиться будет.

А н д р е й. С твоим зрением, тетка Дарья, инструктором в сельхозотделе сводки показателей тискать, тебе в глазах начальства цены бы не было б... И мне, мать, заодно...

И л ь и н и ч н а (*горделиво*). Я в своем деле — дока!.. Ну, дай Бог, не последнюю... Ты бы и закусочки нам, Клавдюшка, с Андрей Михеичем, не поскупилась, что ли.

К л а в д и я (*торопливо собирает на стол*). На скорую руку могу.

И л ь и н и ч н а. А куда торопиться, успеем. Говорю: я не торопкая... Ты сырку, сырку, Клавдюшка, не жалей... И колбаски...

А н д р е й. А молотишь, ты, старая, так и за двух инструкторов...

И л ь и н и ч н а. А какая ж я старая, я не старая вов-

се. Я и сейчас пойду — так и любую молодую перепляшу.

А н д р е й. А это мысль! (*Пьяно встает, подходит к стене, снимает гитару.*) А ну, попробуй, тетка!

К л а в д и я. Андрей!

А н д р е й. Погоди, мать, погоди, пусть пляшет, карага... Я люблю, когда ведьмы пляшут... Это успокаивает нервы. Пляши, тетка!

И л ь и н и ч н а. (*лихо подбоченясь, заходит под его наигрыш*). А что, и спляшу! Я такая.

Девочка-чалдоночка
Ложилась потихонечку,
Ложилася, боялася,
Как будто не влюблялася.

А н д р е й (*подыгрывая, начинает кружиться вместе с ней*). Давай, ведьма, давай, жми на всю катушку!..

И л ь и н и ч н а.

Я иду, а на меня
Из кустов тарашится:
Это хрен с большой корзиной
За грибами тащится.

Кружение этих двух фигур становится почти жутким, но его прерывает стук двери. Входит А л е к с е й И в а н о в и ч. Из-за могучего плеча гостя испуганно вылядывает безответная жена его П а ш а.

А л е к с е й И в а н о в и ч. Балаган в полном, можно сказать, разгаре.

Ильинична сразу же исчезает, будто растворяется где-то чуть ли не у самых колен строгого гостя.

А н д р е й (*спокойно определяет гитару на место*). Привет, вашбродь! Воспитывать собираешься, в милиции с малолетками не надоело?

А л е к с е й И в а н о в и ч (*проходит в комнату, садится*). Надоело. Здравствуйте, Клавдия Степановна! Не стой у двери, Паша!.. Надоело, но все равно буду, должность такая.

А н д р е й. Принимай зятя, мать, что же стоишь! Ты упустил из виду, шуринок, что мне уже тридцать, а это для твоей детской комнатки возраст явно переростковый. Так что адью, я вас просю то есть.

Алексей Иванович. Не пижонь. (*Жене.*) Паша, не стой же у двери!

Но здесь все это время молча стоявшая Клавдия отделилась от косяка противоположной от входа двери и вышла на середину комнаты.

Клавдия. Отец письмо прислал: просится. Вам решать.

Происходит немая сцена. Андрей только присвистывает. Паша наконец отрывается от косяка входной двери и делает шаг в сторону матери. Алексей Иванович низко опускает голову.

Ильинична (*словно бы про себя*). Я смотрю, быдто бы — двое...

От автора. Голоса обступили Михея со всех сторон. Он накрывался с головой одеялом, затыкал уши, но голоса пробивались к нему, и каждый из них добавлял в его холодеющее от гнева сердце свой уголек. Что они говорили! Вернее, чего они только не говорили! И о ком — о нем — об отце! Чтобы не закричать, не завывать от бешенства и злобы, он до боли в висках закусывал подушку, и на него всей своей давней и неотступной тяжестью обрушился

Его первый сон

Городская пивная конца двадцатых годов. Публика самая разношерстная. Стоит дым коромыслом.

— Мне пару.

— Папаша, воблы!

— По случаю карантину подвозу нет-с.

— Карантин, карантин! На все воля, как говорится, Божья: не захочет — не помрешь. Спасу нет от белохалатников.

— И то право! Сидим ждем погодки у лодки.

— Да уж что там и говорить.

У окна за столом Слепой играет на гармонике:

Жалейка, жалейка, жалейка,

Горюет твоя сторона.

Налей-ка, брательник, налей-ка

И выпьем с тобою до дна.

По селам болезные Вани

Не пашут пустые поля.

Потопла в холодном тумане
Россия — лесная земля.

Всем сырым, голодным, незрячим
Была она теплой судьбой,
Давай же, брательник, поплачем,
Поплачем, родимый, с тобой.

На пороге — Старичок. Он зорко оглядывается по сторонам, ища места. Подходит к столу, за которым в одиночестве сидит Михай.

Старичок. Не побрезгуешь, сыне?

Михей (*хмуро*). Не заказано...

Старичок (*садится*). Отчего не весел, сыне?

Михей. Не с чего.

Старичок. Тогда бы в самую пору в церковь, а не в питейное заведение.

Михей. При моей жизни мне только попа и не хватает!

Старичок (*хитровато*). Поделись — легче станет.

Михей. Карантин, батя, задавил: заехать — заехал, а выскочить не могу.

Старичок. А куда пробираешься-то?

Михей. На Каспий.

Старичок. Забыл, что ли, что на Каспии?

Михей. Забыл не забыл, а надо позарез.

Старичок. Уж так и позарез?

Михей. Говорят, там — заработки.

Старичок. А это везде, где нас нету.

Михей. Ты здешний, что ли, дед?

Старичок. Ну.

Михей (*с надеждой*). Может, вывезешь?

Старичок. Вас таких нынче в городе, знаешь сколько? Куда ни плюнь — беда. А я что, поп али фершал? Папашкам своим кланяйтесь, они кашку заварили, а вы расхлебывайте, господа хорошие, моска-ли...

Михей (*поднимаясь*). Знаешь, дед, врезал бы я тебе промеж зенок, да боюсь, хоронить будет нечего: весь выйдешь... Даже сидеть с тобой и то муторно... Проще-вай...

Старичок (*накрывает его руку своею*). А ты си-ди, сиди, я тебе, сукиному сыну, и не эдакое еще скажу. Ишь, взбычился!.. Куда вот тебя, шелудивого, черт несет

от гнезда теплого? Рупь твой длинный таким еще коротеньким обернется, что и срам не прикроешь. Богачество твое в тебе самом, а ты за ним по миру шастаешь. Думал плироду на коне объехать, урвать поболе, а она тебя обошла. Пой теперя лазаря всякому встречно-поперечному... Бога благодари, что на меня напал, а то бы итить тебе заместо фуража под тифозную вошь...

М и х е й. Так вывезешь?

С т а р и ч о к. Вывезу. Только уговор: в крайний раз из дому идешь. Заработаешь — ворочайся и боле уж дале своего куреня носу не высывай. Не ищи от своего добра — чужого. Все оно не прибудет, только убавится.

М и х е й. Отец родной!

С т а р и ч о к. «Отец!» Сказал — не подумамши. Был бы я тебе отец, ты бы у меня на задницу до Покрова не сел. Стронули вас ироды, вот вы и мечетесь... Тащи еще пару!

М и х е й. Да хоть пять, папашка! (*Бросается к стойке. Возможность выбраться из города, плотно окольцованного санитарными кордонами, удваивает его услужливость.*) Уж ты прости меня, дедок, за Бога ради, сечь некому.

С т а р и ч о к. Бог и простит.

М и х е й. Пей, дед, ангельский ты человек.

С т а р и ч о к. Благодарствую. Садись, слушай...

С л е п о й (*поет*). Давай же, брательник, поплачем

Над горькою нашей судьбой...

Крохотная каморка исполкомовского конюха. За колченогим столом друг против друга Старичок и Михай.

С т а р и ч о к (*заканчивая речь*). Вник? Ты не смотри, что у меня виду нету. И смеюсь я завсегда не от своей райской жизни. Слезой душа исходит, гляючи на всеобщий разор и столпотворение. Куда только несет нашу матушку-Рассею! В самые, видать, тартарары. Мне чего, я отжил. Вас, сосунков, жальчее всего. За что вы только муки эти всевозможные принимаете! Отцовская шкода, а у детей чубы трещат.

М и х е й (*простодушно*). Век, отец, помнить буду. Сгинул бы я тут не за грош без тебя. Дай тебе Бог того, чего хочется.

С т а р и ч о к. А чего мне хочется, то и без твоих молений совершится. Не попустит Господь такого поругания

над православной верой. *(Одним рывком вынимает из-за пазухи сверток, разворачивает.)* На, смотри... Вот они все три — один к одному казаки. Всех вырубил ироды, как спелый колос на корню. Старший уж до подхорунжего дошел... Ироды! Только не век боговать растоварищу Савчуку, дай срок, своими вот этими сокращу, прости меня, Господи, грешного... Вот я и говорю: чего тебе по земле шастать, доли искать, когда вся доля-то твоя — дома. Я бы вот, к примеру, чтобы хучь помереть в родном курене... Только нету у меня его, куреня-то. Был да весь вышел. Все под гребло. И самого изжили, ироды!

М и х е й. За что, батя?

С т а р и ч о к. За что! Да за все: за верность мою царю и отечеству, за то, что Господа Бога почитал, за то, что надел свой, потом политый, с оружием супротив них, басурманов, боронил... Ах, Боже ж ты мой праведный! *(Источаемый раздражением, бежит по комнатушке.)* Да хучь бы за то, что глаза мои для них не того цвета... А ты говоришь: «за что»?

М и х е й. А сейчас как — ничего, не трогают?

С т а р и ч о к. А что я сейчас? Нуль. Дядька Ильюха до старости щанок. У идиоловой кобылы хвост скребу. Только дай срок, попустим кровя растоварищу Савчуку... И какую попустим. И не тебе первому я об этом говорю, не боюсь. Не резон вам меня продать, соси посла лапу в карантине. Вот и неси, хоть не хошь, слово мое по Рассее вместе с тифозной вошью.

М и х е й. Облегчаешься, значит? Не с кем больше?

С т а р и ч о к. А с кем, с Савчуком, что ли? Он тебя враз облегчит на цельную голову, а то и с обоих сторон.

М и х е й. А Бог-то как же, батя?

С т а р и ч о к. А это, брат, не твоя забота, это моя с Ним забота... Вот так-то... Пошли...

Михей и Старичок на просцениуме. Вдалеке слышится шум моря.

С т а р и ч о к. Ну, вот. Жми, брат, на все четыре. Не воротись ты до дома, знаю. Не ты первый, не ты последний. Уговаривай тебя, не уговаривай — плирода свое возьмет. Корень из вас людской выдернули, а без корня душа, будто перекасти, с любым ветром катится... Ступай себе...

М и х е й. Слушай, батя...

Старичок. Ступай, ступай. *(Уж не просит, а скорее стонет.)* Непутевый...

Берег моря. Под навес рыбацкой времянки входит Михай.

Михей. Кто тут живой есть?

Появляется Женщина.

Женщина. Чего тебе?

Михей. А где все?

Женщина. В карантине.

Михей. Застряли?

Женщина. Да.

Михей. А что ты у них делаешь?

Женщина. Стряпаю.

Михей. А сейчас?

Женщина. Жду.

Михей. Их?

Женщина. Да.

Михей. До Карадага далеко?

Женщина. Пеше два дня.

Михей. А как еще?

Женщина. Морем.

Михей. Как?

Женщина. На лодке.

Михей. Долго?

Женщина. К ночи будешь.

Михей. А где лодки?

Женщина. Бери любую.

Михей. Жару пережду.

Женщина. Пережди.

Михей. Да, мать, с тобой не заскучаешь. И откуда ты только такая разговорчивая.

Женщина. Откуда все.

Михей. А все откуда?

Женщина. Из земли.

Михей. Все знаешь?

Женщина. На то есть Писание. *(Закрывает глаза, читает.)* «Из земли вышли, в землю войдете вы...»

Михей. Так... Поесть найдется?

Женщина. Кулеш станешь? *(Быстро и споро растилает перед ним мешковину, разделявает снесь.)*

Михей *(занятый едой)*. Не скушно?

Женщина. Скушно.

М и х е й. Чего не уходишь?

Ж е н щ и н а. Как?

М и х е й. Морем.

Ж е н щ и н а. Возьмешь?

М и х е й. Возьму.

Ж е н щ и н а. Спасибо.

М и х е й. За спасибо, знаешь...

Ж е н щ и н а. Чего ж тебе?

М и х е й. Сама знаешь. Я от своей с месяц, как ушел. Тоже, небось, одна не сохнет. *(Он кладет ей руку на плечо, и она покорно, под медленным нажимом его руки, ложится.)* Вот так...

Идет затемнение под шум моря. Потом из темноты снова та же сцена, но женщина спит. Михай поднимается. Оглядывается. И тихо уходит. И снова темнота и шум моря.

О т а в т о р а. Не забывай об этом, Михай Савельич, не забывай!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Обстановка та же. Но дом как бы осяян сквозным солнечным утром. За столом К л а в д и я потчует своего младшего — С е м е н а. В отличие от вчерашнего вечера все в ней празднично преображено: лицо, фигура и даже, кажется, самая походка. Семен наоборот — воплощение рассудительности и долга.

К л а в д и я *(весело, суетится вокруг сына)*. Там у вас, Сема, строго небось, не побалуешь? Одно слово — се-ми-на-ри-я.

С е м е н. Ах, мама, вы меня все ребенком считаете, а я да-а-вно взрослый. Какое же, мама, баловство, когда мы в наставники пастве готовимся, слово Божье понесем людям. Каждый из нас в книгах по уши, вздохнуть некогда... И все-таки, мама, я доволен. Знаете, иногда подумаю, что судьба моя могла быть иной, и мне становится страшно. Делать что-то светское, когда кругом столько сырых, и страждущих, и нищих духом...

К л а в д и я. Так ведь, Семушка, блаженны...

С е м е н. Нет, мама, неверно такое уничижительное толкование Евангелия. Господь создал человека по Своему облику и подобию не с тем, чтобы тот смирился перед страхом бытия. И раз «по Своему образу и подобию», значит, равным Себе. И от самого человека зависит лишь

найти и взрастить в себе Божье начало. Нищета нищете рознь, как и смирение смирению. Духом жив человек. Дух отличает его от любой другой твари. Смирение приемлется христианином как самопожертвование ради ближнего, а не как унижение перед властью имущим. И если человек не поймет этих простых истин, он всегда, во все века, остается игрушкой в руках честолюбцев, обуянных дьяволом крови и корысти. Каждый должен возвышаться до Бога, приобщиться Его истин и, только усвоив их, смирить свой дух — не дать произрасти в себе самому тяжкому греху — гордыне. А духовная нищета червей — только производное рабства.

К л а в д и я. Умница ты у меня, Семушка.

С е м е н (*воодушевляясь*). Человек постепенно теряет, рассеивает душу, разрушается как образ и подобие Божье, а значит — как личность. Бог — это начало и конец всего сущего, поэтому, теряя Бога, то есть это начало, человек теряет себя. Долг церкви — воспрепятствовать этому. Хватит вещать с амвонов о предопределении! Господь дал человеку душу, и человек обязан распорядиться этим даром. Учение о равенстве перед Богом извращено. А в мирском, материалистическом применении доведено до животного абсурда. Церковь должна возвестить равенство в Нем, а не перед Ним. Проникнись Его истиной — и ты станешь равен Ему. Если же ты пришел в мир, чтобы только насытить плоть, ты ничего не достоин, и нищета духа твоего лишь результат твоей животности, и ты способствуешь только угасанию жизни. И поэтому хватит «с миром»! «С мечом»! И только «с мечом»!.. Вот так, мама!

К л а в д и я. Так я что, я не сужу. Раз тебе хорошо, мне — вдвое. Ты ешь, ешь, Семушка, ешь... Как в гостях ни хорошо, а дома все одно лучше.

С е м е н (*рассудительно*). А вот это, мама, грех: обитель моя — дом мой, вот у вас я действительно в гостях. Помните Евангелие: «И отца не зовите на земли: един бо есть Отец ваш, иже на небесах».

К л а в д и я (*одними губами*). А помнишь ли отца-то, Семушка?

С е м е н (*глухо*). Да простится ему, бил сильно.

К л а в д и я. Так ведь, Семушка, не приедешь — не пожалеешь. На то он и отец.

С е м е н (*еще глуше*). «Не суди, да не судим бу-

деши». Не мне родителя своего судить, мама. Бог ему судья.

К л а в д и я. Вот и хорошо, сынок, уж как и хорошо... Ешь, милый, ешь... Скоро и Паша с мужем — Алексеем Ивановичем — спустятся, и Андрюша придет... Он нынче у нас ночует во времянке...

С е м е н. Пьет, мама?

К л а в д и я (*вдруг как бы увядает, опускается на стул*). Пьет, Сема.

С е м е н. Вы не подумайте, мама, я не осуждаю. Я его жалею... Ведь он у нас в семье самый умный... И добрый...

Возня в сених. И через минуту на пороге появляется И л ь и н и ч н а.

И л ь и н и ч н а. Здорово живете, люди добрые... А я и смотрю, быдто прошел кто мимо изгороди... Здравствуй, Семушка, святой человек.

С е м е н (*поднимаясь, кланяется*). Здравствуйте, тетя Даша, вашими молитвами!

И л ь и н и ч н а. Наши-то молитвы, Семушко, до Бога не доходят, грешны слишком. Уж ты за нас за всех поусердствуй. От твоей чистоты, ласки твоей Ему да не услышать!

К л а в д и я (*суровая*). Садись, не мели. Поешь, чем Бог...

И л ь и н и ч н а. Поклюю маленько, поклюю, подружка. А то после вчерашнего-то кость ломит что-то. В гости, значит, Семушко? Добро, мать надо почитать. Мать она есть мать.

С е м е н. Ах, тетя Даша, тетя Даша: «Кто есть мати Моя, и кто суть братия Моя? И простер руку Свою на ученики Своя, рече: се мати Моя, и братия Моя, иже бо аще сотворит волю Отца Моего, иже есть на небесах, той брат Мой, и сестра, и мати Ми есть».

И л ь и н и ч н а. Батюшки! Душа ты моя ангельская, какие премудрости постиг. Семушко! Тебе идти да идти, а нам сирым смотреть на тебя да радоваться!

С е м е н (*польщенно*). Стараюсь, тетя Даша...

К л а в д и я. Дай, старая, поесть парню. Язык твой впереди тебя бежит... Ешь, Сема, ешь, родимый.

И л ь и н и ч н а. В кои-то веки с умным человеком поговорить привелось и то не дадут... Ладно, ладно — молчу... (*Тихо Клавдии.*) Договорились со своими-то?

К л а в д и я. Об чем?

И л ь и н и ч н а. Быдто и невдомек. Да все об том же — об Михее.

К л а в д и я. Не тебе сюда встрывать.

И л ь и н и ч н а. Это почему же? И нам, прости меня, Господи, грешную, от его мужеских щедрот достало... Орел был мужик, право слово, орел!

К л а в д и я. Одной ногой на погосте, а все срам на уме. Парня хоть постыдилась бы!

И л ь и н и ч н а. А он — святая душа, ему наши грешные тары-бары — ничто. Ай досе ревнуешь?

К л а в д и я. Не мели, говорю.

И л ь и н и ч н а (*встает и, как бы невзначай, направляется к двери, ведущей в смежную комнату*). Давно мы с тобой, Клавдюшка, в светелочке твоей не сиживали, не гадывали на бубнового...

К л а в д и я (*встает между ней и дверью*). Отгадали мы свое, старая... Садись, чай подам сейчас.

И л ь и н и ч н а (*вплотную подходит к ней*). А может, погадаем?.. На бубнового? Вдруг выпадет, а?

К л а в д и я (*наступая, теснит ее к столу*). Успеется, день длинен...

Сверху спускается Алексей Иванович. Он молча кивает всем сразу и так же молча садится за стол. Легкой тенью соскальзывает вслед за ним П а ш а и пристраивается рядом с мужем.

П а ш а (*обыденно*). Здравствуй, Сема. Надолго к нам?

С е м е н. Здравствуйте, сестрица. Здоровы ли?

П а ш а. А чего мне, Сема! Да и некогда болеть-то, работа.

С е м е н. Славно тут у вас... Тихо... Без суеты живут люди.

П а ш а. А куда спешить-то, Сема, в любую сторону пойдн, кругом — море.

Разговор между ними проходит под звон посуды, расставляемой Клавдией по раз и навсегда заведенному порядку. Входит А н д р е й.

А н д р е й (*вяло*). Общее здрасте! (*Идет к столу, садится*.) Мать, чайку бы, и покрепче. (*Семену*.) И ты уже тут. (*Клавдии*.) Нет, как говорится, мать, на тебя карантину.

К л а в д и я (*Ильиничне*). Вот что, кума, подымись, приברי у молодых.

Ильинична. Беспартийных, значит, попросим выйтить вон. *(Поднимается по лестнице.)* А я уж, дура, думала, что за родню у вас прижилась.

Андрей. Зря, все-таки, мать, ты и младенца сюда припутываешь.

Клавдия. Все, так все.

Семен. А вы и не рады мне, братец?

Андрей. Уж так рад, так рад, хоть пляши. Чего только ты сам-то здесь не видел?

Семен. Зачем вы так, братец?

Андрей. Вот поживи, ваше преподобие, в доме этом денек-другой, тебе вскорости определят, что здесь к чему.

Алексей Иванович *(ударяет кулаком по столу)*. Хватит! Здесь не пивная, а семейный дом! Веди себя по-человечески!

Клавдия. Андрей, не срами мать.

Андрей. Молчу... И вообще мне на все это плевать: приедет — не приедет...

Алексей Иванович. Тебе что, с тебя спрос невелик: попрут из одной районки, в другую подашься. А из меня душу вытряхнут, я в органах работаю.

Андрей. Моральный кодекс под свою демагогию подводишь.

Алексей Иванович. А ты сам-то знаешь, кто он такой, чем занимался все годы эти? Какая у него изнанка, знаешь?

Андрей. А мне и на это плевать. Должен же человек под старость где-то, так сказать, голову преклонить. Так почему бы и не здесь?

Алексей Иванович. Ты поставь себя на мое место!

Андрей. Подумаешь, великая должность: начальник детской комнаты. Коли уж такая тяга к малолеткам, так у нас сейчас голод на ясельных работников. С руками оторвут. Могу рекомендацию дать: у меня там связи. *(Усмехается.)* Среди медперсонала.

Алексей Иванович *(багровеет)*. Ты соображаешь, что говоришь! Ты на что руку поднимаешь? Ты кого дискредитируешь?

Андрей. Не пускай пузыри, не страшно. Тебе он никто, а мне, какой ни есть, но отец.

Алексей Иванович. Водку пить научил, вот и весь вклад его в твоё воспитание...

Андрей. Не хочу устраивать базара, а то бы я высказал тебе, гражданин начальник, пару-другую мыслишек вперемежку с классическим мордобоем.

Алексей Иванович (*наступает на него*). Угрожаешь? Кому угрожаешь? Мы не таких скручивали.

Андрей (*напрягаясь, словно перед ударом*). Кто это — «мы»?

Алексей Иванович (*подступает к нему вплотную*). Дай-ка я тебя, голубок, пощупаю, сколько ты стоишь?

Андрей (*с тихим бешенством цедит ему в лицо*). Ударь же, начальник, или духу не хватает?.. Презираю я твою благополучную сытую рожу, убожество твоё человеческое. Ходишь по свету, словно по заданию самого Господа Бога...

Семен (*испуганно*). Зачем же имя Господне, так — все?..

Андрей (*отмахивается*). А, заткнись! Тоже мне Франциск Африканский! (*Снова Алексею Ивановичу.*) Ты учился чему-нибудь, кроме «тащить и не пущать»? Или, может, тебе льгота какая против других от рождения определена? Или индульгенция на суд и отпущение от самого папы римского? Тогда бей, начальник, отводи душу!

Алексей Иванович. Не духарись, мы не таких скручивали.

Андрей. Кто это — «мы»?

Алексей Иванович (*жестко*). Власть.

Андрей. Если такие, как ты, «власть», то плевал я на эту власть с самой высокой колокольни.

Алексей Иванович. А ну повтори, что ты сказал?

Андрей. Как же я ненавижу тебя, гнида в погонах, и всех вас, кому дано право безнаказанно наступать мне на горло! Кто вы такие? Откуда? Какая тьма породила вас на горе и поругание России? Когда же вы, наконец, сгинете с лица земли и дадите людям вздохнуть спокойно?

Алексей Иванович (*тянется к нему*). Что? Что ты сказал?

Клавдия (*встает между ними и сразу оказывается*

во главе стола). Хватит! (Алексеем Ивановичем). Ночь дадена была. Надумали?

Алексей Иванович (остывая, отворачивается). Я — против. Не знал я его и знать не имею желаний.

Клавдия (Паше). Ты?

Паша. Я, как Леша.

Клавдия (Семену). Что скажешь?

Семен (робко). Отец ведь...

Клавдия (Андрею). Вот теперь и говори.

Андрей. Один слово людское сказал, и тот без пяти минут поп... Пусть едет, не по миру же ему идти.

Алексей Иванович. Если примете, мы уйдем.

Паша (с неожиданной горячностью). Разве не сами вы мне рассказывали, мама, как он, когда мной вам уже разрешаться было, бил вас во дворе, на снегу? Ногами бил! Голую! В живот! А как, чуть не всю жизнь, в людях прятались от пьяных глаз его? А как последнее из дому на толкучку несли? А как...

Клавдия. А это не ваш — мой спрос.

Паша. А пьянство Андреево? Не он ли сызмалу спаивал?

Андрей. Ну это я, положим, самостоятельно...

Паша. Молчи!.. В лагерь нас к нему на показ возили: может, увидит, образумится. Домой придет, за ум возьмется. А он глядеть-то глядел, даже по головкам гладил, передачи ел, что по крохам ему везли, а лишь срок вышел, только его и видели. Да и за что сидел-то, сказать стыдно. Люди воевали, а он...

Клавдия. Очнись, Пелагея, подумай, потом говори!

Паша. Всю жизнь молчу. Да и жизни-то не было, одно молчание: «Паша у нас тихоня», «Паша у нас безответная», только надо ж было и мне когда-то рот открыть. Вот я и открыла. И теперь уж не замолчу!.. Разве Семену в семинарии место? Кто ж его в убогость эту загнал? (Утыкается в плечо мужу.) Кто?

Клавдия (кладет руку Семену на голову). Ты, Сема, на нее не обижайся, любит очень она тебя, вот и говорит в сердцах лишнее.

Семен. Что вы, мама! Разве «убогий» это плохо? У Бога я, значит, а это уж чего лучше.

Андрей. Раскаяться тебе, Семен, в своих заблуж-

дениях, я бы тебя в «Блокнот агитатора» запросто устроил, больно убедительно трактуешь. Аж слеза прошибает.

К л а в д и я. Не с отца вам спрашивать, он вам больше дал — жизнь.

А н д р е й (*вздыхает*). Тяжелая работа — по себе знаю.

А л е к с е й И в а н о в и ч. Да уж, действительно, Клавдия Степановна, скажете тоже — «жизнь». Не тот родитель, говорят, что породил, а тот, кто вырастил.

А н д р е й. Не семейный разговор, а вечер афоризмов.

К л а в д и я. Вот что я вам, дети мои, скажу...

По лестнице с ведром и с тряпкой спускается И л ь и н и ч н а.

А л е к с е й И в а н о в и ч (*встает вместе с Пашей*). Начинается... Я, в общем, свое слово сказал. И Паша — тоже... Вот... Пошли, Паша.

Уходят.

А н д р е й (*вслед им*). Скатертью... (*Ильиничне*). Прешь, старая, на хлебный постой? (*Кивает в сторону Семена*.) По собеседнику соскучилась? Давай, давай! А то я, признаться, подустал уже от твоего трепа.

К л а в д и я (*Ильиничне*). Есть будешь?

И л ь и н и ч н а. Нет, Клавушка, я уж лучше сначала у тебя приберу. (*Снова направляется к двери в смежную комнату*). Аппетиту нагуляю.

К л а в д и я (*встает между ней и дверью*). Там у меня прибрано. (*Закрывает дверь на ключ и прячет его в карман передника*.) Сходи-ка лучше времянку освежи: вчера была, в палец пыли на окнах.

И л ь и н и ч н а (*громко стуча ведром, идет к выходу*). Мне что, мне все одно, где ворочать, только что это ты, Клавушка, вроде как с лица упала... К чему бы это?

К л а в д и я (*подходит к столу*). Иди, иди, не мели.

Ильинична выходит.

А н д р е й (*встает*). Пошел я, мать. Загляну как-нибудь. И вот что я еще хотел сказать тебе... (*Мнется*.) Городил я здесь не то... Просто захотелось мне позлить этого борова... Но в общем я, как говорят, и целом тоже против. Не хочу, ради тебя не хочу! И, коли придет, убью я его,

вот что. (*С наигранным вызовом, Семену.*) Бывай, Божий одуванчик! Помолись за мою душу грешную.

Выходит.

Семен (*вслед ему, серьезно и тихо*). Помолюсь, братец. (*Приникает к матери.*) За что они его все так, мама, за что?

К л а в д и я (*глядит его по голове*).

Летела пава через улицу,
Ронила пава павино перо.
Мне не жаль пера,
Жаль мне павушки,
Ой, мне жаль молодца, —
Один сын у отца,
Один сын у отца —
Добрый молодец.

Вещий гул моря, все нарастая, заполняет собой затемнение.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ _

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Крыльцо дома. Напротив угол другого. Первые сумерки. Шум близкого моря. К л а в д и я сидит на крыльце, только что оставив вязанье.

О т а в т о р а (*на фоне моря*). Сидя сейчас на крыльце, Клавдия силилась уяснить для себя, что с нею? Неужели то, что она почти тридцать пять лет лепила в одиночку, дало трещину? Когда? Где? Она вопросительно вслушивалась в тревожные шорохи моря, и ей начинало казаться, что оно, разрушая берег, подбирается под самое ее существование.

Из открытых окон соседнего дома раздается рев запущенной на всю катушку радиолы:

«Так ликуй и вершись
В трубных звуках весеннего гимна.
Я люблю тебя, жизнь, и надеюсь,
Что это взаимно».

М и х е й (*выглядывая осторожно из-за косяка двери*). Что это?

К л а в д и я (*усмехается*). Братенек твой изгаляется. Спи...

Михей. На свет бы мне, я бы его мигом в чувство привел.

Клавдия *(тревожно)*. Иди, говорю! Не ровен час...

Михей скрывается в доме. Из соседнего дома показывается пьяный Прохор в одном исподнем.

Прохор *(с топором в руке)*. Слышала? Импортный! И еще два про запас... И «Темп»!.. Одних ковров болгарских пять!.. И в загашнике шевелится! И не в хибаре, вроде твоей, обитаю — в доме о пяти стенках!.. Вот так люди живут, по тюрьмам не шляют!.. Стерьва!

Клавдия. Ну и живи с «Темпом». От него тебе, видать, теплее.

Прохор. Нос воротишь? Гусь свинье не товарищ?.. Не в ту сторону смотрела вовремя. Перешел мне братенек дорогу, а ты и позарилась: король! Вот и обсасывала всю жизнь десятый кол без соли. Где он теперь, король твой? А я и взаправду кум королю — трудовой народ. Мы всех эдаких, как Михейка твой, к ногтю...

Он зло поднимает кол из-под порога своего дома и спешит в глубь двора. Но дорогу ему заступает жена его, Настасья.

Настасья. Сапоги бы хоть одел, Проша, простынешь... И что она далась тебе, эта сараюшка... Ползет и пускай ее...

Прохор *(отмахивается от нее, грозит в сторону моря)*... Твоего бога мать, жизни нет! Заела век, прорва, за что?.. А ты отойди, падла *(оборачивается, замахивается на жену)*. Не ной под руку, халява! Убью, морда!

Настасья. Да ведь застраховано все, Прохор Савельич! Не терзай ты себя, Бога ради, не изводись. Не пропадет наша копейка, за все сполна вернем...

Прохор *(озвереваясь)*. Положил я с прибором на твою страховку! Моя земля! И добро мое! И сарай мой! Налоги плачу? Плачу. Пусть дамбу ставят, сукины дети! Куда мои кровные идут? На культурную мероприятие? Не желаю! У меня этой самой культуренции, своей — полна хата. Братишкам заводы ставим. «Хинди-руси, бхай, бхай»? А мне начхать на Насера! Пускай сам себя кабелирует, а мне от евонного света ни жарко, ни холодно! Паразиты! Всю кровь выпили!

Настасья *(прикрывает ему дорогу к морю)*. Опомнись, Проша!.. Кормилец!..

Прохор (*еще больше распаяясь*). Уйди, курва! Не дам! Мое добро! Никому не дам!.. Что, раз она вода, так на нее и управы нет!.. Не да-ам!..

Настасья. Ратуйте, люди добрые!

Прохор. Уйди, говорю!

Настасья. Проша!

Прохор. Убью-ю!

Появляется модно одетая Анна. Ее появление вызывает в Прохоре еще большую злость. Он сплевывает в сердцах и скрывается в сторону моря.

Анна (*в сторону исчезнувшего Прохора*). Что это он?

Клавдия (*усмехается*). Сараяшка его под берег оползает. Для него убыток...

Анна. Здравствуйте... Я не знала... Там открыто... Я и вошла...

Клавдия. А вошла, так и садись... И... здравствуй.

Анна. Я — Анна! Может, Андрей говорил вам?

Клавдия. Нет, не говорил. Только я и без него знаю... Ну, так что скажешь?

Анна. Собственно, сказать мне вам нечего. Просто захотелось посмотреть на вас: какая вы? И, может быть, потом — поговорить.

Клавдия. Это значит, коли понравлюсь?

Анна. Слово не совсем точное, но по смыслу вроде того.

Клавдия. Ну и как?

Анна. Я еще не разглядела.

Клавдия. Однако женщина ты, видно, с характером.

Анна. Скорее, как это говорят, с норовом.

Клавдия (*усмехается*). С норовом? А с одним мужиком справиться не можешь?

Анна. А зачем?

Клавдия. Не любишь?

Анна. Люблю, только я не укротительница, и мне прирученный лев ни к чему: я сама с зубами и за себя постоять сумею. Закурить у вас можно?

Клавдия. Кури, коли охота, только к чему это бабе? Облегченья никакого, одна муть в голове.

Анна. Пробовали?

Клавдия. Пробовала. Все я, девонька, пробовала.

И курила, и пила, и каялась, и сызнова грешила. Самую себя в грехе не утопишь, растрaviшь только пуще... Давно не был?

А н н а. Вторую неделю. Я знаю, он у вас был.

К л а в д и я. А я и не скрываю.

А н н а. Вспоминал?

К л а в д и я. Нет.

А н н а (*курит, ходит по комнате*). Ну конечно, не до меня, мировая скорбь сдается.

К л а в д и я. Что у вас с ним?

А н н а. А я и сама не разберусь. Если это любовь, то нелюдская какая-то. Как врозь, так хоть в петлю, а сойдемся, словно кошка с собакой.

К л а в д и я. В отца. Тоже все гадает, все прикидывает: вдруг не та, вдруг лучше пропущу. Поищет, поищет, потом посмотрит — нету лучше? — и вернется, с повинной вернется. Это ты уж мне поверь.

А н н а. Да сколько же мне ждать его! Да и стоит ли? После всех-то?

К л а в д и я. Я себя, голубушка, не спрашивала: стоит ли? Сразу, с первого взгляда знала: стоит! Одного ожидания этого самого стоит. Королевичей много по свету ходит, а Бова у бабы один. Обласканный ли, обруганный: целый ли, битый, все равно — один... А коли ты еще о том спрашиваешь, скажу, хоть и сын он мне, не стоит.

А н н а. Не так вы меня поняли. Для него стоит ли? Вот в чем вопрос, как говорят. Для себя-то я давно решила... Что ж мне скрывать от вас, много их у меня «королевичей» было... Пожила, можно сказать... Только Бовы не было... А если уж и Андрей не Бова, тогда мне и жить незачем...

К л а в д и я (*в полузабыты*). Господи! Когда повстречала я в первый раз Михея, и все думы мои, все сомнения разные девические дымом пошли. Так ясно, так легко на душе стало, словно и жить-то я раньше не жила, дышать-то не дышала. Видела до того, к примеру, дерево, думала, дерево и есть, только оно вдруг для меня листиком всяким, былинкой, затрепетало. И у речки — всякая струя в отдельности. И лицо любое, какое ни возьми, — с особиной. А как вел он меня слободой, так словно не шла я — плыла. А под венцом стояла, чудилось — вот-вот песнею в воздухе изойду. И ничего черного не помню. Не хочу помнить, и все тут!

А н н а. Легко же вам жить на свете.

К л а в д и я. Тебе мою жизнь — не снесла бы. А мне и вправду легко было. Коли на сердце праздники помнятся, тогда любая тяжесть легкая.

А н н а (*пронзительно*). А если и не случилось у меня праздников-то? Одни будни!

Показывается А н д р е й. Он устойчиво и глухо пьян.

А н д р е й. Привет, мать! (*Заметив Анну.*) Чуткое сердце мое подсказывало мне, что вы здесь, мадам... По какому такому случаю, позвольте вас спросить?

К л а в д и я. Я позвала. И потом, ты к матери пришел, а не в кабак, кепкуними... И сядь.

А н д р е й (*садится*). Это что, заговор обреченных? Следствие по делу Карамазова? Раскольников и другие?

К л а в д и я. Больше у нас и говорить не об чем! Чаевничать вот с Аннушкой собирались. Я сейчас.

К л а в д и я уходит.

А н н а. Мать твоя сказала неправду: я пришла сама.

А н д р е й. Разозлить хочешь? Так вот: мне все равно. Плевать то есть. Понятно?

А н н а. Не накручивай себя понапрасну, Андрей, я ведь не навязываться пришла. Давай по-людски.

А н д р е й (*вскакивает*). Хватит! «По-людски!» А я не хочу, слышишь, не хочу! Все, кому не лень, учат: «Живи по-человечески», «делай, как все», «равняйся на соседа». А что это значит: «как все»? Почему я должен «как все»? Что это за образец такой, что за форма? С бабой живешь — в загс иди, пить хочешь — дома пей, у соседа двое штанов — и ты не отставай!.. Праздник — пой, будни — молчи. А может, мне и пьется-то и поется только по будним дням, а от одного вида дуры в фате меня с души воротит. Тогда что? Не желаю иметь специально праздничных порток и говорить о них в теплом домашнем кругу! Первая встречная пропитая рожа мне во сто крат милее и дороже любого самого близкого родственника.

Входит К л а в д и я.

К л а в д и я. И матери тоже?

А н д р е й. Нет, мать, полемиста из тебя не выйдет: пользуешься запрещенными приемами. И потом, переводить любую абстракцию в личную плоскость!

А н н а. Сам ты бьешь наотмашь, не глядя куда.

А н д р е й. Простите, не заметил.

А н н а. Бьешь и проходишь мимо. Некогда тебе, Андрей, замечать ударенных, ты собой занят. Собой, свою выдуманной бедой, свою болью. А все это оттого, что не можешь ты найти в себе мужество смириться с собственной ординарностью. Ты, милый, типичный провинциальный химерист в ухудшенном современном переиздании. На самоубийство тебя не хватит, а «как все» гонор жить не позволяет, так что выход один, причем самый безболезненный — кабак.

А н д р е й. Ты хочешь, чтобы я спорил, негодовал, доказывал? Творческая, так сказать, провокация. Только я не подопытный кролик: не клюну!

Неслышной тенью у крыльца обозначается И л ь и н и ч н а.

И л ь и н и ч н а. А я и смотрю, быдто...

К л а в д и я. Садись уж... гляделка...

А н д р е й. Ты, карга, всегда вовремя. Не иначе как с потусторонними силами связь имеешь.

И л ь и н и ч н а. Господь с тобой, Андреюшко, какая связь, мне летось на седьмой десяток перевалило. (*Пристально рассматривает Анну.*) Это у вас, молодых, одно на уме...

К л а в д и я. Это Аннушка, невестка моя новая... Люби и жалуй.

А н д р е й. Без меня меня женишь, мать.

И л ь и н и ч н а. Пора бы уж, Андреюшко. До коих пор пивные считать. Встань на постой, детишек разведи... У такой-то девки они здоровы да справны будут... А я в крестные попрошусь.

А н д р е й (*встает, потягивается, зевая*). Не хватает мне только ведьмы в свояченицах... Сосну я у тебя, мать, по старой памяти под образами великомучеников. (*Идет к двери.*) Покедова! (*Клавдия порывается ему наперерез, но тот уже распахивает дверь.*) Тьма тараканья. (*Нащупывает выключатель, щелкает.*) Лампочки, что ли, лишней жалеешь, мать?

К л а в д и я (*обеспокоенно опускается*). Перегорела... Шел бы ты во времянку... Что в эдакую-то жару в доме преть.

А н д р е й. Пожалуй. (*Прикрывает дверь, идет и по*

дороге сталкивается лицом к лицу с входящими Алексеем Ивановичем и Пашей.) Оркестр, туш!

Алексей Иванович (проходя мимо него).
Клоун! (Всем на ходу.) Здравствуйте.

Паша (сухо, всем). Здравствуйте.

Поднимается на крыльцо.

Клавдия. А ужинать?

Алексей Иванович (на ходу). Мы уже...
В чайной...

Паша. Спасибо, мама.

Скрываются в своей комнате.

Андрей. Демонстрация, мать. В знак протеста. Не хватает только транспаранта... «Работы! Хлеба!» По всем правилам разыгрывает. А впрочем, ну вас всех к дьяволу!

Уходит.

Ильинична. Какая только вас всех нонче муха укусила, ума не приложу.

Анна (встает). Вот и поговорили. Не вовремя я... Впрочем, я всегда не вовремя. (Роется в сумке, достает деньги.) Проснется, отдайте, пусть выпьет. Все равно утром по городу унижаться пойдет.

Клавдия. Погоди, девонька. (Ильиничне.) Подика постели Андрею, а то он спяну и так ляжет.

Ильинична (идет к выходу). Почитай сорок лет окно в окно без секретов жили...

Уходит.

Клавдия. Не с пустым интересом пришла ты ко мне, Анна. Такие, вроде тебя, по-пустому не любопытствуют. Не таись.

Анна (глядя в пространство). Хотелось посмотреть, какова бабка у моего первенца будет.

Клавдия (вдруг теряет всю свою суровую осанку, обмякает и делает шаг к Анне). Неужто вправду сподобилась я... Милая ты моя... Анна... Аннушка...

Рожденный мгновением порыв бросает женщин друг к другу. И вот уже, крепко обнявшись посреди комнаты, они плачут, плачут по-бабьи, навзрыд, облегченно и очищающе.

От автора. Слова по ту сторону двери вот уже второй день заставляли его заново и заново переживать все, что он жадно хотел вычеркнуть из своей жизни и забыть. И в этой их неотвратимости таилось для него какое-то обязательное и жестокое предопределение. Миновать которое ему было не дано. И у всех в комнате за дверью не теплилось к нему ни жалости, ни снисхождения... Тогда почему же каждое случайно оброненное худое слово и всякий случайный, вгорячах сделанный шаг, так больно и горько аукается ему сейчас, когда он впервые, наверное, в жизни почувствовал было себя свободным от прошлых грехов.

Его второй сон

Лес ранней осени сорок первого года. Слышится далекая канонада. Из лесу к землянке выходит М и х е й с раненым товарищем на плечах. Осторожно опускает его на траву. Из землянки показывается давно небритый М у ж и к.

М и х е й. Ты кто?

М у ж и к. Не видишь — человек.

М и х е й. Вижу. А какой?

М у ж и к. Сам по себе.

М и х е й. А что сидишь тут?

М у ж и к. А то и сижу, что сам по себе. Пусть колготят. Поколготят, поколготят, перестанут. А я посижу. Я Божий человек: мне мало надо.

Р а н е н ы й (*бредит*). Ты мне, тетя, ледку бы с погребца на опохмелку... Куда бы, как хорошо!.. И рассол — он тоже помогает... А жена? Какая жена? И нету у меня никакой жены вовсе... Куда она мне... Сам с воды на хлебушек... И молодой опять же...

М у ж и к. Шли бы вы от греха своей дорогой. Здесь сторожка... Здесь раз — и нету.

М и х е й. Я-то, мотя, пойду, а этого тебе на память оставлю, не обессудь.

М у ж и к. Да ты что, мил-человек, имей Бога! Куды ж он мне, самому бы протянуть.

М и х е й. А это уж твоя забота, мотя. Ты же человек Божий. Да и помрет он скоро, думаю, так что всей и работы, что схоронить.

М у ж и к. И ни-ни! Я, говорю, — сам по себе...

Р а н е н ы й (*бредит*). Не ходи, не ходи, застукают...

Там кругом — немцы. Бери левее, браток... Еще левее...

М и х е й. И вот что, мотя, одолжи мне свой пиджачок и тряпочки поносить: кончится эта заварушка, наведывайся — отдам.

М у ж и к *(шарахается от него)*. Да ты что, малый, имей совесть.

М и х е й. Хотел у тебя занять, да тоже, вроде, нету. Давай, давай, сбрасывай... Или по-хорошему попросить?

М у ж и к. Да что же это, Господи? Сидит себе человек, никому не мешает, а ему грозят: скидывай. А по какому такому праву?

М и х е й. А по праву — вот этот *(показывает ему кулак)* видишь? Дам раз, и пиши Господу.

М у ж и к. Бога на тебе нету.

М и х е й. А ну, падалы!..

М у ж и к *(начинает раздеваться)*. Порты-то оставишь?

М и х е й. И порты... И лапти тоже снимай...

М у ж и к. Поимей совесть... Снег близко — смерзну...

М и х е й. Мое бери... Новое...

М у ж и к *(уже в одном исподнем шарохаается от него)*. Куда я с твоим-то, сообразил? Встретит немец — враз кончит... Забирай, окаянный... Хриstopродавец! И этого тожеть тащи... И на том спасибо.

М и х е й. Говори, говори. Давно ведь молчуном сидишь... Да и мне одеваться веселей... Я с детства балагуров люблю... Ну вот и порядок... Покедова, мотя, душевный ты человек...

М у ж и к *(бросается за ним)*. Век Богу молить буду, забери, оттащи куда не то... Не губи душу! Родимай-ай! *(Возвращается, подходит к раненому.)* Эй!.. Эй!..

Р а н е н ы й *(бредит)*... Эх, мать, была бы у тебя дочь, я бы ей письма писал... Когда есть куда писать, война легче... Я ведь еще и молодой совсем...

М у ж и к *(поднимается над ним и плача навзрыд)*. И куды я с им, Господи!

Канопада.

От автора. И об этом тоже не забывай, Михай Савельич, не забывай!

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

От автора. Когда там, под Ельней, «мессеры» разогнали их колонну по ближним перелескам, и Михей, после тягостных блужданий березняками и осинниками Смоленщины, с обессилевшим Плющом на спине наконец сложил товарища в случайной лесной времянке и ушел один, он едва ли думал о том, что тот выживет. Потому и прихватил с собой, казалось, не нужные уже задышавшемуся Плющу пожитки и документы, которыми потом и пользовался долгое время. И откуда было знать Михею, как гоняли все-таки выжившего Плюща за чужие грехи по этапам и следственным комиссиям, пока доказалась, в конце-концов, полная непричастность его к тому, давно и безуспешно разыскиваемому Плющу, которым жил все эти годы Михей. Не сладок, совсем не сладок был хлеб, каким, по милости Михея, столько времени давился брошенный им под Ельней друг. Но разве Михей мог предполагать, что все обернется именно так? А жизнь тем временем настигала его снова.

Горница. Следующий день. К л а в д и я, сидя у окна с вязанием, тихо напевает. Из соседней комнаты показывается голова М и х е я.

М и х е й (*оглядывается*). Одна?

К л а в д и я. Заходи.

М и х е й (*осторожно заходит, садится против нее*).

Один сын, выходит, и есть у меня, Кланыя?

К л а в д и я. Семен всем теперь сын, Михей. Божий он человек, ему всех жалеть надобно.

М и х е й. А я-то ждал...

К л а в д и я. А что ты ждал, Михей? С музыкой, с хлебом-солью встретят, в красный угол усадят.

М и х е й (*начинает закипать*). Да что же это за время такое: ни крови, ни родства не признают! Бога потеряли!

К л а в д и я. Под старость-то и о Боге вспомнил. А уж, как аукнется, так и откликнется. Брось в кого камень, когда-нибудь все одно в тебя же и попадет.

М и х е й. И ты туда же? Потому их и собрала тут, чтобы все слышал, чтоб корчился, чтоб локти кусал, чтоб слезы твои за дверью у тебя отплакал своими собственными.

К л а в д и я. Твоя правда: нарочно я их тут в доме

собрала, а зачем — скажу. Затем, чтоб понял ты наконец, какой пыткой я без тебя пытана, каким огнем калена, какими слезами истекала, понял бы и уж ни в кои-то веки не заставил меня больше через то же самое пройти и остался бы со мною до гробовой доски как опора и надежда моя.

М и х е й (*тянется к ней, гладит по плечам и голове*).
Кланя, Клавушка. Шел я к тебе, потому как знал: не оттолкнешь, примешь. Всю жизнь свою краль несбыточных искал, а кралья моя из несбыточных самая несбыточная под носом жила, бита мною и мучена была. (*Продолжает оглаживать ее.*) Снова я тебя нашел, на всю жизнь нашел...

К л а в д и я. Горький ты мой, долгий. Да я во сто крат пройду за все твое: и за темное, и за светлое.

М и х е й. Кланя, Кланя... Все бы только и повторял.

К л а в д и я. Вот и повторяй, а я слушать буду.

М и х е й. Кланя-я-я...

К л а в д и я. Долги-и-й...

М и х е й. Защити-и-и-и...

К л а в д и я. Укрою-ю-ю...

М и х е й. Спасибо, Кланя-я-я...

Шаги на дворе. Стук двери в сенях.

К л а в д и я. К себе иди... Скорее, Михеюшка...

Михей только успевает скрыться за дверью, как входит П а ш а.

П а ш а (*мимоходом*). Добрый вечер, мама. (*Поднимается было к себе.*)

К л а в д и я. Вечер добрый. Что ж без мужа?

П а ш а. Задержался у себя, сейчас подойдет.

К л а в д и я. А что ж спешить-то, посидела бы с матерью. Рассказала бы новости свои.

П а ш а. А какие у меня могут быть новости? С десяти до пяти отбарабанишь, вот и все новости.

К л а в д и я. Ну просто так посидела бы, посумерничала со мной.

П а ш а (*подходит, садится против матери на краешек стула*). Да, мама?

К л а в д и я. Да я просто так хочу с тобой посидеть. Стареею я, а старым всегда в одиночку скучно. И чего ты от меня все сторонишься?

П а ш а. Вы все сами знаете, мама. Леша говорит...

К л а в д и я. Что ты все «Леша» да «Леша», у тебя,

небось, и своя голова на плечах имеется. Вот и скажи мне что-нибудь от себя.

П а ш а. А я уж и сказала, нечего мне, мама, добавить к этому.

К л а в д и я. Давай с тобой по душам, не как мать с дочкой, а как баба с бабой, а?

П а ш а (*поджав губы*). Если вам хочется...

К л а в д и я (*снова возникает музыкальная тема ее молодости*). Еще и как хочется-то! Вот ты все об отце плохое знаешь, а ведь у нас с ним и хорошо было. И сколько! Ты мне побои его вспомнила, а того не ведаешь (*выходит почти на просцениум и продолжает уже в пространство, в зал*), как он, когда впервой схватило, поднял меня на руки и как потом, все так же на босу ногу, всю ночь под окном стоял, а лишь закричала ты, навзрыд слезами зашелся и все к стеклу лепился: увидеть тебя хотел... Еле домой утащили. И день тот, и слезы те его мне за все побои во сто крат награда.

П а ш а. Мамочка, ведь я не против, только Леша! Леша как же? Муж ведь он мне!

К л а в д и я. ...А как рубахи свои праздничные на пеленки рвал? А как сапоги свои свадебные загонял тебе на крестины? А как ночами от любой былиночки тебя собой укрывал, когда ты уже на ладан дышала, и последнее из дома тащил не на водку — на лекарства тебе, на фрукты-ягоды разные? (*С горечью.*) Ведомо ли тебе, Паша-Пашенька?..

П а ш а (*растерянно и жалко*). Мама... Мамочка...

К л а в д и я. Да, была я его рабой, рабою и осталась. Только раба рабе рознь. Бить — бил, пить — пил. Зато на людях высоко мою честь держал, словно не он вовсе, а я головой в доме была. Потому как любил... Бывало, идем по городу, народ расступается: пара!

П а ш а. Мама, так я на все согласна, поговорите вы только с Лешей!

К л а в д и я (*не слушая ее*). И за это я Михею своему благодарная. А на тебя, не обессудь, мне — матери твоей — смотреть совестно. Перед людьми — срам. Словно тень около него, словно и нет тебя вовсе, словно ты и не человек уже, а шлея при муже.

П а ш а. За что вы меня, мама?

К л а в д и я. А вот за это самое. Моя кровь, а будто разбавленная. Взбунтуйся хоть раз! Посуду перебей, что ли. Или ночевать не приходи.

П а ш а. Что только вы говорите, мама!

К л а в д и я. А то и вправду — любовника заведи. Или напейся до бесчувствия!

П а ш а. Слушать вас и то страшно. Мама!

К л а в д и я. Вот то-то и оно, что все тебе страшно. Такой останешься, будешь жить как в сказке: чем дальше, тем страшней.

П а ш а. Уйдет он от меня, куда я денусь?

К л а в д и я. А куда я с вами с тремя делась? Всем была: и швец, и жнец, и на дуде игрец, а выжила, да не одна — с вами вместе. И отец знал, что выживу, не пропаду, потому и ушел с легким сердцем. Верил: не сокрушится его законная... А твой нащупал в тебе слабинку, вот и пользуется в свое удовольствие. Вот ты и подымись сердцем, скажи ему свое слово.

П а ш а. Люблю я его, мама. Тем и живу, что он жив!

К л а в д и я. Но за отца-то не зазорно слово перед мужем молвить. Отец ведь — не дядя с улицы!

П а ш а. Хоть убейте меня, мама, но без Леши не могу.

К л а в д и я. Пелагея!

П а ш а. Не могу-у-у!

К л а в д и я. Одумайся!

П а ш а. Мама-а-а! Родненькая-я-я! Не могу-у!

За окном шаги. Стук двери в сенях.

К л а в д и я. Иди уж. И говорить с тобой... Только не обессудь, с благоверным твоим мы сегодня побеседуем. Не взопрел бы...

П а ш а поспешно поднимается к себе наверх, скрывается в комнате. Входит Алексей Иванович, на ходу кивает Клавдии и направляется было к себе.

К л а в д и я. Постой-ка, зятек, разговорец у меня к тебе.

А л е к с е й И в а н о в и ч (*останавливается*). Да, Клавдия Степановна, я вас слушаю.

К л а в д и я. Но не стоя же ты говорить со мной будешь. Я же ведь не начальство тебе, садись рядком, тогда и поговорим ладком.

А л е к с е й И в а н о в и ч. Хорошо, Клавдия Степановна. Только некогда мне рассиживаться-то. Работу вот домой взял. В склочное тут одно дело надо вникнуть.

Клавдия. А я не задержу, зятек, не задержу, садись.

Алексей Иванович (*садится так же, как и Поля давеча, — на краешек стула прямо против нее*). Только прошу вас, Клавдия Степановна, покороче, ей-Богу, — дело.

Клавдия. Вот, зятек, хочу я в последний раз спросить, как с отцом будем? Может, передумал?

Алексей Иванович. Нет, мы с Пашей не передумали, Клавдия Степановна.

Клавдия. Ты уж за себя говори, у Пелагеи своя голова на плечах.

Алексей Иванович. Вы, конечно, женщина, жена, и вам, Клавдия Степановна, я понимаю, жалко. Но войдите и в мое положение, я-то здесь при чем? У меня пост, положение, виды. Согласись я, и все — насмарку. Поймите же наконец что мои неприятности — это и Пашины неприятности. Иметь тестя с такой анкеткой! Заманчивая перспектива, нечего сказать! Я честный человек и...

Клавдия. Вот мне и хотелось с тобой нынче, как с честным человеком.

Алексей Иванович. Пожалуйста!

Клавдия идет к рамке с семейными фотографиями, достает из-за нее обтянутую резинкой пачку писем. Вытягивает из пачки несколько штук, просматривает при этом каждое на свет. Потом кладет отобранные на стол перед зятем.

Клавдия. Узнаешь адресок, милый?

Алексей Иванович. Не понимаю... Почему вдруг я должен его узнавать?

Клавдия. А по почерку, зятек, по почерку.

Весь последующий разговор их происходит в присутствии Паши, которая, незамечаемая ими, вышла из комнаты и стоит наверху.

Алексей Иванович (*вдруг становясь жалким и растерянным*). Кажется... Но откуда они у вас, Клавдия Степановна? (*Совсем жалко.*) Ведь они Паше адресованы...

Клавдия. Мне-то они — письма эти — ни к чему, бери. А берегла я их и стерегла ради покоя Пелагеиною. Счастье, думала, ее стерегу. Только мало ты ей дал счастья этого самого. Последнее, что было, отнял. Бери, бери... Нести их начальству твоему мне без надобности,

не пачкаюсь кляузой — не приучена, а дочь свою все равно я потеряла. Выпил ты ее всю — до капельки. Так что «честный человек», бери, пользуйся...

А л е к с е й И в а н о в и ч (*хватая письма*). Клавдия Степановна!.. Клавдия Степановна... Да я... (*Бросается перед ней на колени, ловит ее руки.*) Все будет, как надо... Все переиначу... И отец пусть едет... И Пашу я на руках носить буду... Клавдия Степановна!.. Мама!..

К л а в д и я (*отталкивает его*). Поди от меня с клятвами своими. Ради того ли отдала я тебе позор твой, чтоб у колен своих увидеть? Чести много! Только теперь я уже не за детей, за себя боюсь, и — насмерть. Коли дети зову моему не откликнулись, значит, я одна осталась, а одна-то я вчетверо сильнее. И не тебе, хилявому, меня свалить! Иди себе...

А л е к с е й И в а н о в и ч. Так ведь я тоже в понятии! Ведь это я все ради Паши, мама, ее ради! Конечно, пусть едет, проживем как-нибудь, а там видно будет... Пусть век в семье родной доживает... Да разве я...

К л а в д и я. Иди!

А л е к с е й И в а н о в и ч. Мама!

К л а в д и я. Я б в воду бросилась, коли б хоть одного такого родила... Иди с глаз!

Стоящая наверху Паша на глазах преображается. И куда только девалась ее сутулая угловатость! Перед нами постепенно изваяется женщина с волей и характером.

П а ш а (*громко и властно*). Нет, мама, есть у вас еще дочь — Пелагея.

Алексей Иванович с письмами в вытянутой руке поднимается по лестнице. И снова, словно из-под земли, на пороге вырастает **И л ь и н и ч н а**.

И л ь и н и ч н а. Батюшки светы! А я смотрю, быдто...

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ

О т а в т о р а. Теперь, говоря с детьми, Клавдия видела, чувствовала, знала: ничего они не забудут и не простят. И не потому, что действительно столько лет держали на отца сердце. Нет! Просто тронула их слабые

души какая-то порча, что, разъедавая людскую суть, ожесточает их тягостным и для них самих необъяснимым ожесточением. Дети ее лишь смирились, укрощенные собственными слабостями, но не сдались, и сломить их упорствующую память Клавдия так и не смогла.

Обстановка та же. И вновь солнечное утро высвечивает комнату, сообщая ей сияющую праздничность. Никого. Но вот входная дверь открывается и сюда вскальзывает небольшой плотный человечек. Это — Плющ. Он лыс и подвижен. Бегло осматривается. Потом, прямо по часовой стрелке начинает круг по комнате, с любопытством осматривая каждый предмет. У фотографий он останавливается, не замечая стоящей за печью Клавдии.

Плющ. Хорош! Прямо Аника-воин! *(Идет дальше, доходит до двери, берется за ручку.)* Богато живешь, Савельич.

Входит Клавдия. Плющ моментально оборачивается.

Клавдия. Здравствуй, добрый человек, зачем пожаловал?

Плющ. Я — Плющ... Плющ, который Михея ищет. Помните? Вы мне писали, не отпирайтесь, как говорила классика...

Клавдия *(обессиленно опускается на стул)*. Вы!.. Так что же, раздевайтесь... Может, чаю с дороги?

Плющ. Давно не пью, не тот напиток.

Клавдия. Сейчас соберу.

Плющ. Благодарствую, под закуску и поговорим.

Клавдия *(собирая на стол)*. По правде, дала я вам телеграмму, а новостей у меня для вас мало, почти нет.

Плющ. А я не за новостями. Я на вас посмотреть, какая вы. По письмам судя, женщина вы особенная. Даже за стилем вашим, не совсем, извините, литературным, — личность видится. А об истории злосчастной этой я, признаться, подзабыл. Вернее, не подзабыл, такое не забывается, а притупилось как-то, заглохло. Только вот телеграмма ваша как бы прорвала во мне прошлое, и закровоточило вот тут.

Клавдия *(наливает ему)*. Выпейте вот.

Плющ. Благодарствую. *(Пьет.)* А вы что же?

Клавдия. Не до того мне нынче, сами понимаете.

Плющ. Понимаю.

К л а в д и я. Одна у меня для вас новость: письмо прислал — просится.

П л ю щ (*темнеет*). Так... Так, Михей Савельич, голос, значит, подал... Так...

К л а в д и я. Так как же, что посоветуете?

П л ю щ. Не мне вам советовать, не вам слушать... Я сам не знаю, как мне к этому отнестись... Ведь здесь не посторонний человек, здесь с кровью связано... Здесь думать и думать надо, а главное, прощать уметь... Вы — женщины — освоили эту тяжкую науку... Для нас она сложнее. Даже не знаю, Клавдия Степановна, что вам и сказать...

К л а в д и я (*униженно*). Ведь вы вот сами говорите, что давно это было... Значит, старый он, больной. Может, уж сторицей за все заплатил, отстрадал втрое! Куда уж ему теперь. Жизни-то не лишат, страдать только заставят...

П л ю щ (*словно про себя*). В глаза бы мне только тебе посмотреть, Михей, посмотреть бы мне только тебе в глаза...

К л а в д и я. Слово одно скажите, облегчите душу!

П л ю щ. Слово скажу, облегчу, но простить, простить его, вы уж извините, никогда не смогу.

К л а в д и я (*искательно*). Ну так как же все-таки, родной вы наш человек? Что же вы нам скажете?

П л ю щ. А ничего, пожалуй.

К л а в д и я. Не будет нам покоя без вашего слова.

П л ю щ. Послушайте, Клавдия Степановна, хоть и получил я от вас два-три письма, а вижу вообще впервые в жизни, видите вы мне вся как на ладони. Ведь скажите по правде, что, кроме горя, принес вам Михей, чем и когда отплатил за всю беду, которую оставил он в вашем доме?

К л а в д и я (*просто и отрешенно*). За это, дорогой человек, плата особая, ей цены нет.

П л ю щ (*покорно*). Тогда сдаюсь.

К л а в д и я (*низко кланяется ему*). Такой камень вы с меня сняли, такой камень. Что и сказать, нет никакой возможности.

П л ю щ. А теперь, уважаемая, дайте-ка мне стакан вместо этого, извините меня великодушно, наперстка.

Клавдия подает ему стакан, наливает до краев.

К л а в д и я (*начинает суетиться вокруг стола*). Пейте на здоровье, от чистого сердца говорю.

П л ю щ (*пьет*). Еще, уважаемая. Сердце горит. (*Пьет*). Еще.

Входит Андрей.

А н д р е й (*смеясь с порога*). Хватит. (*Матери*.) Сеньку в городе встретил. С попом нашим здешним ходит, за Евангелие философствует. Говорит, звала.

К л а в д и я. Звала. (*Гостю*.) Это первенец мой — Андрей. (*Сыну*.) Садись.

А н д р е й (*садится, подмигивает гостю*). Я не в том смысле, что хватит, а что «не хватит» ... Тяпнем на брудершафт, старик.

П л ю щ (*принимая игру*). Ты меня уже и так на «ты». Давай без тостов, по-таежному. Так сказать, для вальяжности.

А н д р е й. Пошли, старик. (*Пьет*.) А ты крепок.

П л ю щ (*философски*). Выучка.

К л а в д и я. Не гони, Андрей, давай о деле.

А н д р е й. О каком? А, ты все о том же... Я уже сказал, мать. Не надо брать меня измором. Я — не блокадник.

П л ю щ. Слушай родную мать внимательно.

А н д р е й. Это что, из таежных заповедей, что ли?

П л ю щ. Нет, из моих лично. Даже в порядке шефской помощи.

А н д р е й. Ты мне нравишься все больше, старик... Ты меня убедил. (*Матери*.) Так что же ты все-таки хочешь от меня, мать?

К л а в д и я. Ты сам знаешь, чего я хочу от тебя.

А н д р е й (*заметно трезвея, тихо*). Слышать о нем не могу. От одного имени его меня трясет. Пашка правду говорит: не он бы, не втянулся бы я в это проклятое зелье. И бил тоже, пацана пьяного бил. А о тебе и говорить нечего. У вас, баб...

П л ю щ (*поправляет*). Женщин...

А н д р е й (*покорно*). У вас, женщин, всегда так: на глазах — убила бы, с глаз долой — в голос. Непонятный вы народ — бабы.

П л ю щ (*кротко*). Женщины.

А н д р е й. Будь по-твоему, старик, женщины.

П л ю щ. Этого и нельзя понять, это почувствовать на-

до, милый. У меня, извини, к твоему отцу счет ой-ой-ой какой, страшный, должен тебе сказать счет, а вот взглянул я на нее, только взглянул, по правде, даже не слушал после, но почему-то сразу почувствовал: не смогу, не выдержу, сдамся.

А н д р е й. И сдался?

П л ю щ. Сдался.

К л а в д и я. Человек вы мой хороший, сердце-то у вас какое — не охватить.

П л ю щ (*усмешливо*). Тоже одна такая поделилась.

А н д р е й (*насмешливо*). Женщина?

П л ю щ (*кротко*). Баба.

А н д р е й (*вскакивает*). Но я-то, я не желаю сдаваться! И считайте, что нет у меня сердца. Для него — нет!

П л ю щ (*встает*). А это мы с тобой, милый, выясним. Пойдем-ка мы с тобой посидим за столиком на два, как говорится, куверта и, будь по-твоему, без баб.

А н д р е й (*грубо*). Без женщин.

П л ю щ (*покорно*). Без женщин.

Они идут к выходу и у самых дверей наталкиваются на И л ь и н и ч н у.

А н д р е й. Лезешь, носорог, на водопой?

Они выходят.

И л ь и н и ч н а. Оглашенный! (*К Клавдии.*) Здравствуй, кума. У тебя сызнова гость. А я и смотрю, быдто...

К л а в д и я (*грубо*). Что надо, говори, а то некогда мне с тобой пустые разговоры разговаривать.

И л ь и н и ч н а. Аль не рада?

К л а в д и я. Ты мне родня, что ли?

И л ь и н и ч н а. Родня не родня, а как бы сродственница.

К л а в д и я (*тревожно*). На тебе и впрямь лица нет.

И л ь и н и ч н а (*тяжело опускается на стул*). Конец мой пришел.

К л а в д и я. И к чему это ты, Дарья, песенку свою затянула? День пройдет — все как рукой снимет.

И л ь и н и ч н а. Уже не снимет, подружка, никак не снимет... Слышишь, море-окиян нам песенку поет... Тихую такую песенку... А само все ближе, все ближе... Эдаким манером и душу людскую ржа точит... Тихо-тихонечко точит... То одного сточит, то другого... А мы смотрим: не меня, не меня — соседа... А у самих уже на раздохнуть

и осталось... Истекаем ржой в тоску, как берег в море... А в Бога верим не полной душой, а от страха... Потому и не принимает Он наших молитв, а только жалеет часом.

Клавдия. Не блажи, Дарья.

Ильинична. Вот она и вся жизнь, Клавдюха... Будто и не жила... будто миг один — и прошло все... Чудно. *(Одышка мучает ее и поэтому речь дается ей с трудом.)* Ползу нынче к тебе, а кругом птахи поют, солнышко, море, как подсиненное, так бы и подхватила с детишками взапуски, только что пуды мои не позволяют... Чует сердце — помру скоро...

Клавдия. С похмелья и не такое мерещится.

Ильинична. Нет, Клавдюха, не оттого я... Захотела бы, выпила... Пенсию вчера принесли... Да не хочу... Не идет. *(Ее лицо светится тихой и больной лаской)*. Думала и не вставать уж. Да вспомнила про тебя, встала... Все я в тебя, как в приданный сундук, уложила... Все думы свои молодые... Память хорошую всю... И легко мне и помирать будет, коли ты жива останешься... Помру, ты и за себя, и за меня поживешь... Михея увидишь. Тоже мне радость... Ты уж прости меня, Клавдюха, разговорила я напоследок... Не доведется больше... Не приду я, не поднимусь уже... Вот и потерпи, самой так-то придется...

Клавдия. Дарьюшка, да ты и взаправду не в себе! Не пушу я тебя никуда... У меня и отлежишься. Не пугай ты меня за Бога ради. А я и слушаю, и слушаю. Доктора тебе надо, вот что.

Ильинична. Сядь, Клавдюха, сядь, кума, авось не жалобиться я к тебе заявила... Сама знаешь, не плакалась Дарья на веку своем никому и плакаться не станет... А до Судного дня отлежусь еще за Быстрой... Там места хватит... Вот и давай без мельтешения, по душе, посидим...

Клавдия. Не рви ты мне сердце, Дарьюшка!

Ильинична. Все там будем, Клавдюха, чего кричать... Помнишь, как застал нас с тобой дождик на Казанскую на покосах?.. Еще рассказала тогда про все наше с Михейкой... Увидела я, плачешь, поняла: втюрилась девка в моего кудрявого... Век молчала, хоть теперь скажу... Сама я его тебе отдала в белы рученьки — знала, не будет ему со мной доли... Не по евонному плечу срублена... Сама и навела: живи, мол, девонька, радуйся... Да только, виновата, не много он радости принес тебе... Уж лучше б со мной этак-то, я — хоть того стоила... Глядела я на тебя,

сердце кровью обливалось... А кто в ответе? Я... Потому и пошла к тебе урыльники выносить... Голопузых твоих цацкать... Только тебе и невдомек сообразить тогда, что раба я у тебя добровольная... Да и когда тебе соображать-то было... День и ночь, как белка... Не в попрек я тебе, а чтоб знала: отработала Ильинична тяжести твоей часть.

К л а в д и я. Прости меня, Дарьюшка.

Ильинична. Все грешны, Клавдюха... Все под Богом ходим... Ношу вдвоем терпели. Так ведь и радость у нас на двоих была... И вот у меня к тебе какое слово имеется... Уж не обессудь.

К л а в д и я. Что ты, Дарья? Мне ли...

Ильинична (*в сторону Михеевой двери*). Коли приедет, кланяйся, скажи, поминала, мол, без злой памяти... Не мне судить его... Да и есть ли кому... Не он виноват, а кто, один Господь знает... Нету на нас ни на ком никакой вины! А чья вина, с того еще спросится, ой, еще каким спросом спросится... Кланяйся ему с добром... Пойду.

К л а в д и я. Провожу, Дарьюшка! Да и посижу с тобой. Совсем ты у меня больная.

Ильинична. Незачем, кума, сама дойду. Пускай слободские и раз не порадуются, что Дарью слабосильной видели... Нет, болезные, не утешу... Без слезы концы отдам, без голоса. Прощай, Клавка.

Уходит.

К л а в д и я (*подходит к двери*). Пусти, Михеюшко...

Затемнение.

От автора. Михей без обессиливающего его негодования не мог представить себе, как придут они и вот здесь, за этой самой дверью, станут судить его — Михея Коноплева — родного отца. И хотя чуял он, волчьим чутьем своим чуял, что неспроста Клавдия собирает их именно здесь, в родном доме — хочет за столько лет боли свое взять! — ей прощал, им — нет. Откуда было им знать, какое зябкое, зыбкое время он пережил. И какую прожил жизнь. И с каким последним грехом он вернулся сюда. И еще один сон прервал его мысль.

Сон третий и последний

Чум, в который пурга загнала трех путников: М и х е я, грузина Б о н д о и проводника — ч у к ч у. Неверный свет костерка отбрасывает по стенам причудливые блики.

М и х е й (грузину). Как?

Б о н д о. Лучше, шени джириме, совсем лучше.

М и х е й. Жгет?

Б о н д о. Совсем горячо...

М и х е й. Три, три сильнее, отойдут... Должны отойти...

Б о н д о. Отойдут, совсем мало осталось.

М и х е й. Не сможешь идти, собаки вытянут.

Б о н д о. Сам пойду, вот увидишь.

М и х е й. Уже рядом. В один переход проскочим.

Ч у к ч а. Три упряжка не берет.

М и х е й. Я пойду на лыжах (недобро усмехается), двоих они возьмут.

Ч у к ч а. Два тоже не берет. Шибко тяжелый наст.

М и х е й. Тогда... (Осекся на полуслове, снежинки в кольце дымового отверстия уже не порхали, опадая вниз, а кружились еле заметной каруселью. У него захватило дух: началось! Он отдернул полог и сразу же почувствовал на лице зябкое дыхание сквозной тундры: ночь заполнялась нордом.) Засупонивайся. Значит, говоришь, не возьмет троих? И двоих тоже не возьмет? (В ответ на вопрошающий взгляд Михея тот лишь отрицательно качает головой.) Тогда иди, впрягай...

Чукча, не спуская с него злобных глаз, подается к выходу.

М и х е й (останавливает его). Стой! Стой, брат! Погодь маленько... (Бондо.) Ну, как?

Б о н д о. Проклятье! Момадзагло! Не лезет, черт!

М и х е й. Давай, помогу.

Б о н д о. Не надо, я сам...

М и х е й. Смотри...

Б о н д о. Как будто все. (Пытается встать, но едва ступни его касаются пола, он вскрикивает, и, неловко повернув под себя локоть, валится навзничь, стонет.) Шени деза...

М и х е й (смотрит в упор на чукчу). Троих собаки не потянут. Так, что ли? (Ладонь его обхватывает двустволку.) Собаки потянут двоих. (Взводит курок.) Дойдем с Божьей помощью... Отвернись...

Чукча. Двоих собаки тоже не тянет.

Михей. Я пойду на лыжах... Отвернись, говорю! (Тот не шелохнется.) Тогда молись...

Раздается выстрел. Чукча заваливается на бок.

Бондо. Зачем?

Михей. Ты слышал, собаки не вытянут троих. (В упор глядит на грузина.) И двоих тоже.

Бондо (в сторону чукчи, боязливо). Он догонит нас...

Михей. Он уже никого не догонит...

Бондо. Догонит, везде догонит... На краю света догонит...

Михей. Не будь пижоном, одним зверем меньше, зато душа на месте — не продаст. Здесь его ни одна ищейка не найдет.

Бондо. Что он мог? Ничего не мог.

Михей. Ему, брат, тундра, что тебе Зеленый базар в Кутаиси, не успеешь версты сделать, как дозоры след возьмут. Ну, теперь, дай Бог ветра...

Бондо. Ты сказал: двоих тоже не потянут?

Михей. Слушай, тебе придется остаться. Сам видишь, не тянут двоих... Останемся, обоим конец... А тут пустык и осталось. Прикидываю, мы уже на той стороне... Один я в полсутки обернусь... Свободно продержишься... Закопаться только надо... Не паникуй, Боря, не паникуй.

Бондо. Не бросай, Миша... Не бросай... Будь человеком!

Михей. Пойми, не уйдем мы вдвоем... И что, на мне креста, что ли, нету, вернусь я... От самых приисков вместе, а здесь у жилья под носом брошу, да? И доля твоя с тобой... Чего боишься, вернусь...

Бондо. Сам говоришь, на той уже стороне... Отсидимся... Ветер стихнет и мы двинем нела-нела*... Не бросай, Миша!

Михей. Чудачок, сказал, вполсутки обернусь и выташу. Пурга, сам знаешь, может неделю мести, пережди попробуй. Я и ружье тебе оставлю, и часы... Через полсутки смело пали, слушать буду. Ты здесь за милую душу, брат, высидишь, хоть неделю... Главное, не паникуй... Ружье под руку клади... Не паникуй... Я — одной ногой здесь...

* Тихо-тихо (груз.)

Бондо. Не бросай, Миша... Не бросай... Будь человеком!

Михей. Держи остол «на попа», не давай завалиться. В случае чего зажигай... И главное пали... Найду! Будь спок... Лежи, брат... *(Начинает выгонять собак.)* Тагам! Тагам!

И дикий, почти нечеловеческий стон сопровождает его уход.

От автора. Оттуда, с чужого берега тянуло чужим брикетным дымком. И высокие чужие окна маячили над берегом, — отсвечиваясь в темноте белесым чужим огнем. Давний, забытый было страх медленно, но неотвратимо обволакивал его душу, вызывая в памяти до крика отчетливые видения: деда Илью, одинокую женщину у мертвого причала Каспия, брошенного под Смоленском Плюща. Долгое, навывлет пронизанное горькими сквозняками прошлое его вдруг показалось теперь Михею в сравнении с неизвестностью впереди, ухоженным и обжитым. И уже не думая о том, что предстояло ему еще пройти, чтобы, отыскав по пути занесенного снегом Бондо, вернуться туда, откуда ему удалось с таким трудом вырваться, он повернул обратно. И об этом, Михей Савельевич, и об этом — тоже!

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Горенка Михея. Открывается дверь. На пороге — Семен.

Семен. Здравствуй, папаня.

Михей. Здравствуй, сынок... Сема... Узнал?

Семен. Уезжаю я... Вот мама мне и сказала... Мне только и сказала.

Михей. Спасибо, Сема, хоть ты не брезгуешь.

Семен. Что вы, папаня! Как можно? Зачем вы такое думаете?

Михей. Так я же слышу, сынок, все слышу! С утра до вечера душу грызут. А за что, за что, скажи ты, Божий человек?

Семен. Трудно в неверии зло забыть.

Михей. Ты забыл!

Семен. Не забыл, папаня, а не помню.

Михей. А они помнят? Почему? Разве не зло — зло помнить. Да и кто ж его знает, где оно — зло, а где добро, Сема?

Семен. Зло, папаня, всегда возвращается к тому, кто его содеял, или к роду, племени его. В любом колене, но возвращается. В этот раз оно вернулось к вам же. Это — закон.

Михей. Чем? Кем писан?

Семен. Божий. Богом.

Михей. Все на злобе стоит, все на злобе замешано. Без нее расслабится человек, разомлеет, стечет в землю... Богом, говоришь! А ты влезь в мою шкуру, по-другому взвоешь. Что я, сам себе жизнь выбирал? Тогда за что я свои муки принял? Ты мне скажи, Божий ты человек, за что?

Семен. Нам дана жизнь, папаня, а распорядиться ею мы сами вольны и по совести. Для себя жить еще не заслуга перед Господом.

Михей. А я и для вас доли искал!

Семен. Но ведь не нашли, а последнюю отняли. И совесть вас гложет, вот вы и злобитесь. И чем больше терзаться будете, тем тяжелее будет. Это все ваше к вам возвращается.

Михей. Так что мне, руки на себя наложить, что ли? Выродок! Ползи с глаз моих. *(Михей задыхается.)* Мало таких, вроде тебя, я на веку своем передал. Гнида церковная. Не будет вам этого! Не дождетесь. Десять раз по стольку еще пройду, а жить буду. Ишь что удумал, душа толоконная! Ползи, или не отвечаю я за себя!

Семен смотрит на отца, и в отрешенном взгляде его беспощадно видится Михею собственная участь. И он не выдерживает, вскакивает и бросается в сторону сына.

Семен. Зря вы, папаня...

Михей. Падаль!

Семен. Живите, как знаете...

Михей. Раньше меня сдохнешь!

Семен. Живите, коли сможете...

Михей. Уходи, змей! *(Уже не помня себя, хватает табуретку и она с грохотом разлетается о закрытую за собой Семеном дверь).*

От автора. И вот он услышал тишину, гиблую для него тишину. Начинаясь суд, открытый суд. И в нем уже не было ни звериной злобы, ни животной силы, чтобы этому сопротивляться. Теперь он твердо знал, что, смертно любя его, Клавдия постепенно, по камушку складывала

все эти дни для него могильник. Она не хотела видеть его таким. Глубина его падения уже не могла соперничать с самоотвержением ее любви. Он мог уйти туда, где в метре от него, за окном, лежала еще хранящая медвежьи углы для таких, как он, огромная страна. Но уже на всем белом свете не было приюта, вовсе не плоти его, а его душе. Потому что она истлела. Истлела навсегда.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Обстановка та же. Вечер. Все в сборе. Часы бьют десять раз.

Клавдия (*поднимаясь из-за стола*). Вот... Что за человек отец ваш, рассказала я вам, а чего запомнила — люди доскажут. Только сколько б вам кто ни наговорил чего, все об нем знаю только я, только я одна и никто больше моего знать не может, а значит, и осудить. Коли тепла вам он своего недодал, я за него с вами расплатилась втрое, коли по вине его в жизни у вас не все получилось, вину я с ним вдвоем делю, коли хлеба он вам недодал, я за него каждому из вас нашу с ним общую половину отдала. А за грехи с него мир спросит. Только поверьте сердцу моему материнскому, что придет час и все вы со спокойным сердцем скажете про него всякому: это мой отец... А коли нет, Михай Коноплев обузой никогда никому не был... Вот... Обо всем, вроде, переговорено. Но только пусть уж теперь каждый за себя скажет, чтоб потом неповадно плакаться было: мол, не хотел. Скажи, Паша.

Паша. И говорить нечего: примем.

Алексей Иванович. И я, как Паша. Сейчас не таких на поруки берут. Кампания! Вот на днях в газетах печатали: двадцать лет в подвале просидел, а вышел и — ничего. Или вот еще...

Клавдия. Понятно. Тебя, Семен, только для порядку спрашиваю.

Семен. Во всем промысел Божий.

Клавдия. Тебе, Андрей, говорить.

Андрей. Хоть посмотрим, что он там представляет из себя — отец наш, а то как бы миф.

Клавдия. От тебя, Анна, тоже ответ требуется, коли его законной становишься.

Анна (*курит*). Естественно, надо принять.

К л а в д и я (к Ильиничне). У тебя не спрашиваю — знаю. А теперь гостю, по особому праву.

П л ю щ. Трудно мне, милые, на совете семейном вашем что-либо говорить. Для вас он при любых обстоятельствах — близкий человек, для меня — враг. Враг на всю жизнь. Я не могу ни понять его, ни принять. И на том стою. Но думаю, для него большего суда нет, как ходить среди людей, которые его знают, знают, кто он и что он такое. Да и я все-таки возьму свое: посмотрю в глаза его вражьи, и еще как посмотрю. Поэтому я тоже — «за».

К л а в д и я. Слово сказано, ваш суд, вам и отвечать. *(Поворачивается к двери в смежную комнату. Делает шаг, другой, третий. Там, за дверью, раздается выстрел. Клавдия замирает и поворачивается лицом к своим и ко всему залу).*

Г о л о с (в полной тишине). Кто же знал, что он здесь живет?

К л а в д и я. Жил.

Раздается звон далеких колоколов. Звук их с каждым мгновением наливается мощью. Гул близкого приboя сливается со все нарастающим колокольным звоном.

З а н а в е с

ЖИВ ЧЕЛОВЕК

**Драма в двух действиях, семнадцати картинах
по мотивам одноименной повести**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

**Сергей Царев.
Силовна.
Галя Сторожева.
Сима.
Николай Старшинов.
Иван Антонович.**

В эпизодах

**Зяма.
Патефон.
Мать.
Отец.
Зина.
Бритоголовый.
Первый военный.
Второй военный.
Слепец.
Продавец с бурдюком.
Продавец с лотком.
Человек из толпы.
Карманник.
Альберт Иванович.
Валька.
Сандро.
Пограничник.
Семен Семенович.
Плюгавый.
Дядя Ваня.
Немецкий офицер.
Немецкий солдат.**

Первый военнопленный.
Второй военнопленный.
Третий военнопленный.
Старший милиционер.
Милиционер.
Первый спекулянт.
Второй спекулянт.
Старичок.
Старуха с кошелкой.
Продавщица.
Инвалид с медалью.
Мальчишка.
Степан Петрович.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

По таежному насту ползет Сергей Царев. Движения его медленны и скорее как бы инстинктивны, нежели осмысленны.

Сергей. Главное теперь не заснуть... Двигаться... Двигаться... и не заснуть. Лишь бы дотянуть вон до той балочки... Там можно будет попробовать зажечь костер... От берега... От берега... Раз... два... три... четыре... Еще... еще... еще...

Но вот навстречу ему с ружьем за плечом выходит Николай Старшинов. Сергей делает движение, словно намереваясь отползти назад, но тут же бессильно падает и окончательно затихает. Николай подходит к нему. По его одежде, по тому, как заиндевели края наглухо завязанной шапки, видно, что очень холодно. Сбросив ружье и сняв рукавицы, Николай начинает тормозить Сергея. Бьет его по щекам, трет уши.

Николай. Не спи, браток, не спи, слышишь? Это в наших местах — смерть. *(Он подкладывает под него ружье и привязывает к нему из ремня тягу.)* Нет, браток, не дам я тебе помереть, не дам...

Гудит таежная метель. Сквозь снежную кутерьму идет к ближним огонькам Николай, вынося на плечах обессиленного Сергея. Навстречу парню еле пробивается отрывистый собачий лай из села.

Николай. Держись, браток... Слышишь, собаки — значит, дома.

Царев лишь стонет в ответ. Гудит таежная метель, заметая старшиновскую лыжню. Постепенно нарастает свет, прочеркивая перед нами новую обстановку.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Коридор небольшой таежной больницы. Остекленная дверь с четким человеческим силуэтом на ней — полуоткрыта. Привалившись спиной к косяку, стоит Галя Сторожева. Рядом на табуретке сидит со спицами в руках Силовна. Голоса их тихи и почти бесстрастны.

Силовна. Колька-то знает?

Галя. Так я ему и сказала!

Силовна. А ты скажи.

Галя. Скажешь, а он подумает, что навязываюсь. Вот рожу, пускай тогда и решает.

Силовна. Отец ить.

Галя. Отец — так что?

Силовна. Должен жениться.

Галя. Должен! Да зачем он мне, из жалости-то! Не захочет — не надо, сама выращу.

Силовна. Гонору у вас, нонешних, тьма, да мало ума. В мои-то годы задрал бы тебе отец подол на косы да по мягкому месту сыромятью...

Галя (*задумчиво*). Метет... (*Из палаты раздается протяжный стон.*) Началось... (*Скрывается в палате.*) Пронеси, Господи!

В коридор, грузно ступая шлепанцами, входит старшая сестра Сима.

Сима. Ну, как?

Силовна. Оттаивает... Просыпался, спрашивал: где, мол?

Сима. Что делать, что делать, Силовна, ума не приложу. Связи с районом нет, а бурана еще суток на трое хватит. Человек-то на ладан дышит... Господи!

Силовна. Может, кто собаками возьметса?

Сима. Кто же возьметса? По такой пурге только к чертям на шабаш ездить.

Силовна. Помрет, поди, а то и обезножит — того хуже... Видать, семейный, лета — самый раз.

Сима. Хоть волком вой, а жди. С Варварой вот тоже третий день маюсь.

Силовна. Не опорожнится?

Сима. Баба здоровая, а вот поди ж ты.

Силовна. Ничего. Был бы хилый, враз выскочил бы. А значит, в отца.

Сима. Отец... Чуть не ночует под дверями.

Силовна. Еще одного ночевщика жди.

Сима. Это кто же?

Силовна. А Николай наш.

Сима. Да ведь не регистрировались.

Силовна. А нонче мода такая.

Сима. Ох, молодежь, молодежь...

Голос Сергея. Словами тихими, словно бы не окрашенными чувством, стучится мне в душу чужая, едва понятная мне жизнь.

Из палаты показывается Галя.

Сима (тревожно). Ну, как?

Галя. Снова морфий.

Сима. Не злоупотребляй.

Галя. Что ты, Серафима Сергеевна!

Сима. Ну, ну... Не зря учили... Пошла я. В случае чего — будите.

Уходит.

Галя. Сима-то наша сама не своя. Человека оперировать надо, а Иван Антонович в Сабурове застрял.

Силовна. Подрожишь... А обезножит? Тьфу, тьфу, тьфу! Прости меня, Господи!

Галя. Ивана Антоновича нет — отвечать ей, больше некому.

Силовна. От Сабурова-то верст сорок без малого. Да по такой сутемени...

Галя. Не старый еще, только зарос сильно.

Силовна. Вот я и говорю: не обезножил бы.

Галя. Из экспедиции, видно. Они все с бородами.

Силовна. Да.

Фигуры сестры и нянечки застывают в одинаковом положении, темнота заволакивает коридор.

Голос Сергея. Разговор затухает, а до моего сознания доходит наконец страшный смысл этого самого «не обезножил бы...». Если так, то наших нет — игра окончена. Весь я против воли подаюсь вперед. Но сразу же гулкая прострельная боль опрокидывает меня в головокружительную пустоту. И надо мной сразу же полощется небо. Где-то я уже видел такое небо... Нет. Не совсем такое... Тогда оно было выше и теплее... И просторнее... Да, теплее и просторнее...

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Дом поселкового вида с развернутым перед ним палисадом. Кажется, прямо из-под самой крыши в серый предутренний фон неба вписываются разновозрастные терриконы. Фара от стоящей поодаль машины, наискось пересекая палисад, бьет в лицо двух военных на крыльце. Дверь в сени распахнута. Окна освещены.

Первый военный (*досадливо морщась*). Возьтятся, черти, словно с номенклатурой. За шиворот — и к стенке.

Второй военный. Обыск — порядок. Подпись понятых должна быть. Суд. Исполнение приговора. Закон, брат.

Первый военный. Таким святым, как ты, Чистяков, в газетах статейки писать. А в нашем деле святость ни к чему. Раз враг — значит, бей, значит, дави, значит, не давай пощады. Не нравится — получи девять грамм, голубок.

Второй военный. Рабочие вроде, какая корысть?

Первый военный. Брось, Чистяков, за такие разговоры нынче трибунал вышку дает.

Второй военный (*стушевывается*). Да я что? Я — так. И впрямь долго возьтятся, светает.

Шум в сенях. И с крыльца прямо в определившийся рассвет сходит Алексей Царев. Внешне Царев спокоен, но по тому, как он погорнячки зябко поводит плечами на утреннем холодке и слишком усиленно трет щетину подбородка, видно, что он волнуется. За ним бритоголовый в штатском и двое безликих. Один из них берет арестованного за локоть. Следом — Сергей и мать.

Бритоголовый. Живей, Царев!

Отец. Торопишься, начальник?

Бритоголовый. Спешим, Царев, спешим.

Отец (*угрюмо усмехаясь*). Куда?

Бритоголовый. Нечисть с нашей земли выводить.

Отец (*тянет носом в его сторону*). Пахнешь...

Бритоголовый. Чего?

Отец. Смердишь, говорю. (*Оборачивается к сыну.*)

Не он меня, Серега, а я его хоронить буду, в этом я тебе шахтерское слово даю. (*Жене.*) Держись крепче, старуха, разберутся. (*Снова сыну.*) Удилища готовь, скоро вернусь. (*Его уже почти тащат к машине.*) Вот увидишь!

Приглашение темнотой, некоторое время мать — вся устремленная вслед ушедшим — стоит у калитки. Затем снова вспыхивает свет, плечи ее бессильно обвисают и она поворачивает к дому. И тут к ней пристраивается наспех одетый Сережка. Некоторое время они идут молча.

Сергей (*головой прижавшись к материному рукаву*). Мам, ты не бойсь, мама. Он у нас сильный. Вот увидишь, попадет этому бритому!

Мать (*машинально*). Да. Да, да... да...

Сергей. Да не бойсь ты, мам... Ты что думаешь, у нас шахтера в обиду дадут?.. Да еще такого? (*Уверенность его постепенно тает.*) Так и я тоже не маленький уже!..

Мать (*как бы очнувшись*). А?.. Ты почему не спишь? Ты что здесь делаешь?

Сергей (*обиженно*). Утро же, мама.. И что я, маленький, что ли? (*В отчаянии.*) Скоро зарядку по радио гнать будут, да!

Мать (*идя к дому, строго*). Корову выгони. (*Она снова хозяйка, мать, женщина, у которой на плечах семья*). За водой сходи.

Она выходит на крыльцо, и прямо навстречу ей врывается бравурная мелодия: «Ну-ка, солнце, ярче брызни, золотыми лучами обжигай! Эй, товарищ, больше жизни, поспевай, не задерживай, шагай!» Мать на какое-то мгновение встает, как вкопанная, потом решительно перешагивает порог, в сердцах хлопая дверь. Сергей хватает с крыльца ведра и бежит было к калитке, но тут его останавливает короткий свист. Он опускает ведро и свистит ответно. В боковой стене штакетника отодвигаются две планки, и в палисад выскакивает Зина. Туго заплетенные косички торчат у нее, словно два рожка. Весь их разговор протекает на фоне того же бравурного марша, только слегка приглушенного.

Зина (*опустив голову*). У нас всю ночь не спали... И я все видела...

Сергей. Что видела?

Зина. Все, все... И машину... У нее горел свет... И военных... И отца твоего — тоже видела...

Сергей. Много ты видела. А и видела, так что?

Зина (*выписывая носком сандалия по пыли диковинные вензеля, глухо*). Сегодня я одна пойду в школу...

Сергей. И иди... Иди... Хоть с Мишкой Прыщом, мне все равно... Слышишь, все равно!

Зина. Мама не велела: говорит — косы выдеру... Понимаешь?

Сергей (*угрюмо*). Понимаю. (*Неожиданно.*) Вот возьму и уеду я, вот что.

Зина (*почти с ужасом*). Уедешь?

Сергей. А что? И очень просто!

Зина (*с почтительным страхом*). Куда, Сережка? Некуда тебе ехать. От матери, от сестренки.

Сергей (*задумчиво*). Э, куда! Тебе этого не понять.

Зина (*обиженно*). Подумаешь, не понять!

Сергей (*еще задумчивее*). Не понять... (*Уже увереннее заканчивает*.) Не понять! И отца моего тоже не трожь.

Зина (*сразу надувается*). Как хочешь, а на твоём месте...

Сергей. Что!.. Что!.. (*Он делает к ней шаг*.) Уходи.

Зина (*боязливо отскакивает и скрывается в щели штaketника*). Но я все равно буду сидеть с тобой на одной парте! Честное пионерское!

Сергей. С Мишкой Прыщом! Будешь! (*Почти кричит*.) Уходи!

Девочка, пятясь, отходит к забору, и исчезает за ним. Сережка берет ведра, но уже не спешит за водой, а бредет медленно и озадаченно. На крыльцо выходит М а т ь, так же, как и давеча, во время обыска, немало не в себе, со спящим ребенком на руках.

М а т ь (*она раздосадована и поэтому излишне груба*). И откуда только вы взяли на мою голову. Ему в школу, а он и воды еще не принес! Господи!

Сергей оборачивается к ней, тихо подходит, ставит ведра.

Сергей. Не пойду.

М а т ь. О себе только думаешь! (*Свободной рукой бьет по лицу, вложив в этот удар всю скопившуюся за ночь злость*.)

Сергей отскакивает в сторону и устремляется за калитку.

Сергей (*твердо*). В школу я больше не пойду.

Мать угрожающе смотрит на Сергея.

Не пойду! (*Его крик сливается с далеким гудком паровоза и перестуком колес на стыках*.)

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Сергей лежит лицом в небо — на открытой платформе поезда.

Сергей. Отец... Только отец мог наполнить для меня родные окна теплом и светом... Только он разговаривал со мной, как с равным, без него я сразу почувствовал себя на свете совсем лишним... Господи, как я ненавижу всех,

кому дано право стучать кулаком по столу, ставить отметки, требовательно свистеть на перекрестках, заставлять расписываться в получении!.. Не хочу! Не желаю!.. Идите вы все к черту! Так где же оно, наконец, кончается наше серое небо?.. Может быть, за первым поворотом. Скорее всего за первым...

КАРТИНА ПЯТАЯ

Знакомый нам больничный коридор. У двери в палатку клюет носом старуха-сиделка С и л о в н а. От вязания у нее на коленях тянется нитка к закатившемуся под кровать клубку. Вьюга не наваливается на стены порывами, а ломит напролом: стоит ровный, сплошной гул, как в печке при хорошей тяге. Тень на стекле палатной двери поднимается.

Голос из палаты. Пить (*Старуха вздрагивает, хватается вязание. Спицы в ее руках начинают быстро мелькать, накидывая одну к другой убористые петельки.*) Ты, кто там, пить! (*Старуха вздрагивает.*)

С и л о в н а. Мигом, мигом!

Голос из палаты. Патефон, Патефон где?

С и л о в н а. Чего? Тебя самого еле приволокли, а ты о патефоне суетишься.

Голос из палаты. Да... да... Я так... Я забыл... Ерунда какая-то в голову лезет... Жарко...

С и л о в н а (*поит его*). Пей, милый, от воды — сила, все на воде стоит.

Сергей. Где я, мать?

С и л о в н а. Как иде? В Кириллино, в больнице А то как жа?

Сергей. Верхнереченск далеко?

С и л о в н а. И-и, хватил — Верхнереченск! До Верхнереченска отсюда верст с тыщу, не мене... А у тебя родня там, что ли ча?

Сергей (*усмехается*). Да, вроде...

С и л о в н а. Далеча... (*Скрывается в палате.*)

Голос Сергея. Николай Патефон погиб, я уверен. Черт с ним, это его плата... Но неужели все-таки конец? Только бы сохранить ноги, а если нет?.. Все равно, все равно я уйду... Зубами буду грызть глотки, но уйду. Если концы отдавать, лучше уж там, в тайге.

Входят Галя и Николай.

Галя. Успокоился вроде... Ну, говори, говори...

Николай. А что говорить?

Галя. А что начал, то и говори.

Николай. Ты и так все знаешь.

Галя. Знаю, слова эти ты мне сто раз говорил, а сам вчера в читальне чуть не до ночи просидел... Еще и провозжать ее пошел... Неправда, скажешь?

Николай. Чудная ты, Галка! Я же общественник. А Скорикова человек у нас новый, притом городской. Не охвати — смалодушничает. А потом она какая-то такая. Нездешняя...

Галя. Всех-то охватывать начнешь, я и сама нездешней стану.

Николай. Я тебе говорил: давай поженимся.

Галя. Одолжение делаешь? Разве так предлагают? Раз — и пожалуйста. Эх, ты!

Николай. А что? В наше время все должно делаться без промедления, без лишних там атрибутов. Вот я и говорю тебе: хоть завтра.

Галя. Спешу и падаю. Как же — герой! Человека спас!

Николай. Опять заладила... А вообще-то как он?

Галя. Помрет без Ивана Антоныча. У него воспалительный процесс. Только и держится на снотворном. А то бы криком кричал.

Николай. Ташил его, ташил, а он возьмет и помрет. Так-то, брат Николай, сын Петра. Село народу, а будем спокойно смотреть, как человек на наших глазах помирает...

Галя. Так что же сделаешь по такой погоде?

Николай. Идти за Антонычем.

Галя. Коленька!

Николай. Поговорю с ребятами. Побоятся — один пойду.

Галя. Побойся Бога, Коленька, не сходи с ума! Кто же в такую вьюгу тайгой ходит!

Николай. Не по-людски ты рассуждаешь, однако. Человек умирает!

Из палаты появляется С и л о в н а.

Галя. Уснул? Надолго ли?

С и л о в н а (*сердито глядя из-под очков на Николая*). Уснул. А надолго ли, нет ли, одному Господу известно...

Николай. Лишь бы выжил.

Силовна (*мгновенно раздражаясь*). А тебе помолчать бы... Ты тута посторонний. Пореже ходил бы, почаще думал бы...

Николай. Так ведь я ж его вытащил — не дядя...

Силовна. «Вытащил, вытащил!».. Ишь спасальщик какой выискался... Чем по тайге рыскать, под носом смотреть надо... А то добегаешься...

Галя. Ну что ты, Силовна, навалилась на него? Он, бедненький, даже взмок. (*Она увлекает парня за собой.*)

Силовна (*кричит ворчливо*). Наплачешься, девка... Весело хороводы водить, да не весело... (*Уходит.*)

Голос Сергея. Парень-то явно агитирует не девуку, а собственный страх... Чем же все-таки кончится... Меня страшит не смерть, а перспектива остаться без ног! Я ведь не червяк, я не могу жить одной половиной.

Угол коридора, где сидит Силовна, окутывает темнота. Освещена только дверь с врезанным на нее силуэтом, и вот на двух противоположных сторонах просцениума, выхваченные из тьмы двумя снопами света, встают двое. И только дверь, только говорящая дверь между ними.

Николай. А если бы это был твой отец, брат, жених? А если бы сейчас погибал твой сын, внук или далекий правнук? Тогда что?

Галя. Я понимаю, Коля!

Николай. По-моему, я, спасая попавшего в беду, должен думать, что это мой самый близкий, самый дорогой мне человек.

Галя. Я понимаю, Коля.

Голос Сергея за сценой. Ишь желторотый страус. Платформу под самолюбие подводит. Сам, конечно, не пойдет, а — как это у них называется — «людей организует». Сам же будет сидеть здесь — девуку щупать. Знал бы, кого спасал, за сорок верст то место обогнул бы. Знаем мы вас, идейных... И ты тоже хорош гусь! Пижон с Дерibasовской! Сам себя валишь, чуть не раскололся.

Разговор становится тихим и почти бессмысленным.

Он. Понимаешь?

Она. Понимаю.

Он. Спасибо, Галя.

Она. Что ты, Коля.

Голос Сергея. Я засыпаю под его тихие раскаты, но — черт побери! — последнее, что я чувствую, — это грусть — пронзительную и короткую... Да, да, грусть!..

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Вереница самых разномастных людей колготит в толчее кавказского рынка. В ней туда-сюда шныряет С е р е ж к а.

Слепец (*в толпу*). «Она его портрет прижала к своей груди, что было сил. И вдруг могила задрожала, оттуда голос слышен был...»

Продавец с бурдюком. Покупай дишевый вино, самый дишевый. Глоток выпьешь — сто лет жить будешь. Сам бы пил — деньги надо...

Продавец с лотком на голове (*протяжно*). Ррррхааатт-лукум. Печенья фисташкаааа! Каррраааа-меельная палочкаа! Дааром!

Человек из толпы (*восхищенно*). Даром?

Продавец с лотком на голове (*оборачивается к нему и коротко, мрачно*). Почти.

Человек из толпы (*разочарованно отходит*). А-а-а-а!

Слепец (*в толпу*). «Она его портрет прижала к своей груди, что было сил. И вдруг могила задрожала, оттуда голос слышен был...»

Карманник (*с независимым видом посвистывая, вынимает у слушателя бумажник. Проходит мимо Слепца. Коротко, сквозь зубы*). Привет, Вася.

Слепец (*не переставая петь*). Здоров!

Карманник. Сегодня «Чарли Чаплин», идешь?

Слепец. Бери два билета... «Не лей свои, Маруся, слезы и не терзай себя тоской! Мне твои густые косы за гробовой мерещутся доской...»

Все это время то в ту, то в другую сторону шмыгает Сережка. Он подтаскивает с базара обывателям до дома туго набитые кошелки. Подворовывает по мелочам. Такой же парнишка, по виду конкурент, останавливает его в тот момент, когда Сережка понурый возвращается на базар.

Карманник. Ничего ты сейчас себе клиента отхватил. Увесистый дяденька. Сколько дал?

Сергей (*хмуро*). По шее.

Карманник (*мастерски сплевывает и не то с сожалением, не то с восторгом*). Вот сволочь!

Сергей. Иди, говорит, работай, я тебе рекламу сделаю.

Карманник (*еще восторженнее*). Ну-ну, я же клеил, фартовый дяденька... Пока! Заживе-е-ет!

В это время базарный круговорот продолжается в том же порядке. Но в постепенно сгущающейся темноте фигуры становятся все призрачнее и призрачнее. Высвечен один Сережка.

Сергей (*неопределенно*). Заживет ли?

З а т е м н е н и е.

Слышен оркестр, играющий пошленький фокстрот.

Голос Сергея. Я не люблю танцев. Даже больше, я их ненавижу... О, у моей неприязни к танцам веская причина: хочу спать... Но пары шуршат подошвами, а духовой оркестр подбирает из лязга, стука и воя вытягивающие душу мелодии. И я ворочаюсь с боку на бок в своем логове под танцплощадкой и никак не могу заснуть. Будь проклят тот человек, который первым вильнул задом под музыку! Я хочу спать, я безбожно хочу спать.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Под настилем танцплощадки звучит «Аргентина». Сквозь щели проникают пересекаемые тенями световые полоски. Сергей пробирается к своему лежбищу из тряпья и листьев. Неожиданно натывается в темноте на Вальку.

В а л ь к а. Ай!

Сергей пошарил спички, зажег огарок свечки, видит Вальку. Она пьяна.

Сергей. Чего «ай»? Чужую хату заняла и кричит еще...

В а л ь к а (*насмешливо*). Подумаешь, хату имеет, вот взяла и заняла. (*Сергей сердито выхватывает мешок тряпья, на котором лежит Валька, и отходит в другой угол — долго вертится, устраивается спать.*) Ложись... не обижу... ну что же ты? Может брезгуешь? (*Музыка, шарканье ног танцующих. Сергей замер на месте. Валька тянет его за руку.*) Ну, идем уж... (*Гасит свечу.*)

Все заполняет музыка и шарканье ног. Сквозь пошлый фокстрот пробивается вдруг чистая, красивая тема и снова заглушается и тонет в шарканье подошв и выкриках саксофона.

В а л ь к а (*вновь зажигает свечу, прикуривает*). Эх ты, в первый раз, наверно? Конечно, в первый, я-то знаю.

Сергей. Заткнись!

В а л ь к а. Подумаешь, принц какой! Сказал бы спасибо. Я-то спьяна. Похмелиться бы сейчас!.. Пошамать у тебя не найдется?

Сергей (*раскладывает перед ней снесь, вынимая еду из своего походного склада — противогазной сумки*). Барыня какая! Может, и за водкой сбежать?

В а л ь к а (*спокойно*). И сбегай.

Сергей (*хмуро*). И зачем это ты вот так-то, а?

В а л ь к а. Что?

Сергей. Пьешь вот... И вообще...

В а л ь к а. Собака от тоски воет, а я вроде человек.

Сергей. В колонию иди.

В а л ь к а. Была.

Сергей. Ври.

В а л ь к а. Это только в книжках пишут, что в колонии рай, а я-то знаю... (*Девчонка грозит вверх маленьким грязным кулаком. Она надкусывает яблоко, подбирает под себя ноги, так что колени ее касаются плеча его.*) Послушай, я вчера была с одним. Видно, вор, но из чистых: пижонистый такой. Альберт Иванович зовут. После всего он мне дело предлагал. Мне, говорит, нужны такие, щуплые. Домушник, наверное. Говорит, можешь, мол, вдвоем-втроем приходите. Вот тут я сразу про тебя подумала. Я ведь тебя давно знаю. И твою конуру. Еще весной тебя заметила. Больно ты не похожий на всех. Не воруеть и все особняком... И к морю утром я тоже ходить люблю... Альберт Иванович нынче затемно велел. Адрес дал. Пойдем со мной, а? Пойдем, а? Воровкой стану, так хоть не всякий лезть будет... Пойдем.

Сергей. Нет, мне такого дела не нужно. Своего хватает.

В а л ь к а. А зимой как?

Сергей. Какая тут зима! Никакой зимы тут нет вовсе. И под сценой перезимую. Даже лучше — танцев не будет, да и облав меньше.

В а л ь к а. Трудно тут зимой заработать... Не хочешь со мной вот так, я приставать не стану. Только бы душа родная какая рядом.

Сергей. Чудачка, какая же я тебе родная душа!

В а л ь к а (*улыбается*). Теперь — родная.

Сергей. Нет. Не надо мне такого дела.

Валька (*почти кричит*). Да, может, он и не вор, во-все! Ведь неизвестно, что за дело. Одну, говорит, обую. Пей, говорит, ешь — не хочу! И жилье!

Сергей (*неохотно сдаваясь*). Ладно, посмотрим. (*Он собирает остатки еды, аккуратно заворачивает в тряпицу и определяет обратно.*) Спи...

Валька (*уже засыпая*). Мне завтра пораньше нужно...

Сергей (*устраиваясь*). Спи, разбужу...

Голос Сергея. Музыка, музыка, будь она проклята... Так хочется спать! Так хочется спать! И как им не надоест. Ох, как я ненавижу их — эти танцы! Будь она проклята — эта музыка!

Валька (*сквозь сон*). Хорошо, Альберт Иванович!.. Хорошо... Сделаю.

Свет постепенно меркнет.

Голос Сергея. Альберт Иванович! Я никогда не думал, что один человек может иметь такую власть над другими. Даже когда я его не вижу, все равно чувствую на себе его взгляд, от которого у меня всякий раз противно ноют колени. Как в кошмарном сне, но от сна пробуждаешься, здесь же я не могу уйти от этой жути вот уже три года... Три года его глаза приклеивают меня к месту. Три года для меня Альберт Иванович, как и в первую встречу, страшен и притягателен, как заброшенный дом.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Помещение хозяйственного этажа большого дома в грузинском селе. Бочки, ящики, кадки, косы, стремянки, горой яблоки в углу. На длинном столе керосиновая лампа, батарея темных бутылок и нехитрая снедь. За столом Сергей Царев, Альберт Иванович. Оба на сильном «взводе». Первый — угрюмо и тяжело, второй — излишне шумно, но тоже не очень весело. Чуть поодаль от них Сандро и Валька.

Сандро (*подавая Альберту Ивановичу свернутую цыгарку*). Закури, батано. Лучший турецкий гашиш, батано.

Альберт Иванович (*затягивается*). Хог'оший товаг'. Инфляции подвег'жено все, кг'оме гашиша и водки, но водка не товаг', гашиш товаг'. На него всегда найдется покупатель... Пг'елесть!.. Шехег'езада!.. Надо бг'ать больше. Это вечное дело.

С андр о. Трудно стало ходить, батано. Очень трудно, батано. Тяжелая граница стала, батано.

Альберт Иванович (*заметно охмелев*). Легко деньги достаются только пижонам. Сег'езным людям по душе г'искованные деньги. Они веселее пг'опиваются... И вообще ског'о я закг'ываю фиг'му. Ског'о последний из могижан будет пг'аздновать свою победу. Я пег'ехитг'ю вас, господа большевики! (*Хватает Вальку за шею, трижды пригибает ее к столу.*) Ског'о, ског'о, ског'о... Это будет не жизнь, а сон, сказка... Ты когда-нибудь носила бальное платье... белое... с выг'ездом. И музыка, музыка, музыка... И ты в белом платье с выг'ездом... А кг'угом фг'аки, фг'аки, фг'аки... Поднимись, я хочу смотг'еть на тебя... Иди... Иди... Вот так... (*Пьяно подходит к Вальке и поднимает ее на руки. Валька взвизгивает.*)

Сергей вдруг весь напрягается, словно тетива, и делает движение, как бы намереваясь вскочить. Тяжелая рука Сандро ложится ему на плечо.

С андр о. Не мешай людям, бичо. Разве ты не видишь, бичо, людям весело. Хороший совет даю, бичо. Бесплатно.

Сергей впивается зубами в собственную руку. Альберт Иванович отпускает Вальку и подходит к нему.

Альберт Иванович. Тг'и года ты знаешь меня... Постой, постой, как мы в пег'вый г'аз встг'етились? (*Он кивает Сандро и Вальке.*) А вы идите. У вас по гог'ло дел.

Те уходят.

Сергей. Вы дали мне по шее за зеленым базаром.

Альберт Иванович (*смеется*). Да ты все помнишь... Может, сегодня ты хочешь пг'едъявить мне счет за тот подзатыльник? Сегодня я хочу уплатить все долги. Я не хочу, чтобы Г'оссия могла упг'екнуть меня в непог'ядочности.

Сергей. Так, вспомнилось.

Альберт Иванович. Но тогда почему ты не спг'осил никогда: кто я такой? Г'азве тебе неинтег'есно? Сегодня я добг'ый, спг'ашивай.

Сергей. Чего уж там, охота пришла, так говорите. Все одно ведь скажете.

Альберт Иванович. Ты пг'ав: все одно. Стих

нашел. *(Не без патетизма.)* Кто я? Чудак! Я циг'ковой аг'тист! Ты был в циг'ке? Видел фокусника? Так вот я и есть фокусник. Я тоже могу вынуть из пустого цилиндг'а все, что угодно. Стг'аждающей душе — от анаши до шелковых чулок включительно. Так что, мой дг'уг, считай, что тебе повезло, а твоей даме — вдвойне... А в общем-то, это все в пег'еносном смысле, конечно... Я — офицерг' лейб-гваг'дии... Ты знаешь, Сег'ега, что такое лейб-гваг'дия?

Сергей. Мне не пришлось учиться, Альберт Иванович...

Альберт Иванович. Ха-ха — учиться! Это не потому, что тебе не пг'ишлось учиться, а потому, что все твои пг'едки из колена в колено — быдло. Навоз для удобг'ения голубой г'оссийской кг'ови.

Сергей *(поднимаясь)*. Альберт Иванович, такого уговора не было, чтобы вы мне каждый раз в душу плевали.

Альберт Иванович *(смотрит прямо в упор, не мигая, Сергей поникает под его взглядом и тяжело опускается на место)*. Фу, фу, фу, как мы оског'блены!.. Моя школа, ты должен пг'изнать это. *(Он хлопает парня по плечу.)* Тебе, Сег'ага, фаг'тит: тг'и года. В г'убашке, видно, г'одился. Я вообще к тебе пг'ивык здог'ово. Ты умеешь слушать, а это — достоинство мудг'ых... Завтг'а я покажу тебе миг' Шехег'езады... Выбиг'ай из нее все, что тебе по душе. Завтг'а «последний из могикан» будет пг'аздновать свою победу. Я пег'ехитг'ил вас, господа большевики. *(Исступленно стучит кулаком по столу.)* Завтг'а... завтг'а... завтг'а...

Сергей. А потом что?.. Что потом?

Альберт Иванович *(залпом опрокидывает вино)*. Подумаешь, «что потом?» А хоть потоп... Что мы в миг'оздании — блеф, миг'аж! А может быть, даже и то, что мы — смег'тные — называем миг'озданием, есть всего одна молекула дег'ьма, какой-нибудь мошки непостигаемого нами миг'а... И вдг'уг — на тебе — г'еволуция! Здог'ово живешь! Зачем? К чему? Ну, объеяи советскую власть по всей солнечной системе, ну и что? Я-то ведь, я так и останусь сам себе планета, сам себе миг'оздание, тем более — советская власть.

В помещение входит Сандро и останавливается у двери.

С а н д р о. Скоро можно выходить, батоно.

Альберт Иванович. Знаю... Иди смотг'и. *(Сандро уходит.)* Тьфу, пег'ебил, азиат... Так вот я хотел сказать, пусть убиг'аются от меня к чег'ту, пг'оклятое быдло! Пусть они оставят меня в покое! Неблагадаг'ные скоты!.. Сначала они топчутся у пог'ога: «Хлебушка, не пожалте ль до зимы», а потом гадят в истог'ические вазы Зимнего... Я понимаю — г'еволюция: «Г'обеспьег'!.. Консьег'жег'и! Ночи Конвента!..» А тут Васька да Тишка, Пг'ов да Никишка... Тьфу!..

Сергей. А если возьмут? На кордоне теперь не то, что раньше, враз захомутают...

Альберт Иванович *(густо икает)*. Окстись, каг'кало... Но в общем-то, это тоже выход... Жизнь, бг'ат, кг'асива только в г'иске, в полете, так сказать, в вечном угаг'е гусаг'ского беспутства... Жизнь сама по себе — тлен, и поэтому надо не чадить, а гог'еть... А тюг'ьма, бг'ат, антг'акт между действиями... Маленькая, так сказать, пг'огулка в буфет... А в общем, пошло все к чег'ту! Пей, одно-ва живем!.. *(Расплескивая вино, он наливает кружку Сергею.)* Пей! *(Сергей залпом выпивает, Альберт Иванович наливает еще.)* Пей! *(Сергей пьет, а через минуту полная кружка вновь встает перед ним.)* Пей!..

Сергей *(угрюмо и трезво)*. Спаивать меня не нужно, Альберт Иванович. Я ведь и так не боюсь. Просто на душе сквозняк, потому и не берет. Только голова тяжелеет... Будто чугунная...

Альберт Иванович *(протягивает папиросы)*. Закуг'и.

Сергей. Тоже не хочу.

Альберт Иванович. Это пг'ойдет.

Сергей. Не по себе как-то.

Альберт Иванович. Стг'ашно?

Сергей. Не по себе, говорю.

Альберт Иванович. Я знаю — бывает. В пег'вый г'аз всегда.

Сергей. Я не в первый...

Альберт Иванович. Надолго — в пег'вый.

Сергей *(тоскливо)*. Может, навсегда...

Альберт Иванович. Это зависит от тебя...

Сергей. Не понимаю.

Альберт Иванович. Потом поймешь.

Сергей. Когда — потом?

Альберт Иванович. На том бег'егу.

Сергей (*почти стена*). Что мы там делать будем — чужие все!..

Альберт Иванович. Деньги, дг'уг мой, — лучший паспог'т. И лучший язык. Пока ты со мной, ничего не бойся.

Сергей. А если я не пойду?

Альберт Иванович (*спокойно пускает «колечки»*). Даже так? В таком случае — единственное, что я гаг'антигую тебе — это безболезненность.

Сергей (*с отчаянием*). И зачем я вам только, Альберт Иванович!

Альберт Иванович. Тебе не понять, бг'ат. Ты еще молод для этого... Но вкг'атце это, пг'имег'но, выглядит так: стаг'ому пиг'ату хочется иметь на чужбине кусок живой говядины, с котог'ой хоть немного свыкся... В общем, лиг'ика, но будут дела... да...

Сергей. Какие?

Альберт Иванович. Всякие, дг'уг мой, всякие. К пг'имег'у...

В помещение вскальзывает Валька.

Валька. Сандро сказал: можно.

Альберт Иванович. Тише, дуг'а! И пг'икг'ой двег'ь! (*Валька робко присаживается на ящик у двери и по-собачьи преданными глазами смотрит в сторону Альберта Ивановича.*) Пг'исядем, пег'ед дог'огой по-г'усски... С Богом!

Сергей и Валька надевают похожие на телогрейки бушлаты, в каждой ячейке «груз». Свой «груз» Альберт Иванович наваливает на плечи Сергею.

Альберт Иванович. Я пойду сухой... Для подстг'аховки... Двинули!

Идут гуськом: первым — Сандро, потом — Сергей, за ним — Валька, следом Альберт Иванович. Темнота. Слева из темноты постепенно высвечивается кусок берега. Два-три куста на противоположной стороне, громадами — горы. Пограничный столб с турецким опознавательным знаком. Лунный блик выхватывает из темноты часть лица и фуражки турецкого пограничника.

Голос Сергея. Я еще ничего не решил, но твердо знаю, что «туда» я не пойду, мне там нечего делать. Да, нечего! Я не могу представить себе это «навсегда» — на-

всегда без земли, с которой связан, навсегда без тех, с кем я еще не теряю надежды встретиться.

Сандро сходится с ним и что-то коротко говорит ему по-турецки. Тот так же коротко отвечает и исчезает в ночи. Сандро делает знак: можно идти.

Альберт Иванович (*снимает фуражку, исто-во крестится*). Слава Тебе, Господи, пг'онесло! (*Вальке*.) Сваливай гг'уз. (*Валька затравленно, заискивая перед ним, снимает бушлат*.) Ты, Сер'ега, иди впег'еди, я нагоню. (*Сергей нехотя делает несколько шагов вперед*.)

Альберт Иванович (*вынимает револьвер, взводит курок. Вальке*). А теперь топай назад, сука!

Валька. Как же я, Альберт Иванович, клялись ведь...

Альберт Иванович. Топай, говог'ю, обг'атно, не заставляй гг'еха на душу бг'ать! (*Наступает на нее*.)

Валька. Альберт Иванович... Альберт Иванович... Альберт Иванович... За что же?.. Я же все для вас...

Альберт Иванович. Иди же, мг'азь, у меня нет вг'емени...

Он не видит, как у него за спиной Сергей, сбросив с себя груз, поднимает над собой булыжник и медленно шаг за шагом приближается к нему.

Валька. Меня теперь и в колонию не возьмут... взрослая. Опять на улицу, Альберт Иванович!

Тот поднимает было ногу для того, чтобы ударить ее, но в это время его настигает удар Сергея. Альберт Иванович беззвучно расплывается на берегу. Сергей делает шаг к Вальке, но та в ужасе отскакивает от него.

Сергей (*еле слышно*). Ты что?

Валька (*вдруг испуганно*). Падаль, ах падаль! Со спины людей бьешь... Ах, падаль!.. Не подходи! (*Шаг за шагом она отступает в темноту, и темнота начинает говорить ее голосом*.) Падаль... Тебя из грязи... А ты!.. Ах, падаль!

Темнота умолкает, а Сергей все еще стоит, опустив плечи, раздавленный и опустошенный. Тьма. Теперь высвечивается кусок берега с другой стороны сцены. На берег поднимается сгорбленный и безразличный ко всему Сергей. Куст, растущий на берегу, вдруг оборачивается молодым пограничником с винтовкой наперевес.

Пограничник. Руки вверх!

Сергей Царев покорно поднимает руки.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Процедурная. На перевязочном столе Сергей Царев. Рядом с ним Галя.

Сергей. Выключите музыку. Она мне сушит мозги.

Галя. Какую музыку, больной? Здесь вовсе нет музыки.

Сергей (*досадливо*). А, черт, эти проклятые сны!

Голос Сима (*из смежного коридора*). Готовь, Галочка, готовь, я сейчас!

Галя (*громко, с улыбкой*). Да он уже давно готов! (*Сергею.*) Держимся?

Сергей (*грубо*). Сестра, ноги отрежут?

Галя (*улыбчиво*). Что вы, дорогой товарищ, что вы! Все будет хорошо, все, все! К утру привезут Ивана Антоновича, обязательно привезут! Уж если Коля возьмется, он сделает... Все будет замечательно, вот увидите.

Сергей (*еще грубее*). Врешь ты все, сестра!

Галя от неожиданности роняет на пол приготовленный было градусник. Вскрикивает. Крутой подбородок мелко дрожит. Уронив голову на грудь, она почти бежит к двери. Только похрустывают под подошвами тапочек осколки градусника. А через минуту входит Сима.

Сима. Вы ее простите, уважаемый, она еще молодая, опыта нет. К тому же разволновалась. Жених у нее пошел с собаками в район за нашим доктором, Иваном Антоновичем. В такую пургу никто у нас не ходит, а она ведь на четвертом месяце, да... Так что вы уж не обессудьте... Силовна!

Появляется в дверях.

Силовна. Тута.

Сима. Помоги.

Силовна. Так?

Сима. Так... Сейчас мы все за милую душу обрабатываем... Всего на пять минут и дела... От ихтиоловки ногам и теплее и покойнее... А потом пенициллинчиком мы ее, боль-то, и припугнем... Она, боль-то, и рассосется... Хорошо, ей-Богу, хорошо... А сейчас потерпите, голубчик,

самую малость... А вы молодцом, молодцом... А ведь я вас еще и не знаю по имени...

Сергей. Сергей.

Сима. Ой, Силовна, ну что нам за больной попался, право. Самородок... Я его ручищами, ручищами, а он терпит... Терпит-ит... Ну-ка, Силовна, перехвати... Вот так... Теперь правую... Потерпите, Сереженька, еще минуточку... Вот так... Поддержи, Силовна... Вот... Вот... Вот... Все... Уф! *(Тыльной стороной ладони она вытирает со лба пот, глаза ее излучают откровенную горделивость.)* Не ноги, а загляденье. Им теперь, как в печке. Боль тепла боится, ой, как боится. Накрой, Силовна.

Силовна. Да уж и руки у тебя, Серафима Сергеевна!

Сима *(моя руки)*. Вестей-то я вам новых еще не сказала? Как же: связь наладилась, Иван Антонович едет. Иван Антонович мертвого на ноги поднимает... А сейчас поедим, поедим. Нельзя так: не емши и не емши.

Сергей. Воротит меня с еды... Может, потом?

Сима. Этак вы меня, Сергей, в гроб вгоните! Что Иван Антонович скажет? Какой же, извините, это режим — по двое суток не есть? Уж как-нибудь, голубчик, как-нибудь... Я мигом. *(Шаркая подошвами, уходит.)*

Силовна. Зачем девку обидел? Хоть ты и больной, а я так скажу: не тебе ее обижать. На одного плюнешь, на другого, на всех, а коли все на тебя потом да по разу, каково будет?

Сима вносит миску с дымящимся супом. Глаза ее излучают торжественность.

Сима. Отведай-ка нашего. В Верхнереченске такого не варят. Где вашим! Язык откусишь! Со стерлядью! *(Начинает кормить Сергея с ложки.)* Ешь, милый, наедай пузо. Не варят ведь у вас в Верхнереченске такого? Не варят ведь, а?

Сергей *(давась)*. Не варят.

Сима. Силовна для тебя постаралась. Она у нас такая — добром щедрая... Ну, как?

Сергей. Ничего.

Сима. Ну, докорми, Силовна, и в палату. А я пойду, а то что-то сердце у меня нынче... По погоде, знать. *(Уходит, тяжело волоча ноги.)*

Сергей. Законная тетка.

С и л о в н а. И-и, парень! «Законная». Не знаешь ты нашу Симу. Только диплому нет, а так истинный доктор. Ее к нам Иван Антонович привез с фронту. Сколько она там народу выходила! И все больше не руками — сердцем. Свое людям раздарила — сама еле дышит. Вот сейчас — постояла у печки и слегла. Вредно ей у печи-то. Да и не ее это дело. Так нет: «сама» да «сама». У нас, почитай, три школы-семилетки в округе — Симины крестники. Сама приняла! А ты говоришь «законная»! Слово-то какое... Ну, ешь, ешь, да и на боковую.

Сергей (*смущенно*). Скажи ей — все в порядке, мол. Пусть лежит...

Свет начинает меркнуть.

Г о л о с С е р г е я. Эти люди не знают, кто я. Стоит им узнать всю правду, и они перешагнут через меня, не раздумывая, даже раздавить побрезгуют. Сейчас я должен играть с ними в «кто кого». Лишь бы сохранить ноги. Побеждает тот, в ком меньше иллюзий. Но слышу я рвущееся из памяти, из прошлого: «А разве ты среди людей жил? Ты разве среди людей жил?» И я беззвучно кричу, кричу иступленно своей раненой совестью: «Да не агитируй, ради Бога! Без твоей агитации кровь в жилах свертывается...»

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Бывший коровник. Сюда группа за группой сгоняют военнопленных. Располагаются — всякий, как может. В одном из стойл на жиденькой соломе лежит Ц а р е в, заложив руки под голову. А кругом стоны, ропот, разговоры, смешение лиц, форм, наречий.

Первый военнопленный. Куда нас гонят, братцы, никто не знает?

Второй военнопленный. Господь Бог.

Третий военнопленный. Хоть какой-нибудь конец. А так ведь и с ума сойти недолго.

Второй военнопленный. От собственного скулежа.

Третий военнопленный. Ох, уж эти оптимисты, даже в аду не дадут покоя. И откуда вы только беретесь?

Второй военнопленный. Мы — одноклеточные, мы — от сырости.

Первый военнопленный (*умоляюще*). Заткнитесь, трепачи... Сколько можно? Сидят на мушке, а все выясняют, почему фунт трепачи.

В сопровождении двух Эсэсовцев входит стукач. Не отходя от двери, он глазами показывает на одного, на другого пленного.

Эсэсовец (*кивая на указанных*). Ти... Ти... Ти... Ти... За ворота... Ти... Ти... За ворота!

Один за другим обреченные поднимаются и идут к выходу. Тягостное молчание провожает их. Через минуту дверь захлопывается за ними.

Первый военнопленный (*в полной тишине*). Зря старались, накололи ротного.

Второй военнопленный. Попа в какую одежду ни одень...

Третий военнопленный. При чем тут поп и одежда, вы же видели — провокатор.

Во время их разговора поднимается из угла Плюгавенький малый и, осторожно лавируя меж телами, начинает кружить по коровнику. Он вглядывается в лица цепко и внимательно.

Первый военнопленный. Да я его знаю, он из второго взвода... вроде парень как парень.

Второй военнопленный. А ты хочешь, чтобы у падали все на роже написано было?

Третий военнопленный. Страшное дело... А я ведь, может быть, с ним в одном трамвае на футбол ездил!

А Плюгавый все ходит меж телами, все всматривается. И наконец находит добычу. От радости он почти визжит.

Плюгавый. Братцы, взводный, а!.. Я ему подчинялся, а! Он из меня кровь пил, а!.. Продали Россию, а? Ты чаво нос воротишь? А?

Он волчком вертится вокруг долговязого, рыжеволосого пленного в продранной голубой майке. Тот молчит, привалившись спиной к стене сарая и низко опустив голову. В его сгорбленной фигуре столько отчаянной усталости и безразличия, что, кажется, ружьи сейчас небо, он не вздрогнет, не пошевелится. А тот прыгает возле него, тычет под нос ссохшийся грязный кулак и все оборачивается, оборачивается к пленным, как бы ища сочувствия. Но все молчат, тяжело молчат.

Первый военнопленный. Взводный тоже человек...

Злоба трясет Плюгавого. В прыжке наотмашь он бьет командира по лицу. У того от губы к подбородку вытягивается черная струйка, но он молчит, только отводит голову да жалко морщится. Рядом с Царевым поднимается Семен Семенович, в руках у него кусок доски.
Движения его решительны и недвусмысленны.

Сергей (*спокойно останавливает его*). Погодь, дядя... Здесь нужен интеллигентный разговор... (*Плюгавому*.) Эй ты, хмырь болотный, топай сюда, разговор есть!

Плюгавый (*готовно, с заискивающей улыбочкой*). Своих за сто верст чую!.. Привет, кореш!.. (*Он пробирается к Сергею*.) Когда освободился? Я прямо из лагпункта и сюда...

Сергей (*не вставая, бьет его пяткой в пах*). Это тебе, паскуда, мой паспорт и справка об освобождении. Заходи, когда соскучишься, еще раз предъявлю.

Плюгавый (*скорчившись*). А-а-а-а-а! (*Случившееся как бы объединяет пленных в одно целое, и вот уже тот окружен со всех сторон плотным полукольцом, которое все сжимается. Плюгавый одним прыжком оказывается у двери*.) Дежурный! На коридор! На коридор-ор, дежурны-ы-ый! Убиваю-ю-ют! На коридор-о-о-р! На коридор!

На него набрасываются, и крик оборван на полуслове. Через минуту все кончено.

Первый военнопленный. Сам подход... Мало ли пленного братадохнет...

Третий военнопленный (*монотонно*). Пергаментные пятна с кровоподтеками в толще крови. Переломы хрящей гортани... Переломы рожков подъязычной кости... Ссадины, синяки... Насильственное удушение...

Первый военнопленный (*растерянно*). Как по книжке...

Третий военнопленный (*тихо*). Я — судмедэксперт...

Второй военнопленный. Придется вам, доктор, переквалифицироваться на ходу... Хватайте его за ноги... Техминимум погрузочно-разгрузочных работ... Завалим его в углу хламом.

Пленные начинают хлопотать вокруг казненного.

Семен Семенович (Сергею). Не боишься?
Сергей (укладываясь на место). Нет... У меня три срока за спиной... Три, так сказать, охранные грамоты...

Семен Семенович. Ишь ты... Где отбывал?

Сергей. Ты что —следователь?

Семен Семенович. Не ершись, может, в одних краях были.

Сергей. Что-то я тебя, батя, в своих краях не видел.

Семен Семенович. Плохо смотрел.

Сергей. Ладно, Дальстрой.

Семен Семенович. Бухта Нагаева.

Сергей. Сколько?

Семен Семенович. Семь лет. Сколько?

Сергей. Три года.

Семен Семенович. Вор?

Сергей. Переход границы... А ты, батя, видно, за святость семерик оттягивал?

Семен Семенович. Пятьдесят восемь, пункт одиннадцать.

Сергей. Понятно.

Семен Семенович. Что же тебе понятно?

Сергей. Все понятно: я вот тоже сыт по горло. Хватит. Теперь пусть пижоны за меня повоюют, а я отдохну малость. Я не настолько богат кровяными шариками, чтобы платить ими за тюремную баланду.

Семен Семенович. Ничего тебе, брат, выходит, не понятно.

Сергей. Вообще-то вы, политические, все с заскоком. Бей вас, а вы все «ура» кричите... Смешно...

Семен Семенович. Думаешь?

Сергей. Да уж знаю.

Семен Семенович. Плохо смотрел.

Сергей. Насмотрелся. До тошноты.

Семен Семенович. Не с теми людьми водился.

Сергей. А что — люди? Люди все одинаковые, вроде этого пса... Зверье... Кто кого съест.

Семен Семенович. Как ты, брат, о людях-то.

Сергей. Сволочи.

Семен Семенович. И я, выходит, сволочь?

Сергей. И ты.

Семен Семенович. А коли так, зачем за взводного заступился?

Сергей. Я не за него. Просто мне эта холуйская морда не понравилась... Я их и там бил.

Семен Семенович. А ты, я гляжу, парень тоже... с заскоком.

Сергей. Какой есть... У всякого своя правда... Всякий со своей правдой живет... У тебя — своя, у меня — своя, а у него (*он кивает в сторону лежащего неподалеку дяди Вани*) — своя... Дядя Ваня, скажи этому пижону, какая у тебя правда.

Дядя Ваня (*не двигаясь*). Зачем мельтешить? Зачем говорить? Лежали бы себе и все... Что толку махать руками... Надо беречь силы, надо жить, а вы мельтешите.

Сергей. Слышишь, паря, вот и вся премудрость... Он хоть и жареный, и пареный, а хочет жить... И плевать ему на все с самой высокой колокольни.

Семен Семенович. Нет, парень, меня этим не проймешь, я вот что тебе скажу...

Из другого конца сарая возвращаются знакомые нам пленные. Рассаживаются по своим местам.

Первый военнопленный. Сказали б мне вчера, что со мной сегодня будет, ни в жизнь не поверил бы... А что-то завтра будет...

Второй военнопленный. Не давай себе на горло наступать — выживешь.

Третий военнопленный. Теоретически — это безнравственно, но как же быть, если из тебя делают подопытного кролика.

Первый военнопленный (*испытующе глядя на товарищей*). Есть предложение.

Второй военнопленный. Выкладывайте.

Третий военнопленный. Тут надо все тщательно продумать.

Трое наклоняются друг к другу, продолжая начатый разговор вполголоса.

Семен Семенович прислушивается к ним, потом подходит.

Семен Семенович (*вполголоса*). Дело вы, ребята, задумали доброе, может, в долю возьмете? Опыт есть.

Первый военнопленный. Да нет... Что ты... Мы так... А вообще-то, кто ты есть? Какая у тебя подкладка?

Семен Семенович (*спокойно и коротко*). Не ошибетесь.

Наступает пауза, во время которой все трое как бы испытывают четвертого. Тот выдерживает взгляды. И вот они уже сгрудились друг против друга и повели тихий разговор. Сергей встает было, чтобы приблизиться к ним, но они предупреждают его желание, вставая на его пути.

Сергей (*нехорошо улыбаясь*). Вот все вы так, только с разговорами в душу...

Семен Семенович (*спокойно*). Людей винишь? А разве ты среди людей жил? Шваль всякую за людей считаешь?

Сергей. Повезло тебе, видно, в рубашке родился.

Семен Семенович. А ты поверь людской душе, и тебе повезет. Еще как повезет.

Сергей. Слова, батя, слова. Слов я знаешь сколько на своем веку слышал — страсть! А что под ними? Чаше всего — пшик.

Семен Семенович. Всех меряешь по той швали, с которой жизнь коротал. А ты узелки у дорог видел? Из последнего несут, а кто мы им? Никто. Чужие люди. И ведь знают, что не достанется нам ничего. Но несут! Несут! Надеются: может, да перепадет чего-нибудь, как-нибудь случайно...

Дядя Ваня (*шепотом, почти страдальчески*). Говорят, говорят, говорят! Будто словами можно насытиться. Наоборот — слова истощают. Надо молчать. Как можно больше молчать...

Семен Семенович. Слушай ты, цыпленок, я знаю, тебе хочется жить, но, может быть, ты побережешь свою философию для себя?

Сергей. А ему, батя, так сподручнее... И на одного такого, как ты, сотня вот такой швали.

Семен Семенович. Арифметику не забыл?

Сергей. Кое-что помню.

Семен Семенович. Вот перемножь узелки при дороге на тех баб, что всей деревней их собирали и тебе, дураку, несли...

Сергей (*зябко поводя плечами*). Повело меня вроде.

Семен Семенович. Что это тебя скрутило?

Сергей. Малярия, паря... Потийский подарочек... Часы проверить можно... Каждый Божий день ровно в четыре...

Семен Семенович. На-ка вот. *(Снимает с себя гимнастерку.)* Все теплее будет... И соломки, соломки под себя подгреби... Вот так... Держаться... Если выгонят на этап — душу в зубы и шагом марш... Ясно?

Сергей. Ясно... Только ты сам-то еле двигаешься...

Семен Семенович. На меня не смотри, я — дужильный. Таких, как я, надолго хватает.

В это время раздается короткая автоматная очередь, и, словно разбуженное ею, небо раскалывается в громовом грохоте.

Голос из угла *(на одном вздохе)*. Братцы, туча! Дождь будет! Вода будет!

Все взгляды направлены в окна, солнечный свет меркнет. По крыше начинает шелестеть дождь.

Сергей *(в полубреду)*. Попить бы... Попить...

Семен Семенович. Слушай меня, парень... Пьяным никогда в метро не садился? В общем, задача простая: держись тверже на ногах, чтобы тебя на мушку не взяли... Наметил впереди для себя точку и двигайся прямо к ней... Так вот — от точки к точке... Наука проверенная — ни разу не попадался... А в случае чего держись за меня, я подпираться буду... А сейчас лежи, может, отойдешь до подъема...

Сергей. Пить... В речку бы сейчас, всю бы выпил...

Семен Семенович. Потерпи, Серега, маленько, покуда нет такой возможности... Соберись малость с силами. *(Он встает на перегородку клетки и выглядывает в окно.)* Братцы, у кого пилотка?

Первый военнопленный *(передавая пилотку ему)*. Осторожнее, браток, вмиг срежут.

Семен Семенович *(подтягивается вплотную к окну и просовывает пилотку наружу)*. Жаль, сток далеко... Ничего дождичек. *(Раздается короткая автоматная очередь. Семен Семенович сползает по стене вниз и отваливается на спину. Вздыхает.)* Вот оказия. *(И тут же затихает окончательно.)*

В коровник влетает Офицер в сопровождении Солдата.

Офицер. Если хоть одна свинья еще посмеет высунуть рожу в окно...

Здесь его перебивает звонкий, почти мальчишеский голос:

«Солнце всходит и заходит,
а в тюрьме моей темно...»

Офицер бросается было на голос, но здесь все до одного человека подхватывают эту песню:

«Дни и ночи часовые
Стерегут мое окно...»

Песня ширится и крепнет. Это, собственно, хорал, а не песня.

«Как хотите стерегите,
Все равно я убегу,
Так мне хочется на волю,
Что я цепи разорву...»

В бессильном бешенстве офицер топчется на месте, наконец пульей выскакивает из коровника.

«Черный ворон, черный ворон,
Что ты вьешься надо мной?
Ты добычи не дождешься,
Черный ворон, я не твой...»

Дядя Ваня (*на фоне песни*). Что шуметь? Зачем шуметь? Как можно меньше движения, как можно меньше эмоций — закон сохранения энергии.

Сергей (*медленно поднимается над дядей Ваней и берет его за грудки*). Ты... ты... ты... (*Но не выдержав напряжения, падает навзничь.*) Гад... Ты живешь...

...Ты добычи не дождешься,
Черный ворон, я не твой...

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Силовна сидит около койки. В руках у старухи исписанный с обеих сторон тетрадный лист. Она шевелит дряблыми губами, старательно связывая то и дело ускользающие слова.

Силовна. «...а еще в последних строчках сообщаем, что выслали тебе денег тридцать рублей. Купите себе подарок на праздник, какой по вкусу. Кланяются вам жена моя Нюра и сын мой Степка. Остаюсь — ваш любящий сын Петр. Совсем было запомнил: я ведь теперь мастер, и нам скоро квартиру...»

Сергей. С ногами я вроде, мать?

Силовна. С ногами, с ногами, милый. А то как же? Иван Антонович в своем деле промашки не даст. Его вон в Новосибирск зовут, оклад профессорский обещают, квартиру — не едет... Большой он только вот после дороги-то... Сорок верст по такой пурге — черта просквозит.

Сергей. А эта... Сима, что ли, где?

С и л о в н а. А Сима, известное дело, около него. Тому, милый, целая история. Они ить и не живут вовсе. Сима-то, конечно, со всей бы душой, да ведь Иван-то Антонович наш женатый. Семья у него в Иркутске. У жены его свой расчет — не едет. А он, почитай, годов двенадцать у нас... У Симы к нему любовь с фронту, только вот такая — безответственная. Ее бы сердца-то на тридцать три царевны хватило, да наружностью не вышла... И-эх...

С е р г е й. Долго ли лежать-то еще?

С и л о в н а. Спешить некуда. А ежели что — куда сообщить тебе надо, так это завсегда можно. Родне там или на службу...

С е р г е й. Успеется.

С и л о в н а. Мне так мой Петька в любом разе пишет — и с горя, и с радости... Опять вот прислал... Заказное. Рыбак он в Мурманске. У нас все по семейству рыбаки, потомственные. Повезло мне на невестку — двух внуков принесла... Деньги, пишут, послали. Вроде бы и не нужны, а не отказываюсь. Не то дорого, что деньги, а то, что не забывают. И-эх! Веришь ли, иной раз нету письма, так я старые достаю и сызнава перечитываю. Любое возьму: как песня — все бы повторяла и повторяла.

Свет переносится в комнату перед операционной. Ослепительное солнце льется в оттаявшие прогалы окон, высвечивая в своих сквозных потолках кружение мириадов микроскопических светил. Сима помогает раздеться Ивану Антоновичу.

И в а н А н т о н о в и ч. Симочка, главное — как можно больше горячей воды, как можно больше! Мне надо отогреть руки. А то черт знает что! Как костяшки... Когда его доставили?

С и м а. Третьего дня. Николай в тайге наткнулся.

И в а н А н т о н о в и ч. Знать бы, сколько он там пролежал... Температура?

С и м а. Утренняя — тридцать восемь и две.

И в а н А н т о н о в и ч. Думаешь — гнойный бурсит?

С и м а. По-моему, Иван Антонович, типичный, слизистая сумка, покраснение, флюктация. И температура.

И в а н А н т о н о в и ч. Жалуется?

С и м а. Молчит. Выносливый. Спрашивал только, отрежут ноги или нет.

Иван Антонович. А боль-то ведь адская. Откуда он?

Сима. Документов при нем нет. Наверное, из экспедиции.

Иван Антонович. Это, в общем, неважно пока. Ест?

Сима. Еле-еле.

Иван Антонович. Понятно. Готовьте, Симочка, все, что нужно. Попробуем сделать из парня первостатейного танцора.

Сима. Дай-то Бог.

На больничной тележке в процедурную Силовна ввозит Сергея.

Иван Антонович. Спит?

Силовна. Спит... Я сейчас с водой обернусь, Иван Антонович... Мигом!.. *(Уходит.)*

Сима и Иван Антонович склоняются над Сергеем.

Иван Антонович. Знаешь, Серафима, кажись, сто лет врачую, а вот всякий раз не могу от мальчишеского страха отделаться: еще один — каково-то кончится?

Сима. Ты до смерти и не повзрослеешь.

Иван Антонович. Хорошо бы.

Сима. Хорошо...

Иван Антонович. Как говорят, начнем, пожалуйста.

Сима. Иззяб весь...

Иван Антонович. Пробрало малость, но мы, чалдоны, народ теплый. *(Все слова в их разговоре имеют чисто внешний смысл. По-настоящему говорят только их руки. Иван Антонович яростно трет ладони. А Сима бесцельно переставляет с места на место пузырьки на столе.)* Галя как?

Сима. Я ее у себя уложила.

Иван Антонович. Сколько уже?

Сима. Четвертый месяц.

Иван Антонович. Все нормально?

Сима. Девка здоровая... Теперь бы...

Иван Антонович. Найдут.

Сима. Дай-то Бог.

Иван Антонович. Человека, да не найти...

Они стоят уже у окна. В пронзительно голубом небе стрекочут вертолеты.

Сима. Поднялись. Ищут.

Иван Антонович (твердо). Найдут.

Входит Галя в накинутом на плечи халате.

Галя. Иван Антонович, не встретили?

Иван Антонович. Не встретил, Галя.

Галя. Может, разминулись?

Иван Антонович. Значит, разминулись.

Галя. Вы Волчьей балкой ехали?

Иван Антонович. Волчьей, Галя.

Галя. Так ведь и он по этой дороге...

Иван Антонович. Галенька, милая. Тайга, сама знаешь, не иркутский проспект.

Входит Силовна с водой.

Силовна. А вот и вода.

Иван Антонович. Готовьте больного, Сима. (Подходит к Сергею, склоняется над ним.) Не спишь ведь?

Сергей. Не сплю.

Иван Антонович. Болит?

Сергей. Резать будете?

Иван Антонович. Буду.

Сергей. Совсем?

Иван Антонович. Посмотрим.

Сергей. Отнимать не дам.

Иван Антонович. Боишься?

Сергей. В детстве разучился. Но уж лучше в ящик, чем без ног.

Иван Антонович. Плясать умеешь?

Сергей. Приходилось.

Иван Антонович. Значит, и еще придется.

Голос Сергея. Мне вдруг передается спокойная уверенность этого хриплого голоса. Я начинаю верить, что все обойдется благополучно: быть мне на воле. Чтобы ни о чем не думать, закрываю глаза и принимаюсь считать: раз, два, три... После сотни начинаю снова: раз, два, три...

Сима. Осторожнее, Силовна. Левую прихватывай. Так. Накрой его.

Силовна. Легкай-то какой.

Сима. Кожа да кости.

Голос Сергея. Девятнадцать, двадцать, двадцать один, двадцать два...

Иван Антонович. Сейчас начнем, слышишь?
Сергей (*сквозь зубы*). Слышу.

Голос Сергея. Сорок семь, сорок восемь, сорок девять...

Иван Антонович. Готово?

Сима. Готово.

Иван Антонович. Маску.

Сима. Вот.

Иван Антонович. Наркоз.

Сима. Даю.

Голос Сергея. Я вдыхаю свое беспамятство, но сквозь него, наперекор логике, властно пробиваются в мое сознание зыбкие видения прошлого.

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Вагон поезда. Все: одежда, разговоры, предметы носят ярко выраженный послевоенный характер. Огонек кондукторского фонаря отбрасывает из гнезда в купе неверные блики. Под нижней лавкой лежит Сергей. Мы видим только часть его лица, освещенную фонарем. Прямо над ним, на боковых лавочках, друг против друга сидят двое. Пьют и едят. Едят почти из рукава, тревожно постреливая глазами по сторонам.

Первый спекулянт. Совсем новая, на бобре...

Второй спекулянт. И за сколько?

Первый спекулянт. Полпуда дал... Да потом гимнастерку офицерскую, почти новую.

Второй спекулянт. Ишь ты, пофартило...

Первый спекулянт. Рука легкая. Сыздетства.

Второй спекулянт. Может, схлестнемся?

Первый спекулянт. Много ли стоишь?

Второй спекулянт. Больше кожа, да и потяжелее есть.

Первый спекулянт. И не боишься.

Второй спекулянт. Битые.

Первый спекулянт. Тогда оммоем.

Второй спекулянт. Тяни.

Первый спекулянт (*пьет*). Хороша!

Второй спекулянт. Плохого не держим... (*Из кармана жилета он вынимает один конец цепочки, на которой прицеплен хвост воблы. Нюхает.*) Да.

Двое пьют. Из-под лавки высовывается Сергей.

Сергей. Здоров... (*Первому спекулянту*). Подвинься-ка?

Первый спекулянт (*с неохотой*). Ну, что надо?

Сергей. Двигайся, двигайся, разговор будет... Хлеб есть?

Второй спекулянт. Сами по миру ходим.

Сергей. Слушай, ты... За хлеб я всегда платил наличными.

Первый спекулянт (*примиряюще*). Ладно, ладно... Только что они теперь — деньги-то? Нужники обклеивать?.. Вот, может, барахло есть?

Сергей. У меня гардероб в Париже остался... Так как?

Первый спекулянт. Ну, тогда, может, в дело войдешь? Парень ты здоровый.

Сергей. А зачем я тебе?

Первый спекулянт. Тут поможешь, там пособишь...

Сергей. По барыжному делу я не мастер.

Второй спекулянт. А твое дело — бери больше, носи дальше.

Первый спекулянт. Моя голова — твои руки. Котел общий. Не пропадем.

Сергей (*усмехаясь*). Это ты лучше, брат, самостоятельно действуй.

Второй спекулянт. Ну, коли с гонором, тогда лапу соси.

Сергей (*встает со своего места и берет Второго спекулянта за грудки, говорит тихо-тихо, почти ласково*). Милый, я из тебя сделаю за одну минуту мешок под картошку, а кишками узел завяжу.

Второй спекулянт. Ладно, ладно, что ты, спятил? Так бы и сказал сразу, что свой. Мы дело знаем. Я вот тебе кусок дам, а Митрич хлеба подкинет.

Они начинают колдовать над своими мешками. Сергей лезет к себе. Вагон в это время исходит разговорами.

Инвалид с медалью. Одно слово: засуха.

Старичок в полушубке. От Бога — за грехи.

Старуха с кошелкой. Беда за бедой. Войну проводили, голодуху встретили.

Инвалид с медалью. Одно слово: засуха.

Старичок в полушубке. Ну, так и что он тебе говорит?

Инвалид с медалью. Я ему грю, ранетый, мол, я. Имею заслуги. Куды же мне подаваться? А он мне, значит, грит, мол, нонче ранетых да с заслугами — хоть печь топи аль заместо изгороди. Нету у меня для вашего брата ни шиша, окромя как по шее... Завоевал, значит...

Старичок в полушубке. Вот, вот. На таких, как ты, дураках тыловые и навозили себе водички.

Инвалид с медалью. Ах ты, гад! Да я тебя враз кончу!

Старичок в полушубке. Ладно, ладно. На ладан дышит, а туда же... Кончалыщик. Я сам с заслугами — тифью переболел. Одно слово: трудовой фронт.

Дверь открывается, и в зал входят трое милиционеров железно-дорожной милиции. И по вагону шелестит на разные лады: милиция, милиция... милиция. Милиция начинает проверять документы. Доходит до спекулянтов. Старший наводит на них фонарь.

Старший. Ну-ка, кто там? Вылазь на свет Божий!.. А-а! Здорово! Вам моя карточка вроде знакомая? Эх, Хижняк, Хижняк, сколько же у тебя теток! Этак весь Союз обработать можно теткам на прокорм. Я вижу, ты и работником обзавелся. С полным штатом, можно сказать, разъезжаешь... Эх, негоциант, ау-у! Силь ву пле, пардон то есть... А ничего, ничего, глаз у негоцианта есть... Здоров! Давно с ним?

Второй спекулянт. Я сам по себе.

Старший. На самостоятельном балансе, значит? Но сидеть, это я вам гарантирую, вместе придется.

Первый спекулянт *(ноюще)*. Так я и вправду к тетке, гражданин начальник. *(Суетится вокруг своих вещей.)* Здесь всего-то крупичицы да мучицы...

Старший *(морщится)*. Да не мечись ты из-за барахла, Хижняк! Барахло, я думаю, тебе уже ни к чему... *(Кивает старшине.)* Веди этих, Огуреев. *(Милиционер уводит спекулянтов. Старший замечает Сергея.)* Куда едем? Откуда?

Сергей. Из плена.

Старший *(враз суровеет)*. Веди его, Огуреев, там разберемся.

По дороге между Сергеем и ведущим его милиционером происходит разговор.

Милиционер. Воруешь?

Сергей. Нет.

Милиционер. Откуда?

Сергей. Из плена.

Милиционер (*вдруг останавливается*). Из плена, говоришь? Тогда понятно. На своей шкуре испытал... Вот что, брат, беги-ка ты на все четыре стороны и больше не попадайся. Хорошо, что на меня напоролся.

Сергей. А зачем? Куда?

Милиционер. Нынче вашего брата, знаешь, как привечают... Беги, а то быть тебе на лесоповале... Я сам, брат, у немцев лагерной водички хлебнул. У своих, я думаю, она не слаже будет. Валяй. (*Подталкивает Сергея в спину.*) Давай, давай, пока я добрый. Мне еще за тебя ответ держать.

Сергей, решившись наконец, бросается в темноту. Милиционер смотрит ему вслед, усмехается и весело сбивает фуражку на затылок.

Голос Сергея. Я падаю в глухую, пахнущую паровозным прогорклым дымом и лесом темноту — и нет, не ветер рвется в душу, но удушливый, как сердечная спазма, вопрос: «За что, за что же, Господи?!»

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ

Процедурная. У высвеченного солнцем окна стоит Иван Антонович. Только что окончилась операция, Сергей еще на столе. Сима со шприцем в руках.

Сима. Ваня, помоги.

Иван Антонович затягивает резиновый жгут на руке больного.

Иван Антонович. Как у тебя с Варварой?

Сима. У нее всегда тяжело. Зато уж молодцы получают, как на подбор.

Иван Антонович. А может, побочные осложнения?

Сима. Это у Варвары-то? Такому паровозу до ста лет износа не будет. Сердце, как хорошие часы. Ни сучка, ни задоринки.

Иван Антонович. Схватки часты?

Сима. Редко, да метко. Жгутом сворачивает.

Иван Антонович. Обезболивающее даешь?

Сима. Кремень баба. Не хочет. Отказывается.

Иван Антонович. Может, посмотреть?

Сима (*взмахивает руками*). И-и! И не входи лучше. Она в это время страсть как на мужика лютая.

Иван Антонович. Ну, ну. (*Подходит к столу, смотрит в небо.*) Поднялись... Ищут...

Сима. Найдут... Обязаны найти. Не иголка — человек...

Иван Антонович. Найдут.

Сима. Я и говорю, найдут.

И снова их слова приобретают чисто внешний смысл. Говорят только руки, слабые полуулыбки, окраска голоса.

Иван Антонович. Так мне ехать, Серафима, ты теперь одна справишься.

Сима. Спешись?

Иван Антонович. Спешу, Серафима.

Сима. Теперь надолго. У нас народ крепкий — не болеют...

Иван Антонович. Да уж, чалдонская кровь.

Сима. Поезжай.

Иван Антонович. Надо, больные ждут.

Сима. Привет всем. (*Она против воли начинает стягивать прощание.*) И Елене Карповне. (*Иван Антонович уже идет к двери.*) И Косте Пальгунову... (*Иван Антонович на пороге.*) И Петру Саввичу...

Иван Антонович. До свидания, Серафима! (*Выходит.*)

Сима (*вскрик ее похож на всплеск пронзительный и надрывный*). Кузьминичне, Кузьминичне, не забудь!.. Иван!..

Голос Ивана Антоновича из коридора настоен горечью: «Не забуду... Нет!» Сима сразу же обмякает, плечи ее вздрагивают.

Сергей (*приходя в себя в момент ее последнего вскрика*). Долго мне лежать здесь, сестра?

Сима (*смахивает слезы и спешит к нему*). Сейчас, сейчас, я отвезу...

Сергей. Нет, я вообще спрашиваю.

Сима (*сквозь слезы*). Это от состояния организма зависит... Да. А вам, милый, что — лежите, сало належивайте... Поправитесь — и домой...

Сергей. Что вы все здесь жалостью исходите... Я ведь не особо и нуждаюсь... Малохольные какие-то...

Сима (*по-матерински гладит его по голове*). Эх вы, дурачок...

Сергей (*зло*). Брось, не лезь в душу!

Сима (*еще примирительнее*). Дурачок...

Сергей. Слышал... Видел...

Сима. Мало видел, мало слышал, дурачок...

Сергей (*постепенно стихая под ее ладонью*). Ладно, тетка, сдаюсь, вези в палату... Да и сама шла бы... Сердце — машина ухватистая... (*И уже в наступившей тишине.*) В общем-то, ты и взаправду, тетка, ничего... Без железа только... Не для этой жизни...

Сима (*тихо*). Для этой...

Голос Сергея. Да, Сима, посыпала ты мне солью что ни на есть больное место. Двадцать с лишним лет глушу я воспоминания в спирте, в злобе, в судорожной драке за свое место под солнцем. Но вот снова встречается мне человек, который случайно, а может быть, с умыслом, выманивает душу мою на свет Божий и заставляет ее изворачиваться от тоски и боли.

КАРТИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Высвечен кусок железнодорожной платформы с тормозами. На тормозе рыжеволосый Мальчишка. Сидит, зажав в ногах рюкзак. Подходит Сергей.

Сергей. Можно без стука?

Мальчишка жадно надкусывает ломоть хлеба и гостеприимно отодвигается.

Мальчишка. Садись, места хватит.

Сергей. Не прогонишь, значит?

Мальчишка разламывает хлеб пополам и половину протягивает Сергею.

Мальчишка. Далеко?

Сергей. Да вроде бы дальше некуда.

Мальчишка. Может, по дороге?

Сергей. А тебе — куда?

Мальчишка (*набивая рот хлебным мякишем*). На Ангару. Слышал? Отец у меня там. Я его как родился не видел. Мать говорит: пропал. А я-то знаю, куда все, туда и он. А все на Ангару.

Сергей. Далеко, брат, тебе еще до цели-то, как далеко.

Мальчишка. Доберусь. А там приду к начальнику, скажу: где тут Пал Палыч Горобцов работает? Это моего отца Пал Палычем зовут. А я, значит, Сергей Палыч.

Сергей (*запуская пятерню в его вихры*). Эх, Серега, Серега, нарвешься ты, брат, на своего Альберта Ивановича! Вот и будет тогда тебе Ангара!

Мальчишка (*задумчиво морщит лоб*). Не нарвусь...

Сергей (*встает*). Вот что, брат, затихни тут, а я покуда харчишек достану. До Сибири-то о-ой-ой, как далеко!

Мальчишка (*подмигивая ему*). Валяй! (*Вслед ему осторожно.*) А ты не вор?

Сергей (*оборачиваясь*). Я?.. Нет, брат, я — фокусник.

Мальчишка (*удивленно*). А-а-а-а-...

В другом углу сцены освещается окно пристанционного буфета. Подходит Сергей.

Сергей. Насчет попитаться, как у вас?

Продавщица (*сонно*). Пряники, селедка, конфеты... Сало вот тоже есть — шпиг.

Сергей. Всего по полкило.

Продавщица (*отвешивая и передавая ему продукты*). А спиртные брать будете?

Сергей (*нагружаясь*). Покуда нет... Потом забегу... В отдельности... (*Поворачивается, чтобы идти, и сталкивается лицом с усатым Сержантом милиции. Тот стоит перед ним, как монумент, широко расставив ноги и поигрывая скулами.*) Слушай, сержант, здесь вот парнишка на тормозе едет. Пропадет. Подобрали бы...

Сержант. Где?

Сергей. Вон там — на тормозе.

Тот недоверчиво глядит на Сергея, но потом легонько толкает его вперед.

Сержант. Ведите!

Тормозная площадка. Сергей останавливается.

Сергей. Тут.

Сержант зажигает карманный фонарь.

Сержант. Вставай, дорогой товарищ, приехали.

Мальчишка жмурится от резкого света, наведенного на него, потом молча встает и покорно спускается. На мгновение взгляд его задерживается на Сергее, и он выдыхает с недетским гневом и презрением.

Мальчишка. Эх ты, фокусник!

Сергей (*спокойно*). Ну, ладно. Всего. (*Поворачивается, чтобы уйти.*) Мне некогда.

Сержант. Минуточку. Вас, гражданин, прошу тоже пройти со мной на предмет составления протокола.

Сергей. Спешу я, товарищ лейтенант, некогда мне... Сделай вот доброе дело, потом не распутаясь... (*Бросается в сторону, но на полпути второй Милиционер берет его за «хомут».*)

Милиционер. Стой, братишка!

Сергей (*хрипит*). Пусти, черт. Сам пойду.

КАРТИНА ПЯТНАДЦАТАЯ

Голос Сергея. То же на то же, господа, мы квиты. Я, хоть и ненароком, возвращаю детству взятый напрокат долг. Но тогда почему же, Сергей Алексеевич, вы не радуетесь? Почему?

Входит **Сима**, полуобняв плачущую **Галю**.

Сима. В твоём положении, голубушка, так распускаться нельзя. Ты теперь не только о себе должна думать.

Галя. Да разве я о себе?

Сима. Так ведь не иголка — человек он, а значит, найдут. Вся округа на оленях тайгу прочесывает, вертолеты поднялись, а ты реवेशь по нем, как по покойнику. Разве слезами-то поможешь?.. Эх ты, сидит сейчас Николай твой на зимовке какой, у печи, да и в ус посмеивается.

Галя. Я ведь ему и не сказала даже...

Сима. И правильно сделала, вернется — радость вдвойне. А я крестной буду. Ну, ну будет уж, глупышка. Иди посиди около больного. Ему скоро физраствор вводить. (*Уходит.*)

Галя (*стоя на пороге палаты*). Ну, как у вас дела?

Голос Сергея. Я его не просил.

Г а л я. Не надо, что вы.

Г о л о с С е р г е я. Не просил, слышишь?

Г а л я. Не надо...

Г о л о с С е р г е я. А что ты понимаешь?.. И не смотри на меня, я не люблю, когда на меня смотрят.

Г а л я. Хорошо, не буду. Вы только успокойтесь.

Г о л о с С е р г е я. Чего ты меня успокаиваешь, чего ты меня успокаиваешь? Я и сам успокоюсь! Уйди, понимаешь?

Г а л я. Разве я виновата? *(Плача, убегает.)*

Г о л о с С е р г е я *(кричит)*. Не хочу, понимаешь? Спать хочу, понимаешь? Уйди, говорю, понимаешь? Да, наедине с собой я могу теперь сознаться, что в многолетнем споре с ними я проиграл. Но мне поздно идти на попятный: жизнь прожита. А жизнь не передумаешь заново. Я уйду, уйду, перешагнув, коли потребуется, через всех их, но никогда отныне уже не нащупать мне твердой почвы под ногами...

КАРТИНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Затухающий костер. В тайге расположились трое. Один сидит, накрывшись бушлатом с головой. Двое ведут между собой негромкий разговор.

П а т е ф о н *(Зяме)*. Позвонил бы, что ли, глядишь, заместо хлеба сойдет... Я тебе за это и должок старый скошу.

З я м а *(вяло)*. Нет, Патефон, ты-таки не учил политграмоту. Искусство не продается и не покупается... Искусство принадлежит народу. А на мой должок купи себе репродуктор. Говорят, помогает... от скуки...

П а т е ф о н *(заворачиваясь в бушлат)*. Я заместо репродуктора удавочку куплю для пижонов вроде тебя. *(Засыпает.)*

З я м а *(глядя на костер)*. Моя мама очень здорово делает клецки. С чесноком это-таки просто объединение... Перед самой посадкой я купил ей плитку... Керосинка для нее очень вредна... Очень... У нее камни... А камни — это очень серьезно...

С е р г е й *(из-под бушлата)*. Позвони о чем-нибудь другом, Зяма... Я сочувствую твоей маме, но надо же иметь совесть!

З я м а. Во всех книгах о матери...

С е р г е й. Брось, Зяма, книжек я прочитал пропасть...

Зяма. Понимаешь, Сергей, хорошая книга вбирает в себя опыт целого поколения. Благодаря книгам человечество развивается в геометрической прогрессии. У тебя, дорогой, чисто потребительский подход к чтению. Уж лучше совсем не читать.

Сергей. И не буду!

Зяма. Зря... Как бы это тебе объяснить? В общем, одна книжка не исправляет ничего, много книжек — могут исправить все. Без них люди бы до сих пор жили на деревьях.

Сергей. Зря ты, Зяма, в побег со мной пошел. Тебе и сроку-то два года. Отбыл бы, да и в профессора подался. Стал бы профессором. Квартира, шикарная мебель, там, тряпье. Я бы тебя обокрал. От тебя бы не убавилось. В общем, тебе хорошо, и я бы гульнул по буфету. А то вот сиди теперь тут, жуй лапу. Еще и возьмут на полпути. И по сто восемьдесят второй еще два года в зубы.

Зяма. А я все равно не вынес бы, один ушел. (Пауза.) Привык я к тебе.

Сергей (толкает в бок спящего Патефона). Вставай, твоя очередь за сушняком идти.

Патефон (поднимаясь, зло). Подыхать не дадут. Уже замерзли.

Сергей. Вставай, вставай! (К Зяме.) О чем думаешь, Зяма?

Зяма. А?

Сергей. О чем думаешь, говорю?

Зяма. Да так... Снова о матери вспомнил. Она у меня уборщицей в школе работает... Трудно ей.

Сергей. Брось.

Зяма. Она всегда мне говорила: «Зяма, ты плохо кончишь». А мама у меня очень рассудительная женщина.

Сергей. Меньше думай, Зяма, меньше думай. Думать — это вообще тоскливо, а в тайге и подавно.

Зяма. Я не могу не думать. Уж так, наверное, устроена моя голова. Смешно, но я не могу не думать. Неужели люди могут жить и не думать, а?

Сергей. Зяма, ты начинаешь мне действовать на нервы. Ложись спать, это надежнее.

Зяма. Понимаешь, я не хочу спать. Я не знаю, что со мной. Странно, я никогда не был нигде. Всю жизнь я делал людям липовые документы, а сам всегда жил по

настоящим. У меня больная мама, никуда не денешься, всегда на глазах у милиции.

Сергей. Ложись спать, Зяма, у тебя еще будет время подумать о маме. Сегодня мы поднимаемся очень рано.

Зяма. Вон видишь за рекой огоньки? И за каждым жизнь, семья, люди. Они живут в большом-большом мире и ничего не боятся. А мы живем в маленьком-маленьком и боимся всего. Почему бы это, а? Ведь в маленьком-то и страхи должны быть меньше.

Сергей. Так почему же?

Зяма. Потому, Сережка, что они одно целое, им некого и нечего бояться, а мы с тобой порознь: каждый за себя.

Сергей. Нам надо идти быстро. Зима гонится за нами. Ложись.

Зяма. Ладно. Я буду спать... Я-таки попробую спать. Не знаю, что из этого получится. *(Кутается в бушлат и валится на бок, отодвинувшись от костра.)* Нет, я действительно плохо кончу.

Возвращается Патефон с хворостом.

Патефон *(присаживается против Сергея)*. Вот что, Серега, ты как хочешь, а я тебе скажу. Ты видел, какими глазами он нынче на село за Енисеем смотрел?

Сергей *(хмуро)*. Видел.

Патефон. Так вот, надо выбирать. В случае чего — ему два года, а нам, сам знаешь, чистая вышка. Если он уйдет...

Сергей *(сквозь зубы)*. Зяма не выдаст.

Патефон. Выдаст или нет, это еще бабушка надвое сказала, а на след сам собой наведет. И не ходок он. Тащимся еле-еле. Не хочешь рук пачкать, я его сработаю.

Сергей. Я сам. *(Решительно встает, толкает Зяму.)* Зяма! Встань. Разговор есть.

Зяма *(высовывает голову из-под бушлата)*. Это ты, Сергей?

Сергей. Вставай. Пошли.

Зяма. Куда, Сергей? Ночь же?

Сергей. Вставай, говорю. А бушлат оставь. Бушлат тебе уже ни к чему.

Зяма *(вставая)*. Зря это, Сергей. Я же не по трусости разговор начал. *(Пауза.)* Не надо, Сергей. У меня мама совсем, совсем больная. У нее камни.

Сергей. Не трави, мразь, я тебя ни о чем не спрашиваю. *(Пауза.)* Иди вперед!

Зяма. Сергей!

На какое-то время фигура Патефона и кусок тайги с костром пропадают во тьме. Высвечены только Сергей и Зяма.

Сергей *(подталкивает Зяму в плечо)*. Иди же, гад!
Зяма. Сергей!

Сергей *(коротко и зло)*. Иди... Иди к своим огонькам. *(Зяма идет, будто ступая по битому стеклу, то и дело оглядываясь на Сергея.)* И не смотри на меня! Не смотри! *(Он почти кричит.)* Слышишь?

Зяма скрывается в таежной чаще. Сергей поворачивает назад и снова перед нами прежний костер и Патефон у костра.

Патефон. Сработал?

Сергей. Молчи.

Патефон *(примиряюще)*. Понятно, знаю по себе: не сладко после этого. Как-никак, живая душа...

Сергей *(останавливая)*. Молчи, хмырь! Что тебе о душе понятно, а? Ты же гад — плесень помоченная. Еще слово скажешь — сработаю начисто.

Сергей валится на мох, и его начинает трясти озноб. Не попадая зуб на зуб, он кутается в бушлат.

Патефон. Ты что?

Сергей. Это у меня бывает.

Патефон. Заболел?

Сергей. Ерунда, сейчас пройдет. *(Он пытается подняться, но здесь же падает.)* Ты уйдешь один?

Патефон. А может, ты — заразный?

Сергей. В одиночку тебе не дойти. Для тебя же тайга — смерть.

Патефон. Пойду, так еще бабка надвое сказала, а не пойду — оба сыграем в ящик. Да и ждать уже нечего.

Сергей. Гад ты, Патефон.

Патефон. Как все. Ты бы ведь тоже ушел.

Сергей. Ушел бы.

Патефон. Ну вот.

Сергей. Ладно, иди.

Патефон. Я тебе бушлат Зямки оставлю, может быть, отойдешь...

Сергей. Без меня все равно не выйдешь.

Патефон. С тобой тоже.

Сергей. Тогда иди.
Патефон. Уйду.

Сергей накрылся с головой. Темнеет. Когда он открывает глаза, Патефона уже нет.

Сергей. Ушел-таки, гад... И бушлат Зямин взял. (Он пытается подняться, но тут же падает, и вот уже над ним начинает кружить снег.) Конец...

Голос Сергея. Я еще пытаюсь подняться, но белая высь бьет мне в глаза. И тайга опрокидывается навзничь. И за рекою уже ни огонька. Голова кажется огромным шаром, наполненным звенящим песком. Я безучастно гляжу в небо, и оно проплывает надо мной обрывками ветхих парусов, и сквозь их чистые прорехи глядят с высоты холодные звезды, очень холодные.

Он закрывает глаза, и тени прошлого начинают витать над ним. Они встают перед его глазами — все те, кого он запомнил на жизненном своем пути.

Мать. О себе только думаешь!

Отец. Не он меня, Серега, а я его буду хоронить, в этом я тебе свое шахтерское слово даю.

Зина. Я все равно буду сидеть с тобой на одной парте.

Семен Семенович. А разве ты жил среди людей, ты разве среди людей жил?

КАРТИНА СЕМНАДЦАТАЯ

Больничный коридор. Страшная суматоха. Из конца в конец коридора мечется почти весь персонал больницы: Сима, Силовна, Галя. Из конца коридора слышатся крики роженицы.

Сима. Марли, марли побольше!

Силовна (суетливо и весело). Сей секунд, милая... Для Варвариного-то не мене пуда марли надо: гора — девка...

Галя (на стук в дверь). И не стучите, Степан Петрович, зря, все равно не пушу!

Голос из-за двери (умоляюще). Да вы хоть скажите, как она?

Силовна. А что ей? Чай, не в первый раз! Выдюжит. Ты бы лучше в магазине под дверьми ночевал. Без вина — крестины не крестины.

Сима. Воды! Побольше!

С и л о в н а. Лечу-у-у!

Г а л я. Степан Петрович, шли бы вы домой. В случае чего я прибегу.

Г о л о с и з-з а д в е р и. Уж ты уважь, Галенька, век не забуду!

Г а л я. Идите, Степан Петрович, идите!

Из палаты в конце коридора вырывается первый крик новорожденного. Галя утыкается лицом в стену. Плечи ее вздрагивают в беззвучном плаче.

С и л о в н а (*выбегая в коридор*). Малыш! Прямо вылитый папаня! Косая сажень в плечах! (*Подходит к Гале, обнимает ее за плечи.*) Погоди, родимая, скоро и твой час. Мы у тебя хоть двойню, хоть тройню за милую душу примем. Уж я расстараясь.

С и м а (*выходя в коридор*). Уф! (*Тыльной стороной ладони вытирает пот со лба.*) Выскочил! Молодец, малыш! Вот уж, право... (*Подходит к Гале.*) Ну, голубушка, ты совсем распустилась. Пойдем-ка в мою келью. Приляжем. Оно лучше будет. (*Обнимает Галя за плечи и ведет к себе. Та, уткнувшись в ее рукав, плачет, и тут же громкий стук в дверь.*)

С и л о в н а. Малыш, Степа, малыш! Приглашай в гости!

Г о л о с. Какой там малыш? Какие «в гости»? Беда! Откройте!.. Николая везут!

Все сразу бросаются к двери. Трясущимися руками Галя открывает засов. В коридор вваливается П а р е н ь.

П а р е н ь. Сейчас по почте сообщили... Нашли... у Сургучевского займища... Везут.

Г а л я (*на одном выдохе*). Живой?

Парень только опускает голову. Галя бросается за дверь. Сима и Силовна пытаются удержать ее, но она вырывается. А здесь еще с улицы доносится истошный крик: «Везут!» Тогда уже все, в едином порыве бросаются за двери. В наступившей тишине слышен победный крик новорожденного. Но вот на пороге своей палаты появляется С е р г е й, он пытается встать на ноги, но стонет от боли и опускается у притоки.

Снова встает.

С е р г е й (*кричит*). Сестра! (*он ползет по коридору.*) Сестра! Сестра!!! (*Медленно, с трудом идет вперед, останавливается у самого края сцены.*) Моя фамилия Сергей Царев. Сергей Алексеевич... Я бежал из заключения... Сестра-а-а!

З а н а в е с

ПОЗЫВНЫЕ ТВОИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

Пьеса в двух действиях, шести картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Кирилл Шухмин, начальник перевалочной базы, 40 лет.

Клавдия Бородина, техник связи, 26 лет.

Иван Пальгунов, инженер-геолог, 28 лет.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Зимовье перевалочной базы. Добротное бревенчатое помещение. Справа, с самого края, — дверь. Дальше, в углу, — одноместные нары в два яруса. У торцовой стены стол тяжелой, но крепкой работы. Над столом — заиндевевшее окно. Слева, сбоку от второго окна, на глухой подставке — рация. Ближе к нам, на стене, — аптечка. Рядом с ней — книжная полка. Посреди помещения — чугунная печка-временка. Кирилл Шухмин сидит в наушниках перед рацией. Сквозь разноголосицу мира пробивается в зимовье хриплый недалекий голос: «База-два!.. База-два!.. Шухмин!.. Прием!..»

Кирилл *(настраивается на голос)*. Я Шухмин! Я Шухмин!.. Прием!.. *(Заполняет блокнот перед собой.)* Так... Повторите... Прием!.. Есть!..

Еще в начале его переговоров в сенях раздается стук в дверь. Но, занятый приемом радиogramмы, Кирилл ничего не слышит. Стук становится громче. Шухмин не слышит. В дверь начинают колотить с отчаянной силой, и женский голос тревожно повторяет: «Кирилл!», «Шухмин!» В этот момент хозяин снимает наушники и сразу же бросается на крик к двери. Исчезает за нею. Песня поэмки вливается под крышу. Через минуту сюда входит, тяжело дыша, К л а в д и я и, враз обессиленный, приваливается к косяку.

К л а в д и я (*входящему следом за нею Шухмину*). Уф... Не могу больше... Он здесь, у самого входа... Выдохлась. Втащи.

Шухмин вновь молча устремляется в ночь. Клавдия, все еще тяжело дыша, стоит у косяка двери, а звуки мира, пропущенные через эфир, кружат, множатся в четырех стенах помещения, и чей-то хриплый голос пробивается сквозь этот хаос: «База-три!.. База-три!.. Епанешников!.. Прием!» Но вот Шухмин втаскивает сюда Ивана Пальгунова.

К л а в д и я (*бросается на помощь*). Ну-ка, давай!

К и р и л л. Под ноги подхватывай... Так... (*Они вдвоем с трудом взваливают безжизненное тело на нары*.) Тяжел малый... Уф, ну и работенка! Далеко лежал?

К л а в д и я (*снимает с себя полушубок*). Только я к тебе от Соболиной балки повернула, смотрю, что-то вроде темнеет... Еще бы немного — мимо прошла... Думала, олень блудный пал... Его уж и запорошило почти... Будто под сердце меня толкнуло... Дай, думаю, лыжей ткну... Ткнула — стонет... Надо же!

К и р и л л (*возится над парнем*). Тяни, друг, включай второе дыхание... (*Тихонько треплет Ивана по щекам, теревит, снимает с него все, что можно снять. Щупает пульс*.) Живой! (*Радостно*.) Живой, бродяга!.. Оборудуй, Клашенька, для кандидата в покойники чай. И спирт сюда тащи из аптечки! (*Трет парню руки*.) Сейчас мы тебя расшевелим. Рано ты, браток, на тот свет собрался. Мы тебе туда «бегунок» не подпишем...

К л а в д и я (*подает спирт*). И как я мимо не прошла? Просто страшно: возьми я левее — и конец... Лед уже трещит. Завтра в селе всех собак на прикол... В тайгу недели на две путь заказан. (*Подходит к окну. Дышит на заиндевевшее стекло*.) Последний отзванивает...

К и р и л л (*продолжает возиться*). Да-а... Жил парень и не ведал, что спасение его в селе Акишинском живет... (*Тот стонет*.) Давай, парень, давай... Второй раз, можно сказать, нарождаешься. Значит, кричи, такой порядок.

И в а н (*постепенно приходит в себя*). Становится тепло... Выходит, замерзаю... Надо подняться... Надо подняться, старик! Как же так, старикан?... Как же так?.. Дурацкая смерть какая... (*Пытается привстать, почти в отчаянии*.) Ну, старик же!

К и р и л л (*тормошит его*). Живой, дружище, живой!.. Замерзают — не трепыхаются... Заснул и... передайте

нашим. А ты живой! В натуральную, можно сказать, величину живой! Чай будем пить сейчас! С пряниками!

К л а в д и я (*тихо, в ночь за окном*). Нет, только подумать, а!.. Чуть-чуть левее — и все...

И в а н. Да... да... (*Судорожно оцупывает шухминскую руку и облегченно откидывается на подушку*.) Зажгите что-нибудь, свечу, что ли! Или хоть спичку... Черт подери, старик, тебе, кажется, все-таки повезло... Посветите капельку, дайте осмотреться! Тьма какая!..

К и р и л л (*сурово*). Ты, я вижу, друг, слепоток весенний схватил. Ничего. Отойдешь. Через день-другой на три метра сквозь землю видеть будешь или вышивать мелким бисером... (*Клавдии*.) Ваты из аптеки тоже...

И в а н (*стонет*). Надо же вляпаться! Черт!.. Слеп! Этого мне только не хватало!

К л а в д и я (*подает Кириллу спирт и вату*). Чудной вы... Вам бы радоваться... А это пустяки, пройдет... Весна — свету много... Ультрафиолетовые лучи называется... Приезжие больше страдают...

К и р и л л (*делает ему примочки*). Хочешь на спор, Клаша?.. Через пять минут он такси потребует. Он же к тетиной племяннице на именины опаздывает. Лежи, лежи...

И в а н (*блаженно вытягивается от проникающего в него тепла*). Смеетесь, а мне действительно позарез... С нашим начэксом много не поговоришь. Он ни объективных, ни субъективных в расчет не берет. Кстати, меня зовут Иван... В детстве все смеялись: москвич, а Иван... И фамилия у меня чудная — Пальгунов... Со школы бьюсь, корня в ней так и не отыскал... Я из Северной... Геолог... Все-таки ужасная это неприятность... И так по-детски... В трех соснах, можно сказать.

К л а в д и я (*ни к кому*). Еще бы немножко. Ну самую что ни на есть капельку — и все.

К и р и л л. В Северную я радирую, а тебе сейчас главное — выспаться... Плесни ему, Клаша, в кружку медицинского. Он у нас враз заснет.

И в а н (*испуганно*). Нет, нет, не надо! И без этого буду спать... Я никогда не пил. Раз, правда, на выпускном. (*Тени танцующих пар начинают кружить над его головой, над зимовьем, тайгой, ночью — под тихую мелодию безмятежного вальса*.) Только это было давно, очень давно... Спать!.. Как, право, славно сознавать, что заснешь

и завтра опять проснешься! У вас, наверно, никогда такого не было.

Кирилл. Было.

Иван. А вы когда-нибудь умирали? О чем вы тогда думали? А?

Кирилл. Выжить!

Иван. И только?

Кирилл. И только!

Иван (*уже в полусне*). А я думал обо всем, кроме этого... Даже о том, что скажет начэкс, думал... И еще все плохое, что другим сделал, вспоминал. И так мне от этого было худо, так худо, что, верите ли, плакать хотелось...

Кирилл (*с грубоватым добродушием*). Плакал ведь.

Иван (*закрывает глаза*). Плакал. А откуда вы знаете?

Кирилл. Да уж знаю.

Иван. Как удивительно все это... Удивительно!

Клавдия (*тихо-тихо*). Вы спите... Спите, Ваня. Так вам будет лучше. Легче...

Иван (*коротко встrepенувшись*). Вы сказали: Ваня?.. Как это у вас хорошо получилось!.. Так только у моей мамы получается... Мама!.. Мама!.. Да, да... Спать!..

Пальгунов засыпает, а тени прошлого кружат над ним под тихую мелодию того же вальса, рвущуюся сюда сквозь все звуки мира. На фоне ее и происходит весь последующий разговор.

Клавдия. Заснул. Это хорошо.

Кирилл. Досталось парню.

Клавдия (*все еще ведет свою тему*). Господи, кому скажи — не поверят. Ведь если не ростепель, так я бы прямиком взяла... (*Она вся еще полна чудом счастливой случайности.*) Подумать — и то страшно... (*Она подходит к рации. Крутит переключатель. И вот уже другая музыка вливается в зимовье.*) У тебя и вправду с частотой приема плохо?

Кирилл. Ты знаешь... Чего нам с тобой в прятки играть?

Клавдия. Ты все о том же.

Кирилл. К тебе я всегда об одном.

Клавдия. Надо мной уже вся линия смеется.

Кирилл. Не я виноват: решать надо. Чтобы как у людей.

К л а в д и я. Спешешь, Кирилл?

К и р и л л. Я уже не мальчик, Клаша, я уже давно не мальчик... Себя от себя я никуда не дену...

К л а в д и я. И я не девочка, Кирилл. И тоже давно. Для меня теперь, как для сапера, еще раз не так — и конец!

К и р и л л. По одному негодяю всех меряешь?

К л а в д и я. А я его не виню. Кому охота с чужой оравой возиться? Не один, не два — шестеро!

К и р и л л. Хоть два раза по стольку! Для меня все они — это ты.

К л а в д и я. Трудно мне, Кирилл, все тебе объяснить.

К и р и л л. И не надо. Ты просто поверь.

К л а в д и я. Не верила б, не приходила.

К и р и л л (*подходит к окну*). Тишина какая!.. Слышишь, звенит?

К л а в д и я (*на одном выдохе*). Слышу...

К и р и л л. И лед потрескивает...

К л а в д и я. Будто кто идет по насту...

К и р и л л. Хруст-хруст!.. Хруст-хруст!..

К л а в д и я. Как в сказке...

И в это мгновение зимовье как бы сотрясает взрыв. Затем слышится треск и крушение, словно здание за зданием сейчас там, за стеной, рушится, испепеляется большой город. И гул — вещий, призывный, долгий.

К и р и л л (*почти кричит*). Порог прорвало! Ледоход! Ледоход, Клаша!

Он подается к выходу. За ним, накинув на плечи полушубок, Клавдия. И дальше действие развивается как бы в двух измерениях. Там, на взгорье перед зимовьем, плечом к плечу стоят замороженные ледоходом Кирилл и Клавдия.

К и р и л л. Красотища-то какая, Клаша! Ведь это, если запрячь, землю с места сдвинет! Вот смотри: махина ребром прет, словно бульдозер!

К л а в д и я. Раз — и на дыбы.

К и р и л л. А вот та справа. Прямо айсберг!

К л а в д и я. Ишь ты как заходит, заходит как! Первым парнем по деревне.

К и р и л л. Расступись, народ! Дай соколу душу отвести!

К л а в д и я (*любуется им*). Ребенок! (*И еще тише.*)
Ребенок... А волосы седые...

Разбуженный ледоходным громом в зимовье, просыпается Иван Пальгунов. Он неуклюже выбирается из своей постели и начинает слепо метаться по помещению, то и дело на что-нибудь натыкаясь. И вместе с ним мечутся по комнате, не находя выхода, звуки мира, смешанные в хаосе радиозфира. И чей-то голос настойчиво рвется сквозь него: «Всем базам по побережью Пантайки!.. Всем базам по побережью Пантайки!.. В верховьях тронулась река!.. В верховьях тронулась река!..»

И в а н (*слепо кружится по комнате*). Ребята! Где вы, ребята?.. Ребята!

На взгорье перед зимовьем Кирилл и Клавдия.

К и р и л л. Махнем вон на той до самой Африки, а?
У нее и нос, как у ракеты!

К л а в д и я (*заражается его азартом*). Махнем!

К и р и л л. Считай, что мы уже на борту. Полный вперед!

К л а в д и я. Полный!

К и р и л л. Ура-а!

К л а в д и я. Ура-а!

В зимовье слепой, вконец оглушенный Иван наконец нащупывает дверь и тут же, ослабев, бессильно сползает по ее косяку.

И в а н (*на бессильном выдохе*). Ребята!.. Где вы?.. Ребята!..

Так под занавес и разворачивается экспозиция: на берегу — Кирилл и Клавдия, а в зимовье — сползающий по косяку Иван. И мир, пропущенный сквозь приемник рации. И гул набирающего силу ледохода.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Яркий солнечный день. Из тех, что бывают в таежных местах ранней весной. В полуоттаявшие окошки рвется по-сибирски щедрое и бесцельное солнце. В зимовье у рации — Кирилл.

К и р и л л. Гудит... Прием!.. Гудит, говорю. Прием!.. Ладно, пока.

Встает, потягивается. Ставит рацию на общий прием. Сквозь обычную разноголосицу в зимовье начинают пробиваться голоса.

П е р в ы й. Не знаю, куда его понесло... Прием!

В т о р о й. Будем искать. Прием!

П е р в ы й. Найдите, отправьте на материк... Не вый-

дет из него поисковик. Кишка тонка!.. Без таких обойдемся... Прием!

Второй. Не цветами же его встречать... Но искать будем... Человек ведь! Держись там, Василь Степаныч! В случае чего радируй... Прием!..

Первый. Есть держаться, Илья Трифоньч! Найдите только вы, за ради Бога, этого Пальгунова. Сердце у меня не на месте... Прием!

Второй. Из-под земли достану... Бывай!..

Кирилл выключает рацию. Наступает тишина. Некоторое время он молча стоит в раздумье. Потом резко подается к выходу. Срывает с гвоздя полушубок. В этот момент скрипит открываемая дверь, и в помещение входит Иван, ведомый Клавдией.

Кирилл. Драсте.

Клавдия. Ты что, Кирилл?.. На тебе лица нет!.. Куда ты?..

Кирилл. Так... *(После недолгого колебания.)* Проветриться, однако... *(Выходит.)*

Клавдия. Будто не в себе. *(Раздевается.)* Опять, видно, с начальством...

Иван *(уже раздетый, вслепую передвигается по зимовью)*. Весна, Клавочка, на всех действует, весна! Излишек эмоций!

С того мгновения, как из помещения выходит Кирилл, действие пронизывается тревогой недавнего сообщения. И все, что бы отныне ни делали, ни говорили герои, все неосознанно полно ею, этой тревогой.

Клавдия. Левее... Левее... Там стол... Еще левее... Это — окно.

Иван. В общем-то я уже вижу, но словно бы сквозь туман. И свет тоже... Такой острый!

Клавдия. Третий день солнце гуляет. Наст чистый, а наступишь — воды по колено... Взяла весна свое, теперь не переломишь.

Иван *(неуклюже двигается по комнате)*. Знаете, Клава, я будто все заново усваивать начинаю. Вот, к примеру, стол. *(Он любовно гладит кромку стола.)* Раньше я даже не замечал его. Стол и стол! Сажусь за него, занимаюсь, ем... А сейчас он полон почти магического значения. Его можно осязать, чувствовать, с ним можно даже говорить, как с живым существом. И, ей-Богу, он расскажет массу занимательного. Сейчас все стало для меня... Тьфу, дьявол! *(Он наталкивается на стойку нар.)* Что это?

К л а в д и я (*смеется*). Стойка. Ничего, привыкайте, Ваня. Зато еще один ориентир на счету. Так постепенно и освоитесь.

И в а н (*потирает ушибленное плечо*). Боюсь, мне это очень дорого обойдется... (*Серьезно и тихо*.) Опыт, наверно, не приходит к человеку без боли... Пойдем дальше... Опять стол...

К л а в д и я. Здесь обходите осторожнее, это рация... Держитесь стены.

И в а н (*одной рукой касаясь стены, двигается дальше*). Так вот... Сейчас, Клаша, все стало вокруг как-то необыкновенно объемно. Раньше просто стол, стул, ложка, постель... Теперь это Стол. Вы слышите, как торжественно звучит: Стол! Стул! Ложка! Постель! Потрясающе! Еще недавно я вообще многого не замечал. (*Задумчиво*.) Наверно, поэтому я и не мог вписаться почти ни в одну среду... И вот...

К л а в д и я (*раздувает огонь*). Так это, Ваня, со всеми может случиться.

И в а н (*только что было замерший, снова начинает двигаться*). Нет, я не об этом, Клава... А в общем, все это так... Ерунда... Блажь! В конечном счете я прав... (*Натыкается рукой на аптечку*.) Аптечка! Правильно?

К л а в д и я. Правильно. У вас уже навык, Ваня... Вы очень способный.

И в а н (*идет дальше*). Ах, если б мне этого не твердили с детства! Верно, жить мне было бы куда проще.

К л а в д и я. Вы все что-то мудрите, Ваня... Это на вас весна действует...

И в а н (*натыкается на книжную полку*). Не обращайтесь внимания, Клашенька, это у всех закоренелых холостяков... Люблю поболтать с самим собой на досуге...

К л а в д и я. Из Кирилла так, зря, и слова не выколотишь. А тоже холостяк.

И в а н. Кирилл ваш вылит из сплошного железобетона. Причем высококачественного... Книги!... Ах, Клаша, Клаша, если б вы знали, как я люблю книги! (*Руки его скользят по книжным корешкам*.) У меня отбирали книгу за столом, на уроке, в гостях... Иногда ведь даже неважно, что читать: обрывок газеты, старый учебник или поваренную книгу, — прекрасен сам процесс чтения. (*Снимает с полки одну из книг*.) Ведь за каждой книгой, даже самой плохой, — жизнь. Порой мелкая, ничтожная, но жизнь...

(Раскрывает книгу и скользит пальцами по странице.)
Интересно, о чем она?

К л а в д и я (поднимается, подходит к нему, берет книгу у него из рук). Это, Ваня, и не книга вовсе, это конторский журнал с записями в столбик... По-моему, даже стихи... «Я под одним окном хожу, я под одним окном стою, я на судьбу свою гляжу, я на мечту гляжу свою...». И почерк Кирилла!.. «Гляжу, и ясно слышно мне, как надо мной набат гудит. Но тишь кругом. Селенье спит. Грохочет сердце в тишине...» А сверху «Ка» написано «посвящаю»... «Где б ни пришлось мне побывать, где ни жил бы, я все равно *(скороговоркой сквозь слезы)* в конце концов придду опять *(и на полном выдохе)* под это светлое окно...». Господи, Кирилл — и стихи! Это кому сказать только! *(Снова вся в изумлении открытия. Собственно, вся она в этом, в постоянном открывании обыденных вещей.)* Только это так просто! Зачем же обязательно стихи?

И в а н (он словно птица, потерявшая ощущение равновесия, взволнованно и в то же время с жалкой беспомощностью машет руками в воздухе). Нет, нет, стихи тем и хороши, Клаша, что в нашем обыкновенном, обыденном, житейском они открывают такую красоту и возвышенность, какая может в одно-единственное мгновение перевернуть, преобразить душу. Прочтет иной раз человек строчку и поразится: как же это, мол, он ходил до сих пор мимо и не видел, не замечал такой поразительной малости! Стихи, Клава, — это чудо, особенно если они естественны... Вот как эти, к примеру.

К л а в д и я (задумчиво). Вот вам и Кирилл Шухмин!.. Фронт прошел... Плен... Семью потерял... Волком себя таежным считает... И на тебе — стихи.

И в а н. Так ведь это же прекрасно, Клавоочка, так ошибаться! Я и сам только что говорил: железобетон... Неважно, плохи ли стихи, хороши ли, важно, что человек отдушину в небе открыл, звездным воздухом дышит. И пусть глагольные рифмы, и черт с ней, с формой, ведь это он для вас, для себя! Еще, еще...

К л а в д и я (держит журнал, словно молитвенник, прижимая его обеими руками сразу к груди и подбородку). Как это все, однако... И весна вдруг... И вы вот... И это... *(Она бережно листает журнал.)* «Ка»... Опять «Ка»... И опять... «Иногда разгорячусь в беседе, и меня спешат предостеречь: мол, такой порыв для сердца вреден,

сердце надо, мол, свое беречь...» У него ведь и вправду сердце неважное... После ранения... Храбрится только... «Не согласен! Надо ежечасно вмешиваться, спорить, говорить! Разве можно людям жить бесстрастно, разве можно, не волнуясь, жить?..» Ах, Кирилл, Кирилл!..

И в а н *(взволнованно)*. Люди, Клаша, по-моему, как неоткрытые земли. Плынешь к иной земле, плывешь, и кажется: нет этому пути конца. Плынешь мимо земель, уже открытых, но не тобой — другими открытых, а твоей все нет и нет... А годы идут и идут, и так порой хочется пристать к обжитому островку, так хочется! Но что-то там, внутри тебя, зовет и зовет... И вот, когда вроде уже покоряешься судьбе и нет ни сил, ни желания двигаться дальше, впередсмотрящее сердце вдруг вздрогнет: «Земля-а-а!» Твоя земля! И уж от тебя зависит и украсить ее и обжить.

К л а в д и я *(эхом)*. И обжить... Со мной, Ваня, еще никто так не говорил.

И в а н. К счастью это, Клавочка, не самое главное — уметь говорить. Мне сие чаще всего мешает! Все почему-то начинают считать, что я о себе много думаю... А я вовсе о себе ничего не думаю. Просто мне всегда хочется доказать человеку, если он неправ.

К л а в д и я. Это, по-моему, лучше показывать. Доказать всегда трудно. Всякий считает себя правым.

И в а н. И вам удается?

К л а в д и я. Почти. Иначе бы я и с Кириллом ни за что не справилась.

И в а н. Значит, Клава, у этой суши можно смело высаживаться: необитаемая.

К л а в д и я. А вдруг она не моя, земля-то, Ваня?

И в а н. Следы, следы должны оставаться. Надо только всмотреться хорошенько.

К л а в д и я. А вы знаете, Ваня, как?

И в а н. Нет. Я пока просто плыву мимо, не задумываюсь. До моей еще, по-моему, очень-очень далеко!

К л а в д и я. И никогда, никогда не было так, чтобы остановиться?

И в а н. Нет, Клаша, не было... Только показалось однажды... Но это так... Видение. *(И вновь далеким отголоском пальгуновского прошлого возникает и тут же гаснет в ослепительном свете полудня мелодия тихого вальса.)* Поищите что-нибудь, Клаша... И поведите меня немного. Я совсем разучился танцевать.

К л а в д и я (*подходит к рации. Поворачивает регулятор. Мир разногласно отзывается в эфире*). А я, Ваня, совсем и не умею танцевать.

И в а н. Не умеете? Вы?

К л а в д и я (*уже на фоне влившейся в зимовье мелодии*). И что ж? Ничего тут такого особенного и нет. Я ведь в семье старшая... И еще шестеро младше меня... Вдвоем с матерью поднимали. Все мое в них осталось. И молодость... И замужество... И материнство... Двадцать шесть уже... Поздно о танцульках думать. Да и, по правде, некогда...

И в а н (*слепо подходит к ней, берет за плечи*). Клашенька, хороший вы мой человек, я совсем, ну совсем не хотел вас обидеть! Это даже замечательно, что не умеете! Я буду вашим первым учителем танцев. Не смейтесь! Я в университете на вечерах призы брал... И так, первый урок! Он прост, как песня жаворонка. Трудности начнутся со второго. Разрешите?

К л а в д и я (*пытается высвободиться, но незаметно для себя кладет журнал на стол*). Вы чудак, Ваня. Ну зачем мне, старой дуре, учиться танцевать? (*Поддается.*) Нет, Ваня, вы меня совсем так закружите!

И в а н. Это не вы, Клаша, это земля под вами кружится. Замечательное ощущение! Каково?

Из далекого далека наплывает вальсовая мелодия, и двое кружатся в вальсе, и вместе с ними кружатся в четырех стенах зимовья все звуки мира. И тени юности витают над их танцем.

К л а в д и я. Я совсем, ну совсем не умею...

И в а н. У вас, Клаша, талант! Раз, два, три... Раз, два, три... Раз, два, три... Трепещите, пижоны из кафе «Ракета»! Раз, два, три... Раз, два, три... Раз, два, три.

Открывается дверь. С охапкой дров входит К и р и л л. Некоторое время он молча смотрит на танцующих. Потом осторожно ссыпает дрова у порога и пытается выйти, но в это время, преодолевая мелодию в эфире, начинает звучать тревожный голос: «Пантайка-восемь!.. Пантайка-восемь!.. Почему молчите?.. Прием!» Пара еще продолжает танцевать, но с каждым словом в эфире движения их становятся все медленнее и медленнее. А голос тем временем продолжает: «Пантайка-восемь! Пантайка-восемь! Где вы? Почему молчите? Прием!» Иван вдруг замирает. Он весь как бы оплывает книзу, становится растерянным и жалким. Он идет на голос, но вдруг останавливается.

И в а н (*убито и тихо*). Пантайка-восемь... Это там...

Это ребята... А я здесь... Это ребята... Почему они молчат? (Почти кричит.) Почему они молчат?!

Кирилл (растерянно берет со стола свой журнал, машинально листает). Может, чай будем пить?.. С пряниками.. А?

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Обстановка та же. Вечер. Кирилл, как всегда, у радики. Иван и Клавдия у печки, дверца которой открыта. Отсветы печного пламени колышутся по стенам и лицам.

Кирилл (негромко). Записываю... Прием!.. Сахара — двести... Записал... Прием... Табак... Две шестиместных... Есть... Прием! Есть! Оприходовал. Прием!..

Иван. Как медленно тянется время... Бесит то, что ничего не зависит от твоей воли, я уже не говорю: желания. Словно в мышеловке!

Клавдия (между разговором она зашивает Ивану ковбойку). Мертвый сезон. Тайга замирает. Зверь, и тот по норам отсиживается!

Кирилл. Записываю... Прием! Сухофрукты — двести сорок пять... Прием! В подотчет от Ананьева рис... Двести... Прием! Есть...

Иван. Рис! Сахар! Чай цейлонский! Четыре кирки! И так не день, не два, не месяц, даже не год, а годы! Я и представить себе не мог! Такой большой, сильный...

Клавдия. У него, Ваня, четыре тяжелых и два чуть полегче... Чем только держится!

Иван. Тогда еще хуже!

Клавдия. Это тебе с непривычки в диковинку... Работа, и все... У любой работы свои будние дни, свои воскресные. Тем и живы... А ты, Ваня, думай о чем-нибудь, и все пройдет.

Иван. О чем и думать-то тут!

Клавдия. А что любишь, про то и думай.

Иван. Я двигаться люблю. И чем дальше, тем лучше.

Клавдия. У нас непоседы не в чести. У нас народ усидчивый, неторопливый народ. Одно слово — охотники. Умеют ждать своего часа.. Только уж выждут — не упустят. А Шухмины изо всех... Смерть придет, и ту измором возьмут.

Иван (прислушивается к себе, к своим мыслям). И долго еще, по твоему, Клашенька?

К л а в д и я. Что долго?

И в а н. Ждать.

К л а в д и я. С неделю, однако, не меньше.

И в а н. Неделю! Господи! Здесь и с ума сойти не-долго!..

К и р и л л (у рации). Списано в подотчет партии Горбачева. Прием! Ведер оцинкованных четыре... Прием! Сапог резиновых восемь пар... ЕСТЬ! Прием!.. Спецовок брезентовых БУ шесть комплектов... Прием!

И в а н. И так всю жизнь!

К л а в д и я (буднично). Обычное дело: квартальный сводят.

И в а н. Да, не дай Бог оказаться на его месте!

К л а в д и я. Всякому свое.

И в а н. Тощий аргумент!

К л а в д и я. Чего же еще? Говори не говори, больше не скажешь.

И в а н. И вам не тоскливо, Клаша, сидеть и ждать, ждать, ждать, словно на привязи?

К л а в д и я (все так же буднично). Я что, я связь. Погода стала — я стою, погода пошла — и я ходу. (Она надкусывает нитку и протягивает Ивану рубаху.) Носи — не сносить.

И в а н (удивленно рассматривает шов). Ну и руки у вас, Клаша!

К л а в д и я. Как шестерых заведете, всему научитесь.

И в а н. Уже не успею.

К л а в д и я. Успеете, будут!

И в а н. Просто с вами, Клаша, ничего-то вы не усложняете... Свет бы вам посмотреть. Знаете, как много в мире интересного!

К л а в д и я. Поздно.

И в а н. Это никогда не поздно.

К л а в д и я. Вы из легких людей, Ваня: снялись и пошли. А мы, лесные, приросли к лесу.

К и р и л л (у рации). Все! Прием!.. Хорошо, до скорого! (Он встает, потягивается и подходит к беседующим.) Об чем речь? У меня тут коротенький перерыв, могу участвовать. Если вы все мировые уже разрешили, я согласен на местные. (Придвигается ближе к печке.) А ночнички-то еще крепенькие стоят...

И в а н. Значит, можно пройти?

К л а в д и я. Вода под снегом, Ваня, вода.

Кирилл (*прикуривает от головешки*). Спешить тебе нет смысла, в экспедицию я сообщил твои координаты. Приди в себя малость.

Иван. Я уже могу идти, и я должен... Я должен объяснить... Меня должны правильно понять...

Клавдия. Нельзя, Ваня, никак нельзя. Ждать надо.

Иван. Все против меня... Все против меня! Но ведь я в конце концов оказался прав!

Кирилл. Есть рация.

Иван. Этого не объяснишь на расстоянии.

Кирилл. Бывает и такое.

Иван (*в отчаянии*). Я же ему говорил... Говорил же!

Клавдия. Вы о чем, Ваня?

Иван. Это непросто, Клава, очень, очень непросто...

Действительность исчезает вокруг Пальгунова. Он остается один на один со своим недавним прошлым. И два голоса затевают между собой памятный для Ивана разговор под пронзительную песенку поземки.

Начальник партии. Приказывать куда доверено мне.

Иван. Но продолжать работы бессмысленно и даже, если хотите, преступно: вот-вот паводок.

Начальник партии. Ответственность тоже лежит на мне.

Иван. Ваша ответственность, к сожалению, никому не вернет жизни.

Начальник партии. С этого надо бы начинать, Пальгунов. Я не держу вас. До ближайшей базы пятьдесят километров. По здешним понятиям, пустык. Два перехода.

Иван. Я уйду не потому, что дрожу за свою шкуру, но я не хочу стать подопытным кроликом вашей блажи.

Начальник партии. Я вас не задерживаю.

Поземка стихает. И все снова встает на свои места.

Иван (*Кириллу резниво*). А как среагировали в управлении?

Кирилл (*невозмутимо*). Приняли к сведению.

Иван. И все?

Кирилл (*тем же тоном*). Все. Тебе что, горячих приветов не хватает? Могу добавить от себя.

Иван. Все-таки могли бы поинтересоваться... Нетрудно ведь.

К и р и л л. Самочувствием? Интересовались. Я сказал: порядок.

И в а н. Я вам, Кирилл, завидую.

К и р и л л. Даже так?

И в а н. Да, да, я серьезно завидую... Сколько вы уже здесь?

К и р и л л. Три года.

И в а н. Три года! Три года изо дня в день одно и то же, одно и то же... Одни и те же предметы, одни и те же деревья из окна, одни и те же разговоры в эфире. И такая устойчивая ясность духа. И мир незыблем, как таблица умножения. И должность самая что ни на есть романтическая: радист-кладовщик!

К и р и л л (*яростно затягивается*). Послушай, Пальгунов, я не буду тебе пороть баек насчет героизма маленьких дел. И насчет «винтиков» тоже не буду. Это для дефективных. (*Он взволнованно ходит по комнате.*) Настоящий работяга слишком уважает свое дело, чтобы говорить о нем. Много нынче таких, что и работают-то, потому как нельзя не работать... А чуть что, стучит себя в грудь кулаком, дармоедами всех считает, мозольками тощими трясет. Всякий лишний час себе в святцы засчитывает. А иные чиновные дяди носятся с ним, как с писаной торбой. «Герой, — кричат, — гегемон! Соль земли!» Вот он и выкобенивается. Сделает на копейку, а требует рупь. Да еще и медаль в придачу. Свое дело, кровное, любимое, без которого жить не можешь. Какой же это героизм? Это праздник! А коли каждый Божий день на работу, как на штурм дота ходить, то это, извините, не работа, а каторга. Даже пытка. Деды, прадеды, отцы наши всю свою жизнь ставили дома, хлеб сеяли, зверя били, украшали, в общем, землю, и никто из них труд личный за доблесть не считал. Они дышали делом, делом живы были да еще благодарили судьбу за то, что не обошла их добрым ремеслом. И всякий занятие других уважал, будь то хоть ночной сторож или дамочка конторская с маникюром. Три года, говоришь! Я и тридцать три просижу, не заскучаю! Некогда. Я весь в деле, а дело во мне!

И в а н. Да, и, согласитесь, когда человек отказывается от всего, к чему привык от рождения, с чем сжился, — это в известном смысле самопожертвование. Но люди идут на это ради всеобщей пользы.

К и р и л л. Избавь, брат! Не надо. Сами управимся.

Лучше один влюбленный в самый звериный угол земли чудака, чем десяток горлохватов, в которых и духу-то ровно по тот день, пока подъемные не вышли. Дорого, ох, как дорого обходится этот самый энтузиазм обществу! И не только в прямом, материальном смысле, но и, так сказать, в нравственном. Ведь фанфаронство-то ихнее радиоактивно. Оно не плоть, а творца в человеке убивает и порождает потребителя, заквашенного на базарной демагогии.

И в а н. Но человек имеет право...

К и р и л л (*резко перебивает*). На мой взгляд, мы должны прежде всего усваивать не права, а обязанности.

И в а н. Да разве я дела боюсь? Но хотя бы конкретная возможность выбора! А то ведь черт знает что: хочешь не хочешь, а сиди... Там, в лесу, все зависело от моей воли, умения сопротивляться, физической силы, наконец, а здесь черт знает что!

К и р и л л. Если человек не знает твердо, для чего он живет, выбор чаще всего бывает неверным... И отсюда начинается, так сказать, цепная реакция: ошибся один, а икается доброму десятку. Я вот здесь на досуге юриспруденцию одолеваю. Есть в ней такое понятие: прецедент. Заковыристое, оказывается, словечко! Один только раз можно совершить самую махонькую неправду, и совершить-то, заметь, ради вроде бы общей пользы, только потом уже не остановишь. Пустишь с горы маленьким комочком, а внизу целый обвал... Самые большие неправды начинаются с пустячка, с этого самого прецедента...

В это время рация начинает вызывать: «База-три! База-три! Шухмин! Прием!» Кирилл бросается к аппарату.

Я Шухмин! Я Шухмин! Прием!.. Записываю! Сухофрукты...

И в а н. У него своя концепция. Ему легче жить.

К л а в д и я. Труднее, Ваня, труднее. Не очень-то его у нас жалуют... Он ведь все больше для дела... Вот пойдя за него, так ведь он меня только со всей армией и возьмет. Скажут: окрутила. А он сильно, сильно больной. Да еще ему на шею такую прорву. Уж лучше так... А так он не хочет... Голова кругом идет!

И в а н. Что же все-таки с ними? Почему они молчат?

К и р и л л (*у рации*). Табак трубочный — два ящика... Прием!.. Рентгеноскопия — один комплект... Прием!

К л а в д и я. С ним и легко и тяжело. Дает много, еще больше спрашивает. Второй год предлагает, а я все никак духу не наберусь.

И в а н (*не слышит, словно во сне*). Ведь я предупреждал, предупреждал...

К л а в д и я. Но разве ему втолкуешь!..

И в а н. У меня голова разрывается на части...

К л а в д и я. По его, главное, что он, Шухмин, говорит, а остальное неважно...

И в а н. Душно...

К л а в д и я. Да я не могу так, не могу...

И в а н. Я, пожалуй, проветрюсь... Жарко... (*Встает, подходит к двери, снимает с гвоздя полушубок, накидывает на плечи.*) Здесь, рядом постою. Вы, Клаша, не беспокойтесь, я уже почти все различаю... Даже в темноте. (*Выходит.*)

К и р и л л (*у радики*). Штаны ватные — восемь... Прием! Все? Прием!.. Сошлось?.. Прием!.. У меня всегда в ажуре... Прием! Спасибо! Прием! Привет всем! Прием!.. Привет, Митрич, до скорого! Все. (*Кирилл встает, переключает радику. Подходит к печке и снова прикуривает от головешки. Затягивается.*) Порядок. Цифра в цифру. Боюсь, мне и ночью сегодня накладные сниться будут... Пустяки, Клавдюха. Иногда одна затяжка долгого разговора стоит.

К л а в д и я. И года жизни.

К и р и л л. Зайдите, гражданка Бородина, через тысячу лет — поговорим... Друг-то твой, так сказать, на мотон изволили отправиться?

К л а в д и я. И зачем ты на него эдак?.. Разошелся ни с того ни с сего... Не видишь, кисло парню...

Действие снова происходит в двух точках. На пригорке у реки в накинута не плечи полушубке стоит Иван Пальгунов. А здесь, под крышей, двое ведут свой разговор.

К и р и л л. Кисло, говоришь?.. Восьмая Пантайская откликнулась... Сидят на Сорочьей косе... Ледоход было отрезал их от базы... Пальгунов бросил партию самовольно перед самым паводком...

К л а в д и я (*жестко уточняет*). Короче: сбежал.

К и р и л л. Выходит, так.

Наступает тишина, в которой трепетно звучат мелодии и говор Большой земли. На пригорке над самой рекой стоит в накинута на плечи полушубке Иван Пальгунов.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Обстановка та же. Раннее солнечное утро. В эфире — урок утренней гимнастики: «Вздохнуть, на носки подняться... Раз... Два... Три... Четыре... Вдох, выдох... и еще раз... Следующее упражнение — круговые движения локтями... Равномерно, товарищи, дышите... Раз... Два... Три... Четыре... Приседание...» Кирилл старательно выполняет упражнения. Клавдия занята стиркой. Вокруг печки на табуретках сушится белье, Иван, сидя за столом, что-то пишет.

Кирилл. Иван, воды!

Иван (*отрывается от стола, встает*). Есть, капитан! (*С подчеркнутой осторожностью обходит приседающего Шухмина.*) Гимнастика — это неизлечимо. К счастью, у меня иммунитет... (*Подходит к двери, берет ведра, кивает в сторону Шухмина.*) На износ работает. И, главное, без прогрессивки... Пошел.

Он выходит. На какое-то время внимание наше перемещается за пределы зимовья. Иван оглядывается вокруг. Жмурится от солнца. Весело присвистывает. Идет к берегу и скрывается за обрывом. События под крышей развиваются своим чередом.

Кирилл (*выжимает гантели*). Скажи своему подшефному: завтра он может лететь — будет вертолет. Клавдия (*спокойно*). Вот сам и скажи.

Кирилл. У меня нет охоты разговаривать с ним.

Клавдия (*отрывается от стирки, поворачивает к нему лицо*). Эх, Кирилл, Кирилл, нелегко с тобой людям, ой, нелегко! Ты словно низкий потолок в новой избе: и крепок, а давишь... Дышать около тебя трудно.

Кирилл. Что же, я перед ним «Барыню» плясать должен, что ли?

Клавдия. Ты слышишь только себя, Кирилл. Свою правоту, свои заботы слышишь и больше ничего и никого... А ведь кругом люди, понимаешь, люди! У них своя жизнь, и правота своя, и заботы. Тебе и до них должно быть дело. Поделись с ними, и они с тобой поделятся. А то и замерзнуть, в самом деле, от собственной глухоты недолго.

Кирилл. У меня для него слов не находится.

Клавдия. А если его правда? Если его, тогда что?

Кирилл (*откладывает гантели в сторону, подходит к окну, поворачиваясь к ней спиной*). Я не знаю, как объ-

яснить тебе это... Не знаю... Помню, под Витебском за-
жало нас в лесочке... И лесочек-то так себе... Скорее ро-
щица... Пустячная, квелая рощица... Простреливается со
всех сторон, и никакого — слышишь, никакого! — военно-
го значения она, эта самая рощица, для нас не имела...
Но есть приказ из штаба: держаться... Приказ бессмыслен-
ный, дурацкий приказ... Но залегли... Командовал нами ка-
питан Алешин... Звездочку еще с финской носил... В полку
на него чуть не молились... Открытой, бессребренной души
человек... Держались мы на совесть... Люди падали один
за другим... И когда осталось от батальона не больше
сотни, капитан приказал отходить... На свой страх и риск
приказал...

К л а в д и я. Сам говоришь: зря падали.

К и р и л л (*жестко*). Его расстреляли перед строем...
Мне этот камушек до смерти не сносить...

К л а в д и я. Не на тебе вина.

К и р и л л (*глухо*). На мне.

К л а в д и я (*тихо*). Не ты стрелял — не тебе думать.

Кирилл (*еще глуше*). Я.

К л а в д и я (*обессиленно*). Ты?!

К и р и л л (*поворачивается к ней лицом*). Я не ска-
жу тебе, что только исполнял приговор. Нет! Я и сам счита-
л, что так надо. И считаю. Слышишь?

К л а в д и я. Но ведь ты вот живой... А он нет.

К и р и л л (*с мукой*). Я одним только казнюсь сей-
час, через двадцать лет после всего: почему рядом с Але-
шиным не стоял тот штабник, что отдавал приказ? Для
него бы я и диска не пожалел.

К л а в д и я (*тихо-тихо*). А ведь и тебе лежать бы
там, в рощице, коли б не батальонный твой...

К и р и л л (*почти кричит*). Да разве это так уж
важно!

К л а в д и я. Для меня — важно.

К и р и л л (*подходит к ней, берет ее за локти*). Кла-
ша, Клашенька, может, я ради этого, ради слов вот этих
твоих и дошел и выжил.

К л а в д и я. У всех, Кирюша, есть к кому дойти и
ради кого выжить. Твоему батальонному тоже. Судить лег-
че, чем отвечать... Хороший ты, сильный человек, Кирилл
Шухмин, но ты с других все спрашиваешь, а на себя ты
давным-давно полное отпущение выписал.

К и р и л л. Да разве мало я с себя спрашиваю?

К л а в д и я. Мало. Не в деле, дело ты свое знаешь. Но тепла от тебя мало. Ты и согреешь, только опять же для себя. А чтобы даром кому отдать — ни в жизни... Я Ивана не защищаю. Не выдюжил парень. Но ты же видишь: мечется, места себе не находит, бредит по ночам... Значит, живая в нем душа человеческая! А от твоей злости лучше ему не стать. Еще один волк в лес уйдет. Ты помоги ему, он не тебе, так другим втрое отдаст.

К и р и л л. Сосунков, вроде него, приучили брать, так что если и отдаст, то не свое.

К л а в д и я. Говорят, от бед люди становятся добрее, уступчивее.

К и р и л л. Добрее — да, уступчивее — нет. Чтобы беды те не случались с другими. Когда знаешь, что уступить — значит обмануть, тогда это — преступление.

К л а в д и я. Здесь не придется обманывать.

К и р и л л. Придется.

К л а в д и я. Но кого же?

К и р и л л. Его самого и... себя... И тебя — тоже.

К л а в д и я. Разве доверять — это обманывать? Нет, нет, погоди. Теперь дай я скажу. Как же это выходит, по-твоему? Стоит кому раз оступить — и сразу его, как это у тебя называется, в БУ. Без надобности, мол. Но ведь он — человек этот — не под стеклянным колпаком живет. У него же родня, близкие. Его беда и на них немалой долей ложится. И начинает его своя, совсем небольшая поначалу обида расти, разбухать, к детям, к внукам по наследству переходить. И ведь каждый ее — обиду эту — не так просто, не думая, нет-нет да на других и выместит. И новая обида пускается ходить по свету... И так без конца... Так, может быть, лучше ее в самом истоке пресечь, по-саперски говоря, обезвредить... И всего надо-то одно доброе слово... Или не осталось их у тебя, Шухмин?

К и р и л л (*снова отходит к окну*). Не знаю, Клаша, верно, я и вправду перегорел там, обуглился вроде головешки, но не могу, не могу я по-другому...

В зимовье волнами, с каждым разом все усиливаясь, начинает наплывать голос: «База-два!... База-два! Шухмин!.. Прием!» Кирилл идет к рации. В это время возвращается Иван.

И в а н (*ставит ведра*). В первый раз такую весну вижу! Легкие от простора разрываются! Снег чуть не вслух

тает. И вода у порога стеной ломит. Темная, дымная, крутая...

К л а в д и я (словно бы между прочим). Завтра, Иван, вертолет из Акишинского будет. Кирилл договорился: тебя возьмут.

И в а н (упавшим голосом). Да?.. (И снова еще более растерянно.) Да?..

К и р и л л (у рации). Хорошо! Прием! В двенадцать? Крупногабаритные? Справлюсь. Тут у меня народ есть. Прием. На четвертую? Есть! Прием...

К л а в д и я. Рад?

И в а н (бессознательно двигается по зимовью). Да, да, конечно... Хоть кончится эта неизвестность... И я все объясню... Ведь прав я ... Я! (И вопросительно к Клавдии.) А? (Он берет со стола исписанный им лист.) Вот второй день формулирую. Здесь только факты. Никаких эмоций. (С листом в руках он снова подходит к ней.) Здесь все ясно, как дважды два...

К л а в д и я. Вот и хорошо. Только ведь, Иван, еще и себе надо объяснить. Это, наверное, потруднее, чем начальству.

К и р и л л (у рации). Записываю. Прием!..

И в а н. Выходит, вы все знаете, Клава?

К л а в д и я. Знаю.

И в а н. Что же, по-вашему, я должен делать?

К л а в д и я. Вам у себя спрашивать надо, Иван. Кто же в таком деле советчик?

И в а н (присаживается на нары, мучительно трет виски). Да, да, да.. Пиши хоть сто объяснительных, но факт остается фактом: все остались, а я ушел... А если б они погибли? А? Если б они погибли, Клаша? (Обожженный неожиданной мыслью, он вскакивает.) Как бы я жить тогда стал, Клаша?

К и р и л л (у рации). ...Подготовлю. Есть... Прием!..

К л а в д и я. Тяжело, однако.

И в а н. Я вот говорил вам, что когда лежал там, в балке, все почему-то больше худое о себе вспоминал... Кому в чем поспешил, где душой покривил... Все, все вспомнил... И плакал... Никогда такого со мной не было раньше... А у вас когда-нибудь было такое, Клаша? Хоть раз в жизни?

К л а в д и я. Нет, Иван, не было.

И в а н. Неужели никогда, никогда?

К л а в д и я. Мне некогда было думать об этом, Иван. У меня на руках семья.

И в а н. Вы меня осуждаете, Клава? Только правду.

К л а в д и я. Свой суд самый тяжкий.

И в а н. Ведь я хотел как лучше! Как мне объяснить им?.. Как доказать?..

К л а в д и я. Это хорошо.

И в а н. Что хорошо?

К л а в д и я. То и хорошо, что спрашиваешь.

Кирилл снимает наушники. Встает и некоторое время стоит молча, прислушиваясь к разговору. Потом идет к двери, снимает с гвоздя полшубок.

К и р и л л (с порога). Ты, Клаша, кончай со стиркой да поможешь мне, место надо на косе расчистить. Груз будет. Много груза. Управиться бы до темноты.

И в а н (с готовностью). Я помогу вам, Клаша...

К и р и л л (искоса). Ты, Пальгунов, лучше займись туалетом: завтра в управление полетишь. Отскучался. Теперь у тебя сплошное веселье впереди.

К л а в д и я (вытирая руки). Всякому свое, Иван. Здесь ведь тоже навык нужен. (Выходящему Кириллу.) Я сейчас!.. (Надевает телогрейку.) Да и собирайтесь помаленьку. Верно, уже высохло все... (В дверях задерживается.) И вот еще что, Иван, вы на него не сетуйте. Он дружую жизнь прожил. Трудную жизнь.

Она выходит. Пальгунов остается один. Он стоит у стола. Берет и складывает вчетверо написанный им до того лист. В это время Кирилл, а за ним К л а в д и я выходят за порог зимовья. Действие перемещается сюда.

К и р и л л. Слышишь, Клавдия, тайга дышит! За всю зиму спешит отгуляться.

К л а в д и я (сухо). Не пойму я тебя, Кирилл.

К и р и л л (резко оборачивается к ней). Ты опять о нем?

К л а в д и я. И о себе тоже.

К и р и л л. Я хочу, очень хочу, Клаша, но не могу. Хочу сказать ему одно, а слова совсем другие выходят.

К л а в д и я. Тогда молчи. Это честнее. Ему своего суда — за глаза!

Они идут в гору и, спускаясь к берегу, скрываются из виду. В зимовье, все так же задумчиво держа в руках исписанный лист бумаги, стоит у стола Иван Пальгунов. И снова, выбиваясь из множества звуков

эфира, wpłyвает сюда хрипловатый, простуженный голос: «...Вода спала. Приводим себя в порядок. Съемки закончим в срок. Сообщите состояние Пальгунова... Состояние Пальгунова, говорю!.. Прием!..» Иван вздрагивает и бросается к рации. Резко отключает ее. Наступает необычная для этого помещения тишина. Некоторое время Пальгунов стоит молча. Руки его машинально рвут сложенный вчетверо лист. Мелкие клочья бумаги стелются по полу.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Обстановка та же. Иван разминает свой покоробившийся у огня полушубок. В это время на гребне берегового обрыва появляются Кирилл и Клавдия.

Кирилл. Я буду стараться, Клаша... Буду... Только не знаю, что из этого получится.

Клавдия. Ты не мешай ему. Пусть он говорит, пусть говорит. Дай ему самого себя допросить. Тут ни один прокурор не поможет. Тут он сам себе моральный кодекс.

Кирилл (*берет ее руки в свои и с несвойственной ему нежностью растирает*). Всех бы ты отогрела, а у самой лапы, как ледышки...

Клавдия. Сумасшедший...

Кирилл. Давай, Клаша, посидим здесь до ночи, а то и до утра.

Клавдия. И найдут утром две ледышки, одну большую и одну чуть поменьше.

Кирилл. У тебя тепла на полземли хватит, а то и больше.

Клавдия. Совсем дурачок...

Они садятся на полувыбранную поленницу, и Кирилл кладет ей на колени голову.

Кирилл. У тебя коленки теплые-теплые. И сердце слышно.

Клавдия. Сколько в тебе разных людей живет, Кирилл, диву даюсь... И батальонный тот... И стихи... И вот это...

Кирилл (*ревниво*). И про стихи знаешь?

Клавдия. Знаю.

Кирилл. Смеешься?

Клавдия. Нет.

Кирилл. Для тебя только.

Клавдия. Как мальчишка.

Кирилл. Для тебя...

К л а в д и я. Вставай, Кирюша, простудишься.

К и р и л л. Я бы так вот всю жизнь просидел. *(Поднимается и тут же, хватаясь за бок, стонет.)* А-а-а! *(Делает несколько неуверенных шагов к двери зимовья.)* Тише, Клаша, тише... Тише... Сейчас пройдет... Сейчас... *(Он подходит к двери, наваливается на нее и перешагивает через порог.)* Тише... *(Прикладывает палец к губам.)* Тсс...

К л а в д и я. Кирилл, подожди!.. Кирилл!

Действие сразу же перемещается в зимовье. На пороге вырастает фигура Ш у х м и н а. Он идет к нарам, словно по болотным кочкам: старательно устраниваясь при каждом шаге. Иван бросается было к нему, но тот отстраняет его и, уже подойдя к нарам вплотную, плашмя валится на них вниз лицом. И в это мгновение в зимовье тревожной птицей врывается К л а в д и я.

К л а в д и я *(приникает к Кириллу)*. Говорила я, говорила... Где тебе тяжести таскать!.. С твоим ли здоровьем!.. Тоже мне Илья Муромец!

К и р и л л *(хрипит)*. Пройдет... Пройдет сейчас... Не суетись...

К л а в д и я *(стаскивает с него полушубок, сапоги, свитер)*. Иван, аптечку! *(Иван бросается к аптечке.)* Ну уж, дружок, теперь ты у меня неделю как миленький лежать будешь... Зря только прошлый раз тебя послушала...

И в а н *(подает ей лекарство)*. Хорошо бы грелку...

К л а в д и я *(поднимает Кириллу голову, вливает в рот с ложки лекарство)*. Сделаем и грелку. Главное, чтобы он уснул...

К и р и л л. Тише... Отойдет... Ерунда... Не суетись, Клаша... Будто я маленький...

К л а в д и я *(со слезами)*. Да еще какой!.. Только притворяешься взрослым... Лежи и молчи. Молчи, слышишь?

К и р и л л. Хорошо, Клаша... Я молчу... Я буду молчать... Только, ты знаешь, я не люблю слез... Все...

К л а в д и я. Это я от злости. Ты спи... *(Укрывает его.)* Спи... *(Тихо-тихо запекает.)*

Когда метель кричит, как зверь,
Угрюмо и сердито,
Не закрывайте вашу дверь,
Пусть будет дверь открыта.

Пусть будет теплою стена
И доброю скамейка.

Дверям закрытым — грош цена.
Замку цена — копейка.

А если ляжет дальний путь,
Нелегкий путь, представьте,
Дверь не забудьте распахнуть,
Открытой дверь оставьте.

И, уходя в ночной тиши,
Без долгих слов решайте:
Огонь сосны с огнем души
В печи перемешайте...

Когда метель кричит, как зверь,
Угрюмо и сердито,
Не закрывайте вашу дверь,
Пусть будет дверь открыта...
Пусть будет дверь открыта...*

Уснул... (*Встает и подсаживается к печке.*) Вот тебе, Ваня, и «большой» и «сильный» ...Дите.

Иван (*все это время он сидел на корточках у печной дверцы, словно обдумывая что-то и молча глядя в огонь*). Нет, я больше не могу! (*Вскакивает и начинает метаться по помещению.*) Я знаю, что он думает обо мне! (*Останавливается около Клавдии.*) Я не виноват! Вы мне верите, Клава?

Клавдия. Верю, Иван.

Иван. Мы впустую мотались по тайге... Я твердил, что надо свертывать работы, что продолжать нет смысла, что вот-вот паводок и рисковать нельзя... Но ему нужен был план... Как будто природа соразмеряет свои дары с квартальными наметками совнархоза и с послужными списками начальников партий! Так имел я право плюнуть и уйти, Клаша?

Клавдия. Имел. Только не должен.

Иван (*умоляюще*). Но почему же, почему?

Клавдия. Как тебе сказать... (*И сразу все вокруг нее теряет реальность, отступает на задний план. Она остается наедине с собой, со своей молодостью.*) Право, не знаю... Но только не должен.

И вот уже перед нами только ее лицо и голос. Звучат два предупредительных пароходных гудка. Звяканье выбираемого якоря.

* Стихи Булата Окуджавы.

О н. Разве ты к ним привязанная? У тебя своя жизнь.

О н а. Нету мне без них жизни.

О н. Молодость не вернешь, Клавдия. Уедем.

О н а. Некуда мне от них уезжать. Места такого на земле нету.

О н. А обо мне ты не думаешь?

О н а. Думаю. И о них тоже.

О н. О них больше.

О н а. Без них мне с тобой счастья не будет.

О н. Мне чужие дети ни к чему.

О н а. А мне чужой человек.

О н. В последний раз, Клавдия...

О н а. Нет.

О н. Одумаешься — поздно будет.

О н а. Нет.

О н. Клавдия!

О н а. Нет.

О н. Тогда прощай.

О н а. Прощай!

Последний гудок разрывает тишину. И вслед за ним плач — тихий, долгий, бабий, ее плач. И снова все встает на свои места: зимовье, печка и рядом — Иван Пальгунов.

К л а в д и я. Бывает такое в жизни, Иван, когда по закону право имеешь, а по совести нет. Я тебя не сужу. Тебе виднее. Только думается мне, что не с твоим характером обочиной ходить. Сам себя не вынесешь.

И в а н. Что же мне делать, Клава, что же мне делать?

К л а в д и я. Я, Ваня, не умею чужую беду руками разводить. Да и зряшная это работа.

И в а н. Понимаете, Клаша, я привык оценивать свои поступки с точки зрения: имею или не имею права. Так меня учили, с тем вводили в мир. Но, может быть, действительно Шухмин прав, и человеку следует начинать с обязанностей? Мне один стишок запомнился: «Чтобы человеком быть, мало им родиться, как, чтоб быть железом, мало быть рудой. Надо переплавиться, разбиться и, как руда, пожертвовать собой». Наверное, слепое использование своего права и порождает тот самый прецедент, о котором он говорил? Прецедент подлости. А раз прецедент имеется, то действуй дальше в таком же духе... Но как же все-таки определить самому: когда ты прав, а когда нет?

К л а в д и я. По очень для тебя дорогому человеку. Ставить себя на его место: как бы поступил он?

И в а н. И у вас есть такой?

К л а в д и я. Есть.

И в а н. Я попробую...

Пальгунов снова наедина с собою. Действительность отступает. Прошрое и настоящее сходятся лицом к лицу. Мелодии войны вливаются в зимовье.

М а т ь. Пять лет я ждала тебя лишь для того, чтобы тут же проводить.

О т е ц. Не я один, Маша.

М а т ь. Но ведь ты не призван! Пять лет тебя держали Бог знает где. Ты имеешь право хотя бы прийти в себя.

О т е ц. Право — да, только сейчас не время, Маша, подсчитывать обиды: война идет. Большая война, Маша.

М а т ь. Я знаю, что переубеждать тебя бесполезно.

О т е ц. И не нужно. Я не узнаю тебя.

М а т ь. Я много думала, пока ждала тебя.

О т е ц. Еще немного, еще совсем немного, Маша, и я вернусь навсегда.

М а т ь. Не уговаривай себя, Александр. Видно, мне только и суждено ждать тебя. И я буду ждать. Так буду, что ни одна смерть тебя не возьмет.

О т е ц. Спасибо, Маша. Береги себя и сына.

Под далекие отголоски мелодий войны затихает чеканный стук сотен солдатских сапог. И опять зимовье перед нами.

К л а в д и я. Тогда получится, Иван, вот увидите.

И в а н. По-моему, тоже.

К л а в д и я *(прислушивается)*. Подождите...

Издали, все нарастая с каждым мгновением, слышится стрекот вертолета. Когда он становится окончательно близким и устойчивым, в себя приходит и Кирилл.

К и р и л л. Клаша! Клаша! Идут... Давай на косу... Пальгунов поможет!

К л а в д и я *(бросается к одежде. Начинает лихорадочно одеваться)*. Собирайся, Иван! Скорее! Разгрузиться сможешь.

И в а н *(движения его становятся скупыми и четкими. Он деловито одевается, натягивает рукавицы)*. Я готов. *(Идет к двери.)* Успеем.

К л а в д и я (*хватает с верхнего яруса нар его веще-
вой мешок*). Мешок!.. Мешок забыл!

И в а н (*уже с порога оборачивается. Говорит, как о
чем-то само собой разумеющемся*). А я не полечу... Я пой-
ду туда, к ребятам.

Немая сцена: Иван Пальгунов, точно в раму портрета, врезанный в двер-
ной проем; Клавдия, замершая с его рюкзаком в руках; приподнявшийся
на локтях Шухмин.

К и р и л л (*облегченно откидываясь на подушку*).
Ящики не кантуйте: там приборы.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Обстановка та же. В зимовье только Кирилл и Клавдия. С ее
помощью он, опираясь на палку, ходит по зимовью.

К л а в д и я. Ты у меня совсем молодцом... Хоть на
парад...

К и р и л л (*с горечью заканчивает*)... живых мощей.

К л а в д и я. Не прибедняйся... Теперь обратно... Вот
так...

К и р и л л. И не боишься?

К л а в д и я. Чего?

К и р и л л. Что вот так годами придется?

К л а в д и я. Около тебя и бояться-то нечего... (*отби-
рает у него палку.*) А теперь своим ходом... Больно?

К и р и л л (*виновато*). Нет...

К л а в д и я (*укоризненно*). Кирилл!

К и р и л л. Ну, чуть-чуть.

К л а в д и я. То-то... Терпи... (*В эфире возникает ме-
лодия.*) Давай я тебя повожу... Меня Иван подучил тут
немного, а то какая же свадьба, коли жених с невестой
не танцуют.

К и р и л л (*вздыхает*). Значит, решилась...

К л а в д и я. Ивана благодари.

К и р и л л. Почему его?

К л а в д и я. Мы ведь с тобой и не говорили ни разу
по-настоящему. Я все гадала: какой ты? А через него ты
мне весь открылся.

К и р и л л. Так какой же я все-таки?

К л а в д и я. Разный.

К и р и л л. Труднее примеряться.

К л а в д и я. Когда знаешь — легче... Ну, веди, «молодой»...

Они начинают медленно, почти на одном месте, но не в ритм той, звучащей в эфире мелодии, а своей юности, своему прошлому. Здесь наперекор реальности вдруг возникает разрывающий сердце мотив: «И пока за туманами видеть мог паренек, на окошке на девичьем все горел огонек...» И вместе с нашими героями, вернее, над ними, кружат тревожные и грустные тени клубных вечеров военного и послевоенного времени. На пороге **И в а н**. Он врывается в зимовье распахнутый, возбужденный, и останавливается с восклицанием, так и застывшим на губах при одном взгляде на танцующих. Они медленно кружатся в забытьи на одном месте и наконец останавливаются и замирают так, не видя и не слыша ничего и никого вокруг и тесно прижавшись друг к другу.

И в а н (*тихо-тихо*). Сходит снег... Идти можно...

К л а в д и я (*как бы очнувшись ото сна*). Ваня!..

И в а н. Иду.

К л а в д и я. Спешешь?

И в а н. Пора... Сходит снег... Почти совсем нету...

К л а в д и я (*начинает растерянно суетиться*). Собрать тебя надо... Тебе идти да идти...

И вот двое мужчин медленно сближаются. Они сближаются, как бы примеряясь друг к другу. И еще неясно, что родится из этого сближения: дружба или вражда. И вот они уже стоят плечом к плечу и, глядя каждый в свою сторону, затевают разговор.

К и р и л л. Решил?

И в а н. Решил.

К и р и л л. Учти: цветов не будет.

И в а н. И оркестра тоже.

К и р и л л. Самолюбие морским узелком завязать придется.

И в а н. Уже.

К и р и л л. Что — уже?

И в а н. Завязал.

К и р и л л. Тяжко?

И в а н. Не на именины иду.

К и р и л л. Когда знаешь, что поступаешь правильно, дело стоит самолюбия.

И в а н. На себе проверено?

К и р и л л (*коротко и жестко*). На себе.

И снова, как и в предыдущей картине с Клавдией, все исчезает вокруг Кирилла. Он тоже остается наедине с собою, с тяжким для себя воспоминанием. И другой голос определяет тон последующего диалога.

Он. Ну, что ж, Шухмин, будем говорить или как?

Кирилл. О чем говорить?

Он. О том, кем завербован?

Кирилл. В день своего рождения и на всю жизнь.

Он. Кем?

Кирилл. Россией.

Он. В плен сдавался тоже ради нее?

Кирилл. Меня взяли без памяти.

Он. Старая песня! Надоело!

Кирилл. Мне тоже, капитан. И я знал, что меня ждет. Я заплачу и эту цену.

Гулкие шаги. И визг камерных дверей, лязг засова. И снова реальность ставит все на свои места: зимовье, Клавдия, занятая сборами, и двое посреди зимовья.

Иван. Будут ли они говорить со мной?

Кирилл. Не будут.

Иван. Боюсь этого. Боюсь так, что вот здесь саднит, едва представлю... Со мной это уже было раз... Еще там, в школе... Страшно!

Кирилл. Бывает страшнее. Ты приходи, возьми лом и спроси только, где бить шурф... И бей! Бей так, чтобы кровь из-под ногтей выступала, бей так, чтобы они первые сказали тебе «здравствуй».

Клавдия (*подходит к ним. Ставит у ног Ивана туго набитый рюкзак*). Вот, Ваня... Тут все... Я за тебя рада...

Иван (*поднимает рюкзак на плечо*). Спасибо, Клава... Мы еще встретимся... Вот увидите...

Клавдия. Обязательно, Ваня, обязательно! И скоро!

Он подается к выходу, но в это мгновение рука Кирилла ложится на его локоть. Двое сходятся в крепком мужском объятии. Иван идет к выходу. Оборачивается.

Иван. Я помню позывные: «База-два! База-два!»

Выходит. И вдруг Клавдия бросается к своему полушубку.

Клавдия. Я провожу его до Щучьей протоки.

Кирилл. Сам дойдет.

Клавдия. Я ему короче маршрут укажу.

Кирилл. Есть такой мужской закон: надеяться прежде всего на себя.

Клавдия (*уже на пороге*). Есть, Кирилл, еще и

людской закон: иногда человеку надо помочь дойти. И уж тогда он не собьется. И другим поможет дойти.

Она выходит. Некоторое время Кирилл стоит, словно раздумывает о чем-то. Потом вдруг бросается к двери, выскакивает из зимовья.
Действие переносится сюда.

Кирилл (*кричит вслед удаляющемуся Ивану*). Мимо с ребятами пойдешь, заворачивай! Чай будем пить! С пряниками!

Иван уже с горы оборачивается и в знак согласия взмахивает рукавицей.

Клавдия (*вся свет и улыбка*). Я скоро вернусь, Кирилл! Очень скоро.

Они скрываются под горой. Кирилл возвращается в зимовье. А в эфир уже пробивается знакомое: «База-два! База-два! Шухмин! Прием!» Кирилл идет к аппарату. Спокойно садится. Пристраивает наушники.

Кирилл. Я Шухмин! Я Шухмин! Прием!.. Повторить! Прием!.. Есть!

Все звуки мира кружатся по зимовью.

З а н а в е с

ЭХО В КОНЦЕ АВГУСТА

**Драма в двух действиях, десяти картинах
по мотивам повестей и рассказов**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

**Ильин.
Величко.
Сеньков.
Зинаида.
Геня.
Иткин.
Михаил.
Брыкин.
Алевтина.
Царьков.
Оржанников.
Слава.
Сеня.
Нина.
Кирилл.
Васена.
Надя.
Степан.
Воробушкин.
Кусков.
Каргин.
Силис.
Скорняков.
Санин.
Радистка.
Конвоир.
Дежурный матрос.
Пассажир.
Посыльный.**

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Где-то в далеком далеке возникает звук пароходного гудка. Звук растет, заполняя собою пространство. Гудок этот как бы предопределяет тональность всего, происходящего перед нами. Из темноты возникает кабинет Величко. Это большая квадратная комната, вся увешанная диаграммами и крупномасштабными картами. Кроме традиционной ковровой дорожки, ведущей к столу, — никакой «номенклатурной» роскоши. Гость — Илья Ильич Ильин — с глубоко втянутой в плечи головой сидит в кресле у стола. Судя по всему, здесь происходит тяжелый для обоих собеседников разговор.

Ильин (*отрешенно глядя за окно*). Август...

Величко (*в тон ему*). Двадцатое...

Ильин (*тоскливо*). Так, значит, все, Коля?

Величко (*не поворачиваясь к нему*). Все, Ильин.

Ильин. Не то самое страшное, что консервируют, а то, что веру в дело люди потеряют. Трудно это потом восстанавливается.

Величко. Ну, Илья, если об этом думать!..

Ильин (*встает, подходит вплотную к Величко и, взяв его за плечи, поворачивает к себе лицом*). Ты не прячь от меня глаза, Коля, а если хочешь, Николай Гаврилович, не прячь.

Величко (*почти бегом бросается к столу, а оказавшись за ним, вдруг мгновенно преображается, в голосе возникают металлические нотки*). Что ты, право, как ребенок, Илья! Какое все это может иметь значение в свете общегосударственных задач! Раз на раз не приходится. Страна имеет право на эксперимент, причем на самый дорогостоящий. Не получено прагматического результата, остался опыт, а это тоже, брат, объективная ценность. (*Неуверенно.*) Да...

Ильин. Глобальными категориями собственную трусость прикрываешь, Коля, вот что. Привык, чтобы за тебя думал дядя. Так легче: приказано, и все, остальное не твое дело. «Опыт!» А какую цену заплатят за этот самый «опыт» люди из тех тысяч (*кивок в окно*), тебе ясно?

Величко. Товарищ Ильин!

Ильин (*горько*). Когда я тебя из-под Полушкина по стерне зубами за шиворот волок, я тебе Илюшкой был.

Из затемнения возникает лесная поляна. Невдалеке слышатся разрывы артиллерийская канонада, автоматные очереди. Виден вход в землянку.

Оттуда, сторожко оглядываясь, появляются двое.

Первый. Вот жись пошла, нигде от войны не скрощешься. (*Прислушивается.*) Совсем рядом бьет.

Второй. Пересидим.

Первый. Пересидишь тут, дожидайся. Как начнут лес прочесывать — и на тебе: я ваш дядя.

Второй. Свои отступили, а немцы лесу боятся. Стороной пройдут.

Первый. Что они, лесов не видели, что ли?

Второй. А откуда? У них там все больше пески. Небоскребы опять же. Фермы разные.

Первый. Чего молотишь, чего молотишь, голова! Какие фермы? Немец — человек военный. У них больше казармы.

Второй (*настораживаясь*). Нишкни... Слышь, вроде стонет кто?.. По-нашему вроде лопочут... Черт их несет на мою голову!.. (*Прячется.*) Нишкни!

Из чащи появляются Ильин с раненым Величко на спине. Оглянувшись вокруг, он облегченно складывает ношу на траву.

Величко (*стонет*). Куда идем... Заце-е-ем...

Ильин (*зло*). Молчи, Николай. Ты не у своих. Молчи — проскочим.

Величко (*еще громче*). Нехорошо, Илья... Что ты на меня, как на мальчишку... Болит ведь...

Ильин. Кричать будешь — не перестанет. Терпи. Иначе вдвоем не выйдем. Оба тут останемся.

Величко. Не могу терпеть... Застрелиться и то легче.

Ильин (*в бешенстве*). Молчи, или я ударю тебя.

Величко. Илюха... Как же так!

Ильин. Молчи же!

Величко. Ты не имеешь права...

Ильин ударяет его. Тот стонет. Ильин ударяет еще раз. Величко затихает в беспамятстве.

Ильин (*тихо плачет*). Не думал, Коля, что когда-нибудь придется... А теперь двинули... дальше... Живой останешься, сам спасибо скажешь... (*Взваливает его себе на плечи.*) Пошли, родной. (*Уходит.*)

Из землянки снова появляются двое.

Первый (*качая головой*). Ну и ну! И почто люди только колотят друг дружку! Бессмысленный народ.

Второй. Бросил бы, да и все тут. Все одно — не жилец.

Первый. Ты-то, шкура, не иначе как бросил бы. От тебя только и жди подвоха.

Второй (*резким движением снизу вверх всаживает ему нож в бок*). Разговариват ишшо!

З а т е м н е н и е.

Величко (*тихо-тихо*). Хватит, Илья... Давай полюдски. Мне тоже нелегко. Кусок сердца сюда вложен, а его у меня на раз вздохнуть и осталось. Но что толку руками махать! Сказано свернуть, вот и весь разговор. Остальное — лирика. А мы с тобой инженеры, Илья.

Ильин. Именно потому, что мы инженеры, мы обязаны доказать целесообразность строительства.

Величко. Дым, слова.

Ильин (*как бы соображая*). Слушай, Николай, разреши мне пройти хотя бы один этот кусок в конце... Ну, как бы по инерции, что ли... Пока то да се. Может, еще там (*кивок наверх*) передумают. Уважь, Коля! А!

Величко. Прости, Илья, может, я сухарь, консерватор, так сказать, но мне твою блажь уже никто не профинансирует. Рад бы порадеть, да не могу.

Ильин (*вздыхает*). Но что я людям скажу, вот вопрос.

Величко. Ну, там... Временная консервация, мол... Да ты не рассусоливай, главное — жми на компенсацию, выходное пособие и так далее. Материальный фактор в таких случаях — лучшая агитация. Знаю я свой контингент.

Ильин (*почти на крике*). Плохо ты его, Величко, знаешь! Ты его за выходное пособие не купишь!

Раздается робкий стук в дверь.

Величко (*с заметным облегчением*). Заходи, заходи, Сеньков... Что там у тебя?

Сеньков, появляясь в кабинете, останавливается у порога.

Сеньков. Да хотел вот предупредить Илью Ильича, что, ежели они собираются, есть оказия: Конашевич на их базу летит, с грузом...

Величко (*вставая*). Разговора нашего, Ильин, нам с тобой все равно не переговорить. Жми-ка ты к себе, проветришь, подумай. Здоровые мысли на досуге приходят. В Москве поговорим по-домашнему, за коньячком, как бывало. Без крика, без горячки. Тогда увидишь, что я прав.

Ильин (*вставая, словно про себя*). Да, это у тебя как-то всегда выходило. (*И встрепенувшись*.) Нет, Савельич, я не полечу твоей оказией, спасибо за память. Попробую пешочком по трассе. (*Усмехается горьковато в сторону Величко*.) Проветрюсь, подумаю. (*Еще горше*.) Остыну.

Величко. А сердчишко-то, Ильич? Это тебе, брат, не под Ельней в двадцать-то пять лет. Не подведет?

Сеньков. Да и долгонько.

Ильин. На месте отосплюсь, мне теперь спешить некуда. Отспешился.

Величко. Ну, это ты брось. Нам еще с тобой строить и строить.

Ильин. Может быть. Только теперь — порознь.

Величко (*обиженно*). Тебе видней. Для твоей же пользы предостерегаю.

Ильин. И все-таки я пойду пешком. Хочу своими глазами убедиться: так ли уж все безнадежно. Пока.

Величко (*явно рад такому скорому для него повороту дела*). Ну-ну... Только не обессудь, дам команду по рациям всей трассы, чтобы они тебя, как эстафету, из рук в руки. (*Обнимает его*.) Бывай, старина. (*Провожает гостя до двери, но и после того как тот выходит, все еще радушно улыбается вслед. Потом прикрывает дверь и, поворачиваясь к сразу сжавшемуся Сенькову, спрашивает совершенно другим тоном*.) Ну что там у тебя еще, выкладывай. (*И уже идя к столу, насмешливо*.) Чудак, ей-Богу!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Панорама лесистой местности. На первом плане загнанная в тупик вагон-лавка. На дверях от руки крупно начертано: «Закр^ыто» и ниже — череп и скрещенные кости, тоже от руки. Около лавки Зинаида Борушко, склонившись над тазом, стирает белье, Зинаида поет:

«Течет речка по песочку,
Бережочек сносит».

Из-за вагона с вещмешком на плече появляется Ильин. Садится на ступеньку дверной лестницы вагона. Затем встает, направляется к Зинаиде. Та, в это время отжав белье, не глядя выплескивает воду прямо на идущего в ее сторону гостя. И тут же растерянно вскрикивает.

Ильин (*отряхиваясь*). Не растаю, не сахарный... Вы что же, и впрямь одна здесь?

Зинаида (*подозрительно напрягается*). А вам за-

чем? Много нас тут. Только крикнуть. Лбы — один к одному. Трубы одной рукой гнут.

Ильин *(смеется)*. Уже сдаюсь, зовите милицию.

Зинаида *(коротко)*. Турист, видно.

Ильин. Почему — турист?

Зинаида. А они все такие... Острят.

Ильин. Рад бы в рай, да времени нет. Работа.

Зинаида. К нам?

Ильин. К вам, но мимоходом.

Зинаида. Вербованный?

Ильин. Вроде того.

Зинаида. Так вот, дружочек, для памяти: спиртное после пяти — не раньше. Шмотья не стираю. На уговоры не поддаюсь. Замужем. Ясно?

Ильин *(смеется)*. Целый катехизис.

Зинаида. Чего?

Ильин. Целый свод законов, говорю.

Зинаида. Вашему брату только попусти.

Невдалеке слышатся мерные удары о металлическую рельсу.

Ильин *(кивает в сторону надписи)*. И действует?

Зинаида *(победно)*. А сейчас увидишь.

К вагону-лавке выбегает Геня Гор. Мгновенно прикинув обстановку, он всем своим видом изображает почтительную просительность.

Геня *(вкрадчиво)*. Зина, солнышко, ты еще в осаде?

Зинаида *(кивает в сторону надписи)*. Читать умеешь?

Геня. Только по-английски. И только печатный текст.

Зинаида *(показывает на горку мокрого белья)*. А это видишь?

Геня. Я — дальтоник. Что это?

Зинаида. Инвентарь. В порядок привожу. Санитарный день. Гуд бай по-печатному, понял?

Геня. Зинуля, ребята просили...

Зинаида. А еще они ничего не просили? А то я могу. Боюсь только — не справятся. Одну водку жрать здоровы. Не пошли бы твои ребята знаешь куда? В общем, не по-печатному.

Геня *(скромно потупившись)*. И Миша тоже просил.

Зинаида *(вся торжествующая неприступность Зинаиды неожиданно покидает ее. Она растерянно переводит взгляд с Гени на Ильина)*. Ведь знает, что нельзя... Ведь сколько раз говорила... Что же это он со мной делает!..

(Бросается к двери, но вдруг останавливается.) Нет, как хочешь, не дам... Пусть сам придет, а так не дам.

Геня *(с сомнением покачивает головой)*. Едва ли, Зинуля, едва ли... Михаил Петрович человек гордый. Михаил Петрович человек чувствительный. Не хочешь, как хочешь, солнышко. Мое дело челночное: туда — обратно, и все дела. *(Ильину.)* Будешь свидетелем, отец, я телеграфировал. Обратной связи нет, ты видел, ты слышал. *(Уходит.)*

Зинаида *(бессильно опускается на ступеньку лестницы)*. Вот дура, Господи... Жалко мне, что ли?

Перед вагоном, столкнувшись по пути с уходящим Геней, появляется Исаак Иткин.

Иткин *(поправляет очки, испытующе)*. Дали, Зинаида Павловна?

Зинаида *(зло)*. Нет, не дала. А только зря. У вас свой план, у меня свой. За ваш пусть у вас голова и болит.

Иткин. Еще два дня, всего два дня, Зиночка. Шесть процентов к плану. После тринадцатого я не возражаю, а пока нельзя. Уж вы, Зинаида Павловна, потерпите. Духи — за мной.

Зинаида *(взрывается)*. Нужны мне твои духи, как блохе пианино! У меня, может, жизнь на глазах разбивается. Я, может, долю свою последнюю теряю. Мне, может, и свету в окошке...

Медленно, вразвалочку, выходит из-за вагона Михаил.

Михаил *(со спокойной ленцой)*. Об чем крик?

Зинаида *(осеклась на полуслове)*. Миша!.. Думала, наврал Генька, вот и не дала... А это мы так с Григорьевичем, по привычке...

Михаил *(идет прямо на нее)*. Думала, говоришь?

Иткин *(пытается преградить ему путь)*. Послушайте, Сиваков...

Михаил *(легонько, словно предмет, отстраняет его)*. Постой, Григорьевич, я не к тебе, а к ней притопал... Выходит, Зинаида Павловна у нас мыслитель... Выходит, по Зинаиде Павловне Академия наук тоскует. *(Поднимает было руку для удара, но в этот момент дорогу ему заступает Ильин.)* Откуда ты, прекрасное дитя?

Ильин *(перехватив ему руку, вкладывает в нее*

свою). Будем знакомы, Ильин, Илья Ильич... Начальник берегового участка.

Михаил (*в полной тишине какое-то время смотрит на него, потом, отходя, качает головой, беззвучно смеется*). Еще один... Ну и ну... (*Поворачивается к Ильину.*) Ладно: один-ноль. Только не забудь, Ильин, Илья Ильич, начальники приходят и уходят, Мишка остается... (*Зинаиде, жестко.*) Время есть — сквитаемся... (*Ильину.*) Вопрос имею, начальник.

Ильин. Ну.

Михаил. Слышал, свертываемся? Или как?

Его вопрос объединяет враждующие стороны: все взгляды устремляются в сторону Ильина.

Ильин (*после долгой и многозначительной паузы*). А ты сам-то как считаешь, стоит?

Михаил. Мое дело — бери больше, кидай дальше, круглое кати, плоское тащи. Маленькое дело мое то есть, дорогой товарищ.

Ильин. Тогда действительно закроют.

Михаил. А что я могу?

Ильин (*коротко и властно*). Все.

Михаил (*медленно обводя глазами товарищей*). Сабантуй отменяется, граждане соколятов стая... Переучет. (*Ильину.*) Только учти: не любит наш брат, когда ему в душу плюют.

И все исчезает. На просцениуме остается только Ильин, а в другом конце сцены высвечивается кабинет В е л и ч к о, за спиной которого огромная карта дороги. Так они и остаются — лицом к лицу.

Ильин. И вот я встретился с этими людьми, которых ты называешь своим контингентом. Да, на первый взгляд, желания и стремления их очень просты, просты в самом прямом смысле этого слова: хлеб, водка, заработок. Но еще он чего-то хочет, ты слышишь — хочет! И никакими подъемными ты не погасишь в нем этой, если хочешь, святой тяги.

Величко. Блажь. Стареешь, Илюха, стареешь. Это тяга инстинктивная и не имеет классового характера.

Ильин. Ты заговорил языком Сенькова.

Величко. Сеньков — тля, но все воспринимает трезво. Старайся и ты не рассусоливать.

Ильин. Стараюсь, Коля, стараюсь. (*Уходит.*)

Величко. Заблажил мужик. (*Подходит к карте до-*

роги, рассматривает ее.) Дня три ему ходу... Да в одиночку... Не такое в голову полезет. (*Нажимает звонок.*)

На пороге появляется Сеньков.

Сеньков. Передай по линии: пусть держат меня в курсе, когда будет проходить Ильин.

Затемнение.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Товарный вагон, приспособленный под контору. Тут же — в два яруса — нары. В углу, у прорезанного в стенке окна, за наспех сбитым столом склонился над счетами Брыкин.

Брыкин (*щелкая костяшками*). Семь с полтиной... Ситчик Ленке на платье... Шесть целковых сандалеты Саньке... Пять целковых бобочку Гриньке... Итого: восемнадцать с полтиной... Остальное — на харчи... Вроде сходится... А ну-ка, еще раз...

Входит Ильин.

Ильин. Здравствуйте. Ильин, с Берегового участка... Мимоходом к вам. Переночевать пустите?

Брыкин (*с внимательной насмешливостью оглядывает гостя*). Отчего же... Да и обязаны. (*Поднимается, подходит к Ильину и, демонстративно вытерев ладони о замасленные штаны, подает ему руку лопаточкой.*) Здравствуйте, товарищ Ильин. Давненько, давненько мы с вами не обязывали друг дружку свиданьем. Как живете-можете?

Ильин (*ошарашенно*). Не припоминаю, извините.

Брыкин. А я так не запамятовал, сразу признал. Постарели, извиняюсь, только, а так все, можно сказать, в ажуре. Видал я вас много разов, да все больше издаля. Как, думаю, подойти: причины нет, а выходит, удача сама по себе ходит.

Ильин (*растерянно*). Никак в толк не возьму.

Брыкин. Я бы не объяснился, да ведь обещал, а у меня слово верное, сказал — не подведу. Сказочку мою не запамятовали еще, товарищ лейтенант?

Ильин (*будто пробуждаясь*). Сказочку, говоришь?.. Смутно что-то чудится... Да, да... Выходит?..

Брыкин. Выходит, моя взяла.

Ильин. Да... Вот уж никогда не мог подумать... Что же вы здесь делаете?

Брыкин (с готовностью). Тружусь, товарищ Ильин, тружусь, как говорится, в поте лица. Детишек трое уже.

Ильин. Чудно. И не боитесь.

Брыкин (обезоруживающе улыбается). А чего ж мне бояться, свое отбыл. Да и какой там мой грех!

Ильин (задумчиво). Да, действительно, чего бояться? Теперь вспомнил... Словно вчера все было...

Из темноты выявляется кабинет Величко. Тот задумчиво ходит по кабинету. Наконец подступает к столу, звонит. На пороге бесшумно вырастает Сеньков.

Величко. Дай-ка мне сюда нашу итоговую записку. Просмотрю еще разок. Блажь, конечно, только не на месте у меня душа, Сеньков, ой не на месте.

И вот уже перед нами снова тот же вагон. Только в обличье военного времени. Гудит за стеною пурга. Тлеют во времянке горячие еще уголья. Язычок копилки с каждым порывом ветра становится все беспокойнее. Перед тихо попискивающей рацией дремлет Девушка-радикта. Открывается дверь, и в вагоне появляются трое: Ильин в лейтенантских погонах, за ним — со связанными за спиной руками Брыкин, следом за которым — Конвоир.

Ильин (расталкивает радистку). Конец войны проспишь, старшина! Соедини-ка меня с комендатурой. (Конвоиру.) Посади его, пусть посидит напоследок.

Брыкин (опускаясь на чурбан у печки). Это как сказать, лейтенант, как сказать.

Ильин. Ты что же, думаешь, тебя из трибунала на курорт отправят? Или, может, в Москву, на выставку повезут? Считал, война — так хватай, что под руку попадет?

Брыкин (устало). Ничего я не считал, лейтенант. Только все равно пропадает добро. И не хорони меня поперед времени, молодой еще. Всяко может выйти. Слепой сказал: посмотрим.

Ильин. Это ты в трибунале скажешь. (Радистке.) Ну как?

Радистка. Дрянь дело. Молчит комендатура.

Конвоир (протягивает Брыкину пакет). Закури.

Брыкин (кивает в сторону Ильина). Старается лейтенант, в начальство лезет. Далеко пойдет. На командиров у нас нынче спрос, эпоха такая. Я даже сказочку намедни придумал. Ничего вроде вышло... Начало старое... Жил-был у бабушки серенький козлик... Бабушка козлика, ко-

нечно, очень любила... Ну, а дальше уже все по-моему. Вышел козел в свою пору от бабушки, стал рогами шевелить. Есть, значит, хочет. А дело к зиме шло: ни травы тебе, ни ягоды. Тут встречается ему лиса. «Что, — говорит, — безрогий, рогами шевелишь?» — «Есть, — говорит, — хочу, а травы нету». — «Дурак, — говорит, — какой же осел нынче траву потребляет? Все давно на мясо перешли». — «А как же, — спрашивает, — мне мясо есть, коли я — козел? По штату мне не положено, кто же меня, козла, испугается?» — «А ты «на бога» бери, горлом, нынче все горлом берут». Махнула хвостиком рыжая и смылась. Послушал козел бабу, стал под серого работать. Спервоначалу поташнивало его от убоины-то, только потом пообвык, пристрастился. Как-то в темноте да с перепугу сам двух истинных волков загрыз. Живи — не хочу! Только чем дальше, тем хуже, пропадать стала в лесу пища. Это, значит, столько хитрых да ушлых развелось. Мяса нет, а на траву уже козла и не тянет...

Раздается резкий зуммер.

Радистка. Есть! Законтачило!.. Товарищ лейтенант, комендатура принимает.

Ильин (*кричит в трубку*). Комендатура?.. Комендатура, говорю?.. Лейтенант Ильин докладывает... Ильин, говорю, докладывает... Лейтенант... Да, лейтенант! Прошу выслать наряд... На-ряд... Да! На двенадцатый... Да, на двенадцатый... Тьфу, черт, ничего не слышу!.. Задержанный у меня тут... Задержанный... Да! Что?! Да вы что, как это на месте?.. Как это сам? С кем я разговариваю?.. Есть решать на месте, товарищ полковник... (*Совсем потерянно.*) Есть... (*Еще тише.*) Есть выполнять... (*Кричит в трубку.*) Есть выполнять, говорю! (*В сердцах бросает трубку на рычаг.*) Дела-а. (*Брыкину.*) Фамилия?

Брыкин (*спокойно*). Брыкин Александр Иванович.

Ильин. Так вот, Брыкин Александр Иванович, расстрелять мне вас приказано.

Брыкин. Так уж и расстрелять?

Ильин. Точно так. И никаких разночтений.

Брыкин. Не вышло бы себе дороже, лейтенант.

Ильин. Постараюсь.

Брыкин. Я ведь живучий.

Ильин. Ну и что?

Брыкин. Встретимся.

Ильин. Все там встретимся.

Брыкин. Как сказать, может, еще и здесь придется.

Ильин. Шутишь, Брыкин Александр Иванович.

Брыкин. Я человек сурьезный.

Ильин. Ладно, человек сурьезный, поднимайся, а там видно будет, как ты слово держишь.

Брыкин (*вставая*). Смотри, лейтенант, тебе жить.

Ильин. Грозишь?

Брыкин. Предупреждаю.

Ильин. Перезимую. (*Конвоиру.*) Веди, Егоркин. Именем и так далее. Теперь уж ничего не поделаешь, Брыкин Александр Иванович. Видно, отложить встречу нашу придется до поры. Я еще пожить собираюсь.

Брыкин (*идя к выходу*). До поры, лейтенант, до поры. (*Конвоиру.*) Проверь винт, Егоркин, я живучий.

Конвоир (*хмуро*). Ладно озорничать-то, проходи, авось не к теще в гости торопишься.

Брыкин (*выходя*). Не забывай, лейтенант, мое слово верное!

Конвоир. Проходи, проходи.

Брыкин. Сказать бы козлу об ту пору: туды твою растуды, да поздно. Покедова, лейтенант.

Выходят.

Ильин (*усмехаясь*). Ишь ты, гусь, еще и духарится.

Где-то невдалеке раздается заглушенный пургой одиночный выстрел.

Ильин. Вот тебе, Александр Иванович, и все дела.

Радистка (*горестно вздыхая*). Нету связи. Совсем нет. Кончилась.

Из затемнения вновь выявляется кабинет Величко. Он что-то пишет. Дописав, хозяин кабинета нажимает звонок. На пороге почти мгновенно вырастает молчаливая фигура Сенькова.

Величко. На-ка вот, подработай наше особое мнение. С машинки я еще подправлю.

Сеньков. Слушаюсь, Николай Гаврилович. (*Порывается выйти.*)

Величко. Подожди, Сеньков. Скажи мне, ты воевал?

Сеньков. У меня плоскостопие, Николай Гаврилович.

Величко (*брезгливо морщась*). Ладно, иди.

Перед нами тот же вагон, приспособленный под контору строительного участка.

Ильин (*как бы приходя в себя*). Выходит, не догнали вас, Александр Иванович, наши девять граммов.

Брыкин (*посмеиваясь*). Я же говорил: живучий я. Может, и не выгорело б у меня, да не забыл Егоркин хлеб-соль брыкинскую. Пожалел земляка: над головой пальнул.

Ильин (*жестко*). Так, и что ж ты мне теперь скажешь, Александр Иванович?

Брыкин (*все так же улыбаясь*). А зачем?

Ильин (*задумчиво*). Пожалуй, и вправду незачем.

Брыкин (*радушно*). Вы тут располагайтесь, а я на ночь все равно домой, в село подамся. Моя опять в роддоме, ребята одни.

Ильин. Спешешь, Брыкин?

Брыкин. Числом не стесняемся. Веселее с ребятами-то.

Ильин. А вдруг вспомнят?

Брыкин (*спокойно*). Нет. Два раза не казнят. Да и, слышал я, уходить вам скоро. Прикрывают дело.

Ильин (*убежденно*). Нет, Брыкин, нет, Александр Иванович, мы сюда надолго пришли. Мы народ обстоятельный.

Брыкин. Вам же хуже.

Ильин. Да ну?

Брыкин. Я ведь зазря слов не кидаю. Сказал, встретимся — встретились. Так что смотрите сами.

Ильин (*поднимается во весь рост*). Уж ты не пугать ли меня вздумал, Брыкин? Зря стараешься. И запомни: с этого дня кончилась твоя тихая жизнь. Если и уйдем сейчас, то рано или поздно вернемся. Навсегда вернемся. А пока бывай, мне с тобой под одной крышей делать нечего, даже дышать и то тяжело.

Выходит и вслед ему в наступающей темноте звучит торжествующий брыкинский смешок. А вслед за этим на противоположных концах прощениума появляются два наших героя, ведущих между собой свой мысленный, но и в то же время зримый поединок.

Ильин. Я не маленький, Николай Гаврилович, приказ есть приказ. Но жжет, жжет у меня вот тут: свое же дело, свою же кровь, свой же пот сами в землю вгоняем.

Величко. Разговаривать потом будем, а сейчас спешить надо, Илья, спешить. Сейчас время, как никогда, дорого, время сейчас государственными деньгами в воздух испаряется.

Ильин. Знаю, только тяжело мне, Коля, очень тяжело.
(Исчезает.)

Величко нажимает звонок. Появляется Сеньков.

Величко. Вот что, Сеньков, освободи-ка мне линию.
Я попробую связаться с ним. Все.

Сеньков. Есть. (Выходит.)

Величко (отходит к окну). Задал ты мне задачу,
Илья Ильич.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

В пронзительном свете августовского полдня перед нами маленький палаточный лагерь изыскателей. Аля возится с рацией. Из лесу выходит
Ильин.

Аля (оборачивается на шум и тихо вздыхает). Ты...

Они приближаются друг к другу, он берет ее руки в свои.

Ильин. Не ждала?

Аля. Нет.

Ильин. Как ты живешь, Аля?

Аля (высвобождает из его рук свои). Памятью.
Больше нечем.

Ильин. А я вот жду... Шел, шел... И вот зашел...

Аля. Что ж, спасибо и на этом.

Ильин. Что случилось, Аля?

Аля (сухо). У меня всегда что-нибудь да случается...

Ильин. Так скажи.

Аля. А ты все равно не услышишь. Ты привык слушать только себя. Я устала кричать в тебя, как в темный лес.

Ильин. Что ты говоришь, Аля, что ты говоришь.

Аля. Когда-нибудь этому разговору надо случиться.

Ильин (тихо). Пусть случится.

Из лесу появляется Царьков.

Царьков (на ходу, Алевтине). Связь есть? (И тут же, изумленно.) Илья Ильич, к нам? Какими судьбами?

Ильин. Случаем получилось, Алексей. Но оно, видно, и к лучшему.

Царьков. Рация не умолкает, управление все время спрашивает: «Где Ильин? Был Ильин? Как Ильин?» Прямо спасу никакого нет! (Але.) Как на шурфах?

Аля. Опять Оржанников сачкует.

Царьков (*ему уже нет дела ни до чего, кроме того, о чем только что услышал. Он темнеет, и без того резкие худые черты его заостряются*). Где он?

Аля. Как всегда, у ручья.

Царьков. Волоки его сюда, Аля. (*Ильину.*) Тут у меня одного надо в чувство привести.

Аля уходит.

Царьков (*радостно*). А у нас удача: пятая проба за день и все гравий, чистый гравий.

Ильин (*машинально*). Это хорошо, хорошо... Здесь гравий на вес золота. Строители в ножки поклонятся.

Царьков (*мечтательно*). К концу дело идет. Первую галочку, можно сказать, в своем инженерном формуляре поставлю. Даже не верится.

Ильин (*любуюсь им*). Много у тебя, Алексей, еще этих самых галочек впереди... А у меня вот, как видно, это последняя.

Царьков (*озорно*). Кокетничаем, товарищ Ильин, а у самого, наверное, планов еще лет на пятьдесят.

Ильин. Где там! Хотя с такими, вроде тебя, еще поработал бы... Вот о чем я хотел с тобой поговорить, Алексей... Только ты не паникуй раньше времени...

Из лесу выходит Оржанников.

Оржанников. Звали?

Царьков (*почти ласково*). Скажи мне, Гурий Ильич Оржанников, какую мы здесь дорогу строим?

Оржанников (*растерянно*). Ясное дело какую...

Царьков (*еще ласковей*). Государственную, Гурий Ильич, государственную... А теперь скажи мне, Гурий Ильич Оржанников, от кого ты деньги получаешь?

Оржанников (*угрюмо*). Ясное дело, от государства...

Царьков. От народа, дорогой товарищ, от народа. (*И вдруг взрывается*). Так почему же ты, паразит, хочешь эти самые деньги получать даром, за чужой счет? По прошлому тоскуешь? Так я тебя враз отучу от кулацких замашек. И заруби! Иди и чтобы до конца дня полную норму... Приду — замерю...

Оржанников. День-то на исходе, а сверхурочные — правов не имеете...

Царьков (*берет его за грудки и цедит ему в лицо*

побелевшими губами). Ты хорошо расслышал меня, Гурий Ильич Оржанников?

Оржанников (*вырываясь*). И кричать опять же... Мы законы тоже знаем... Приходите, замеряйте... Привыкли горлом на чужом горбу в рай ездить. (*Уходит.*)

Ильин. На износ действуешь.

Царьков (*с сердцем*). Видеть я его не могу. Ведь такая нечисть, а меня за человека не считает... Попробуй к такому подкопаться! У него все в ажуре. Анкета: «Не был, не имею, не связан!» Его уголовным кодексом не проймешь. А я бы эту сволочь, не думая, к стенке поставил... Слыхали небось: «законы тоже знаем». И как сказал!.. Тля кулацкая...

Ильин. В другой раз взгрел бы я тебя, да уж больно подлая рожа у этого твоего Оржанникова... Вызывающая, должен я тебе сказать, рожа...

Царьков (*остывая*). А черт с ним!

Затемнение.

И вновь — Величко, Ильин.

Ильин. Неужели я выгребаю по кругу?

Величко. По кругу, Илья, по кругу. Как пить дать.

Ильин. Помню, я тонул в детстве... Свет то ослепительно вспыхивал надо мной, то исчезал, а я мучительно соображал и все почему-то никак не мог сообразить, в какой стороне берег... Так и сейчас... Точно так...

Обстановка та же. Маленький лагерь на отдыхе. Аля готовит обед. Рядом с нею Царьков. Поодаль Ильин колдует над своим блокнотом. Чуть в стороне дремлет, вытянувшись во весь рост, Гурий Оржанников.

Аля (*помешивая в котле*). Уезжала когда, родня словно хоронила, плакала. Да я и сама боялась: что-то будет? А теперь вот привыкла и не тянет домой. Ведь это подумать только: может быть, здесь, где я стою сейчас, прямо вот тут, пройдет дорога на океан! Просто не верится.

Она умолкает, как бы вслушиваясь в хрупкую тишину леса.

Царьков. Я вот никогда в жизни не видел, какой он... Говорят, синий...

Аля (*мягко*). У всякого океана, Леша, свой цвет.

Царьков. У моего — синий.

Аля. Я тоже так думала.

Царьков. А теперь?

Аля неожиданно поднимается, вглядывается из-под руки вдаль. Вдалеке слышится студенческая песня.

А ля. Идут, голубчики.

Царьков *(тоже поднимается)*. Кто бы это?

А ля. Не узнаешь? Шефы наши с Речного участка. Имеем свой личный КВН, Леша. Гордись.

Царьков. Имеем по твоей, Аля, милости. К тебе ходят, стараются для товарища. Вон он, твой рыжий, в голове, так сказать, колонны, словно дядька Черномор.

А ля. У этого Черномора еще и усы не пробились, а борода прорежется лет через пять, не раньше. Так что нечего мне ему предложить, Леша, Черномору этому.

Царьков. А кому можешь?

А ля. Да уж есть один такой Бова-Королевич лет пятидесяти.

Царьков *(со вздохом)*. Что ж, он стоит того.

К костру гуськом — друг за другом — выходят трое: Слава, Сеня и Нина — омуток светлых волос над круглым веснушчатым личиком.

Слава. Здравсьте. А мы к вам.

А ля. Вот как? А мы думали, к ним.

Слава *(обиженно)*. Нет, серьезно. У нас план по шефским выступлениям горит.

Царьков *(добродушно)*. Ладно, валяйте.

Сеня *(поджав губы)*. Не понимаю, об чем треп? Не хотят — не надо. Мы не гордые.

Нина *(жалобно)*. Мальчики!

А ля. Они нас просто не поняли, девушка. Мы испепеляемся от нетерпения. Как говорится, кинщик приехал, зал дрожит от аплодисментов. Смелее, романтики!

Вся группа мгновенно разбирается по местам. Нина исчезает в ближайшем кустарнике, чтобы переодеться. Сеня начинает настраивать гитару, а Слава бодренько выходит вперед.

Слава *(залихватски)*. С Новым годом, дорогие товарищи!..

Оржанников *(просыпаясь)*. Дает!

Слава *(вскользь оправдываясь)*. Новогодняя программа, товарищи. Разрешена, можно сказать, песенка. Слова не выбросишь... Итак, с Новым годом, дорогие товарищи! Признаться, я очень волнуюсь. Впервые мне приходится выступать перед столь взыскательной аудиторией. Но я надеюсь, что утонченный вкус сегодняшней публики будет равен ее снисходительности... Итак, сейчас перед вами выступят лучшие творческие силы страны, мастера

вокала и сопровождения к нему. Концерт открывает любимец публики народный артист, звезда первой величины Леонид Утесов... Прошу вас, Леонид Осипович! (*Отворачивается.*) Маэстро стесняется дышать в сторону публики. По случаю Нового года он чуть-чуть пере... переутомился. Поэтому маэстро будет петь в несколько необычной манере — спиной к залу. (*Раздается характерный утесовский речитатив.*) «Жили два друга в нашем полку, пой песню, пой. И если один из них грустил, пел и смеялся другой...» Майя Кристалинская! «Опустела без тебя Земля. Как мне несколько часов прожить? Так же падает в садах листва и куда-то все спешат такси...» Известные мастера нижних конечностей братья Гусаковы! (*Начинает лихо отбивать чечетку под мелодию «Две гитары за стеной».*) Я кончил, товарищи! Второе отделение нашего концерта мы назвали «Таланты живут рядом с нами». Да, да, дорогие товарищи! Подчас мы не замечаем, что рядом с нами, бок о бок скромно трудятся люди замечательных дарований, самоотверженно делая свое маленькое дело на поприще гигиены и санитарии, а также других объектов больших строек наших дней, они, так сказать, исподволь взращивают в себе, как сказал поэт, «жало мудрое змеи», раздувают крохотную искру своего природного таланта в благородный пожар творчества. Итак, Семен Говорухин! Выдающийся гимнаст века! Смертельный номер! Впервые без намордника!

Берет из рук товарища гитару и ударяет по струнам. Сеня под его наигрыш проделывает несколько незамысловатых фигур.

С л а в а. А теперь, дорогие товарищи, перед вами блеснет знаменитая в округе и далее по всем остановкам фокусница — прима Нина Зар... Зарубина! Прошу танго, маэстро!

И вот в потертом панбархате с чужого плеча из кустов появляется Нина, и, жалко улыбаясь, исполняет несколько школьных фокусов.

С л а в а. В заключение нашего праздничного концерта мы попросим подняться из зала на сцену старейшего мастера русского пляса нашего института Алексея Ивановича Царькова! (*Начинает играть «Барыню».*) Просим, Алексей Иванович, просим!

Царьков (смущенно). Ну что вы, ей-Богу, ребята... Оржанников. От дают, от дают!

А л я. Пойдите, Лешенька, за мою честь. Ну что вам стоит.

Нина (*хлопая в ладошки*). Алексей Иванович!
Сеня. Алексей Иванович, честь института поставлена на карту.

Слава (*со знанием дела*). Гуляй-бывай, парень! Пить будем и гулять будем. Положи камушком, подними калачиком. Эх, малай!

Царьков (*подталкиваемый Алей*). Вот, ей-Богу, пристали.

Медленно, словно нехотя, выходит Царьков в круг. Но постепенно темп пляски нарастает, и вот уже он самозабвенно входит в азарт. Сам того не замечая, Алексей подплывает к Але и, став прямо перед ней, пляшет теперь только для нее одной. Вся сцена становится странной до неловкости. В соответствии с этим каждый себя и ведет: Нина краснеет и опускает голову, Сеня отворачивается, Ильин пристально смотрит в сторону Али, Оржанников усмехается, Слава перестает играть. Но Царьков не замечает всего этого. Он продолжает плясать. Аля низко опускает голову.

Слава (*печально*). Вот что делает с человеком искусство! В порыве вдохновения человек забывает о прозе окружающей его жизни! Человек творит песнь своего сердца! (*Не выдержав вдруг взятого тона.*) Будьте внимательны, дорогие товарищи, рядом, бок о бок с вами, всегда могут оказаться люди, наделенные необыкновенным даром. Любите их! Любовь облагораживает человека!.. Пошли, ребята... Занавес, как говорится, опустят здесь и без нас.

Ребята все так же — гуськом, понурившись — выходят.

Ильин. Алексей!

И только тут Царьков, оглушенный тишиной, замирает. Сразу оценив обстановку, он низко опускает голову и медленно выходит. За ним следом направляется Аля.

Оржанников. Чудной народ! (*Глядя в небо, неожиданно добро и задумчиво.*) Гуси... На север пошли...

Ильин (*удивленно глядя в его сторону*). Что ты за человек, Гурий Ильич? Ведь есть и у тебя душевные слова. Значит, не совсем в тебе все замерзло?

Оржанников (*угрюмо отворачивается*). Я сюда вроде как на именины ехал. Нанимался — золотое дело сулили. А в пути на пароходе в ресторане один московский начальник «под мухой» только усмехнулся мне в рожу, когда я ему эти байки передал. «Не будет, — говорит, — здесь никакой дороги. Мертвое дело затеяли». Повернуть бы мне тогда оглобли, да подъемные взяты, на-

половину растрacены. Ну, в общем, ухнул я тогда с горя и вторую половину. Там же, на пароходе, с тем же начальником. А приехал, так и совсем тошно стало. Выходит, люди зазря вкалывают. Нет, думаю, не выйдет. *(С резкой горечью.)* У меня со всех мест, где я работал, благодарностей полмешка. Не могу я, не хочу я в решето воду лить! А я ведь поначалу и совсем здесь обосноваться хотел. Пора бы вроде. И женщина самостоятельная на примете имелась... Э, да что там говорить!

Ильин *(твердо, глядя ему в глаза)*. Будет дорога, поверь мне, Гурий Ильич, как себе поверь...

В это время раздается зычный голос Величко: «Партия на Озерье! Партия на Озерье! Царьков, слышишь меня, Алексей?.. Как там Илья Ильич, у тебя или уже прошел?.. «Алексей... Царьков!.. Ты слышишь меня?»

Оржанников *(с жесткой усмешливостью)*. У этого не заржавеет. Этот враз остудит. Океан!

Аля появляется, бросается к рации.

Аля. Партия Царькова слушает... Прием...

Голос Величко. Прогшел Ильин? Повторяю: Ильин прошел?

Аля вопросительно смотрит на Ильина. Тот делает знак: мол, прошел.

Аля. Управление! Управление! Ильин прошел! Повторяю: Ильин прошел!

Голос Величко. Передайте по линии: приказываю ему соединиться со мной по первой же рации, около которой он окажется!

Аля. Нами принято! Нами принято!

Выключает рацию, медленно встает и невидящими глазами смотрит перед собой. В полной тишине Оржанников уходит, оставляя Ильина и Алю наедине.

Ильин. Вот я и иду дальше.

Аля *(тихо, с тоской)*. Куда ты идешь, Илья? Скажи мне, куда ты идешь?

Ильин. Ты слышишь, как он идет за мной по пятам? Я должен не дать ему перейти мне дорогу. И поэтому я спешу, Аля. Для меня это очень важно. И не только для меня. Для всех. И для тебя — тоже.

Аля *(вдруг взрывается)*. А ты спроси у меня, хочу ли я этого? Так вот: не хочу, слышишь? Будь она проклята — эта дорога, если тебе она нужнее меня! Не нужно мне никаких журавлей в небе, хватит. Своего тепла хочу, маленького, но своего.

Ильин. Но, Аля, ведь я-то тебе и синицы предложить не могу. У тебя еще все впереди, а я уже прожил жизнь. И может быть, я делаю последнее на своем веку дело. И мне надо довести его до конца, чтобы перед самым финишем не почувствовать себя мерзавцем. И потом, по-моему, у тебя все будет замечательно. Алексей — парень каких поискать.

Аля. Да что мне-то? Ты мне нужен, всякий нужен. Разве мало тебе этого?

Ильин. Мало... И много.

Аля (*сразу сникая*). Господи, и почему все это мне досталось! Я баба! Я дома хочу, детей хочу, покоя! А ты меня сказками баюкаешь. Нету никакого океана. Я — есть, ты слышишь, Илья, я, только я! И если ты уйдешь сейчас, то меня нету. Один останешься, навсегда один.

Ильин. И все-таки уйду, Аля.

Аля (*жестко*). Тогда иди.

Ильин (*поворачиваясь к лесу*). Прощай, Аля.

Аля (*каменяя*). Прощай.

Ильин почти бегом бросается к лесу и только плач — долгий и надрывный — плывет ему вслед.

З а т е м н е н и е .

И снова Ильин, Величко.

Ильин. Ты помнишь ту рыжеволосую коротышку, Коля? Ну, ту, что мы встретили в тридцать втором в Туркмении?.. Мы проектировали тогда с тобой свою первую узкоколейку... А она — ее звали, если мне не изменяет память, Надей. Она была пикетажисткой... Славная такая, веснушчатый носик всегда вздернут к солнцу...

Величко. Всего не упомнишь, Илья, много людей приходилось встречать. Всегда, можно сказать, среди людей. С иными бок о бок года два трешься, пуд соли на одном деле съешь, а потом встречаешь и самому совестно: не то что имя-отчество, фамилию и ту забыл. А ты говоришь: «Рыженькая!» (*Со смешком.*) Их, рыженьких этих...

Ильин. Да нет, Николай, это была необыкновенная рыженькая. Это была особенная. Мы же с тобой вдвоем вздыхали по ней. Письма наперегонки писали. Правда, отсылать остерегались: строгой особой слыла эта самая Надя.

Величко. Убей Бог не помню... В Кара-Кумах, говоришь?

Ильин (*словно не слыша его*). Как оказалось, особа

питала слабость к личностям сильным и необыкновенным, а потому, разумеется, предпочла тебя. Ты ей увиделся именно таким: волевым, мужественным, с обветренным лицом и твердыми глазами...

Величко (*смущенно*). Ну, знаешь, это ты хватил! Нашел супермена... Рыженькая... Пикетажистка, говоришь? И как же это я запомнил!.. С веснушками?.. Ну как же, помню...

Ильин. Ничего ты не помнишь, Коля, ничегошеньки...

Величко. Постой, постой...

Ильин (*не слушая его*). Помнишь башенку на кургане? Вернее, обгрызанные стены от башенки... Саманные, полные разных тропических тварей стены... Ты называл эту башенку «башней любви»... И когда вы с Надей шли в ту сторону, я обливался холодным потом и до боли в скулах закусывал одеяло...

Величко. Чертовщина какая-то! Башня любви, стены, скулы. Действительно, не помню... Да и как упомнить, если ты говоришь, это было лет двадцать назад. Сколько за это время пережито, перевидено, какая уж там к черту лирика! И все-таки досадно!.. Хотя смутно что-то, поверь мне, смутно бежит в памяти... Ей-Богу... Деталей вот только не помню...

Ильин. Ничего ты не помнишь, Коля. Ничегошеньки...

Величко. Илья, ну пощади ты, ради Бога, оставь мне хоть это самое «смутно».

Ильин (*словно диктует*). После этого она изъездила с тобой добрый десяток строек, Надеждой Акимовной стала, детей тебе принесла...

Величко (*растерянно*). Так я ее Акимовной уж какой год зову... Про имя как-то из головы вон... Тьфу ты, черт! Да, старина, замотало нас, завертело в суете... Стареем, забываем такое, что и забыть-то вроде невозможно... Нет, ты только подумай, Надьку свою уж и молодой не представляю! Дела!

Ильин. Нет, Коля, никто нас с тобой не заматывал, не закручивал. Просто однажды незаметно и неслышно схлынул из наших с тобой сердец океан. Тот самый океан, без которого нет человека. Ведь и я, по правде говоря, когда начал, не жену твою, Надежду Акимовну, имел в виду. Я предполагал, что вспоминаю девушку, давно ушедшую из нашей с тобой жизни, и вдруг резануло меня под самое

сердце: да ведь это Акимовна, та самая Акимовна, что угощает тебя наливками собственного сочинения под соленья личной рецептуры! Господи, а башня, башня-то где же!

Величко *(в волнении)*. Ведь это подумать только! Акимовна! Надежда Акимовна! И вдруг — Надя! Конопатый нос к солнцу! А! Каково! *(Хватает телефонную трубку.)* Алло! Станция! Соедини-ка, милая, со столицей нашей Родины. Незамедлительно... Григорий, пять, тридцать, восемьдесят восемь... Да, да! *(Кладет трубку.)* Нет, ей-Богу, а!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Перевалочная база Васены Горловой. Все здесь скупое и просто определяет жизнь хозяйки: обычный лесной быт, чуть скрашенный женской рукой. За столом сидит Кирилл, и в упор, не мигая, смотрит на вошедшего Ильина.

Ильин *(несколько теряется)*. Здравствуйте... А где хозяйка?

Кирилл. Здравствуй, коль не шутишь. А куда она денется, хозяйка? Ты ведь гость сурьезный... Узнала, вот и мельтешит.

Ильин. Откуда же ей знать?

Кирилл *(в тон ему)*. А от меня.

Ильин. А ты откуда?

Кирилл *(невозмутимо продолжает рассматривать его, словно редкую диковину, с обстоятельным вниманием)*. А мне сорока на хвосте принесла. Все гудья гудит — начальство прет.

Ильин. Ишь ты.

Кирилл. Значит, ты и есть — Ильин?

Ильин. Вроде того.

Кирилл. Чудно.

Ильин. Это почему же?

Кирилл. Виду нет. А слуху много.

Ильин. Говорят?

Кирилл. Всякое...

Ильин. Но все-таки?

Кирилл. Больше хорошего.

Ильин. Ишь ты!

Кирилл. И плохого — тоже.

Ильин. Всем мил не будешь.

Кирилл. И то правда.

Входит Васена.

Васена (*суетливо*). Здравствуйте. Вот не ждала-то! И не прибрано вовсе. Связисты с трассы прибежали, говорят, товарищ Величко без конца о вас спрашивает.

Ильин. Да вы, Горлова, не беспокойтесь. Я только отдохну у вас малость и — дальше.

Васена. Значит, с самого Ньюшина так и добираетесь? То-то я думаю, что товарищу Величко беспокоиться?

Ильин. Товарищу Величко по штату положено о подчиненных печись... Да вы, Васена... Извините, отчества не знаю.

Васена. Васена, да и все тут. Все так и зовут, молодые и старые. Я уж и сама отчество свое, считай, забыла.

Ильин. Да вы не хлопочите, ничего не надо. Есть я не хочу, вздремнуть бы немного...

Но Васена уже колдует у печи, орудуя ухватками, гремя посудой.

Васена. Я вот попутчую чем Бог послал, тогда и сны слаще будут... Я мигом. У меня ведь без разносолов. Вы пока располагайтесь... А это вот Кирилл, ведун наш.

Ильин (*кивает в сторону киота*). Веруете?

Васена (*выставляет на стол миски, сухо*). Для порядка. Какой дом без иконы? Тепла в таком доме нету.

Кирилл (*встает*). И добра тоже.

Васена (*наливает всем, пьет*). Ешьте... Форель... У рыбаков на спирт обменяла.

Ильин. Своего промысла нету?

Васена. И-и, промысел! Мне при моем бабьем деле один промысел: посплю да посумерничаю, посумерничаю да посплю.

Ильин. И давно вы здесь?

Васена. Летошний год пришла.

Ильин. Дома дела не нашлось?

Васена (*отсаживается на лавку от стены, опершись локтями в широко, по-мужски расставленные колени*). У всякого свой резон.

Ильин. И не скушно?

Васена. Я уж отскучалась, за сорок. Мне бы дитев вырастить, вот и все веселье.

Ильин. Сколько ж их?

Васена (*поднимает лицо, улыбается сквозь слезы, и улыбка эта освещает тусклое лицо ее на удивление добрым и трепетным светом*). Двое. Один в четвертом, другой седьмой кончает. Едоки — в отца: что ни поставь. Все боялась, уедут... Отец-то черт-те знает где шастает, длинного рубля ищет. А нынче твердо: останутся. Около дороги всем дело найдется. Не все собак гонять, тоже в люди выйдут.

Ильин (*твердо*). Выйдут.

Васена (*встает, ставит на стол еще бутылку*). Это коли среди сна опохмелиться захотите. Мне ведь в Хамовино к утру обернуться надо, лупоглазых своих обрадовать. Вы вот здесь. (*Расстилает Ильину на лавке.*) А Кириллушке уходить скоро. Ложитесь, а я вас повеселю перед сном грядущим. Здесь партия ваша проходила... Там у них соколенок был... На старшего моего похож — востроглазый... Только масти чернявой... На, говорит, тебе, тетенька, за веселый нрав. Ну чистый артист!

Васена снимает с патефона в углу ситцевый платок и бережно оглаживает обшарпанную коробку довоенного образца.

Васена. Мне, говорит, тетенька, этот музыкальный ящик во где. (*Делает характерное движение поперек горла.*) Только пластинка одна-единственная... Остальные, говорит, тетенька, зверье слушает. Они, говорит, тетенька, звери, очень чуткие. Они, говорит, могут услышать и без ящика.

Ильин (*одобрительно*). Могут.

И вот с заигранной вконец пластинки, сквозь треск и шипение, раздается игривый тенорок: «Сердце красавиц склонно к измене». И под этот тенорок она собирается.

Васена (*останавливается у двери и отрешенно-здумчиво вслушивается в патефонный мотив. Странен и непонятен, наверное, ей тот мир, где весело ходят какие-то люди, поют старинные песни на незнакомом языке*). Славно... (*Кланяется в сторону Ильина.*) Доброй вам дороги... Я вот вам рыбину завернула... Ну а для устатку кой-чего... Вы у меня с Кириллушкой не заскучаете. Бывайте. Связистам передам, что были, а то уж очень товарищ Величко беспокоится. (*Выходит.*)

Кирилл (*вслед ей*). Нашла затейника-коробейника. Может, мне еще камаринского твоему начальнику сплясать? (*После тяжелой паузы.*) Ну, как оно, своим-то ходом, начальник, кость не ломит?

Ильин. Я ее, дорогой, с топором прошел, трассу эту, не споткнулся. Тебе-то, брат, куда тяжелей.

Кирилл. А ты на меня не смотри, я на своей ступе, считай, от самой Тамбовщины сюда припрыгнул.

Ильин. Где ногу-то?

Кирилл. Под Бобруйском немцу на память оставил.

Ильин. Не усиделось на Тамбовщине?

Кирилл. Бога ищу.

Ильин. Где же?

Кирилл. В душе людской.

Ильин. И нашел?

Кирилл. ...Ищу.

Ильин. И как ищешь?

Кирилл. Слушаю.

Ильин. Слушаешь.

Кирилл. Вашему-то брату слушать некогда, суета опутала, дела-делишки разные... С человеками через бумагу общаетесь, через цифирь... А у меня время много, мне спешить некуда, я слушаю. Слушаю и молчу: пускай ее облегчится.

Ильин. Что, и впрямь облегчаешь?

Кирилл. Да невдомек ей, бедолаге, что это она сама себя облегчила, а я здесь ни при чем... Зато теперь она к Богу привязанная, добра и света взыскует, каждый грех ко мне несет. Не к тебе же ей — бабе этой — идтить.

Ильин. Идут. И много.

Кирилл. Так ведь тебе, ежели не про дела, то и слушать некогда.

Ильин. Свое отношение к таким, как ты, я давно отдумал и определил. Кое в чем ты, наверное, прав. Насчет души, к примеру. Но мы пришли насовсем, запомни это, и мы всех перетянем, один останешься, и грехи тогда не тебе — нам понесут.

Кирилл. Чего ж понесут, коли никакого греха у вас и нету вовсе. Убей, укради, подделай, а там поймает закон мирской или нет — это еще бабушка надвое судила... Да и поймает, срок отбыл и сызнова гуляй. А закон Божий всегда настигнет — без срока, во веки веков. Да и не выходит у вас вроде с дорогой, рано оседать собрался.

Ильин. Не выходит, говоришь? Заруби себе: быть дороге. Быть. Значит, слышим мы людей, очень хорошо слышим, только не так, как ты, не так! Будет у нас дорога, паря. Обязательно будет!

Кирилл. Это на болоте-то?

Ильин. Мы ему на глотку наступим, и оно задохнется!

Кирилл. «Мы» — это кто?

Ильин. Люди.

Кирилл. Ноги, пожалуй, не хватит, оно здесь без дна, болото это.

Ильин. Найдем и дно. Не будет здесь тебе работы, паря. Не будет. Уходи дальше, в самую глушь... Хотя и там настигнем.

Кирилл. Земли для меня на мой век и без вас хватит. *(Многоречивая пауза.)* Для всех хватит. А железом своим души людской тебе все одно не купить. Цена не та... Эх люди, вслепую по земле бродим, сойдемся, а друг дружку не видим, не слышим.

Ильин. Да, таких, как ты, действительно не хотим слушать. Кричи тому, кому веруешь, пусть он отзывается. Нам некогда. Мы мир переделываем.

Кирилл. Не расплюйся. Слюны, думаю, не хватит. С кем переделывать-то будешь? Коли все мимо и мимо спешишь?

Ильин. Не с тобой, конечно!

Кирилл *(с неожиданной горечью)*. А что ты обо мне знаешь? Что? Или вот о Васене, к примеру?

Ильин. Больше, чем ты сам о себе знаешь. Наверное, больше. Это ты все забыл, кроме Господа своего.

Кирилл *(тихо, иступленно)*. А зачем мне она — память-то? Приснись лысому моя жизнь, вот с такой копной проснется, только она у него дыбом век стоять будет. Вот так, паря! *(Идет к выходу.)*

Ильин *(смущенно)*. Возьми Васенин гостинец, мне он все равно ни к чему.

Кирилл *(зло сплевывая)*. Я и говорю, недосуг тебе ближнего слушать. Не услышал ты от меня ничегошеньки. Эх, так вот и расходимся, всякий со своей бедой за пазухой... *(Поднимается во весь свой могучий рост и жестко говорит.)* Где тебе душу услышать! *(Рвет ручку патефона и с силой бросает мембрану на крутящуюся пластинку.)*

И снова сипло разносится по зимовью оперный мотивчик.

Кирилл. Вот твоя слуховая трубка!.. И дорога твоя, между прочим, звон один!

Неожиданно входит Оржанников.

Оржанников *(с вызовом)*. Здоров, странник Божий! *(Замечает Ильина.)* Вроде как сама судьба сталкивает, товарищ Ильин.

Ильин. Оржанников!

Оржанников *(смущаясь)*. Да ведь я вам, помнится, сказывал, Илья Ильич.

Ильин. Горлова!

Оржанников *(еще смущеннее)*. Она и есть. *(Ожесточаясь.)* А теперь, Илья Ильич, товарищ догорой, у меня с этим Божьим странником разговор есть...

Ильин *(поднимаясь)*. Что ж, давай. Может, у тебя получится. *(Идет к двери.)*

Оржанников *(вслед ему, уверенно)*. Получится. *(Кириллу.)* Вот какая история, мил человек, забираю я отсюда Васену. Кончилась ее жизнь на отшибе.

Кирилл *(спокойно)*. И слава Богу, коли человек хороший.

Оржанников *(опешив)*. Измываешься, да?

Кирилл *(тем же тоном)*. Хватит ей соломенную долю мыкать.

Оржанников *(все еще ярясь)*. Я ведь к тебе не разговоры шутейные разговаривать пришел, я по твою душу пришел.

Кирилл *(чуть усмехаясь)*. Припоздал, парень, она у меня — душа-то — давно отданная.

Оржанников. Кому же это?

Кирилл *(спокойно)*. Господу.

Оржанников. Значит, не против?

Кирилл. Я на Васену правов никаких не брал. Так, поддерживал словом долю ее сиротскую.

Оржанников *(окончательно успокаиваясь)*. Ну даешь, отец! Ну даешь!

Кирилл *(проникновенно)*. Не обижай ее, парень. Грех такую бабу обижать.

Неуверенно заглядывает Ильин.

Ильин. Поговорили?

Оржанников. Первый сорт.

Ильин. И как?

Оржанников (*горделиво*). Уломал.

Затемнение.

И перед нами вновь появляются Ильин, Величко.

Величко. Не дури, Илья... Остановись! Головой отвечать будешь!

Ильин. Если речь идет только об этом, то дело стоит такой свечи, как моя голова. Прощай!

Величко. Не-ет, Илюха, нет, Ильин. Не дам я тебе сломать голову.

Ильин (*коротко*). Посмотрим. (*Исчезает.*)

Величко (*нажимает на звонок. Ждет. Входит Сеньков*). Принеси.

Тот с готовностью кивает и скрывается за дверью. Затем входит снова, неся на подносе бутылку коньяку, стакан и лимон. Услужливо наливает.

Величко. Себе тоже налей... Вот, в крышку от графина... Пей, Сеньков!

Сеньков (*подобострастно*). За что выпьем, Николай Гаврилович?

Величко. А это не твое дело, Сеньков. Пей и молчи. (*Пьет.*) А теперь иди.

Сеньков, чуть не крадучись, уходит.

Величко. Твое здоровье, Ильин. Черт бы тебя побрал.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Речной дебаркадер. Вечереет. Где-то совсем рядом чувствуется дыхание большой стройки. Фары машин то и дело рассекают надвигающиеся сумерки. На кнехтах дебаркадера сидят друг против друга Степан Хрусталев и Надя. Степан наигрывает на гитаре тихую таборную мелодию. Появляется Ильин и садится чуть поодаль от них. Вдалеке грустный хоровой напев.

Надя. Вот ты уже и затосковал, Степа. Не по тебе, видно, жизнь наша оседлая.

Степан (*смущенно*). Знакомый табор, Надя, почти все свояки.

Надя. Хорошо поют.

Степан. Жизнь такая, на песню тянет.

Надя. Вот я и говорю: затосковал ты, Степа.

Степан. Без тебя все равно никуда не уйду.

Надя. Значит, все-таки собираешься?

Степан. С тобой.

Надя. Нет, Степа, нет, миленький, в табор я не пойду. Нечего мне там делать.

Степан. А здесь нет мне жизни, кто хочет, тот и командует.

Надя. А ты уже сразу и руки распускать. Если все начнут свою правоту кулаками доказывать, что же тогда будет?

Степан (*угрюмо*). Он сам виноват. Я его по-хорошему просил: не лезь ко мне в душу, худо будет.

Надя. Скажи спасибо, что хоть отпустили по-доброму. Могли бы и засадить. Эх, Степа, Степа, голова садовая! (*Встает, ласково ворошит ему волосы.*) Помыкаю я, видно, с тобой горюшка. (*Всматривается в речной простор.*) Катер, Степа, и вроде к причалу берет.

Слышится бойкое гарахтение приближающегося катера. На палубе дебаркадера появляется дежурный М а т р о с.

Матрос (*позевывая, смотрит в сторону реки*). Кажись, начальство. Собственной персоной товарищ Воробушкин. Его катерок. (*Уходит к причалу.*)

Надя (*Степану*). Фарт сам в руки плывет, Степа. Поклонись, не сломаешься. Можешь ты ради меня хоть разок согнуться?

Степан (*встает, отстраняет гитару в сторону*). Согнуться можно. (*С горечью.*) Выпрямляться только потом тяжело.

Глохнет мотор причаливающего катера. Слышны голоса: «Держи конец, раззява!», «Не хлопай пастью, мальчик, тут не танцплощадка, мигом успокою», «Давай, давай, не разговаривай!» В следующую минуту на дебаркадерной палубе появляется В о р о б у ш к и н в сопровождении К у с к о в а.

Воробушкин (*заметив Степана*). Ты еще здесь? Я дал тебе сутки сроку на сборы. Почему до сих пор в селе околачиваешься?

Степан (*хмуро*). Дай слово сказать, Александр Иванович...

Воробушкин (*раздраженно*). Что «Александр Иванович», что «Александр Иванович»? Если до утра ты, Хрусталева, не очистишь мою территорию, пеняй на себя. Шутки со мной шутить не советую.

Степан. Слово сказать хочу...

Воробушкин (*окончательно выходя из себя*). Слу-

шать не желаю! Вот ты где у меня, Хрусталеv! В последний раз я тебе говорю, убирайся с моей территории к чертовой матери или не сносить тебе здесь головы.

Надя (*встает между ними*). Охолопись, товарищ Воробушкин. А покричать захотелось, на меня покричи. Я выносливая. А то Степа у меня очень нервный, глядишь, заденет. А уйти уйдем. Видно, и впрямь только в таборе и жить. Развелось вас, командиров, на нашу голову.

Воробушкин (*беспомощно*). Кусков!

Тот подступает было к женщине, но в этот момент Ильин, молча наблюдавший до сих пор за происходящим, встает и подходит к Воробушкину.

Ильин. Здравствуй, земляк.

Воробушкин (*делает едва заметный знак Кускову. Тот мгновенно отступает в сторону*). Ильин! Илья Ильич! Какими судьбами! Вот уж кого встретить не ожидал.

Ильин. Потом, потом, земляк. А сейчас два слова у меня к тебе. Отойдем-ка.

Все погружается в темноту. Две высвеченные из темноты фигуры останавливаются друг против друга.

Ильин. Помочь надо парню, земляк. Так полагаю.

Воробушкин (*с горячностью*). Ну нет, уволь, Илья Ильич, это же головорез! Ты знаешь, кого он изувечил? Самого Гурова! Одного из наших лучших товарищей, гордость, можно сказать, нашу. А ты хлопочешь за негодяя, который руку на него поднял! Я тебя не узнаю, Илья Ильич, товарищ дорогой.

Ильин. Ты не горячись, землячок, не горячись. Ты сам-то в суть вникал, за что он его?

Воробушкин. Что значит «за что»? Что значит «за что»? Ошибся человек, не по совести поступил, выходит, самосудом можно? Анархию развести? Каждый каждому судья? Не выйдет! Мы всякого научим уважать соцзаконность.

Ильин. С того ли конца учить начал, земляк?

Воробушкин. С того, товарищ Ильин, с того. Хватит демагогии: «массы, массы!» А эти самые «массы» приходят и садятся вам на шею. Так что обоюднo учить будем: и снизу и сверху.

Ильин. Другим его, значит, подкинуть хочешь — пускай, мол, повозятся?

Воробушкин (*устало*). Все, что хочешь, только не это. И потом, как я буду выглядеть перед пострадавшим?

Ильин (*со вздохом*). Было время, Воробушкин, ког-

да одной ногой ты уже не жилец был. Один бы ты и в жизнь не отплевался. Да и была бы жизнь, тоже бабушка надвое гадала... Короткая у тебя память, земляк.

И вот высвеченной на сцене остается только фигура Ильина. Издалека слышится орудейная канонада.

Голос. Значит, вы утверждаете, что незадолго до гибели командира восемьсот двенадцатого отдал комбату Воробушкину приказ об отступлении?

Ильин. Это было при мне.

Голос. Кто еще может подтвердить ваше показание?

Ильин. Рядом с комполка в этот момент больше никого не было.

Голос. Вам известна полная мера ответственности за покрывательство?

Ильин. Да.

Голос. Еще раз напоминаю: наравне с обвиняемым — расстрел. Если ваши показания не подтвердятся...

Ильин. Я не отступлюсь ни от одного своего слова.

Голос. Больше вы ничего не хотите добавить к сказанному?

Ильин. Нет.

Ильин и Воробушкин снова стоят друг против друга у речного дебаркадера.

Воробушкин *(отворачивается)*. Зря ты об этом. *(Колеблется, затем безнадежно машет рукой.)* Как хочешь, Илья Ильич, но не могу. *(Жалобно.)* Кусков! *(Понура идет вперед.)*

Кусков спешит за ним. Уходят.

Ильин *(вслед ему, с сомнением)*. Жил-был человек. *(Хрусталеву.)* На просеку ко мне пойдешь?

Степан. Слышно, не будет дела у вас скоро. А на временную я не охотник.

Ильин. Это уж не твоя забота, а моя. Раз беру, значит, на постоянную. *(Пишет что-то в блокноте, затем вырывает листок и подает его Хрусталеву.)* Вот, дуй на первом попутном судне до берегового участка. Записку отдашь мастеру. Он, кстати, и жену к делу поставит.

Надя *(выходя из-за спины мужа, встает прямо против Ильина, меряет его с ног до головы оценивающим взглядом, снисходительно усмехается)*. А я-то думала, Степа, ты один сумасшедший на свете остался. *(Вздыха-*

ет.) Оказывается, и кроме тебя водятся. (*Протягивает Ильину руку.*) Спасибо за компанию, гражданин начальник.

З а т е м н е н и е .

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Обстановка та же, Ильин, покуривая, сидит на кнехте. Прямо против него, надвинув фуражку на глаза, сидя дремлет дебаркадерный М а т р о с . Появляется отягощенный поклажей П а с с а ж и р .

П а с с а ж и р (*Матросу*). Слушай, браток, пособи. В долгу не останусь.

М а т р о с (*нехотя поднимаясь*). Отчего не пособить. Пособить можно. (*Подходит к Пассажиру, берет у него из рук полупустую сумку-сетку.*) Вот она, стерва, как раз тебе и мешает. (*Поднимается по трапу на дебаркадер.*)

Слышится гул приближающегося катера. Мотор глохнет. Голоса: «Высший класс верховой езды, Митрич! Впритирку!», «Ну-ну, разговаривай!» И вот на внешнюю палубу дебаркадера выходит К а р г и н в полувоенной паре и с полевой сумкой через плечо.

К а р г и н (*замечает Ильина*). Привет строителям! Каким ветром?

Ильин (*поднимается навстречу ему*). Да вот своим ходом решил к себе на участок добраться.

К а р г и н . Хождение в народ, так сказать?

Ильин. Вроде того.

К а р г и н . Чего уж там темнишь, Ильич, свертываем монатки? Разворошили народ, разбередили душу, а теперь «до свиданья, мама, не горюй...»

Ильин (*насмешливо*). Так ведь жили без нас и снова жить будете...хлопот меньше.

П о я в л я е т с я П о с ы л ь н ы й .

П о с ы л ь н ы й (*едва отдышавшись*). Николай Савич! Катер из округа. Уполномоченный... В конторе уже... Вас зовут...

К а р г и н . Дыши ровнее. Не засохнут. Скажи, мол, с краем по прямому проводу, понял?

П о с ы л ь н ы й . Есть, Николай Савич!.. С краем, значит... Так и доложим. (*Уходит.*)

К а р г и н . Вот все галдят: «рыба». А где я им ее возь-

му, разве что рожу! Не идет рыба. Вот на том берегу из воды не вылезают, а что толку? Нету, и все тут... Так это кому сказать: скупаю! Скупаю у частного сектора. Скупаю за рупь, сдаю за копейку... Тьфу! А деньги где я беру? Кую, что ли?.. Ты даешь... Лодки у кого арендуешь? У Каргина. Проводников? Тоже у него. Гужевой транспорт, а? Фураж, снасть всякую? У меня тоже. А я ведь не жалел, драл, самого совесть часом брала, а я ведь не из стыдливых, сам знаешь. Драл, потому как знал: денег нам отпущено без счету. Бери больше, Каргин, пока дают, пока можно. Дорога — кормилица, ею и вздохнули малость. А теперь что же, а? Снова в долги. Снова трижды в неделю на ковер... А ты говоришь, что мне дорога. А уж про девок и не говорю, зарез им полный выходит. И мужское поголовье мое снова на нуле.

Ильин. Своим, Каргин, болеешь... Дальше, брат, глядеть надо... А то у тебя за деревьями лесу не видно.

Опять показывается Посыльный.

Посыльный (*умоляюще*). Николай Савич! Ругаются!

Каргин (*отмахивается*). Скажи: иду.

Посыльный исчезает.

Ильин. Сгущать — это путь наименьшего...

Каргин. Илья Ильич, боййся Бога, что же это я — сам себе враг? Ведь мы не на собрании, а с глазу на глаз. Как партийцы.

Ильин. Все это так, Каргин, так. Но ведь это консервация. Придет время...

Каргин. Консервация! Тебе ли эти места не знать, Илья! Через пяток лет сюда медведь вернется и не почует, что железом пахнет... Илюха, родимый!

Ильин. Снова уйдет, а мы поднимем ее из праха. Оживет дорога, когда это понадобится государству.

Каргин. А люди как же, Илья, как они?!

Ильин. Ты спрашиваешь меня, Каргин, а я спрошу у тебя: ты помнишь, как тогда, в зиму, я привез сюда первую партию, десять человек, в снег, в лес. Я всю трассу пересек наравне с рабочими. А ведь все это через мои руки прошло, через душу мою, если хочешь. Мне не больно? Выть хочется! Но ты кричишь, я кричу. Нам больно. Вот мы и кричим каждый по-своему. Но крик проходит, а суть остается.

Каргин (*стонет*). Какая же суть?

Ильин (*жестко*). А суть в том, что кроме наших причитаний, существует объективная необходимость. Упрямая, Каргин, штука. Никуда от нее не денешься. Тебе больно, мне больно, тому, кто закрывает, тоже, наверно, больно, а закрыть надо. Надо — и все тут. Тут слезы в расчет не берутся.

Каргин (*страстно*). Должны браться! А как же, Илья, родимый! Ведь сначала сверху, потом посередке, а потом на каждого распределяется: выполняй. А как же он — этот самый каждый — будет выполнять, когда у него своих бед полная кошелка, ему бы их расхлебать? Не до плана. И пошел наш план обратным ходом: один не сделал, середка не дотянула, в целом — прогар.

Он останавливается прямо против Ильина и, явно довольный своим удачным оборотом, победно взглядывает на него: ну, что ты, мол, скажешь?

Ильин. Э, да ты философ, брат!

Каргин. Раньше я словно кремень был, а сейчас, чую, слабость во мне червоточит... Сомнения разные... Вот я и хотел с тобой, как с другом...

Ильин. Вот я тебе говорю, как другу: потерпи, погоди... Будет твоим чалдонам в свой час океанская рыба... Будет! Выйдем мы к океану.

Каргин (*устало садится за стол*). Когда ждать перестанут, тогда им не только океан — свет белый ни к чему.

Ильин (*встает*). Что ж, двинусь, пожалуй, Савич? Думаю, проводишь до просеки, по пути и поговорим.

Каргин. Спешишь? (*Враз погасая, усмехается, и по тому, как он усмехается, без труда можно угадать, что ему понятны и состояние гостя, и причина его неожиданной торопливости.*) Теперь ведь тебе вроде бы спешить некуда...

Ильин. Эх, Савич, еще дел и дел!.. Сдача вот-вот: концы свести надо... Да и вообще с людьми повертеться мне сейчас невредно... Мысли всякие... Прикидывал, что к чему.

Каргин. Одолевают все-таки? Лезут, значит, проклятые... А зачем они тебе, Илья? У тебя же есть зацеп: государственный интерес... Вот и вешай все на эту зацепу. Фу ты, черт! Эх, Илья Ильич, Илюша родимый, сколько вместе попито, поедено, а поговорить по душе так и не состоялось...

Ильин. У нас с тобой, Савич, еще хватит для этого времени, наговоримся.

Каргин (*со внезапной отчаянностью*). А черт с ними со всеми! Мне-то что, больше всех нужно, что ли? (*С хохотком.*) Вот сумеешь ты, Ильич, скороговорку сказать: «Цапля сохла, цапля чахла, цапля сдохла»? Или вот еще: «Курка клюет крупку, турка курит трубку»?

Ильин (*хмуро*). Брось, Николай Савич, не мальчик уже.

Каргин (*распаяясь*). Нет, ты погоди! Вот эту попробуй: «Ехал грека через реку, видит грека — в реке рак. Сунул грека руку в реку, рак за руку грека цап»? Или вот еще: «Сидят колпаки не по-колпаковски, надо их переколпаковать»? А?

Ильин. Николай Савич! Ну что ты, ей-Богу!

Каргин (*почти в бешенстве*). Погоди, погоди, еще есть! «Погода размокропогодилась, погода рассухоперепогодилась». (*Неожиданно сникая.*) Это мне старик один на катере всю дорогу голову морочил. То скороговорки загадывал, то предлагал ущелья между сопками засыпать, чтобы ветер не дул. Не придется ли и нам с тобой, Ильич, такой же старостью пробавляться. Уж больно мы рассудительны становимся. Все-то нам ясно и понятно, все-то нами предусмотрено...

Снова появляется Посыльный.

Каргин. Что еще?

Посыльный (*с трудом переводит дыхание*). Кричат... Грозятся...

Каргин. Кричат, говоришь? (*Подходит вплотную к посыльному.*) Так вот скажи ему, нету у Каргина рыбы, была, скажи, да вся вышла. Не та, скажи, рыба нынче, без остановки транзитом мимо Плахина ходит. А шуметь начнет — пошли его от моего имени знаешь куда? (*Притягивает Посыльного к себе и шепчет ему на ухо.*) Понял?

Посыльный (*чешет затылок*). Далеко, однако.

Каргин. А ты посерьезней пошли, тогда дойдет.

Посыльный исчезает.

Каргин. Хватит. Надоело изворачиваться. Пусть они все катятся от меня...

Ильин (*смеется*). Уже знаю куда.

Каргин. По-другому пробавляться буду, по-людски. Пошли, Ильич, провожу.

Они некоторое время смотрят друг на друга, потом по-мужски резко и коротко обнимаются. Затем уходят. Слышен гул отходящего катера. Голоса: «Отдай концы!», «Попутного, Митрич!», «Бывай!» На внешней стороне дебаркадерной палубы появляется Матрос.

Матрос (*снова принимает прежнюю позу*). И ездют, и ездют! Куда ездют? Делать людям нечего! Только работать мешают.

Затемнение

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Небольшое охотничье зимовье. На топчане в углу лежит накрытый тулупом человек. Входит Ильин.

Ильин (*всматривается в темноту*). Живой кто есть? Человек под тулупом. Привет, натшальник... Узнавай... Гунар... Отшень некарашо Силис...

Ильин. Гунар, ты!

Силис. Я, натшальник... Я...

Ильин. Что с тобой? Прихватило?

Силин. Закрывай... Бистро... Холодно... Вьетер.

Ильин. Что случилось, Гунар?

Силис. Зажигай печка, натшальник, гриеться будь-ем... Пьесиец капкан ловиль, тьеперь сам капкан поपालь.

Ильин (*приподнимает полу тулуна*). Да... Не побегаешь...

Силис. Я знай, это заражений... Конес Силис.

Ильин (*затапливает печку*). Слепой сказал: «посмотрим». Малость согреешься, и двинем вместе.

Силис. Тридцать километр!.. Нет, натшальник, не деляй даже попитка... Тайга шутка не любит.

Ильин. Будем думать, Силис, будем думать, глядишь, что-нибудь да придумаем.

Силис (*снисходительно*). Сиди грейся, натшальник. Я недолго лежать будет. Пшенка есть, риба есть, грейся. Меня помогайт уже не можно... Плохо — не Латвия... Ты бил Латвия, натшальник?

Ильин (*хмуро*). Не приходилось.

Силис. Некорошо, натшальник, Латвия не биль... Аурумциемс деревня... Рибак все... Морье окно видно.

Ильин (*возится с чайником*). Ну вот, вернешься домой, пригласишь. Тогда и посмотрю.

Силис. Силис уже не вернется... Силис здесь умирай...

Ильин. Ну-ну, говори! Вот построим дорогу и дуй домой за милую душу.

Силис. Раньше строить надо биль... Теперь поздно...

Ильин. Еще как поедешь! С ветерком, до самой Латвии.

Силис. Нет, натшальник, меня уже не будет Латвия... Здесь тайга умирай... Тепло сталь... Спасибо, натшальник... Отшень тепло... (*Засыпает.*)

Возникают Величко, Ильин.

Величко. Торопись, Илья, торопись. В корень смотреть надо.

Ильин (*машинально*). Может быть... Может быть... Мне кажется, я перестаяю понимать что-то самое важное, самое главное...

Величко. Ты еще вспомнишь Величку в конце пути. Ты поймешь: Николай Величко хочет тебе добра. Не касайся того, чего нельзя касаться: такие ожоги не заживают.

Ильин. Значит, действительно ты считаешь, надо смотреть мимо и молчать?

Величко. Надо.

Ильин. Сам ты разве всегда молчал?

Величко. Молчание молчанию рознь. Есть молчание необходимости. Как бы ни было тяжело — молчи.

Ильин. Легко формулировать в обозе.

Величко. Что ты имеешь в виду?

Ильин. Великие Луки невзначай вспомнились.

Величко. Мне трудно уследить за кривой твоей мысли.

Ильин. Я мыслю по самой прямой, Коля. Ты, конечно, забыл, как я выволакивал тебя по «ничьей земле».

Величко. Спекулируешь, Илья, стыдись!

Ильин (*морщится*). Не о том речь. Просто я хотел напомнить тебе: ты кричал в ту ночь, не стесняясь.

Величко. С вспоротым животом любой на моем месте...

Ильин. Но ведь нас могли застукать и свои и чужие... И тогда мы остались бы там оба.

Величко. Но ведь боль-то какая, Илья!

Ильин *(в тон ему)*. Но ведь есть же, как ты говоришь, молчание необходимости.

Величко. В бреду люди не отвечают за себя.

Ильин. Нет, Коля, нет, дорогой, ты оставался в памяти... *(После паузы.)* Потому что, когда я ударил тебя в первый раз, ты...

Величко. Илья-я!

Ильин. Ты заплакал...

Величко. Илья-я!

Ильин. Ты заплакал, и тогда я ударил тебя еще раз.

Величко *(в изнеможении)*. Илья!

Ильин. И еще, и еще... И ты замолчал... И затих...

Величко *(обессиленно опускается в кресло)*. И потерял сознание...

Ильин. И уже не мог видеть, как...

Величко *(вскакивая)*. Что же еще, Илья!

Ильин. Как плакал я. *(Уходит.)*

Возникает обстановка охотничьего зимовья.

Силис *(в полубреду)*. Помнишь, натшальник, ты меня спрашивал, как я ловил пьсьец?.. На лижня виставляй капкан, натшальник, на лижня... Пьсьец бьегает на снег... Бистро бьегает... Снег мягки... Лижня твердий... Пьсьец бежал на лижня... Твердо, карашо... Въезжать бистро, бистро можьет... Не уходил с лижня... Виставляй капкан на лижня, натшальник... Много-много пьсьец будьет... Денег много будьет... Латвия поедешь... Аурумциемс глядеть будьешь... морье...

Ильин *(хрипло)*. Хватит, Силис. Будем собираться. Бог не выдаст — свиня не съест. Доберемся.

Силис *(впадая в забытье)*. Аурумциемс...

Ильин *(склоняется над ним)*. Гунар! *(Скорбно выпрямляясь.)* Извини, брат.

Затемнение

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Обстановка та же. Распахивается дверь. Первым входит человек в бушлате, в матерчатой шапке. За ним следом с пистолетом-автоматом наперевес появляется молоденький Солдатик-конвоир. Солдатик с медлительной степенностью оглядывает помещение и подступает к Ильину.

Солдат. Кто такой?

Ильин (*снисходительно*). Свой, свой...

Солдат. Кто «свой»? Документ. Нахожусь при исполнении.

Ильин. Я — Ильин.

Солдат. Мне что — фамилия. Я никаких фамилий знать не хочу. Документ подавай.

Ильин. Ишь ты — какой строгий... Ну, раз надо, значит, надо. (*Достает документы, протягивает их солдату.*) Проверь.

Солдат (*долго и обстоятельно рассматривает его удостоверение и, разглядев, враз добреет*). Препровождаю на базу. Приказ: доставить в управление.

Ильин. Чего же ждете?

Солдат. Лодку обещали подогнать.

Ильин. Плот бы соорудили. Инструмент тут должен быть.

Солдат. Как же я с оружием работать буду? А один он дело на потянет.

Ильин. Снял бы оружие, бежать ему некуда. А то ведь, брат, это не Москва-река. Здесь ведь и второго пришествия ждать можно.

Солдат. Я что... Мне приказано. Вот и жду.

Ильин. А прикажут пешим этапом по воде?

Солдат. Прикажут — пойду.

Ильин. А голова для чего?

Солдат (*виновато блудит взглядом по носкам своих сапог*). Я — что, я — по уставу.

Ильин. Ладно. Вместе будем думать. А пока вот побалуемся чайком.

Он шурует печку, исподволь изучая подконвойного.

Солдат (*переминается с ноги на ногу*). Надо бы для порядка нашивки к окнам приспособить. (*Идет к двери.*) Я — в два счета. (*Берет топор в углу и выходит.*)

Ильин (*подходит к соседу, протягивает руку*). Будем знакомы: Ильин, Илья Ильич.

Скорняков (*убирает руки за спину*). Михаил Петрович Скорняков.

Ильин (*усмехается*). Так вот, Скорняков Михаил Петрович, с топором и пилой, я думаю, вас успели познать.

Скорняков. Оч-чень обстоятельно.

Ильин. Тем лучше. Будем мастерить плот.

Скорняков. Я предлагал. Да разве с этим, дуболобом, договоришься?

Ильин. Курите?

Скорняков. Отвык.

Ильин. Другие наоборот — привыкают.

Скорняков. Падать легче, чем идти.

Ильин. Это верно.

Скорняков. Нагляделся.

В это время за фронтоном окошком зимовья появляется лицо солдата.

Голос солдата. Разговорчики! Общение с подконвойным не положено.

Лицо исчезает.

Ильин. Вот чудак.

Скорняков. Диковатое чудачество для парня в двадцать лет.

Ильин. Стараются, чтобы по уставу... Плот смастерить сумеем?

Скорняков. Я — сапер по военной специальности.

Ильин. Офицер?

Скорняков. Майор.

Ильин. Извини, конечно, Скорняков, но за что?

Скорняков (*усмехаясь*). Измена Родине.

Ильин. И сколько?

Скорняков. Десятка.

Ильин (*тяжело вздыхает*). Да... (*Не сговариваясь, они оба смотрят туда, за окно, где то и дело скользит тень конвоира.*) Мается парень... Ему бы на сенокос сейчас в деревню, вилами ворочать... Самое время... А он здесь.

Скорняков. Здесь его приучат к другим запахам.

Ильин. Молодой, зеленый — образумится.

Скорняков (*горько усмехается*). Дай-то Бог.

Входит Солдат.

Солдат. Порядок. На прогулку, на opravку три раза в день.

Ильин (*качает головой*). Даешь, малый!
Солдат. По уставу.

Затемнение.

Кабинет Величко. Телефонный звонок. Хозяин поднимает трубку.

Величко. Слушаю! (*Инстинктивно подтягивается.*)
Здравствуйте, Петр Сергеевич... Так... Так... Так... Вообще-то можно, да ведь потом с тебя же и стружку... Хорошо, Петр Сергеевич, будем решать на месте... Подумаем, Петр Сергеевич, подумаем, дело это непростое, не сломать бы головы. Хорошо. До свидания. (*Кладет трубку, нажимает звонок.*) Легко им там прожектерствовать.

Входит Сеньков.

Сеньков. Слушаю, Николай Гаврилович.

Величко (*задумчиво*). Все смельчаки, один я перестраховщик... Отвечать-то не вам — мне... Ладно, иди.

Сеньков (*выходя*). В принципе я против... То есть как вы, так и я... (*Выходит.*)

Величко (*хватает телефонную трубку*). Аэродром! Михайлюк? Подготовь-ка мне «уточку» на Береговую! Срочно! Действуй! (*Бросает трубку на рычаг.*) Нет, не дам я тебе свернуть шею, Ильин, будь ты проклят, не дам.

Затемнение.

Обстановка та же. В правом углу около стены спит Ильин. У двери, сидя на корточках, клюет носом солдат. А около печки на чурбаке сидит Скорняков с пистолетом-автоматом в руках. У его ног куча замасленного тряпья. Проверяя оружие, Скорняков щелкает затвором. Солдат вздрагивает и просыпается.

Солдат (*какое-то время, еще не соображая в чем дело, он разглядывает своего подконвойного, но когда смысл и значение происходящего доходят до него в полной мере, он бледнеет, бесформенные губы его начинают мелко трястись*). Ты что?.. Ты зачем?..

Скорняков молчит, чуть-чуть усмехаясь уголками губ. Шум будит Ильина. Ильин вскакивает и растерянно смотрит на них обоих. А Солдат уже буквально стекает по косяку двери.

Солдат. Зачем тебе?.. Все равно не уйдешь, возьмут.

Ильин бросается было к Скорнякову, но тот в это время протягивает оружие солдату.

Скорняков. Чистить надо, начальник, а то игруш-

кой твоей уже заместо скалки можно тесто на лапшу раскатывать.

Ильин (*глубоко вздыхает*). Ну и шутишь ты, брат!

Солдат (*хватает пистолет-автомат и плотно прижимает его к груди*). Чистить! За такие дела, знаешь, по голове не погладят. Доложу командованию, вот тебе и будет чистка-смазка! Ишь, чистильщик нашелся, устава не знаешь?..

Ильин (*с горечью*). Эх ты, начальник!

Солдат (*вскакивает. И вот уже перед нами не солдат, облеченный властью, а просто мальчишка в солдатской форме*). Что вы меня «начальник» да «начальник», а у меня имя, отчество есть, фамилия имеется. (*Вскакивает и уже снаружи, вызываяюще.*) Гаврилюк я! Петр Степанович!.. Да!.. (*Исчезает, громко хлопая дверью.*) Удружил мне военком службу!

З а т е м н е н и е.

Величко, нажимая звонок, начинает собирать бумаги на столе. Входит
Сеньков.

Величко. Я сегодня вылетаю на Береговую базу, завтра вернусь.

Сеньков. Будут распоряжения, Николай Гаврилович?

Величко. К тебе — одно.

Сеньков (*вынимает блокнот, готовится писать*). Да, Николай Гаврилович.

Величко. Заготовь приказ.

Сеньков. На кого?

Величко. На себя. Пойдешь на участок.

Сеньков. За что, Николай Гаврилович!

Величко (*грубовато*). Проваливай, герой с плоскостопием. И на глаза мне больше не показывайся.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Опушка леса над базой экспедиции. Видны крыши строений и антенны над ними. Чувствуется близкое дыхание моря. Шум приземляющегося вертолета. Голоса. Близкие шаги. Выходит **Величко**. Его сопровождает мастер **Саннин**, молодой парень лет двадцати двух.

Величко (*Санину*). Каково, а? Молодцы ильинцы. Здорово размахнулись! Даже останавливать жалко. А надо.

С а н и н *(осторожно)*. Так ведь не запрещают категорически, Николай Гаврилович. Может, рискнете?

В е л и ч к о. Легко сказать! В случае чего все в стороне останутся, я под монастырь пойду. Дадут прямое указание — океан хоть решетом вычерпывать буду, а сейчас нет, увольте. Для чужого дела каштаны таскать не намерен. *(Санину.)* Прекращай работы, мастер.

С а н и н *(мнется)*. Не с руки вроде среди дня. Подождать бы до конца смены... И потом, что Илья Ильич скажет. Без него опять же неудобно.

В е л и ч к о. Еще чего! Ваш Илья Ильич прогуляться вздумал, а я его ждать должен. Не слишком ли дорого эта прогулка государству обойдется? Прекращай работы, мастер?

С а н и н *(украдкой смотрит на часы)*. Вы бы пообедили с дороги, товарищ Величко. У нас вчера ребята такого тайменя поймали. Не таймень — теленок, право слово. Такую ушицу можем заделать, ахнете!

В е л и ч к о *(наступает на него)*. Хватит мне мозги пудрить, мастер. Прекращай работы.

С а н и н *(растерянно оглядывается)*. Оно, конечно, приказ — он приказ и есть. Кто спорит?.. Мы что, мы люди маленькие. *(Делает было движение, чтобы повернуться, и неожиданно приседает.)* А-а, дьявол ты подери! Ногу подвернул! Надо же!.. Вот не ко времени. *(Садится на землю.)* Ведь вот как бывает... А-а!

В е л и ч к о *(бешено)*. Дураков ищешь, мастер! Я тебя мигом вылечу.

В это время из лесу появляется Ильин. Мастер, увидев его, живо вскакивает и бросается ему навстречу.

С а н и н. Илья Ильич! Наконец-то!

И л ь и н. Здравствуй, мастер. Как идут работы, мастер?

С а н и н. Приказано остановить.

И л ь и н. И остановили?

С а н и н. Илья Ильич, ведь начальство! И какое!

И л ь и н. Так, мастер! Так, Санин! Так вот слушай, мастер, ты сейчас пойдешь на трассу и скажешь, что Ильин приказал продолжать... Ты слышишь меня, мастер?

С а н и н. Илья Ильич! Ведь Величко же!

И л ь и н *(подходит к нему вплотную)*. Ты слышал меня, Санин?

С а н и н (растерянно). Слышал.

И л ь и н (берет его за отвороты рубы, притягивает к себе, цедит сквозь зубы). И запомни: покуда я жив, ты слышишь, покуда я жив, командовать здесь буду я. И отвечать перед высоким начальством тоже — я. (Отталкивает от себя Санину.) Вот так, мастер. (Замечает Величко.) А, ты уже здесь!

В е л и ч к о. С прибытием тебя, Илья! Спасибо, не задержался, ходок из тебя еще куда. Я тут предварительно распорядился. Твое дело, так сказать, утвердить мои распоряжения.

И л ь и н (не слушая его). Ты меня слышал, мастер?

В е л и ч к о (делает знак Санину оставаться на месте). Послушай, Илья, не ставь себя и меня в дурацкое положение.

И л ь и н (сквозь зубы). Я прошу тебя о том же. (Санину.) Руби!

В е л и ч к о (снова делает знак Санину оставаться на месте). Илья, взвесь все последствия. Я не буду тебя защищать.

И л ь и н. Избавь меня Бог от твоей защиты. (Санину.) Руби!

В е л и ч к о (взглядом приклеивает мастера к месту). Я запрещаю тебе, Ильин, ты слышишь. Запрещаю. Существует единоначалие, и ты обязан подчиниться.

И л ь и н (вдруг тихо). Запомни этот день, Коля. Август, двадцать пятое. В этот день у тебя не стало в списке друзей одной фамилии. Август, двадцать пятое. Прощай, Величко. (Медленно идет к выходу.) Август, двадцать пятое, это ты уж запомни, Коля. (Уходит.)

В е л и ч к о (тянется за другом). Илья! Ильюха! Илья Ильич! (Потом растерянно оглядывается кругом, взгляд его останавливается на мастере.)

Тишина достигает своего предела.

В е л и ч к о. Ты что на меня смотришь, мастер? Чего ты от меня ждешь, мастер? (Бешено.) Руби! (Санин бросается выполнять приказание. Величко стоит во весь рост на косогоре. И со всем присущим ему неистовым испуганием.) Руби! Руби! Руби!

И вот откуда-то из-под горы начинает доноситься шум падающего леса.

З а н а в е с

ДОМ БЕЗ НОМЕРА

Драма в трех действиях, девяти картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Семен Портнов.
Христофор Портнов, его отец.
Феодосья, его мать.
Анна, его невестка.
Сергей, его сын.
Софья, его дочь.
Гаврила Осинин.
Карп Осинин, его отец.
Сима, домработница Портновых.
Жестянщик.
Участковый.
Настя.
Синельников.

Действие происходит в отдаленном таежном городе в наши дни

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Двор только что отстроенного дома. Высокий дощатый забор, из-за которого видны верхушки таежных елей. Во дворе вкопанный в землю стол. Рядом скамейка.

Феодосья (*из дома*). Сима, открой!

Сима (*пробегая по двору*). И-ду-у!

Снова появляется Сима. За ней входит Портнов. Он в ватнике, с ружьем за плечами. На спину закинут накомарник.

Портнов (*весело, возбужденно*). Упарился! Берика! (*Передает добычу.*) Софья дома?

Сима. Дома.

Портнов. Зови да сооруди чего-нибудь! Есть, как волк...

Сима уходит.

Портнов. Так... (*Потирает руки.*) Так, так, так-с...

Феодосья (*выглядывая*). Приехал?

Портнов. Дело наклевывается.

Феодосья. Где?

Портнов. На Груздевском займище. Старик там... Бирюком живет. Верный человек сказал — есть у него золотишко... Вроде зануждался — продать хочет. Я Анну послал.

Феодосья. Знаю я этих бирюков. Товару на грош, а мороки на год.

Вбегает Сима.

Портнов. Ну?

Сима. Идет.

Феодосья. Пошли-ка, одеяло подбить поможешь.

Обе уходят.

Портнов (*с довольным видом оглядывает двор*). Так, так, так, так-с.

Входит Софья в распахнутом халате, с книжкой в руках.

Софья. Звал?

Портнов (*опытным взглядом окидывает фигуру дочери*). Застегнулась бы, что ли, не с чучелом разговариваешь.

Софья. Господи! (*Запахивается.*) Что нужно? (*Садится против отца на скамью.*) Ну?

Портнов (*посмеиваясь*). Что ж это ты, девонька? Все работают, а ты книжки почитываешь. Старуха одна с Симкой крутятся.

Софья. Не хочу, да и все тут.

Портнов. Какая ж из тебя хозяйка выйдет. Муж на другой день прогонит.

Софья. Не собираюсь еще.

Портнов. А если выдам?

Софья. Не пойду.

Портнов. Дура! Я тебе добра желаю...

Софья. Сказала кошка...

Портнов (*смеется*). Портновская кровь! (*Серьезно.*) Я, Софья, не шучу — замуж думаю тебя выдать.

Софья. А если я не хочу?

Портнов. Не дури.

Софья. Домострой, по-моему, с Портновых начался.

Портнов. Парень — орел. Инженер приисковый. На охоте встретились. Прийти обещался.

Софья (*в тон ему*). Не пьет, не курит. Деньги складывает на сберкнижку. Так, что ли?

Портнов (*багровея*). Ты меня не выводи...

Софья (*официально*). Может, вы меня слушаете? Так советую запастись солью. (*Встает.*)

Портнов. Софья!

Софья. Только не бей, пожалуйста, посуды — с твоей мамой случится удар. И вообще, надоело.

Портнов. Вековухой останешься. В твои годы девки уже детей имеют.

Софья. Перспективочка!

Портнов. Силой, а выдам.

Софья. Отец — самодур, дочь — мечтательница! Ты, Портнов, случайно актером не был? (*Направляется к двери.*) Пока.

Портнов. Завтра он придет.

Софья (*оборачивается*). Смотрины?

Портнов (*зло*). Смотрины.

Софья. Пока!

Портнов (*нагоняет дочь, кладет ей руку на плечо*). Подожди, разговор не кончен.

Софья (*спокойно сбрасывает его руку*). Целая сцена из-за пустяков. Конечно, пойду. К черту, к дьяволу, на Северный полюс, лишь бы от вас... Всех. (*Уходит.*)

Портнов (*оторопело*). Вот те, бабушка... (*Махнув рукой.*) Баба с возу...

За забором раздается голос Жестящика: «Тазы, ведра, кастрюли починяем! Тазы, ведра, кастрюли починяем!»

Эй, друг (*Открывает калитку*). Дело есть.

Жестящик (*появляясь во дворе*). Все, хозяин, сотворим, чего душа пожелает, хучь из цинка, хучь из жести, хучь из самого черта.

Портнов. Заходи-ка, милоч, в шалаш. (*Ведет за*

собой Жестящика.) Заработать, конечно, хочешь? (Поворачивается к гостю. Глаза в насмешливом прищуре.) Хочешь ведь заработать-то?

Жестящик (не выдержав взгляда хозяина, отворачивается). Кто ж себе враг. Ясное дело...

Портнов (довольный, хохочет). Садись, добытчик.

Жестящик. Спасибочки!

Портнов (кричит). Мать!

На крыльце показывается Феодосья.

Сообрази-ка чего-нибудь на скорую руку.

Феодосья. Господи! Ходят тут... (Скрывается.)

Портнов. Видал, старуха? Зверь... Так вот, значит, нужно мне... Ты сам-то откуда?

Жестящик. Рязанские мы.

Портнов. Ишь ты, куда тебя занесло!

Жестящик (однотонно). Занесло...

Входит Феодосья с подносом.

Феодосья. Не напасешься на всех-то.

Портнов. Не скрипи, мать, не обедняешь.

Феодосья. На уж. (Наливает Жестящику.) И куда только лезет она в вас!

Жестящик. А в его самое, мать, а в его самое...

Портнов (наливая себе). Что ж, давай с тобой вместе выпьем, странный ты странник... Ты, мать, не смотри на меня зверем. (С хрустом откусывает соленый огурец). Не маленький. (Жестящику.) Надо мне, понимаешь, номер сварганить. Чтобы с шиком. Чтобы такого ни у кого на улице не было. По белой эмали голубым: «Улица Мирная, дом такой-то». Ясно?.. Ты закусывай, закусывай — харч у старухи даровой.

Феодосья, поджав губы, уходит.

Жестящик. Характерная женщина.

Портнов. Так как?

Жестящик. Сделаем. Работа она, конечно, тонкая...

Портнов (смеется). А еще простаком прикинулся!.. «Рязанские мы!» Ладно, не обижу.

Жестящик. Ясное дело — солидность не та. А все ж таки задаточек бы...

Портнов (*достаёт бумажник*). На вот, держи трояк.

Жестящик. Ималь-то, она недешевая. Дорогая она, ималь-то.

Портнов. Да ты, брат, хапуга. Да! Чего ты глаза пялишь? Хапуга, натурально. (*Хохочет.*) Грабишь в полдень.

Жестящик. Где уж нам уж...

Портнов. Даю еще трояк. Но смотри. Пропьешь, скроешься — старуху натравлю. Она тебя под землей без огня найдет.

Жестящик. Бог с вами.

Входит Анна.

Анна (*тяжело опускается на скамью*). Еле дошла.

Портнов. Анюта! (*Жестящику.*) Ты, брат, чеши давай!

Жестящик. В понедельник — все чисто. (*Уходит.*)

Портнов (*Анне*). Была на займище?

Анна. Старик меня замучил. То есть то нет, то продавать боится. И зачем, и откуда, и как зовут. Я уж было хотела рукой махнуть. Да тут он, видно, испугался, что уйду, — надумал.

Портнов. Молодец, Анюта! Без тебя я как без рук.

Анна (*устало развязывает платок*). Отца видела.

Портнов (*почти кричит*). Гаврюшку? (*Опускается бессильно на стул. Потом вскакивает, бросается к Анне.*) Шутишь, Анюта? Разве можно так? (*Просительно.*) Шутишь ведь?

Анна (*будто не слыша*). Сидит в саду у исполкома, закусывает... Золотыми зубами улыбается. Трубочку посасывает. Не изменился, только обтрепанный сильно... Не узнал или не хотел узнать... Я не подошла.

Портнов (*в замешательстве*). Вернулся, значит, Гаврюшка Осинин. Так, так, так, так-с. (*Неожиданно возбужденно.*) Встретим как дорогого гостя. Что ж это он к нам сразу-то... А?.. А ты и не подошла к старику, Анюта. Нехорошо, нехорошо!

Анна (*порываясь к нему*). Страшно ведь, Семен Христофорович, страшно. Ему ведь все равно. Утопит — глазом не моргнет.

Портнов (*жестко*). А ты мне, Анюта-Аннушка, душу не царапай. «Страшно»! Сам знаю. Да только страшнее было — вывернулся Портнов. А что насчет утопить, то это еще кто кого. (*Сжимает кулак.*) Вот он у меня где.

Анна. А мы у него...

Стук в калитку.

Открыто.

Портнов (*опускаясь на скамью*). Так, так, так, так-с...

Входит Участковый.

Анна (*коротко*). Здравствуйте. (*Проходит в дом.*)

Портнов (*вскакивает*). Господи!

Участковый. Здравствуйте!

Портнов (*одними губами*). Здрав-вствуйте...

Участковый. Вы будете домовладелец?

Портнов (*приходя в себя*). Я-я. А в чем дело? С-са-ди-тесь.

Участковый. Трудненько вас, гражданин-товарищ, разыскать.

Портнов (*снова оседает на скамью*). З-за-чем?

Участковый. Номерочек надо бы в Совете зарегистрировать.

Портнов (*приободрясь*). Уже, уже заказал, товарищ начальник.

Участковый. Давайте, давайте, а то непорядок. (*Собирается уходить.*) У всех есть, а у вас...

Портнов (*доверительно*). Так, может, вы... (*Он делает выразительный жест — выпьем, мол.*) Мать, сообрази!

Участковый. Не имею права...

Портнов. Да что там! По одной не повредит! Я же не в порядке подкупа, а по обычаю русскому.

Участковый (*идет к выходу*). Ни-ни, не могу. В общем, поторопитесь, гражданин-товарищ. До свидания! (*Уходит.*)

Портнов (*выбежавшей с подносом матери.*) Не потребовалось. Народ пошел — на вороных не объедешь. Ишь гусь!

Феодосья. Что у тебя, винный завод, что ли? Кто ни придет — всем неси.

Портнов. Не жалей, мать. Всем надо — все при-

годятся. Жестянщик и тот в случае может службу сослужить. На худой конец слово доброе скажет, и то польза.

Феодосья *(уходя)*. Скажет — жди-кась.

Портнов *(потирает руки)*. Что ж, добро пожаловать, Гаврила Карпыч. *(Уходит в дом.)*

Оттуда сразу же раздается музыка. Затем в проеме калитки появляется Осинин. Он заглядывает во двор.

Гаврила. Хе-хе-хе... Недурственно, недурственно! Совсем... хе-хе-хе... недурственно!

Во двор вбегает Симма.

Симма. Ой! *(Убегает.)*

Гаврила. Хе-хе-хе! *(Всходит на крыльцо.)* Хе-хе-хе!

Показывается Феодосья. Осинин наклоняет голову.

Феодосья. Да куда ты сапожищами-то, сапожищами лезешь? А ну, пошел! Бог подаст — сами перебиваемся. Ходят тут...

Гаврила *(глядя в землю, дробненько смеется)*. Уж не за ворота боишься ли, родимая? Так пазуху, если только половину, а целиком не у-несу.

Феодосья. Ну-ка, проваливай, а то быстро в милицию спроважу.

Гаврила. Хе-хе-хе! Так уж прямо и туда? Не спеши, кума, успеется. *(Усаживаясь на скамью, гладит ее.)* Ха-рошая работа! Не иначе как частник делал. *(Подскакивает на скамье.)* Не иначе!

Феодосья. Да что ж это, батюшки! Куда власть смотрит? Среди бела-то дня? А? Каково? *(Бешено.)* Иди, паршивец, голь перекатная.

Гаврила. Не натружай сердца — одно, кума, оно у тебя. Отдохну вот с недельку от тягот перенесенных и... *(Свистит.)* Нету Гаврюшки, будто и не рожали. *(Поднимает голову.)* Свояка признать не хочешь, Силовна. Нехорошо, нехорошо...

Феодосья *(оседает тихо)*. Гаврюшка... *(Почти кричит.)* Господи!

На крик из дверей вбегают Анна, Портнов, Софья.

Гаврила. Сыр-бор загорелся. Перенесение святых мощей из кабака в полицию.

Портнов (*радушно*). Гаврюша, отец ты мой! Господи! Гость дорогой!

Гаврила. Не раб. Хе-хе-хе! А я ведь к тебе, Семен, почитай от самой Колымы пер — с новосельем поздравить.

Немая сцена.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Обстановка та же. Вечереет. Из приоткрытой двери на крыльцо падает сноп яркого света. Тихо, точно тень, Гаврила ходит по двору.

Вдруг дверь резко распахивается. На пороге — Портнов.

Портнов. Нюхаешь, Гаврила Карпыч?

Гаврила. Хе-хе... Интересуюсь. Напоказ живешь. Не широко ли для пенсионера, инвалида... хе-хе-хе... труда? На семь-то бумажек пенсионных такого пятистенника не отгрохаешь. Разве что лет за сто... хе-хе-хе... скопишь.

Портнов. Не подкопаешься. (*Заученно.*) Сын геолог, изыскатель. Получает бешеные деньги. У меня все корешки от переводов подшиты.

Гаврила. Хе-хе-хе. (*Оглядывает двор.*) И сколько же мешков у тебя этих самых, хе-хе... корешков?

Портнов (*прежним тоном*). Ко всему, выиграл по трем облигациям.

Гаврила. Хе-хе-хе... Счастливчик ты, Сема. Везет тебе. Видно, в портках родился. Сразу... хе-хе-хе... По трем... (*Вдруг тихо.*) Старый номер. Уже не проходит.

Портнов. Не каркай, Карпыч. Твоего не тронул. Обзаводись.

Гаврила (*снова дурачась*). Хе-хе... Не тронул, говоришь. А сколько же ты своим мудрым умом моего насчитал?

Портнов. Хватит с тебя.

Гаврила (*встает, кланяется театрально в пояс*). Век за тебя Господа молить буду, благодетель Семен свет Христофорович! (*Поднимает голову, хитро прищуривается.*) А из Веснянска в такую глухомань забрался тоже ради блага раба Божьего Гаврилы?

Портнов (*смутившись*). Надоело, по правде, Карпыч, казенных гостей ждать каждый день. Войны

ждал. Думал, она, родимая, все спишет. А ее все нет и нет.

Гаврила. Положим, конечно, с меня тоже хватит. Я тоже хочу для себя пожить. Но адресочек... хе-хе... Надо было сообщить закадычному другу Гаврюшке, вину принявшему за общее дело... (Поет.) «...В глухой сибирской стороне...»

Портнов. Закрутился я тут с домом. Думал...

Гаврила (жестко). Думал: недолго протянет Гаврюшка Осинин на тюремной похлебке, тебе все оставит. (Опять дурачится.) Хе-хе-хе... Ах нет — жив курилка. (Опять грубо.) Жаден ты, Сема, точно кощей, жаден, хоть и хвалишься широкой своей натурой. Натуры этой у тебя на полбутылки разве хватит. Штаны с родного сына спустишь — глазом не моргнешь.

Портнов. Долю свою требуй, а душу мне, Карпыч, не тяни. Она у меня и так изнылась вся.

Гаврила. Хе-хе-хе... Изнылась, истосковалась по хозяевам, что ли? (Тихо.) А ждешь ведь, ждешь сколько лет. (Смеется дребезжащим смешком.) Приду-у-ут.

Портнов (зло). Жду. И ждать буду. Не может того быть, чтобы все так и кончилось. (Почти кричит со стоном.) Не может! Против это природы человеческой, чтоб не позволялось ему...

Гаврила. Хе-хе... На шее ближнего ездить.

Портнов. А что? А что? Если на сто людей девяносто девять скотов приходится, только чужим умом жить умеющих. Пусть возят, пусть! Возят и за честь считают...

Гаврила. Отвезут — не печалься. Обрато только... хе-хе-хе... пеше идти придется.

Портнов. Не смерди, Гаврюха. Не шипи змеем! Да, хочу! Да, да, да. Жить хочу, широко жить. Чтоб шел я по улице, а все шапки ломали — Семен Портнов идет. Хозяином, не работником себя чувствовать на земле.

Гаврила. А не дожدهшься — что делать-то будешь? Хе-хе-хе... Халатик и в палату — к санитару под крыло.

Портнов. Придут. Ихняя смерть здесь отъедается.

Гаврила. Пока ты, Сема, хе-хе-хе... золотишко скупал, время шло да шло. Седьмой десяток веку. Ты вроде бы в отцепленном вагоне остался, а думаешь, что едешь.

Портнов. Вижу, Карпыч, ты из соловья в ворона оборотился. Вроде бы раньше не то пел.

Гаврила. Хе-хе... А по мне, Сема, лучше живым вороном быть, чем жареным соловьем.

Портнов. Боишься?

Гаврила. Не то слово. Соображаю.

Портнов. Так что же ты хочешь?

Гаврила. Хе-хе... Я же, Сема, без особого честолюбия. Стекла бить да девок возить на рысаках не по мне. Я потихонечку, полегонечку жить хочу. Кушать свой честный, трудовой, заработанный... хе-хе-хе пятью отсидками кусочек хлебушка с маслицем. Домик в средней полосе России, садик... хе-хе-хе, огородик. Занавесочки на окнах, фикусы. Покладистая сожительница годков сорока. С такой-то... хе-хе-хе... спокойнее спится. *(Гладит себя по спине.)* Года не те... хе-хе-хе...

Портнов. Дам я тебе на дом. А дальше что?

Гаврила *(театрально хватается за сердце)*. Уф! Ты, Сема, осторожней. Сердце мое пожалей. Все-таки пять лет строгой изоляции. Разве можно так шутить. Так и помереть раз-два. На дом! Добряк! Может, ты мне и на занавески выделишь?

Портнов *(зло)*. Сколько же тебе?

Гаврила *(коротко)*. Половину.

Портнов. Ты что, очумел?

Гаврила. Хе-хе... Может, справочку тебе о состоянии здоровья... Так я мигом! Во ВТЭК и обратно.

Портнов *(с надрывом)*. Да зачем тебе столько?

Гаврила. На благотворительные дела. Я ведь старею, Сема, о Боге думать начал. Помощь бедным и так далее. А к тому же жениться при моей лысине... хе-хе-хе... дело накладное.

Портнов *(полувопросительно)*. Не дам.

Гаврила *(глядя в небо, невинным тоном)*. Вообще, Сема, должен тебе сказать, что в тюрьмах не худо кормят...

Портнов. Грозишь?

Гаврила. Бог с тобой, Сема! Чтоб лучшему другу да грозить? Просто так ляпнул, бесхитростно. Вспомнилось ненароком.

Портнов. Чем докажешь? Чем? У меня все в ажуре: сын присылает, по лотерее выиграл...

Гаврила *(в тон ему)*. Плюс семьдесят два целковых пенсионных... *(Жестко.)* Жену ты в гроб вогнал, первый сын твой сбежал от тебя мальчишкой, второй за

тебя отбывает. Может, ты от незаконного получаешь? Ко всему надо бы тебе помнить, что я знаю много, а твоя мне нечего.

Портнов. Как хочешь, на жизнь дам, а половину — дудки! Там и Сережкина доля есть. Приедет — потребует.

Гаврила. Так ведь я, Сема, ты знаешь — страсть как сладкое... хе-хе-хе... люблю. А насчет Сереги бабка надвое гадала, может, и не придет.

Портнов. Сережка в меня. Моя кровь. Никуда не денется. Привязан он ко мне крепкой веревочкой.

Гаврила. На Анну не надейся. Не раскусила она тебя. Раскусит — уйдет.

Портнов. Не беси — ничего не получишь. Бери, сколько даю. И кончен разговор.

Гаврила (*позевывая, встает*). Что ж, Сема, суши сухари, в дороге пригодятся.

Портнов. Хитер ты, Карпыч.

Гаврила. Хе-хе-хе... Где мне до тебя дотянуться, Сема. С тобой в сравнении я, можно сказать, лисенок опосля аборта.

Портнов (*зло, решительно*). Получишь половину. Только ждать придется. Дома не держу.

Гаврила. Правильно делаешь. Я подожду, Сема, подожду. Оправлюсь... хе-хе-хе... от перенесенных лишений. (*Набивает трубку, закуривает.*) Узнаешь? Отца моего, Карпа Никифорова, носогрейка, сувенир, так сказать, семейный. Полсвета с ней прошел. Отец на счастье дал, а счастья все нет.

Портнов (*угрюмо*). Квартиру я тебе найду.

Гаврила. А я не объем, не объем. Много ли старцу вроде меня надо. Корочку хлебушка...

Портнов. Нельзя. Разговоры пойдут.

Гаврила. Уважь... хе-хе-хе... Сема, старого друга. (*Жестко.*) Уважь, когда друг просит.

Портнов (*отворачиваясь*). Черт с тобой, оставайся. (*Идет к двери.*) Подожди...

Гаврила (*вслед ему*). Хе-хе-хе... Благодетель, да и все тут.

Портнов уходит. Гость идет за ним, но у порога сталкивается с Анной.

Анна (*просто*). Здравствуй.

Гаврила. А ты все цветешь, Аннушка. (*Подмиги-*

вагт.) Трудненько... хе-хе-хе... без мужичка-то? А? Или ты погуливаешь?

А н н а. Зачем приехал?

Г а в р и л а. Проведать. Да-да, проведать, как вы здесь живете-бываете. Вспомнить... хе-хе-хе... старенькое.

А н н а. Все петрушничаетшь?

Г а в р и л а. Не злись, Анюта, на отца. Ведь я тебе письмо привез от благоверного.

А н н а. Что ж он по почте не мог, что ли?

Г а в р и л а. Такое, родимая, такое, хорошая, по почте не рекомендуется. Всякое может быть. Распакует еще «кум», то есть начальство, ненароком.

А н н а. Что он?

Г а в р и л а. В гору пошел. Бугром, то есть бригадиром, стал. У начальства на первом счету. Вот-вот должно ему освободиться. Я ведь долгонько сюда пер.

А н н а. Не юли, отец.

Г а в р и л а. Не любишь ты, Анюта, отца своего.

А н н а. Не за что любить-то тебя.

Г а в р и л а *(серьезно)*. Это правда. *(После паузы.)* Уехала бы ты отсюда.

А н н а. Куда я одна, да еще с маленькой. Не нужная никому, неумелая.

Г а в р и л а. Думай, думай, Анюта. Уехать бы тебе не повредило. Высосет тебя Портнов, как паук муху, и выбросит. Мертвая хватка у этого волка. Сына не пожалел...

А н н а. Сергей не маленький...

Г а в р и л а. Не маленький... Хе-хе-хе... Не маленький... Эх, Аннушка, сказал бы я тебе все, да не могу.

А н н а. Запуталась я сама.словно во сне — убежала б, да ноги не слушают.

Г а в р и л а *(достает письмо)*. На-ка вот, почитай, может, осенит. *(Делает предостерегающее движение.)* Только, чур, прочитаешь, когда уеду.

А н н а. Ладно уж. *(Прячет письмо.)* Успею.

Г а в р и л а. Свекор твой, как кощей, часа своего дожидается. А час этот еще вчерашний день очурился.

А н н а. Злоба в тебе, отец, зависть говорит.

Г а в р и л а *(смеется)*. А чему завидовать-то? Завидовать-то нечему. Спокоя за деньги не купишь. Горит земля под Семкой. Мечется, чтоб легче забыться было... А запутал он тебя, Анюта, здорово запутал. Хе-хе-хе... Умеет.

А н н а (*надрывно*). Точно душой по наждаку тащишь!

Г а в р и л а. Сама себя тащишь. (*Вдруг вскакивает. В два прыжка оказывается на крыльце, резко открывает дверь.*)

Оттуда чуть не вываливается Ф е о д о с ь я.

Пятницу потеряли, маман. Так она вчера... хе-хе... хе... кончилась. Адью! В другой раз легче прижимайтесь! Так ведь и насмерть ушибиться недолго. (*Захлопывает дверь.*) Такой милой старушенции я бы не только пальца, гвоздя вершкового в рот не положил.

А н н а (*поеживаясь*). Страшная баба.

Г а в р и л а. В свои-то годы она хозяйкой на Ангаре была. Христофор-то Иваныч (*стучит пальцем по подошве*) вот где у нее ходил.

А н н а. Не знала я...

Г а в р и л а. А тебе и ни к чему. (*Идет к дому.*) Пойду-ка, может, поднесут на сон грядущий.

А н н а (*садится, ежится*). Прохладно что-то становится.

Г а в р и л а (*с порога*). В общем, как знаешь, а я тебе по любви моей к Сергею говорю — уйди отсюда, пока не поздно. (*Поворачиваясь, сталкивается с Софьей, театрально раскланивается, уступает дорогу.*) Прошу вас... хе-хе... душенька. (*Уходит.*)

Со ф ь я (*в руках гитара*). Ну и тип. Кого это еще к нам принесло? Откуда?

А н н а (*берет у нее гитару из рук, наигрывает*). «Вот бы чуточку радости мне. Вот бы мне утешения малость. Только доля моя в стороне. Затерялась, затерялась...» Мало я его знаю, гостя этого. Друг отца твоего.

Со ф ь я. Только ли?

А н н а. Не спрашивай, Соня, не надо. Не поймешь ты этого.

Со ф ь я. А я хочу спрашивать. Холодно мне в этом доме. Здесь время точно остановилось. На-до-е-ло. Слышишь — на-до-е-ло!

А н н а (*сухо*). Уйди.

Со ф ь я. Куда?

А н н а. Брат нашел куда.

Со ф ь я (*с неожиданной нежностью*). Петра — он не такой, как мы все. (*Горько.*) Но я больше не могу.

Не могу видеть их, не могу, слышишь. Хочется пойти в грозу в лес, чтобы промокнуть до нитки и уже никогда, никогда сюда не приходить, а выйти на другом конце леса и встретить костер. Все заново начать.

А н н а. Это у тебя возраст. Пройдет.

С о ф ь я (почти кричит). Аня, ты же умная... Ты же знаешь, что не пройдет. Зачем же лгать? Ведь у тебя не прошло? Ты ведь обгорела сверху только... Ты хочешь, чтобы я повторила тебя?

А н н а. У меня дочь. Я люблю Сергея. Мне нельзя иначе.

С о ф ь я. А разве любить — это лгать?

А н н а. Если хочешь — да.

С о ф ь я. А если для этого надо всегда, постоянно лгать, лгать, лгать даже себе!

А н н а. Лги!

С о ф ь я. Это же страшно, что ты говоришь.

А н н а. Ты еще девочка.

С о ф ь я. И тебя любил такой человек, как Петя!

А н н а. Он любил убеждать, а я — подчиняться. Мы разные люди. Эх, девочка, девочка! Когда у тебя не останется привязанностей, ты узнаешь, что такое долг. Тогда ты поймешь меня.

С о ф ь я. Не пойму.

А н н а. Не хочется делать тебе больно, но ведь ты вот не уходишь, уж коли тебе так худо. Значит, свыкайся. Живи, как все вокруг. Зачем кричать?

С о ф ь я. Я жду Петра. Он вернется за мной — он обещал.

А н н а. У парней это ненадолго — обещания.

С о ф ь я. Нет, он не забудет. (Уверенно.) Не забудет. Он — другой. Его по твоей мерке, Аня, не вытянешь. Нашла ты с Сергеем счастье? Ведь нет? Прислужой у Портнова стала.

А н н а (усмехается). Все думала, откуда у тебя привычка отца по фамилии называть?

С о ф ь я. От неприязни.

А н н а. А он ведь для нас старается. По крайней мере, говорит.

С о ф ь я. Вот-вот, только говорит! Надо же чем-то страх свой утишить. Анна, встряхнись ты. Хочется мне в оба уха тебе кричать, разбудить то, что спряталось, заснуло у тебя в самой глубине.

А н н а. Голоса у тебя, Соня, не хватает.

Со ф ь я. Захотела бы — хватило.

А н н а. Тогда — кричи!

Со ф ь я. Это, по-моему, просто трусость или сумасшедший азарт. И то и другое — плохо.

А н н а. Может быть. *(Смеется.)* Не докричишь, Соня.

Со ф ь я. Мне трудно. Я покричу, покричу, а тебя *(она кивает на дом)* здесь убаюкают. А ты выйди за ворота — там прокричат.

А н н а. За ворота? Что, белый свет — богадельня, что ли? Туда надо с чем-то идти, а у меня на душе ничего нет, кроме тоски.

П о р т н о в *(кричит из дома)*. Софья!

Со ф ь я. Ты не в лесу, Портнов, слышу. *(Идет к выходу, оборачивается, хочет что-то сказать, но только машет рукой. Уходит.)*

Из дому сразу же во двор спешит Ф е о д о с ь я. Нарочито громко хлопывает за собой дверь. Анна вздрагивает, оборачивается.

А н н а. Испугала ты меня, тетя Феня.

Ф е о д о с ь я. Дай-ка письмо.

А н н а. Какое?

Ф е о д о с ь я. Не валяй. Отец передал.

А н н а. Я еще сама не читала.

Ф е о д о с ь я. И не след.

А н н а *(поджимает губы)*. Жене от мужа писем читать не след?

Ф е о д о с ь я *(тихо, с расстановкой)*. Отдай...

А н н а *(сникая под жестким взглядом старухи, достаёт письмо)*. Берите. *(Опускается на стул, ее голова падает на стол, плечи трясутся в беззвучном плаче.)* Господи-и!

Ф е о д о с ь я. Заруби себе на носу: у меня в доме чтоб тише воды... Не таких скручивала... *(Идет к двери.)*

На пороге перед нею вырастает О с и н и н.

Г а в р и л а. Хе-хе-хе... Нехорошо, маман, нехорошо... Мы вот в гимназиях не обучались, а знаем, что чужие письма читать фу как неприлично. *(Резко вырывает из рук оторопевшей старухи письмо, прячет его в карман, подходит к дочери.)* Говорю тебе по сердцу: уходи.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Обстановка та же. Около крыльца Сима чистит кастрюлю. Выходит Софья.

Софья (*потягиваясь*). Ты, Сима, будто и не спишь. Крутишься как заводная.

Сима. Деньги задарма не получают.

Софья (*подходит сзади к Симе, полуобнимает*). Золотые руки у тебя, Сима. Неужели тебе нравится за деньги чужое белье стирать, прислуживать, слушать всех?

Сима. Где мне! Рылом не вышла. Видно, вот так всю жизнь, около чужого счастья.

Софья. Что же (*кивает на дом*), ты это все счастьем считаешь?

Сима. Известное дело. Живете вы дай Бог каждому.

Софья. Эх, Сима, Сима! От бабки ты этого наслышалась. Не любит ее никто, вот она и цепляется — завидуют, мол. А самой страшно, потому что чувствует — не завидуют, а не любят. Всех нас не любят. Потому что мы только себя любим. (*Встает.*) Сломать бы этот забор и сжечь к черту.

Сима. Ой, что ты, Сонечка! Тебе ли не радоваться! Птичьего только молока и не видишь.

Софья. Да разве в этом дело? Я здесь случайно с одной девушкой с прииска на речке познакомилась. Настей зовут. В гости к ней ходила.

Сима (*настороженно*). Настей, говоришь?

Софья. Настей... А что?

Сима (*снова принимается за работу*). Так...

Софья. Ей куда проще...

Сима. Чем же тебе-то плохо, Соня, что ты все мечешься? Мне бы так-то...

Софья. Не понимаешь ты, Сима, никак не понимаешь. Да все в этом доме не так, не по-людски. А сами! Бабка, Портнов... Этот явился... Карлы какие-то из «Тысячи и одной ночи». Расскажи кому — не поверят. (*Порывисто.*) Уйдем, Сима, а? Одной боязно, а вдвоем...

Сима. Что ты, Сонюшка. Вот замуж выйдешь — все как рукой снимет. Да и куда же мы с тобой подадимся? Места кругом глухие, таежные. Городишко — все друга наперечет знают. А мне ведь мать с тремя братанами кормить надо.

Софья (*остывая*). Да, не из тех ты — не пойдешь.

Стук в калитку.

Сима (*уходя*). Ой, гость на пороге, а я в чем! Побегу.

Входит Настя.

Настя. Здравствуй, Соня.

Софья. Здравствуй, Настенька! Проходи.

Настя. Я на минутку.

Софья. Почему же на минуточку? Чай пить будем.

На веранду выходит Феодосья.

Феодосья (*наступая на гостью*). Ты зачем сюда пришла? Тебя кто звал? Иди-ка, брат, своей дорогой, не то...

Софья. Бабушка!

Феодосья. Что «бабушка»? Что «бабушка»? Ишь, хозяйка выискалась!

Софья (*в слезах, решительно кричит*). Ты ее не слушай, Настя, я все равно приду!.. Слышишь, Настя?! (*Убегает в дом.*)

Настя (*уже из-за ворот*). Слышу, ждем!

Феодосья (*идет к дому*). Что ж это делается на белом свете? В чужой дом приходят, безобразничают, уходят. И хоть бы что! Куда власть смотрит?

Во двор выходит Осинин.

Гаврила. Все волнуетесь, маман. Не слушаете совета — не бережете сердца... Хе-хе-хе... (*Подмигивает.*) Оно вам еще пригодится.

Феодосья (*отпрянув, крестится*). Принесла не-легкая.

Гаврила. Я вам... хе-хе... маман, видно, несимпатичен... Да, жидковат, не в отца.

Феодосья. Да уж не в тебя, шаромыгу, Карпуха был, царство ему небесное...

Гаврила. Что же это вы его, маман, заживо...

Феодосья. Окстись, нехристь...

Гаврила (*простодушно*). Чего ж мне Бога гневить, стар уже. Вы его, маман, хороните, а он, свет Карп Никифорович, живет и здравствует. Да еще и под боком у вас. На Груздевском.

Феодосья (*шепотом*). На Груздевском...

Гаврила. Что с вами, мама? Ай-ай-ай, волноваться не следует.

Феодосья (*хватаясь за сердце, оседает*). Ой, батюшки!

К ней спешит Сима.

Сима. Феодосья Силовна, что же это... Соня! Семен Христофорыч!

Вбегают Портнов.

Портнов. Что с тобой, мать?

Портнов уводит Феодосью в дом.

Гаврила (*один*). Хе-хе-хе...

Стук в калитку.

Жестянщик. У-у н-нас... ни-кому не з-запрещается... Деньги е-есть? Бе-ри.

Гаврила. Хе-хе-хе... Используешь значит, право себе на потребу?

Жестянщик. Мне хозяина бы...

Гаврила (*кричит*). Сема, Христофорыч!

На веранде показывается Портнов.

Портнов. Ну?

Гаврила. По твою душу жаждущий... хе-хе...

Портнов (*увидев Жестяника*). Тебе чего?

Жестянщик. Ималь, хозяин, дорогая пошла. За ту це-ну не... не отдают... и-прибавить (*икает*)... надо бы.

Портнов. Ты, брат, что это, издеваться надо мной вздумал?

Гаврила. Хе-хе-хе...

Жестянщик (*струсив*). Ималь (*икает*), хозяин, не та по-по-ш-шла.

Портнов. Я тебе покажу «ималь», шкуродер, ты у меня пятнадцать суток отсидишь, враз поумнеешь!

Жестянщик. Ну ты, хозяин, того... Не очень. П-пот-тише.

Портнов (*багровея*). Пошел!

Жестянщик (*пятясь в калитку*). Я-я ж за д-делом. (*Скрывается за воротами.*)

Гаврила. Пятерку пожалел, Сема, человека обидел, а ведь хе... хе... хе... Может пригодиться.

Портнов *(отмахивается)*. А-а! *(Садится, закури-вает.)* Давно этого у старухи не было. С чего бы?

Гаврила. Пройдет. Дуб-баба. Не такое видала.

Портнов *(хитро)*. В тайгу вот собрался — проветриться. Может, по старой памяти вместе? Побродим. Да и *(он подмигивает)* дело порешим!

Гаврила. Далековато прячешь.

Портнов. А то ведь и не убережешь.

Гаврила. Что ж, побрели.

Портнов. Ружье мое возьмем. На веранде. Любое бери.

Гаврила *(идет в дом, оттуда)*. У тебя здесь целый арсенал?

Портнов *(смеется)*. Запас есть не просит.

Выбегает Софья. Она в простеньком ситцевом платье.

Портнов *(Софье)*. Ты это куда?

Софья. По делу.

Портнов. К вечеру чтоб дома.

Софья *(скрываясь за воротами)*. Цела буду, не растаю! Приданое готовь, Портнов!

Выходит Осинин с ружьем.

Портнов. Видал, Карпыч, молодежь... В наши-то годы!

Гаврила. А это и в наши годы... хе-хе-хе... смотря кто.

Портнов. Эх! Пошли.

Гаврила. Пошли!

Уходят. Некоторое время сцена пуста. Потом раздается несмелый стук. Калитка открывается, и во двор входит Сергей Портнов — плащ через плечо, вещмешок за плечами. В это время на крыльцо на стук выходит Анна.

Сергей *(тихо)*. Здравствуй, Аня.

Анна *(птицей срывается с крыльца, приникает к мужу, беззвучно плачет)*. Серезенька-а-а...

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Глухое таежное займище. По окна вросшая в землю изба. Из чащи выходит Христофор Портнов. Он в брезентовом полупальто. Подходит к окошку, стучит.

Карп (*из-за окна*). Кто еще там?

Христофор. Отвори-ка, свои.

Карп (*открывает дверь*). Кто ни завернет, всяк норовит в свояки записаться. Много вас — «товарищев».

Христофор. Хозяев не признаешь, Карпуша, загордился.

Карп. Все мы нонче хозяева. (*Вглядывается в лицо пришельца.*) Свят... (*Крестится.*) Свят, свят... Христофор Степаныч!

Христофор. Аль не похож стал? Семь десятков, брат, не семь лет — искорежит.

Карп. Христофор Степаныч, как же это, Господи... Ведь сам, сам глазами видел — всех на переправе накрыли.

Христофор (*усаживаясь на поленицу, закури-вает*). Накрыли, да, как видишь, не всех. Царапнуло, правда, малость. Вдвоем мы тогда ворвались, с Колькой Зайцевым... Помнишь второй сотни подъесаула?

Карп. Губастый, что ли, рябоватый такой?

Христофор. Угу. Тридцать с лишком лет прошло, а не износился — помнишь.

Карп. Еще бы не помнить. Пустил ты тогда, Степаныч, кровушки...

Христофор. И еще пушу, Карпуха, и какую пушу! Правнуки ихние помнить будут.

Карп. Стар уже, о душе бы, о Господе пора...

Христофор. Рано хоронишь, паря. Есть во мне еще сила из комиссаров ремни резать за казацкую нашу обиду. Иных тогда миловал, а зря, теперь не помилую.

Карп. Придется ли?

Христофор (*взвизывается*). Еще как! Жечь, на верстовых столбах распинать будем, душу на распыл вытряхивать... Помяни мое слово... Вернется с Забайкалья казачья вольница... Помнишь... (*Тихо запекает.*) «Хорошо, братцы, было служить в отряде с генералом Крюковским...»

Карп. Так, ты, значит (*кивает в сторону тайги*), оттуда?

Христофор (*спокойно*). Оттуда.

Карп. На родину перед смертью потянуло?

Христофор. А я, Карпуша, не в пример тебе, помирать не собираюсь. Я еще поживу, жи-ву. Еще загорит фамилия Портнова от Енисея до бухты Нагаева. А что? Дед мой Иван до ста дожил. Выходит, и у меня в запасе тридцать. Порода!

Карп. Гордыня великая в тебе, Христофор Степаныч.

Христофор. Она мне не мешает, хлеба не просит. Зато люди уважение помнят. Не лезут запанибрата.

Карп. Куда ж ты теперь?

Христофор (*хитро*). А никуда. Я к тебе в гости приплелся. Угостишь хозяина за давние его милости?

Карп (*чешет шею*). Милостев-то я от тебя много видел...

Христофор. Ха-ха-ха-ха.

Карп. Чего же это тебе гостевать у меня приспичило?

Христофор. Дело. Пособить должен.

Карп. Сам перебиваюсь.

Христофор. Не финти, Карпуша. Чай, не в первый раз гостей оттуда принимаешь.

Карп. Христос с тобой, Христофор Степанович. И слухом не слыхивал, и духом...

Христофор. Ха-ха-ха. (*Вдруг резко обрывает смех.*) Кабан у вас здесь водится?

Карп. По-па-дается, однако...

Христофор. Крупный?

Карп. Средний больше.

Христофор. То-то же. «Слухом не слыхивал...» Хитер, черт старый.

Карп. Жить захочешь — научишься.

Христофор. Как же они тебя на крючок взяли бы, коли не я?

Карп. Ты?!

Христофор. Я. Нужна была малина таежная. Спросили. Я на тебя указал. А чтоб не трепыхался, пришлось подноготную твою обсказать. Не обессудь. Ничего, Карпуша, дождемся мы своего часа. Вылезем — покажем зубы. Такие дела завернем!

Карп (сухо). Однако сейчас что тебе нужно?
Христофор. Дело важное есть.

Невдалеке один за одним раздается несколько взрывов.

Обогатиловка?

Карп (хмуро). Она. (Зло сплевывает.) Все строят, строят. Гибнет тайга. К сердцу подбираются.

Христофор. Охраны много?

Карп. Хватает. (Многозначительно.) Меня и то не забывают — заглядывают.

Христофор. Опасно, значит, здесь оставаться...

Карп. Да, не ровен час.

Христофор. В городе есть свои?

Карп (ухмыляясь). Твои есть.

Христофор. Семка?

Карп. Он самый.

Христофор. Что он делает здесь?

Карп. А что делает? На золоте сидит, как пес на сене. Дом отгрохал.

Христофор. На золоте, говоришь. Откуда же?

Карп. Летошний год он с сыном да с Гаврюшкой на Алексеевском прииске дело обделал. Сын с Гаврюшкой по этапу пошли, а золото как в воду кануло. Искали, искали — не нашли. А он в стороне: ребята все на себя взяли.

Христофор. Чисто.

Карп. Да уж чисто. Сам сухим из воды, а...

Христофор. За Гаврюшку дрожишь?

Карп. Гаврюха — только и свету мне, старику. На нем фамилия Осининых кончается. Все отдам, а выпутаю я его из портновской паутины.

Христофор (хитро). Выпутаешь, говоришь? (Встает, решительно.) Так вот о деле. Здесь, на обогатиловке, человек наш работает. Свидеться мне надо с ним. Пойдешь к Семену, скажешь, пусть ждет. Сегодня (вынимает из бокового кармана часы) в десять часов крикну раз кукушкой. Пусть ответит дважды.

Карп (ухмыляясь). Скажу.

Христофор. Дома у него кто?

Карп. Сноха Анна, зверь-баба. С такой на большую дорогу с завязанными глазами идти можно. Ну, сам знаешь, старуха твоя. Девчонка — несмышлениш, млад-

шенькая. Больше вроде никого... Есть еще девка в дом-работницах.

Христофор. Дом в каком месте?

Карп. На отшибе, под самым прииском.

Христофор. Обживается, значит, пес, потревожим.

Карп (*прислушиваясь*). Кто-то прошел, однако, стороной.

Христофор (*добродушно*). За седьмой перевалило, а слух у тебя, Карпуша, тот же — волчий.

Карп. Всю жизнь живу — прислушиваюсь. Насобачился.

Христофор. В случае Семка зафинтит, иди к старухе. Та его вмиг образумит. Тебе, брат, есть что с Феодосьей вспомнить. (*Хохочет.*) Я не жадный! Сам на стороне прихватывал.

Карп (*хмуро*). Было — былшем поросло. Чего ворошить.

Христофор. А знал ведь я, Карпуша (*смеется*), все знал. Думал: черт с ней, не убавится. Да и мне вольготнее. Так что у нас с тобой дети на двоих — не разберешь кто чей. (*Хохочет.*) Вот так-то.

Карп (*ворчит*). Завел волынку.

Христофор. В общем, помни — сегодня в десять часов. Человек тот придет сегодня. Скажет: «Ищу квартиру». Ответь: «Есть одна комната». Понятно?

Карп. Как белый день.

Христофор (*достает спичечную коробку*). Вот смотри. (*Чертит ногтем по коробке.*) Здесь, прямо против прииска, у тропы, на этой вот сосне сделаешь зарубку. Потом в зарубке защемить эту штуку. (*Ставит несколько точек на «щечке», отломанной от коробка.*) Ясно?

Карп. Чего же тут не понять.

Христофор. Тогда с Богом, а то дело к полудню.

Карп. Наверх заберись. Не ровен час.

Христофор. Заберусь.

Карп Осинин уходит. Христофор скрывается за дверь. Где-то рядом слышен разговор. Потом к займищу выходят Портнов и младший Осинин.

Портнов. Это и есть самое Груздевское займище! Красота! Живи: ни властей тебе, ни налогов. Кто там живой есть? Принимай гостей!.. Эй, хозяин! И где его, старого черта, носит?

Гаврила (*присаживаясь*). Миллион дали бы — жить не стал. Здесь, видно, черти ночуют.

Портнов (*подходит к окошку*). Эй, дед! (*Стучит.*) Де-е-ед! Никого. Ушел куда-то бирюк. (*Толкает дверь, заглядывает внутрь.*) Ушел.

Гаврила. С непривычки-то ноги как ноют — спасу нет. (*Снимает сапоги.*) Пусть отойдут малость. (*Ищет что-то по карманам.*) Никак я трубку потерял, а? (*Ощупывает себя.*) Где ж это я ее? (*Шарит вокруг себя.*) Вот жалость. Папашка на счастье дал.

В это время к Осинину сзади подходит Портнов, дважды из обоих стволов стреляет ему в затылок. Тот без стопа вытягивается на траве. Портнов берет его под мышки, оттаскивает в чашу. Потом возвращается. Вытирает рукавом пот со лба.

Портнов. Выделил я тебе, Гаврюшенька, долю твою сполна — пользуйся.

В дверях избы появляется Христофор Портнов.

Христофор. На ловца и зверь бежит. Здорово, сынок!

Портнов (*одним выдохом*). Па-па-ня!

Один за одним вдалеке гремят взрывы.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Опушка леса. Змейкой убегает в чашу тропинка. Из лесу выходит Карп Осинин. Подходит к сосне. Ножом надрезает кору, вкладывает туда записку. Вдалеке раздаются два выстрела.

Карп (*прислушиваясь*). Однако под самым займищем пальнул. (*Идет.*) Тьфу! (*Споткнулся. Наклоняется, поднимает.*) Трубка. (*Вертит в руках.*) Мо-я! (*Возбужденно.*) Ясно — моя! (*В нерешительности.*) Однако... (*Круто поворачивается, идет обратно к займищу.*) Гаврюхе мною когда еще дадена... (*Уходит.*)

Из леса появляются Настя и Софья.

Настя. Перекур. (*Садится.*) Вообще-то мне все равно, ребята или кто еще.

Софья (*тоже садится, отрываясь от книги*). Если бы в жизни все так, как в книге, было.

Настя. А ты что читаешь?

Софья. «Пармскую обитель» Стендаля.

Настя. Это про Филиппа Жерара, что ли?

Софья (*смеется*). Настя!

Настя (*неожиданно*). Так ты, Соня, надумала к нам перебираться?

Софья. Нет еще. Подождать надо.

Настя. Вообще, чего тебе ждатель? Переходи в общежитие, и все тут. У нас там, как говорится, все по моральному кодексу: «человек человеку — друг».

Софья. Но нельзя же вот так — взять и уйти.

Настя. А почему нельзя? Это как в холодную воду — всегда боязно сразу, а прыгнешь — и ничего страшного! Вдруг раздумаешь?

Софья. Раздумать не раздумаю, а сразу боязно. Ты, верно, и сама не сразу решилась?

Настя (*задумчиво*). Я-то?.. Я сразу. Это Симка все тряслась... Боялась.

Софья. Симка?

Настя. Ну да, Симка. Мы ж с ней из одного села. Дальняя родня даже... Темное у нас село, глухое. Казачье. Девка до сих пор — человек второй сорт. Выдадут замуж, и кончилась жизнь. Вот и подались мы... Только Симку бабка твоя где-то в городе перехватила. Да я все одно не отступлюсь... сагитирую. Из-за нее и с тобой познакомились. Чтобы через тебя в дом войти. Ты уж прости. Я сначала думала про тебя плохо. Зато теперь уж не одну — двоих вытащу. Думай...

Софья. Ты мне хотя бы одну ночь на раскачку дай.

Настя (*подытоживает*). Даю. А завтра переберайся, устроим на первое время у нас.

Софья. Все это как-то...

Настя (*понимающе смеется*). Привыкнешь!

Софья. Так завтра?

Настя (*задумчиво*). Тишина! Кто-то идет!

По тропе сюда выходит Синельников с ружьем за плечами.

Синельников. Здравствуйте.

Настя. Здравствуйте.

Синельников. Что ж, давайте знакомиться, раз уж сошлись ненароком.

Настя. Анастасия Бокова.

Синельников (*Софье*). А вас?

Софья (*растерянно*). Соня.

Синельников дольше обычного задерживает ее руку в своей.

Синельников. Вы Портнова?

Софья. Да.

Синельников. Я вас сразу узнал. Вы — в отца.

Софья. Вы знаете моего отца?

Синельников. Охотились как-то вместе.

Софья (*холодно*). Вот как.

Синельников (*ко всем*). Так вы куда путь держите?

Настя. Домой.

Синельников. А я вот поохотиться собрался, побродить.

Софья (*Насте*). Пошли?

Настя. Да, пора уже.

Синельников. Что ж, девушки, до встречи!

Софья (*насмешливо*). Мы не охотимся.

Синельников (*серьезно*). Ну, не все же в лесу встречаться.

Настя. До свиданьица...

Синельников. Вот именно.

Настя и Софья уходят. Синельников оглядывается по сторонам. Подходит к сосне, отворачивает надрубленную кору, вынимает записку, читает. В это время на тропу выбегает Настя. Синельников на оборотной стороне полученной записки делает пометки и вставляет ее на старое место. Настя пытается незаметно скрыться в чаще. Но инженер, услышав шорох, круто оборачивается. Настя пытается снова ринуться к лесу.

Синельников (*железной хваткой зажимая ей кисть*). Не спешите, Настя. Поспешность, знаете, редко приводит к добру.

Затемнение.

Дождь. Вечереет. Сходятся двое в плащах с надвинутыми капюшонами. Лиц не видно.

Первый. Есть новости.

Второй. Да.

Первый. Передай: сегодня в десять.

Второй. Сегодня в десять.

Первый. Будь здоров.

Второй. До вечера.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Обстановка четвертой картины. Из чащи к зимовью выходят Христофор и Семен Портновы.

Христофор (*вытирает со лба пот*). Эх ты, мотя!
Нашел место счеты сводить.

Портнов. Думал, случая больше не подвернется.

Христофор. Своим что скажешь?

Портнов. Уехал, скажу.

Христофор. Как старуха?

Портнов. Сносу ей нет. Николаевской закваски.

Христофор. Упреди.

Портнов. Ясное дело.

Христофор. Сноха — кто?

Портнов. Гаврюхина дочь.

Христофор (*усмехаясь*). Нашла себе свекора...

Портнов. Гаврюха-то, почитай, всю жизнь в отсидаках. Приютил я ее.

Христофор. Приютил, значит. А теперь воду на ней возишь.

Портнов (*хмуро*). Повозишь на них. Где сядешь, там и слезешь. Так, помогает.

Христофор. Надежная?

Портнов. Могила.

Христофор. С человеком надо мне у тебя свидеться. Больше нигде.

Портнов (*тоскливо*). Болит, папаня, душа у меня, как перед бедой.

Христофор. Не каркай.

Портнов (*неожиданно*). Брось ты это дело, папаня. Махнем за Нарым, отсидимся. Не могу я больше. Тени своей бояться стал. Стука каждого боюсь — за мной, думаю. Да и тебе ли на старости по тайге бездомным волком рыскать? Папаня!

Христофор (*хватает его за грудь, встряхивает*). Пень трухлявый, порода перемытая. Отсидеться захотел. Не только за Нарымом, на том свете найду тебя. Я тридцать лет под крышей не живу, бродягой по своей земле хожу, а ты в кусты. (*Отбрасывает его от себя.*) Не выйдет. Не вздумай со мной шутики шутить. Я не Гаврюха. Задавлю — икнуть не успеешь.

Портнов (*вяло*). Веры нет. Сколько ждать?

Христофор (*коротко*). До смерти.

Портнов. А потом?

Христофор. А потом пусть сын ждать будет, а потом внук, а потом внуки внука. И чтобы я таких речей не слыхивал больше, вник?

Портнов *(одними губами)*. Вник.

Христофор. Эх, Семка, Семка! Думаешь, мне весело? Веры, говоришь, нет. Иной раз свалишься где в зимовье, лежишь, за дверями дождь хлещет, холодно. Знаешь — никто тебя нигде не ждет, никому ты не нужен. Такая тоска возьмет — давиться впору. Ко всему тому конца такой собачьей жизни не предвидится. Семь десятков прошли-пролетели, а жизни все нет и нет... Так ведь и без веры страшно, Сема. Как же без веры? С нею-то, с верой, вроде при деле. А без нее зачем и небо копить.

Портнов. Да уж и это не жизнь.

Христофор. Все жизнь. Зубы есть — грызи. Бери, покуда можно. Опять же старательское дело снова дозволили. Самое дело начинается, такую мошну набить можно — до седьмого колена не пропить. А ты нудишься.

Портнов. Разве это жизнь? Весь в страхе, как в репье.

Христофор. Вижу, скис ты, Семка. Ладно, в последний раз тревожу.

Портнов. Что уж...

Христофор. Придет он к тебе затемно — часов этак около десяти. Спросит: «Не сдастся ли квартира?» Скажешь: «Есть одна комната».

Между разговором он перебирает в руках бумаги, взятые у Гаврилы Осинина. Доходит очередь до запечатанного конверта. Портнов вскрывает его, читает.

Портнов. Продал, сукин сын.

Христофор. Что там?

Портнов. Так... Серезкина писулька. *(Прячет бумагу.)* Анюте.

Христофор. Дай-кось.

Портнов. Пустое, батя.

Христофор. Сам определю.

Портнов. Ни к чему вам это, батя.

Христофор. Дай, говорю.

Портнов *(решительно)*. Нет, батя, это промеж нами с сыном дело.

Христофор *(перехватывает ему запястье, после*

недолгой борьбы пригибает его руку к себе на колено, отбирает письмо). Щенок. Кому перечишь? Не таким Христофор Портнов хребты ламывал. (*Встает, прячет письмо.*) Бывай.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Комната в доме Портнова. Дождь за окном. Анна и Сергей. Сергей нервно, длинными затяжками курит.

Анна (*напевает под гитару*). «Мы с тобой над крестами дорог распростерты, как вольные птицы, может быть, и для нас огонек загорится, загорится.» Не спрашивай сейчас у меня ничего, Сергей. Дай мне разобраться. Перемешалось все... Хорошо, мы уедем. Что дальше? Спросят: кто ты? Что мне отвечать? У свекора-жулика на побегушках была...

Сергей. Скажи. Только не спросят. Там спрашивают — что ты умеешь делать? Хочешь не оглядываясь жить — уедем.

Анна. Куда?

Сергей. А ты знаешь, что не в одиночку отец работает. Он в деле ноль без палочки. Над ним такие зубры хороводят...

Анна (*тихо*). Сергей!

Сергей. Хотел и я «красиво» жить, деньгами швыряться. Брать все, что захочу. Не вышло... И хорошо, что не вышло. Заново, свое дело начну.

Анна. Нет, нет... (*Сжимает пальцами виски.*) Хватит с меня ваших дел!

Сергей. У отца спрашиваться не буду.

Анна. Отец тебя ненавидит... За удачливость ненавидит.

Сергей. Ничего себе удача: пятерик по его милости оттянуть!

Анна. Господи!

Сергей. Ишь ведь, куда забрался! Отсидеться хочет. Страх его гонит. (*Встает.*) Вот что, Аня. (*Притаптыкает окурок.*) Думай. Я пойду пока.

Анна (*вяло*). Скоро придет, подожди.

Сергей. Встречаться, по правде, я с ним не хочу. Не люблю крика. Да и не о чем мне с ним разговаривать.

Анна. Где же ты?

Сергей. В доме приезжих. Думай. Жду до утра. *(Идет к выходу.)* Думай, Аня. *(От калитки.)* Помни только: нет у меня, кроме тебя, другого человека. Иначе не приехал бы. *(Уходит.)*

Гулко хлопает калитка. Анна беспомощно опускается на стул. Закрывает лицо ладонями. Во двор входит Портнов.

Портнов. Анна! *(Деланно весело.)* О чем задумалась, красавица?

Анна *(жестко)*. Знаешь ведь, Портнов, о чем.

Портнов. Не дури.

Анна. Отдурилась. Поводил ты меня на ошейнике, Портнов, хватит.

Портнов *(трясущимися губами)*. Гаврюшка наговорил! Не верь, врет он. От зависти, от злости своей волчьей врет.

Анна. Отец он мне — постыдился бы при дочери...

Портнов *(заметался)*. Как же это, что же это? Все, все на меня ополчились!

Анна. Не знаю, как все, а я на тебя, Портнов, ополчилась. Точно слепую водил ты меня по свалке, говорил: «Жизнь». Жестянки давал шупать, говорил: «Золото». А я, дурочка, верила. Сына продал — все равно верила. А ты просто старикашка. Жадный, подлый старикашка, матери своей двойник.

Портнов. Ты меня слушай, Анюта, меня. Ведь я для счастья твоего старался. Думал — вам с Сергеем все останется. Думал — доживете до хорошего часа. За что же ты так меня, Аню-та-а-а?

Анна. За что? Да за то, что ты всем жизнь испортил: сыновьям, дочери, мне. Не ты бы, Петр не сбежал бы, Сергей бы не сидел, а я...

Портнов *(вдруг от обороны переходя к наступлению)*. А ты, ты? Ты же вместе со мной все делала! А теперь за порядочную сойти хочешь?

Анна. Не бесись, Портнов. Я пуганая, меня на Бога не возьмешь. Да, делала. Ради Сергея делала. Вернется, с ним и уйду.

Портнов *(снова обмякнув)*. Старик я, Анюта.

Все отдам, только вы с Сергеем меня не бросайте. Куда ж я один-то?

А н н а. Не будет этого.

П о р т н о в. С кем же я здесь останусь? С тоской своей, со старостью?

А н н а. С матерью доживай, сколько осталось тебе. Пара вы. Волк и волчиха, беззубые только.

П о р т н о в. Останься, Анюта. Или поедем со мной куда хочешь. Барыней жить будешь, в шелках ходить. А? Анюта?

А н н а. Эх ты, Портнов! Ничего, видно, тебя не разгорбит — могила только. Много я купила на твое золото счастья, много? Пятнадцать лет только попусту сожгла. Купить разве счастье? Не хочу я ничего, жить хочу. В лаптях, в рогоже, хлеб с водой есть — только бы от тебя, от вас подальше. *(Идет к выходу.)*

П о р т н о в *(озлобляясь)*. Донесешь? Думаешь моим горбом за свою шкуру уплатить?

А н н а *(обернувшись на пороге)*. И не подумаю. Ты уже сам кончился — смердишь. *(Уходит.)*

П о р т н о в. Анна-а-а! *(Крик его проносится эхом по анфиладе комнат опустевшего портновского дома.)* Мать! Ма-а-ма-а! *(Он бросается в соседнюю комнату, где лежит мать. Через минуту он снова появляется, пятясь задом.)* Так, так, так, так-с... *(Бросается к окну, распахивает его и кричит в дождь.)* Анна-а-а! Анна-а-а! *(Мечется по комнате.)*

Часы глухо отбивают девять раз. Портнов останавливается как вкопанный. На пороге — К а р п.

К а р п. Не признаешь, что ли, Сема, свои ведь люди-то. Здравствуй, однако.

П о р т н о в *(отпрянув)*. Дядя Кар-пуша?!

К а р п *(хитро)*. Не совсем, значит, память отшибло — признал!

П о р т н о в. Откуда ты?

К а р п. Земля, она, говорят, круглая. Сколько не расходись — все сойдешься.

П о р т н о в. Что это вы все сразу... Вроде сговорились.

К а р п *(быстро)*. А кто еще? Я один.

П о р т н о в *(смешавшись)*. Да так... К слову! Да ты садись, чего ж стоять-то! Сколько лет!

Карп. Порядком. *(Садится на стул, закуривает.)*
О Гаврюхе моем что слышно?

Портнов. Пока ничего. Молчит!

Карп. А срок-то у него к концу должен подходить...

Портнов. Скоро.

Карп *(зло)*. Думаешь? *(Смотрит в землю.)* Пришел человек...

Портнов *(дрожащими губами)*. Откуда?

Карп *(с ожесточением притаптыкает окурок)*. Оттуда.

Портнов. Ты про меня сказал?

Карп *(кратко)*. Сказал. Просили передать, чтоб ждал.

Портнов *(закрывает лицо руками)*. Так, так, так, так-с.

Карп *(после паузы, глядя в землю)*. Как мать?

Портнов *(очнувшись)*. А?

Карп. Мать, говорю, как?

Портнов. Ничего. Приболела вот...

Карп. Поговорить с ней дозволяется?

Портнов. Не мудри, дядя Карпуша, что тебе от старухи? Забыла уж она...

Карп *(спокойно)*. Напомню.

Портнов. Как знаешь, только зря. Какие у тебя с ней разговоры могут быть!

Карп. Ты, брат, дуже молод, чтобы знать, об чем нам вспоминать. *(Встает.)* Где она?

Портнов. Позову. *(Уходит в соседнюю комнату.)*

Карп снимает висящее на стене ружье. Разряжает его. Вешает обратно.
Входит Феодосья.

Феодосья. Кар-пу-ша! *(Опускается на стул.)*
Жив!

Карп. Жив, матушка. Скриплю вот помаленьку.

Феодосья. Сказал мне верный человек, что всех вас тогда перебили.

Карп *(закуривает)*. Выходит, не всех. Когда затишок небольшой случился, с Богом за кордон ушли. Потом я сам с повинной явился. Отбыл отсидку да и забрел на займище... С тех пор и живу.

Феодосья. Волком, выходит, живешь — один.

Карп. Один. Жена-то не дождалась — померла,

дети в миру пропали. Однако один отыскался — Гаврюха, старшой.

Феодосья (*хватается за сердце*). Ой, батюшки, смерть моя близко!

Карп. Все помрем. Только ты погоди. Фарт тебе случится.

Феодосья. Чему уж мне радоваться.

Карп. Боюсь только — хуже б не было.

Феодосья. Жалеешь?

Карп (*серьезно*). Жалею.

Феодосья. Не забыл?

Карп (*серьезно*). Не забыл.

Феодосья. Помнишь.

Карп. Так вот слухай. Придет к тебе сегодня твой Христофор... Сиди, сиди.

Феодосья. Господи!

Карп. Только придет он затемно, как раз в ночь. Раз кукушкой крикнет. Отвечать — два раза. Надо его здесь пристроить на недельку.

Феодосья. Не насовсем, значит.

Карп. Мимоходом будет. Дело у него важное. Говорить об этом кому — ни в коем разе.

Феодосья. Словно бродяга какой...

Карп. Оплошала ты, Феня, умом что-то. Он же к тебе не из соседнего села. Соображай, однако.

Феодосья (*твердо*). Спрячу.

Карп. Вот — другой разговор. Не впервой тебе в омут головой. Помнишь. (*Тихонько смеется.*) Из-под Христофорова бока ко мне в сарай бегала... Не боялась.

Феодосья. В тебя Семен-то...

Карп (*тревожно*). Не знает?

Феодосья. Ни одна душа.

Карп (*быстро*). Гаврюха, случаем, не был?

Феодосья (*твердо*). Откуда же.

Карп (*встает*). Дело к ночи, однако. Пошагаю. Пятнадцать верст — дорога в таких летах нешуточная. Днями загляну.

Входит Портнов.

Портнов. О чем речь?

Карп (*хитро*). Да все о старом. (*Подмигивает.*) Помнишь?

Феодосья. Ты, Карпуша, иди с Богом. Поздно уж. Карп. Однако, правда, пойду. Всего. (*Уходит.*)

Портнов. Ехать, мать, надо.

Феодосья. Куда же это ты надумал?

Портнов (*мечется*). В тайгу, к черту на кулички, с медведями жить, только бы отсюда подальше.

Феодосья. Не поедем мы никуда.

Портнов. Что?

Феодосья. Останемся, говорю.

Портнов. Ты что это, мать, на старости лет дурить начинаешь? Или на казенные хлеба захотелось?

Феодосья (*морщится*). Да не мельтеши ты перед глазами, не мельтеши. Гаврюху ухайдакал — денег жалко стало? Все равно придется отдавать. Благо бы только деньгами — головой заплатишь, коли до Карпа дойдет.

Портнов (*мечется*). Не денег было жалко, просто знал, что не отвертишься. Бежать, бежать, бежать...

Феодосья. Куда? Про Богову пазуху врут ведь. Некуда, Семен, тебе бежать.

Портнов. Не хочу-у, не хо-чу-у! Притона в моем доме больше не будет. И так уж тени своей бояться начал, просыпаюсь в холодном поту. Хватит!

Феодосья. Поздно надумал, малый. На подносе тебе достаток преподнесут — заработать надо!

Портнов. Жизнь под смертным страхом живу. Не верю! Не за что мне держаться!

Феодосья (*жестко*). Ну, будет крику.

Портнов. Мать.

Феодосья (*еще жестче*). Будет.

Из кухни выходит Сима. Она с сундучком в руках. Одета по-дорожному.

Сима. Домой я, Семен Христофорович.

Портнов. Какой дом? Здесь еще работы по горло! Успеешь, сходишь.

Сима. Насовсем я, Семен Христофорович.

Портнов. Как?

Сима. Насовсем.

Феодосья. Да ты, девка, никак очумела. Я матери твоей за год уплатила.

Сима. Я паспорт вам оставлю в залог. Заработаю — верну. А только не могу я.

Феодосья. Скотина неблагодарная. Корми вас, пои...

Сима. Так ведь не даром.

Феодосья. Ноги чтоб твоей здесь не было. Проститься будешь — не возьму.

Сима. Ладно. *(Идет к выходу.)* До свиданья.

Портнов *(догоняя ее)*. погоди, Сима. *(Матери.)* Ну что ты, мать, набросилась на девку? Ну, молодая, погулять хочется. *(Симе.)* Ты не будь, Симочка, в обиде. *(Достает бумажник.)* На-ка вот. *(Протягивает деньги.)* Бери, бери, не стесняйся...

Сима *(просто)*. Денег ваших я, Семен Христофорович, не возьму.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Пустынный городской сквер. На одной из скамеек, сгорбившись, сидит Христофор Портнов. Мимо него по аллее медленно бредет Сергей.

Христофор *(обращается к нему)*. Разреши огоньку, сынок?

Сергей *(машинально роется в карманах, достает коробок, протягивает старику)*. Вот.

Христофор *(намеренно долго прикуривает)*. Ну и спичка пошла... прости меня, Господи. А ты присядь, присядь, сынок... Успеешь еще, состаришься.

Сергей *(все так же машинально присаживается)*. Да я и не спешу. *(Достает папиросы, прикуривает от спички деда.)* Ты сам местный, дед?

Христофор. Все кругом местные, земля одна. Может, похож на кого?

Сергей. Да вроде нет... Сам я отсюда. Всех видел, а тебя вот в первый раз.

Христофор. Выходит, и Портновых знать должен. А я Портнов и есть.

Сергей *(ошарашенно)*. Брось, дед, эти шуточки свои. Я ныне не расположен.

Христофор. А я и не шутю.

Сергей *(угрожающе)*. Какой еще такой Портнов? Нету здесь, кроме нас, никаких Портновых... Знаешь, дед...

Христофор *(ерничает)*. Ну вот видишь, сам

признал. Дед и есть. Дед твой — Христофор Степанов сын Портнов.

Сергей (*поднимаясь*). Знаешь что, дедуля, врезал бы я тебе промежду рог, да боюсь — весь выйдешь. Дед у меня еще в гражданскую...

Христофор (*тянет его за рукав, усаживает рядом с собой*). Горячий. В нашу портновскую кость пошел. (*Тихо.*) А ежели я тебе и справку означу, тогда что?

Сергей (*хмуро*). Какую еще справку?

Христофор. Есть одна... Только жалко, грубиян ты. Деда родного эдакими словами... (*Говоря, он неторопливо вынимает из-за пазухи помятый конверт, старательно разглаживает его на колене.*) Твой?

Сергей (*тянется к письму.*) Откуда это у вас?

Христофор. Ветром в карман занесло. (*Жестко.*) Мало тебя, молокососа, видно, учили у «хозяина». Кто же такие писульки на руки кому выдает? Тут тебе еще на всю катушку полная десятка. Теперь уж за покрывательство подельника... Бери и беги по Расее на всех курьерских, покуда духу и денег хватит.

Сергей (*благодарно*). Не знаю, дед, ты или не ты это, а только век я тебе...

Христофор (*снова ерничая*). Тогда недолог кредит мой. Глядишь, к зиме и выплатишь. Иди.

Сергей. Ну так хоть выпить...

Христофор. Не пью и тебе не советую. Поберегись. Жизнь сменится, миллионщиком будешь. Иди с Богом. Иди, говорю!

Сергей неуверенно уходит. Поднимается и старик. Зорко оглядевшись, направляется в противоположную сторону. По пути сталкивается с
Жестяником.

Жестяник (*хмельно*). И откуда ты такой, батя?

Христофор. А какой?

Жестяник. Могучий.

Христофор. Да уж не из-под твоей мамашки.

Жестяник. Обижаешь, да? Брезгуешь, да? С рабочим человеком словом перекинуться.

Христофор. Продешевить боюсь. На вот, похмелись. (*Проходит, на ходу давая ему монету.*) У меня всякое слово полтина.

Жестяник (*вслед ему*). Как зовут-то хоть оставь, помнись буду.

Христофор. Человек Божий. *(Уходит.)*
Жестяник. А-а. Так бы и сказал.

Затемнение

Возникает мотив песни, которую пела Анна. С противоположных концов авансцены медленно идут друг другу навстречу Сергей и Анна, пока наконец не сходятся в молчаливом объятии.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Обстановка седьмой картины. За окном дождь. Входят — туфли в руках — Софья и Настя.

Софья. Сейчас, Настенька, только переоденемся. Ты присядь. *(Бежит в смежную комнату. На пороге лицом к лицу сталкивается с отцом.)* Привет, Портнов.

Портнов. Совсем от рук отбилась.

Софья. Надо бы выбирать выражения, Портнов. Я совершеннолетняя.

Портнов. Ну вот уедем отсюда, я из тебя эту дурь вышибу. Хватит, набаловалась.

Софья. Мне уезжать отсюда незачем.

Портнов *(бешено)*. Да ты что? *(Увидев Настю, остывает.)* Ладно. Об этом после.

Софья *(решительно)*. Нет, я хочу сейчас.

Портнов. Софья!

Софья. Да, да, сейчас. Помни, Портнов, не поеду я больше никуда с вами. Сыта.

Портнов. Слышишь, Софья, замолчи.

Софья. Не буду молчать.

Портнов. Так, так, так... Что ж, иди. Вот в чем есть, в том и иди. Сама себе наживай.

Софья. И уйду. *(Решительно.)* Пошли, Настя.

Настя *(широко улыбается.)* Дома обсохнем.

Софья направляется к выходу.

Портнов *(бешено)*. А ну-ка сядь! *(Хватает дочь за руку.)* Ты у меня...

Между ним и Софьей вырастает Настя.

Настя. Вы, папаша, осторожнее на поворотах.

С порога всю эту сцену наблюдает Феодосья.

Портнов (*растерялся*). Да я... да вы...

Настя. Пошли, Соня.

Портнов. Софья! (*Порывается к дочери.*) Софья!
(*Порывается к дочери.*) Софья!

Настя вновь преграждает ему дорогу.

Настя. Осторожно — окрашено.

Феодосья. Пусть, пусть идет, мерзавка. Обратнo только на коленях ползти придется.

Софья (*с порога*). Не дождетесь.

Настя. Да ну их!

Обе уходят.

Портнов (*бьется головой о стену*). В глушь хотел забраться, покой найти! И здесь давят, давят! Не дают житья! Бежать отсюда. Бежать завтра же! Чует мое сердце — плохо будет.

Феодосья. А отец как?

Портнов. Уговори ты его. Пусть отпустит он душу мою. Не могу я больше.

Феодосья. Ладно. Поглядим. А сейчас жди. Скоро уж. Прилягу я. Худо мне что-то. (*Уходит.*)

Портнов (*грозит кулаком в окно*). Теперь-то уж вы меня и под землей не найдете.

Он начинает метаться по комнате. Роется в ящиках буфета. Достает ключ. Отпирает тайник в стене. Вынимает что-то, рассовывает по карманам. Затем снова складывает все обратно. Бежит в смежную комнату. Некоторое время сцена пуста. Вежливый стук в дверь. За ним — снова. Дверь открывается. На пороге — Синельников в плаще с капюшоном. Он внимательно оглядывает полуосвещенную комнату. На шум из соседней комнаты выглядывает Портнов.

Синельников. Здравствуйте, Семен Христофорович! Забрел вот на огонек.

Портнов (*с притворным радушием, тревожно взглянув на часы*). Пожалуйста! Милости прошу! Да вы плащик-то снимите. (*Суетливо помогает гостю снять плащ.*) Вот не ждал... Удружили! Спасибо!

Синельников (*снимает плащ*). Дождище! Небо провалилось.

Портнов. Да уж не ко времени... Сейчас мы согреемся... (*Подмигивает.*) У меня своя — собственного рецепта! (*Достает из буфета бутылку, рюмки.*) Вот. (*Смотрит на часы. Стрелки приближаются к десяти.*) Я закусить

смотаюсь. Принесу. Здесь — рядом. А то в доме ни одной бабы.

Синельников. Что вы, Семен Христофорович, не затрудняйтесь! Мы по-рабочему — мануфактурой.

Портнов (*мечется*). Да как же это можно? Нет уж — я быстро! (*Одевается.*)

Часы начинают мерно отбивать время.

Портнов. Здесь рядом. (*Порывается к двери.*) Я — мигом.

Синельников (*чеканно, вдогонку*). А я ведь, Семен Христофорович, квартиру ищу!

Портнов как вкопанный замирает на пороге.

Пауза.

Портнов (*все еще стоя на пороге спиной к гостю*). Е-сть о-дна к-ом-ната.

Синельников. Вот и отлично. Думаю, что теперь мы найдем закусу и в доме.

Портнов (*не глядя на гостя, медленно раздевается*). Най-дем. (*Вытирает со лба выступивший пот.*)

Синельников (*смотрит на часы*). Двадцать два ноль-ноль.

Сразу же за окном раздается отдаленный крик кукушки.

Синельников. Отвечайте страждущему. Веселей компания будет.

Портнов (*резким ударом распахивает окно*). Ку-ку, ку-ку!

Синельников. Отлично. Сходство изумительное. Где это вы, дражайший, так наострились?

Портнов (*хмуро*). Поживите в лесах с мое — узнаете.

Синельников. Ничего, недолго осталось.

Портнов. Только все судят.

Слышны шаги под окном. Чья-то тень на фоне окна. На мгновение она замирает. Затем исчезает снова. Шаги на крыльце. Со скрипом открывается дверь. Показывается Христофор Портнов. Правая рука его опущена в карман брезентовой тужурки.

Портнов. Входи, отец, свои.

Синельников (*спокойно*). А оружие в людный поселок разумные люди с собой не берут. Тем более на

хату. Хочешь получить девять грамм в лоб — получай сам. Других не впутывай.

Христофор. Чтоб с голыми руками...

Синельников. Взять тебя возьмут и с оружием. А это, учти, отягчающее вину обстоятельство.

Христофор. Ладно. О деле надо...

Синельников. Все относится к делу. Отдай свою игрушку Семену Христофорычу — пусть спрячет.

Христофор мнется.

Синельников. Ну! *(Вкрадчиво.)* Может быть, вы намерены подебатировать по этому вопросу?

Христофор *(сыну)*. На-кось! *(Передает пистолет.)* Умники все пошли, я гляжу...

Портнов *(задумчиво подкидывает вещь на ладони)*. Хороша штучка. *(Уходит.)*

Синельников. Вот теперь мы можем приступить непосредственно к делу.

Входит Портнов.

Портнов. В надежном месте.

Христофор *(сыну)*. Погаси-ка свет. Да окна занавесь.

Свет гаснет. Портнов задергивает занавеску.

Синельников. Ну-с.

Христофор *(зажигает карманный фонарь. Вынимает спичечный коробок. Достает из нагрудного кармана огрызок карандаша. Слюнявит кончик)*. Вникай. *(Делает какие-то пометки на внутренней стороне коробка.)* Явственно?

Синельников. Так, понятно. *(Сверяет по своей записной книжечке.)* Понятно...

Христофор *(довольный)*. Я вот все в голове держу. В случае чего все с собой унесу.

Синельников *(рассматривая пометки Христофора)*. Ясно. Так, так, так. Все?

Христофор. Все до грамма. Через месяц к Карпу придет один — остальное передаст.

Синельников *(вставая, громко)*. Тогда подъем. Неожиданно зажигается свет. На пороге Жестянщик в плаще с откинутым капюшоном.

Ж е с т я н щ и к. Здорово, хозяин!

Портнов, враз поняв в чем дело, мгновенно срывает со стены ружье, отбегает к окну и спиной выбивает стекло. Щелкает курок. Ружье безмолвствует. Он бросает его, рванувшись было в окно, но за окном вырастает фигура У част ко в о г о в гражданском и в таком же, как у других, плаще.

У част ко в ы й. Выход через окно строго воспрещен.

Портнов. А-а! (Обмяк.)

Синельников (смеется). Не стреляет, Портнов. (Христофору, застывшему у стола.) Пора на покой, папаша. Нюх потеряли.

Христофор (сплюнув, зло). Карп продал.

Жестянщик. Другие, папаша, тоже жить хотят.

Синельников (Жестянщику). Пошарь-ка тут.

Жестянщик. Есть. (Скрывается в смежной комнате.)

Синельников (старшему Портнову). Не помог (стучит пальцем по своей голове) тебе твой сейф — подобрали ключик.

Христофор (зло сплевывает). Мало учили.

Появляется Жестянщик.

Жестянщик. Старуха там одна.

Синельников. Ну?

Жестянщик (мнетя). Упокой, Господи, рабу Божию Феодосью.

Портнов. Гибнут Портновы.

Синельников (Портнову). Пора, дорогой, пора. Так сказать, смена поколений. Иди, вперед, Портнов, в тайге договорим.

Портнов (проходя мимо Жестянщика). Смастерил, значит, сукин ты сын, мне номерок эмалевый.

Жестянщик. Не нашлось, паря, для тебя на моей улице номера. Для себя оставил.

Наступает тьма, в которой через некоторое время гремит одиночный выстрел.

З а н а в е с

БЕСЫ

Сценический монтаж Владимира Максимова
по режиссерскому замыслу Юрия Любимова

ПРОЛОГ

В кромешной тьме возникает сначала тихий, но все нарастающий гул, сливающийся в конце концов в невообразимую какофонию: вой метели, пронизанный протяжными паровозными гудками, звон ямщицких колокольцев, цоканье копыт, свирепый храп разгоряченного бегом стада. Из глубины сцены выявляется недоуменное лицо Хромоножки — Марьи Тимофеевны, прижимающей к груди распущенную веером колоду карт.

Хромоножка (*тоненько*). Сколько вас, куда вас гонят?.. А сокола моего все нет и нет...

И снова тьма, которую тут же рассекает лихой разбойничий свист: «Сарынь на кичку!»

Федька Каторжный (*возникая на месте Хромоножки*). Я очинно паспортом скучаю — потому в Расее никак нельзя без документа...

Слышен лягз торомозов, шипение выпускаемого паровозом пара.

Федька. Ну (*крестится*), помогай, Господи!

Вдоль просцениума с дорожным саквояжем в руке проходит Ставрогин. Федька увязывается за ним, пристраивается сбоку, дергает за рукав. Тот лишь брезгливо стряхивает его с себя и молча шагает дальше. Федька, глядя ему вслед, сокрушенно чешет в затылке. Появляется Петр Верховенский. Федька мгновенно спешит следом за ним. Гость сначала нетерпеливо отмахивается от него, но затем, как бы осененный внезапной мыслью, останавливается и оценивающим взглядом окидывает парня с головы до ног.

Верховенский. Хочешь или не хочешь иметь верный паспорт и хорошие деньги на проезд куда сказано? Да или нет?

Текст Ф. М. Достоевского дан по Собранию сочинений в десяти томах, т. 7, Государственное изд-во художественной литературы, Москва, 1957.

Федька (*выразительно шевелит пальцами*). По нашей судьбе нам, чтобы без благодетельного вспомоществования, совершенно никак нельзя-с.

Верховенский (*со значением кивает в сторону ушедшего Ставрогина*). Во всем его полная воля. А теперь слушай. (*Наклоняется к его уху, шепчет. Тот понятиливо кивает.*) Давай!

Верховенский сбрасывает с себя пальто, снимает шляпу, вытягивает из кармана колоду визитных карточек и начинает их тасовать. Федька в это время выдвигает из темноты на середину сцены большой круглый стол, ставит на него свечку в бронзовом подсвечнике, отходит в сторону. Петр Степанович не спеша, похмыкивая и посвистывая, начинает раскладывать вокруг свечи визитные карточки. Разложив, отходит, любуясь работой.

Верховенский (*прикладывает палец к губам*). Тссс...

Темнота, из которой во всю глубину сцены грезятся контуры средне-русского городка в духе Кустодиева. Над столом посреди сцены вспыхивает свет. За вистом сидят пятеро: Степан Трофимович, автор, Шатов, Кириллов, Липутин.

Автор. Мы собирались у Степана Трофимовича раза по два в неделю; бывало весело, особенно когда он не жалел шампанского.

Степан Трофимович (*наполняя бокалы*). Не понимаю, почему меня все здесь выставляют безбожником?.. Признаюсь, я — не христианин. Я скорее древний язычник, как великий Гете или как древний грек.

Шатов. Вот почему и вы все и мы все теперь — или гнусные атеисты, или равнодушная, развратная дрянь, и ничего больше!

Кириллов. Неужели никто на всей планете, кончив Бога и уверовав в своеволие, не осмелится заявить своеволие, в самом полном пункте?.. Я хочу заявить своеволие. Пусть один, но сделаю.

Липутин (*многозначительно поднимает палец*). Это со всемирно-человеческого языка будет перевод-с... С языка всемирно-человеческой социальной республики и гармонии, вот что-с!

Автор. У нас была одна самая невинная, милая, вполне русская веселенькая либеральная болтовня... Надобно же было с кем-нибудь выпить шампанского и обменяться за вином известного сорта веселенькими мыс-

лями о России и «русском духе» и Боге вообще и о «русском Боге» в особенности...

Свет гаснет. Следующий стол с восседающим на нем Верховенским Федька выносит уже на себе. Выносит и ставит рядом с первым. Вокруг стола мгновенно собирается очередная пятерка: двое Виргинских, Лямшин, Шигалев, Толкаченко. Петр Верховенский вручает каждому из них визитную карточку. В соответствии со своими ролями они и распределяют обязанности: Виргинский расстилает красную скатерть, Лямшин берется за «конспиративную» гитару, Виргинский ставит на стол графин с водой и стаканы, Шигалев расправляет перед собой толстую тетрадку, Толкаченко придвигает к столу стулья.

Л я м ш и н (*торжественно*). Вотируем!

В и р г и н с к а я (*поднимает вместе с остальными руку, курит*). Откуда, однако, могли взяться права и обязанности семейства в смысле того предрассудка, в котором теперь представляются? Вот вопрос. Ваше мнение?

В и р г и н с к и й. Господа, если бы кто пожелал начать о чем-нибудь более идущем к делу или имеет что заявить, то я предлагаю приступить, не теряя времени.

Т о л к а ч е н к о. Я как знаток народа...

Ш и г а л е в (*решительно перебивает его*). Посвятив мою энергию на изучение вопроса о социальном устройстве будущего общества, которым заменится настоящее, я пришел к убеждению, что все создатели социальных систем, с древнейших времен до нашего, были мечтатели, сказочники, глупцы, противоречившие себе, ничего ровно не понимавшие в естественной науке и в том странном животном, которое называется человеком.

В е р х о в е н с к и й. Аминь.

Лямшин начинает наигрывать «Марсельезу», которая, постепенно набирая силу, перерастает в «Камаринского». Появляется приплясывающий на ходу пьяный Лебядкин. За ним — Федька двигает трактирный стол с полуштофом посредине. Приставляет Лебядкину стул. Снимает рванный картуз.

Ф е д ь к а (*угодливо*). На чаек бы с вашей милости. Нам, чтобы без благодетельного вспомоществования, совершенно никак нельзя-с. Да-с.

Л е б я д к и н (*широким жестом вынимает из-за пазухи смятую пачку денег, пьяно роется в ней, но, не найдя, видно, ничего подходящего, сует Федьке под нос шиш*). На-кося, выкуси! (*Довольный хохочет вслед исчезающему Федьке*.) Россия есть игра природы, но не ума. (*Размахивая полуштофом*.)

Жил на свете таракан,
Таракан от детства,
И потом попал в стакан,
Полный мухоедства...

Но... таракан, извиняюсь, не ропщет... (*Пьет.*)

В это время к его столу один за другим пристраиваются: Маньяк, Семен Яковлевич — юродивый, Эркель и Ставрогин.

Маньяк (*поднимает кулак, восторженно и грозно машет им над головой и вдруг яростно опускает его вниз, как бы разбивая в прах противника*). Господи! Двадцать лет назад, накануне войны с пол-Европой, Россия стояла идеалом в глазах всех статских и тайных советников. Но никогда Россия, во всю бестолковую тысячу лет своей жизни, не доходила до такого позора...

Семен Яковлевич. Миловзоры! Миловзоры!.. К морозу это...

Эркель (*восторженно в сторону Ставрогина и Верховенского*). Да, да, вы все, а мы — ничто.

Ставрогин (*Марье Тимофеевне*). Неужто вы меня не узнали?

Марья Тимофеевна (*мечтательно*). Сокол мой где-то там, за горами живет и летает, на солнце взирает... (*Неожиданно вскакивает.*) Гришка От-репье-ев а-на-фе-ма!

Лебядкин. Хочу завещать мой скелет в академию, но с тем, с тем, однако, чтобы на лбу его был наклеен на веки веков ярлык со словами: «Раскаявшийся вольнодумец». Вот-с!

Гости Лебядкина расходятся, и каждому из них Верховенский перед выходом вручает визитную карточку.

Гул грозовой непогоды возникает над призрачным городом. Тут же из темноты высвечивается заваленный маскарадными поделками стол губернаторши, под которым мы видим притаившегося Федьку. Вокруг стола: хозяйка, Варвара Петровна, Лиза, Кармазинов. Алексей Егорыч прислуживает. Петр Верховенский обходит их всех со спины, подсовывая им визитные карточки.

Губернаторша. Я так думаю, что не надо пренебрегать и нашей молодежью. Я сделала вывод и приняла за правило ласкать молодежь и тем самым удерживать ее на краю. Мы именно лаской можем удержать их у бездны, в которую толкает их нетерпимость всех этих старикашек.

Кармазинов. Меня оклеветали пред русскою молодежью... Россия, как она есть, не имеет будущности. Тут все обречено и приговорено. Я сделался немцем и вменяю это себе в честь.

Варвара Петровна. Нынче сколько погибает оттого, что дурно направлены мысли!

Лиза. Я барышня, мое сердце в опере воспитывалось, вот с чего и началось, вся разгадка.

Алексей Егорыч (*прислушивается*). Не иначе, быть беде.

Федька (*под столом*). Погреемся.

Вновь на фоне неистой непогоды идет затемнение, из которого вскоре выявляется кабинетный стол губернатора, покрытый зеленым сукном. Перед хозяином навывтяжку — Блюм, за спиной — Федька, старательно повторяющий каждый его жест. Тут же Автор.

И на авансцене — Верховенский.

Верховенский (*читает визитную карточку*). Его превосходительство, действительный статский советник фон Лембке! Андрей Антонович!

Губернатор. Шапки долой! На колени! Флибустьеры! Розог!

Верховенский. Губернский секретарь фон Блюм! Без имени и отчества!

Блюм (*робко*). Ваше превосходительство...

Верховенский (*потирает руки*). Мы сначала пустим смуту... Мы проникнем в самый народ... Наши не те только, которые режут и жгут да делают классические выстрелы... Такие только мешают. Я ведь мошенник, а не социалист, ха-ха! (*Бросает Федьке мелкую монету. Тот ловко хватает ее. Быстро разбегаются в разные стороны*).

На авансцену выходит Автор.

Автор. Наступило то самое воскресенье, один из знаменательнейших дней в моей хронике. Это был день неожиданностей, день развязок прежнего и завязок нового, резких разъяснений и еще пущей путаницы.

Вновь кромешная тьма. Вступает тревожно нарастающая мелодия, на фоне которой звучат слова из «Откровения святого Иоанна Богослова».

Голос. И когда Он снял вторую печать, я слышал второе животное, говорящее: иди и смотри. И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир

с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч.

И снова в глубине сцены — залитое слезами лицо Марьи Тимофеевны.

Марья Тимофеевна. Где ты, князь мой желанный, сокол мой золотой, обещанный? Спаси меня!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ПРЕМУДРЫЙ ЗМИЙ

Вспыхивающий свет обозначает перед нами гостиную в доме Варвары Петровны. За столом, покрытым бархатной скатертью, робко озираясь вокруг, сидит Хромоножка — Марья Тимофеевна. Несколько столов, поставленных к нам лицевой своей стороной, выстроены вдоль воображаемых стен наподобие фамильных портретов. За каждым из них в полумраке проглядываются фигуры: Лизы, Степана Трофимовича, Шатова, Автора. Входит Варвара Петровна. Хромоножка испуганно вскакивает.

Варвара Петровна (*властным взглядом усаживает ее и — к Шатову*). Вы знаете эту женщину?

Шатов (*выступая вперед*). Знаю-с.

Варвара Петровна. Что же вы знаете? Пожалуйста поскорей!

Шатов. Да что... сами видите.

Варвара Петровна. Что вижу? Да ну же, говорите что-нибудь!

Шатов. Живет в том доме, где я... с братом... офицер один.

Варвара Петровна. Ну?

Шатов. Говорить не стоит... (*Отступает во мрак.*)

Входит с подносом Алексей Егорыч.

Варвара Петровна (*в досаде*). Конечно, от вас нечего больше ждать! (*К Хромоножке.*) Вы, моя милая, очень озябли давеча у церкви, выпейте поскорей кофею и согрейтесь.

Марья Тимофеевна (*жеманно*). Merci. (*Вдруг прыскает со смеху, но, под грозным взглядом хозяйки, тут же осекается.*) Тетя, да уж вы не сердитесь ли?

Варвара Петровна. Что-о-о? Какая я вам тетя?

Марья Тимофеевна (*испуганно*). Я... я думала, так надо... так вас Лиза звала.

Варвара Петровна. Какая еще Лиза?

Марья Тимофеевна. А вот эта барышня.

Свет выхватывает из темноты Лизу. Она церемонно кланяется.

Варвара Петровна. Так вам она уже Лизой стала?

Марья Тимофеевна. Вы так сами ее давеча звали. А во сне я точно такую же красавицу видела.

Лиза польщенно кланяется и медленно движется к авансцене.

Лиза (*словно во сне*). Я барышня, мое сердце в опере воспитывалось, вот с чего и началось...

Автор (*идет к ней навстречу, почтительно кланяется, протягивает ей свою визитную карточку, за руку выводит к публике, делает фигуру старинного менуэта*). В этой натуре было много прекрасных стремлений и самых справедливых начинаний; но все в ней как бы вечно искало своего уровня и не находило его, все было в хаосе, в волнении, в беспокойстве. Может быть, она уже со слишком строгими требованиями относилась к себе, никогда не находя в себе силы удовлетворить этим требованиям. (*Отводит Лизу на место и тушуетса сам.*)

Варвара Петровна (*Хромоножке, внимательно ее рассматривая*). Пейте ваш кофе и, пожалуйста, не бойтесь меня, моя милая, успокойтесь. Я начинаю вас понимать.

Степан Трофимович (*решительно выступая вперед*). Chère amie...

Варвара Петровна (*нетерпеливо*). Ах, Степан Трофимович, тут и без вас всякий толк потеряешь, пощадите хоть вы...

Степан Трофимович поворачивается к Автору, как бы ища у него защиты от столь неза заслуженного унижения. Они постепенно сближаются и, пользуясь визитными карточками, затевают вист.

Автор. Капитально было двадцатилетнее влияние этой высшей дамы на ее бедного друга.

Степан Трофимович. Друг мой, вы сейчас попали в большое место вашим дружеским пальцем.

Автор. Есть дружбы странные: оба друга один дру-

гого почти съестъ хотят, всю жизнь так живут, а между тем расстаться не могут.

Степан Трофимович. Бедная, бедная, друг всей моей жизни! О как я любил ее! Она единственная женщина, которую я обожал двадцать лет!

Стол у минерального источника в Карлсруэ. Около стола — Кармазинов, Петр Степанович и Варвара Петровна. Вокруг них, тихо переговариваясь и переходя от одного к другому, фланируют Ставрогин, Верховенский, Лиза, Автор, Шатов, Кириллов, жена Шатова. Служительница обносит всех минеральной водой.

Кармазинов (*принимая от служительницы стакан*). Я теперь перебираюсь сюда совсем. Здесь и климат лучше, и строение каменное, и все крепче. На мой век Европы хватит. У меня, знаете, дочь даже и по-русски не говорит уже, разучилась. Бог с ней, с родиной. Если бы и провалилась Россия, то не было бы никакого ни убытка, ни волнения в человечестве.

Степан Трофимович. Я, который изучил мою бедную Россию как два мои пальца, а русскому народу отдал всю мою жизнь, я могу вас заверить...

Кармазинов (*капризно перебивает*). Ах, оставьте! Святая Русь менее всего на свете может дать отпору чему-нибудь. У нас в России и рушиться нечему, сравнительно говоря. Упадут у нас не камни, а все расплывется в грязь... Вы скоро в Петербург? (*Не ожидая ответа, отходит от стола.*)

Степан Трофимович бросается было к великому писателю с объятиями, но неожиданно натывается на протянутые ему навстречу два пальца. Происходит немая сцена, после которой Степан Трофимович поворачивается к Кармазинову спиной. Тот, высокомерно пожав плечами, уходит.

Степан Трофимович (*гордо выпрямляясь и словно бросая вызов неблагоприятному человечеству*). В Петербург, shère amie, в Петербург! Там я воскресну! Нас еще оценят!

Редакторский стол в Петербурге, заваленный рукописями и верстками. Вокруг — обычная журнальная суэта: входят и выходят посетители, машут руками типографчики, жмутся по углам начинающие авторы. За столом — Степан Трофимович и Варвара Петровна. Они тихо переговариваются со своим гостем — пожилым Генералом. Два великовозрастных семинариста, перебивая друг друга, толкутся перед столом.

Первый семинарист. Бога нет!
Второй семинарист. И не было!
Первый семинарист. Бог — ложь!
Второй семинарист. Бог — миф!

Генерал (*возмущенно*). Позвольте, господа, это в каком смысле?

Первый семинарист (*заносчиво*). Вы, стало быть, генерал, если так говорите.

Генерал. Да, сударь, я генерал и генерал-лейтенант, и служил государю моему, а ты, сударь, мальчишка и безбожник! Вот-с!

Поднимается невообразимый шум, сквозь который то и дело прорываются крики: «Ретроград!», «Охранитель!», «Солдафон!». Суматоха постепенно стихает. Около стола группируется разномастная кучка решительных людей во главе с семинаристами.

Первый семинарист (*выступая вперед*). Мы рассмотрели дело об вашем журнале и принесли по этому делу решение. Основав журнал, вы тотчас же передаете его нашему усмотрению вместе с капиталами, на правах свободной ассоциации; сами же тотчас уезжаете к себе в Скворешники. Степан Трофимович должен последовать за вами, так как он, с его понятиями сороковых годов, устарел и являет собою не более чем обломок давно минувших лет, преданье старины глубокой. В удовлетворение вложенного капитала вам будет выплачиваться одна шестая часть барыша...

Степан Трофимович (*обескураженно*). Нет! В наше время было не так, и мы не к тому стремились. Нет, нет, совсем не к тому. Я не узнаю ничего...

Варвара Петровна (*подхватывая падающего в обморок друга*). Вон!

Выступающий из темноты Автор с двумя бокалами в руках подходит к Степану Трофимовичу, протягивает ему один из них. Они дружески чокаются. Степан Трофимович, выпив, принимается тасовать колоду визитных карточек.

Автор. С тех пор, всю остальную жизнь, более двадцати лет он, по выражению народного поэта,

Воплощенной укоризною

.
Ты стоял перед отчизною...

Но то лицо, о котором выразился народный поэт, может быть, и имело право всю жизнь позировать в этом смысле, если бы того захотело, хотя это и скучно. Наш же Степан Трофимович, по правде, стоять уставал и частенько полеживал на боку. Но хотя и на боку, а воплощенность укоризны сохранялась, для нашей губернии было и того достаточно.

Степан Трофимович (*тасуя карточки, горько*). Карты! Я сажусь с вами в ералаш! Разве это совместно? Кто ж отвечает за это? Кто разбил мою деятельность и обратил ее в ералаш? Э, погибай Россия!.. Козырь — черви. Прошу!

Снова те же в гостиной Варвары Петровны. На переднем плане Марья Тимофеевна и Варвара Петровна.

Марья Тимофеевна. Пусть он там в свои козыри поиграет, а мы будем здесь сидеть кофей пить.

Варвара Петровна (*звонит в колокольчик*). Это надо кончить.

Входит Алексей Егорыч.

Варвара Петровна. Карету! А ты, Алексей Егорыч, приготовься отвезти госпожу Лебядкину домой, куда она тебе сама укажет.

Алексей Егорыч. Господин Лебядкин некоторое время сами их внизу ожидают-с и очень просили о себе доложить-с.

Варвара Петровна (*решительно*). Проси.

Марья Тимофеевна. Зачем это? Чашку-то кофею еще можно ему послать, но я глубоко его презираю.

Лебядкин вихрем врывается в гостиную, с налету запинается о ковер. Хромоножка смеется. Он грозно взглядывает в ее сторону и делает несколько быстрых шагов к хозяйке.

Лебядкин. Я приехал, сударыня...

Варвара Петровна (*строго*). Сделайте мне одолжение, милостивый государь, возьмите место вот там, а мне отсюда виднее будет на вас смотреть... Сначала позвольте узнать ваше имя от вас самих?

Лебядкин. Капитан Лебядкин... я приехал, сударыня...

Варвара Петровна. Позвольте! Эта жалкая особа, которая так заинтересовала меня, действительно ваша сестра?

Лебядкин. Сестра, сударыня, ускользнувшая из-под надзора, ибо она в таком положении... в таком положении, это значит не в таком положении... в смысле, пятнающем репутацию... на последних порах...

Варвара Петровна. Милостивый государь!

Лебядкин (*ткнув себя пальцем в середину лба*). Вот в каком положении!

Варвара Петровна. И давно она этим страдает?

Лебядкин. Сударыня, это все не то, что вы думаете! Я, конечно, ничтожное звено... О, сударыня, богаты чертоги ваши, но бедны они у Марии Неизвестной, сестры моей, урожденной Лебядкиной, но которую назовем пока Марией Неизвестной, пока, сударыня, только *пока*, ибо навечно не допустит Сам Бог!.. Сударыня, это тайна, которая может быть похоронена лишь во гробе!

Варвара Петровна (*нетвердо*). Почему же?

Лебядкин. Сударыня, сударыня!.. Сударыня! Позвольте ли сделать вам один вопрос, только один, но открыто, прямо, по-русски, от души?

Варвара Петровна. Сделайте одолжение.

Лебядкин. Страдали вы, сударыня, в жизни?

Варвара Петровна. Вы просто хотите сказать...

Лебядкин. Сударыня, сударыня! Здесь, в этом сердце накипело столько, столько, что удивится Сам Бог, когда обнаружится на Страшном суде.

Варвара Петровна. Гм, сильно сказано.

Лебядкин. Могу ли предложить вам еще вопрос, сударыня?

Варвара Петровна. Предложите еще вопрос.

Лебядкин. Можно ли умереть единственно от благородства своей души?

Варвара Петровна. Не знаю, не задавала себе такого вопроса.

Лебядкин. Не знает! Не задавали себе такого вопроса!! (*Бьет себя кулаком в грудь*.) А коли так, коли так — «Молчи, безнадежное сердце!»

Варвара Петровна (*брезгливо*). Все это вздорные аллегории. Вы не ответили на мой вопрос: «Почему?» Я действительно жду ответа.

Лебядкин (*патетически*). Не ответил «почему?» Ждете ответа на «почему?» Это маленькое словечко «почему» разлито во всей вселенной с самого первого

дня мироздания, сударыня, и вся природа ежеминутно кричит своему Творцу: «Почему?» и вот уже семь тысяч лет не получает ответа. Неужто отвечать одному капитану Лебядкину, и справедливо ли выйдет, сударыня?

Варвара Петровна. Милостивый государь, я считаю дерзостью...

Лебядкин (*не слушает*). Сударыня, я, может быть, желал бы называться Эрнестом, а между тем принужден носить грубое имя Игната, — почему это, как вы думаете? Я желал бы называться князем де Монбаром, а между тем я только Лебядкин, от лебеда, — почему это? Я поэт, сударыня, поэт в душе, и мог бы получать тысячу рублей от издателя, а между тем принужден жить в лохани, почему, почему? Сударыня! По-моему, Россия есть игра природы, не более!.. Я могу вам прочесть пиесу «Таракан», сударыня!

Варвара Петровна. Что-о-о?

Лебядкин. Сударыня, один мой приятель — благороднейшее лицо — написал одну басню Крылова, под названием «Таракан»...

Варвара Петровна. Вы хотите прочесть какую-то басню Крылова?

Лебядкин. Нет, не басню Крылова хочу я прочесть, а мою басню, собственную, мое сочинение! Поверьте же, сударыня, без обиды себе, что я не до такой степени уже необразован и развращен, чтобы не понимать, что Россия обладает великим баснописцем Крыловым, которому министром просвещения воздвигнут памятник в Летнем саду, для игры в детском возрасте.

Варвара Петровна. Прочтите вашу басню.

Лебядкин. Жил на свете таракан,
Таракан от детства,
И потом попал в стакан,
Полный мухоедства...

Варвара Петровна. Господи, что такое?

Лебядкин (*торопится*). То есть когда летом, когда летом в стакан налезут мухи, то происходит мухоедство... не перебивайте, вы увидите, вы увидите...

Место занял таракан,
Мухи возроптали,
Полон очень наш стакан,
К Юпитеру закричали...

Тут у меня еще не dokonчено, но все равно, словами! Заметьте, заметьте, сударыня, таракан не ропщет! Вот ответ на ваш вопрос: «Почему?» «Та-ра-кан не ропщет!»

Варвара Петровна (*в гневе*). О какой же все-таки тайне, позвольте вас спросить, вы здесь толковали?

Лебядкин. Сударыня, есть обстоятельства, заставляющие сносить скорее фамильный позор, чем провозгласить громко истину.

Варвара Петровна (*берется за колокольчик*). Пожалуй, довольно...

Лебядкин (*в полном трансе*). Лебядкин мог проговорить насчет благородной девицы, в виде благородного негодования возмущенной обидами души, чем и воспользовались клеветники его... Но довольно, о, довольно! Сударыня, ваши великолепные чертоги могли бы принадлежать благороднейшему из лиц, но таракан не ропщет! Заметьте же, заметьте наконец, что не ропщет, и познайте великий дух!

Варвара Петровна вновь берется за колокольчик, но в это время входит
Алексей Егорыч.

Алексей Егорыч. Николай Всеволодович Ставрогин!

Вспыхивает свет. Все напряженно подаются к двери, но тут же несколько разочарованно расслабляются. В гостиную влетает Петр Верховенский. За ним следом вскальзывает Федька Каторжный и прячется за ближайший портрет. Свет гаснет, задерживаясь только на госте.

Верховенский (*бисерной скороговоркой*). Ба, ба, ба! Стало быть, я первый и возвещаю. Сейчас явится и, кажется, именно в то самое время, которое как раз отвечает некоторым его ожиданиям и, сколько я по крайней мере могу судить, его некоторым расчетам. (*Обводит глазами комнату, несколько задерживаясь на Лебядкине, и тут же — к Лизе.*) Ах, Лизавета Николаевна, как я рад, что встречаю вас с первого же шагу, очень рад пожать руку, и, сколько замечаю, вы тоже не забыли своего «профессора». Но как, однако ж, вам климат родины?.. (*Не ожидая ответа, к Варваре Петровне.*) Как я жалел, Варвара Петровна, что не успел застать вас тогда за границей и засвидетельствовать вам лично мое уважение, притом же так много имел сообщить... Я уведомлял сюда моего старика, но он, по своему обыкновению, кажется...

Степан Трофимович (*бросается к сыну*). Петрушка! Pierre, mon enfant, а ведь я не узнал тебя!

Верховенский. Ну, не шали, не шали, без жестов, ну и довольно, довольно...

Степан Трофимович. Я всегда, всегда был виноват перед тобой!

Верховенский. Так ведь и знал, что зашалишь... Ну верю, верю, что любишь, уברי свои руки.

К ним подходит Автор, берет их за руки и выводит вперед.

Автор. Как бы там ни было, но до сих пор о Петруше доходили к нам странные слухи. Сначала, кончив курс в университете, лет шесть тому назад, он слонялся в Петербурге без дела. Вдруг получилось у нас известие, что он участвовал в составлении какой-то подметной прокламации и притянут к делу. Потом, что он очутился вдруг за границей, в Швейцарии, в Женеве... И вот теперь, пробыв за границей года четыре, вдруг появляется опять в своем отечестве.

Верховенский (*к отцу*). Надеюсь, мой дорогой и родственник опекун, наше именище еще приносит доход?

Степан Трофимович (*к Автору*). Почему это, я заметил, все эти отчаянные социалисты и коммунисты в то же время и такие невероятные скряги, приобретатели, собственники, и даже так, что чем больше он социалист, чем дальше пошел, тем сильнее и собственник... почему это?

Верховенский (*тоном церемониймейстера*). Николай Всеволодович Ставрогин!

Вновь вспыхивает свет. На пороге — Ставрогин. Он молча кланяется. Затем направляется к матери. Но та жестом останавливает его.

Варвара Петровна. Николай Всеволодович! Остановись на одну минуту! Прошу вас, скажите сейчас же, не сходя с этого места: правда ли, что эта несчастная, хромая женщина — вот она, вон там, смотрите на нее! Правда ли, что она... законная жена ваша?

Ставрогин замирает и поворачивается к Хромоножке. Свет гаснет, выхватывая из темноты лишь эти два лица. На всем протяжении разговора лицо Марьи Тимофеевны безмолвно светилось в глубине сцены, словно икона старинного письма, перед которой и застывает сейчас Ставрогин.

Ставрогин (*почти нежно*). Вам нельзя быть здесь. Марья Тимофеевна. А мне можно... сейчас... стать пред вами на колени?

Ставрогин (*весь светясь*). Нет, этого никак нельзя. (*Радостно улыбаясь друг другу, они сближаются.*) Дайте же руку вашу и пойдете; я провожу вас до кареты и, если позволите, сам отвезу вас в ваш дом.

Марья Тимофеевна (*тихо излучаясь в его сторону*). Пойдемте.

Взявшись за руки, они направляются к выходу. Но в последний момент Марья Тимофеевна неосторожно оборачивается и ступает на свою больную ногу, тихонько вскрикивает. Ставрогин подхватывает ее на руки и так с нею на руках выходит. Поднимается неимоверный гвалт. Кажется, что на большой скорости пропускают магнитофонную запись. Вскоре среди шума начинается выделяться голос Верховенского. Он сыплет и сыплет, обходя поочередно всех присутствующих. По дороге ему то и дело приходится запикивать в темноту высывающуюся оттуда патлатую голову Федьки Каторжного.

Верховенский. Тут недоразумение, и на вид много чудного, а между тем дело ясное, как свечка, и простое, как палец. Я слишком понимаю, что никем не уполномочен рассказывать. Но, во-первых, сам Николай Всеволодович не придает этому делу никакого значения, и, наконец, все же есть случаи, в которых трудно человеку решиться на личное объяснение самому, а надо непременно, чтобы взялось за это третье лицо, которому легче высказать некоторые деликатные вещи... (*Он жестом группирует вокруг себя собравшихся и неразборчивой скороговоркой пересказывает им историю Ставрогина и Хромоможки, которая разъясняется для зрителя на протяжении всего спектакля.*)

Варвара Петровна (*облегченно приходя в себя*). Вы хотите сказать, что были свидетелем...

Верховенский. Всенепременно!

Варвара Петровна (*в экстазе*). Вы ошибаетесь только в том, что называете это чудачеством. Нет, это было нечто высшее чудачества и, уверяю вас, нечто даже святое!.. Словом, принц Гарри... если б он не походил еще более на Гамлета, по крайней мере по моему взгляду... Знаете, Петр Степанович, мне становится даже чрезвычайно понятным, что такое существо, как Nicolas, мог являться даже и в таких грязных трущобах, про которые вы рассказывали... Эта ненасытимая жажда контраста, этот мрачный фон картины, на котором он является,

как бриллиант, по вашему же опять сравнению, Петр Степанович. И вот он встречается там всеми обиженное существо, калеку и полупомешанную, и в то же время, может быть, с благороднейшими чувствами!

Верховенский. Гм, да, положим.

Варвара Петровна. Женщина, женщина только может понять это, Петр Степанович!.. Неужели вы отвергаете то высокое сострадание, ту благородную дрожь всего организма, с которою Nicolas вдруг строго отвечает: «Я не смеюсь над нею». Высокий, святой ответ!.. Я узнаю эту молодость, эту (*в сторону Степана Трофимовича*) возможность бурных, грозных порывов... О, как страдала всю жизнь, Петр Степанович!

Верховенский. Я давеча не закончил... Вот этот самый господин Лебядкин мигом вообразил себя вправе распорядиться пенсионом, назначенным вашим сыном его сестрице, без остатка. Здесь он ее не кормит, бьет, тиранит, наконец получает каким-то путем от Николая Всеволодовича значительную сумму, тотчас же пускается пьянствовать, а вместо благодарности кончает дерзким вызовом Николаю Всеволодовичу, бессмысленными требованиями... Таким образом добровольный дар Николая Всеволодовича он принимает за дань — можете себе представить? Господин Лебядкин, правда ли все то, что я здесь сейчас говорил?

Лебядкин (*его корчит от невысказанной муки*). Петр Степанович, вы жестоко со мной поступили.

Верховенский. Как это жестоко и почему-с? Но позвольте, мы о жестокости или о мягкости после, а теперь прошу вас только ответить на первый вопрос: правда ли все то, что я говорил, или нет? Если вы находите, что неправда, то вы можете немедленно сделать свое заявление.

Лебядкин. Я... вы сами знаете, Петр Степанович...

Верховенский. Да вы уже в самом деле не хотите ли что-нибудь заявить? В таком случае сделайте одолжение, вас ждут.

Лебядкин. Вы знаете сами, Петр Степанович, что я не могу ничего заявлять... Позвольте мне уйти, Петр Степанович.

Верховенский. Но не ранее того, как вы дадите какой-нибудь ответ на мой первый вопрос: правда все, что я говорил?

Лебядкин (*глухо*). Правда-с.

Верховенский. Все правда?

Лебядкин. Все правда-с.

Верховенский. Не найдете ли вы что-нибудь прибавить, заметить? Если чувствуете, что мы несправедливы, то заявите это: протестуйте, заявляйте вслух ваше неудовольствие.

Лебядкин (*еще глуше*). Нет, ничего не нахожу. (*Неожиданно.*) Если фамильная честь и не заслуженный сердцем позор возопиют меж людей, то тогда, неужели и тогда, виноват человек?

Верховенский (*жестко*). Что это такое значит фамильная честь и незаслуженный сердцем позор?

Лебядкин (*поникает под его взглядом*). Это я про никого, я никого не хотел. Я про себя...

Верховенский. Я ведь еще ничего не начинал про ваше поведение, в его настоящем виде.

Лебядкин (*умоляюще возносит руки*). Петр Степанович, я теперь лишь начинаю просыпаться!.. Вы меня разбудили, Петр Степанович, а я спал четыре года под висевшей тучей. Могу я, наконец, удалиться, Петр Степанович?

Верховенский. Теперь можете, если только сама Варвара Петровна...

Та разрешающе машет руками. Капитан поворачивается к двери, прикладывает руку к сердцу, намереваясь что-то сказать, но в эту минуту на пороге показывается Ставрогин. Уступая ему дорогу, Лебядкин отходит в сторону.

Варвара Петровна (*бросается к нему*). Простишь ли ты меня, Nicolas?

Ставрогин. Так и есть! Вижу, что вам уже все известно.

Варвара Петровна (*восторженно*). Петр Степанович рассказал нам одну древнюю петербургскую историю из жизни одного причудника, одного капризного и сумасшедшего человека, но всегда высокого в своих чувствах, всегда рыцарски благородного...

Ставрогин (*смеется*). Рыцарски? Неужто у вас до того дошло? Впрочем, я очень благодарен Петру Степановичу. (*Он подходит и нежно обнимает мать.*) Во всяком случае, дело это теперь кончено и рассказано, а стало быть, можно и перестать о нем.

Все приближаются к нему с поздравлениями, но в последнюю минуту всех опережает Шатов. Твердым шагом он подходит к Ставрогину и, не говоря ни слова, бьет его по щеке. Немая сцена, во время которой смертельно бледный Ставрогин закрывает глаза, затем, круто развернувшись, медленно, словно пришибленный, выходит. С приглушенным криком Лиза падает в обморок прямо на руки Автору.

А в т о р. Теперь уже все прошло, и мы уже знаем, в чем дело; но тогда мы еще ничего не знали...

Среди замершей группы появляется Ф е д ь к а К а т о р ж н ы й, хватает со стола серебряный подсвечник, гасит свет, прячет добычу за пазуху и тут же исчезает.

Снова звучат слова из «Откровения святого Иоанна Богослова».

Г о л о с. Она (звезда) отворила кладязь бездны, и вышел дым из кладязя, как дым из большой печи; и померачилось солнце и воздух от дыма из кладязя. И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы.

ИНТЕРМЕДИЯ

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ВОСТОРГ

Зажигается панорама лубочного города с куполами и башнями, плывущими сквозь высокое небо. На одной из монастырских башен пронзительно кричит Золотой Петушок. И сразу же на сцене вспыхивает свет. Посредине — большой стол в кабинете губернатора, а вокруг — множество канцелярских столов, за которыми мы видим Л и п у т и н а, Ш а т о в а, А в т о р а, Л я м ш и н а, В и р г и н с к о г о, Т о л к а ч е н к о, Ш и г а л е в а и других участников спектакля. За столом Губернатора — Ю л и я М и х а й л о в н а. По обеим сторонам от нее — Л е м б к е и Б л ю м. Вспыхивает, наподобие иллюминации над канцелярскими столами, магическое слово: «Отказать!» Вспыхивает и гаснет, вспыхивает и гаснет, пока не сливается в непрерывный аншлаг: «Отказать!» Властно жестикулирует Юлия Михайловна, послушно кивает ей Лембке и Блюм. Бегают под парусами многочисленных бумаг чиновники. Неприкаянно слоняются от стола к столу просители. Взнуздав Ф е д ь к у К а т о р ж н о г о, пристав Ф л и б у с ь т е р о в носится взад и вперед по авансцене.

Ф л и б у с ь т е р о в. С Флибустьеровым шутки плохи! У Флибустьерова никто сух из воды не выйдет! Всех к общему знаменателю приведу! От Флибустьерова не скроешься! Эх, птица-тройка, потрафи Флибустьерову, да так, чтоб далеко стало видно, во все стороны света! Не подкачай, кавурая! Но!.. Посторонись!

Крутится канцелярская карусель под конский топот, звон колокольцев и свист кнута. И заунывная песня ямщика замирает в дальней дали.

Марья Тимофеевна (*возникая в глубине сцены*). Что так жалобно поют? Сокол мой летит, летит, скоро будет!

Трубит Золотой Петушок на монастырской башне.

КАРТИНА ВТОРАЯ

ЛЕМБКЕ

Стол Блюма перед кабинетом Губернатора. Над ухом губернского секретаря Блюма почтительно склоняется Лебядкин.

Лебядкин. Ваше превосходительство!.. Сим объявляю в покушении на жизнь генеральских особ и отечества; ибо прямо ведет к тому. Сам разбрасывал непрерывно множество лет. Тоже и безбожие. Приготавливается бунт, а прокламаций несколько тысяч, и за каждой побежит сто человек, высуня язык, если заранее не отобрать начальством, ибо множество обещано в награду, а простой народ глуп, да и водка... Если хотите, чтобы донос для спасения отечества, а также церквей и икон, то я один только могу. Но с тем, чтобы мне прощение из третьего отделения по телеграфу немедленно одному из всех, а другие пусть отвечают. На окошке у швейцара для сигнала в семь часов ставьте каждый вечер свечу. Увидав, поверю и приду облобызать милосердную длань из столицы, но с тем, чтобы пенсия, ибо чем же я буду жить? Вы же не раскаетесь, потому что вам выйдет звезда. Надо потихоньку, а не то свернут голову. Ваше превосходительство... Припадаю к стопам... Как раскаявшийся вольнодумец.

Блюм (*аккуратно записывает его слова*). Ваша фамилия?

Лебядкин (*делает большие глаза*). Инкогнито.

Блюм (*брезгливо отмахивается от его дыхания*). Фу-у-у...

Свет гаснет и тут же возникает вновь в кабинете губернатора. За столом — Юлия Михайловна. Андрей Антонович Лембке взволнованно расхаживает вокруг нее.

Лембке (*заламывая руки*). О, этот твой Петр Степанович!

Юлия Михайловна. Сердиться ты на это не

можешь уже потому, что ты втрое его рассудительнее и неизмеримо выше на общественной лестнице. В этом мальчишке еще много остатков прежних вольнодумных замашек, а по-моему, просто шалость; но вдруг нельзя, а надо постепенно. Надо дорожить нашей молодежью; я действую лаской и удерживаю их на краю.

А н д р е й А н т о н о в и ч. Но он черт знает что говорит. Я не могу относиться толерантно, когда он при людях и в моем присутствии утверждает, что правительство нарочно опаивает народ водкой, чтоб его абрютировать и тем удержать от восстания. Представь мою роль, когда я принужден при всех это слушать.

Ю л и я М и х а й л о в н а. Садитесь и успокойтесь. Я отвечу на ваш первый вопрос: он отлично мне зарекомендован, он со способностями и говорит иногда чрезвычайно умные вещи. Кармазинов уверял меня, что он имеет связи почти везде и чрезвычайное влияние на столичную молодежь. А если я через него привлеку их всех и сгруппирую около себя, то я отвлеку их от гибели, указав новую дорогу их честолюбию. Он предан мне всем сердцем и во всем меня слушается...

А н д р е й А н т о н о в и ч. Но ведь пока их ласкать, они могут... черт знает что сделать. (*Берет со стола и придвигает к ней листовку.*) Вот... появились прокламации...

Ю л и я М и х а й л о в н а (*брезгливо отодвигает от себя листовку*). Прокламации, фальшивые ассигнации, мало ли что... Кто вам доставил?

А н д р е й А н т о н о в и ч. Фон Блюм...

Ю л и я М и х а й л о в н а. Ах, избавьте меня от вашего Блюма и никогда не смейте о нем упоминать!

А н д р е й М и х а й л о в и ч. Но...

Ю л и я М и х а й л о в н а (*встает*). Пожалуйста, не беспокойся о Верховенском. Если б он участвовал в каких-нибудь шалостях, то не стал бы так говорить с тобою... Фразеры неопасны, и даже я так скажу, случись что-нибудь, я же первая чрез него и узнаю. Он фанатически, фанатически предан мне... Я, знаете, устраиваю целый день увеселений, по подписке, в пользу бедных гувернанток из нашей губернии. Они рассеяны по России; их насчитывают до шести из одного нашего уезда; кроме того, две телеграфистки, две учатся в академии, остальные желали бы, но не имеют средств. Жребий русской жен-

щины ужасен!.. О Боже, много ли у нас светлых личностей! Конечно, есть, но они рассеяны. Сомкнемтесь же и будем сильнее. Одним словом, у меня будет сначала литературное утро, потом легкий завтрак, потом перерыв и в тот же день вечером бал. Мы хотели начать вечер живыми картинами, но, кажется, много издержек, и потому для публики будут одна или две кадрили в масках и характерных костюмах, изображающих известные литературные направления...

В кабинет бесшумно вскальзывает Блюм и подобострастно замирает у двери. Юлия Михайловна надменно оглядывает его с головы до ног, но тот упорно не замечает ее испепеляющих взглядов, наконец она не выдерживает поединка и, презрительно фыркнув, устремляется из комнаты.

А н д р е й А н т о н о в и ч. Я прошу тебя, Блюм, оставить меня в покое.

Б л ю м. И однако ж, это может быть устроено деликатнейше, совершенно негласно; вы же имеете все полномочия.

А н д р е й А н т о н о в и ч. Блюм, ты до такой степени предан мне и услужлив, что я всякий раз смотрю на тебя вне себя от страха.

Б л ю м. Вы всегда говорите острые вещи и в удовольствии от сказанного засыпаете спокойно, но тем самым себе повреждаете.

А н д р е й А н т о н о в и ч. Блюм, я сейчас убедился, что это вовсе не то, вовсе не то... Мы не найдем ничего, а крик подымется страшный...

Б л ю м. Мы несомненно найдем все, чего ищем. Мы сделаем осмотр внезапно, рано поутру, соблюдая всю деликатность к лицу и всю предписанную строгость форм закона. Молодой человек Лямшин слишком уверяет, что мы найдем все желаемое... К господину Верховенскому никто внимательно не расположен. Генеральша Ставрогина явно отказала ему в своих благодеяниях, и всякий честный человек, если только есть таковой в этом грубом городе, убежден, что там всегда укрывался источник безверия и социального учения. У него хранятся запрещенные книги... Я на всякий случай имею приблизительный каталог...

А н д р е й А н т о н о в и ч. О Боже, эти книги есть у всякого; как ты прост, мой бедный Блюм!

Б л ю м. Вот. *(Кладет перед ним новую проклама-*

цию.) Мы кончим тем, что непременно нападем на след настоящих здешних прокламаций. Этот молодой Верховенский мне весьма и весьма подозрителен.

А н д р е й А н т о н о в и ч. Но ты смешиваешь отца с сыном. Они не в ладах; сын смеется над отцом явно.

Б л ю м. Это одна только маска. Зачем вы принимаете этого фальшивого, порочного молодого человека, которого вы сами подозреваете? Он вас победил льстивыми похвалами вашему таланту в литературе. А его отец...

А н д р е й А н т о н о в и ч. Блюм, ты поклялся меня замучить! Подумай, он лицо все-таки здесь заметное. Он был профессором, он человек известный, он раскритичится, и тотчас же пойдут насмешки по городу...

Б л ю м. Он был лишь доцентом, всего лишь доцентом, и по чину всего только коллежский асессор при отставке, знаков отличия не имеет, уволен из службы по подозрению в замыслах против правительства. Он состоял под тайным надзором и несомненно еще состоит. И ввиду обнаружившихся теперь беспорядков вы несомненно обязаны долгом. Вы же, наоборот, упускаете ваше отличие, потворствуя настоящему виновнику.

А н д р е й А н т о н о в и ч (*вне себя*). Убирайся, Блюм!

Б л ю м. Дозвольте же, дозвольте приступить...

А н д р е й А н т о н о в и ч (*падая в кресло*). Убирайся!.. Делай, что хочешь... после... О Боже мой!

Блюм удовлетворенно пятится к выходу и спиной натывается на влетающего в кабинет Петра Верховенского. Петр Степанович обхватывает его сзади и передает с рук на руки маячащему в дверях Федьке. А тот увлекает его в темноту. Верховенский обегает стол и, легонько полюбивя губернатора, накрывает ладонью лежащую перед ним прокламацию.

В е р х о в е н с к и й. Ого, поймал-таки вас, скрытный градоначальник! Это умножит вашу коллекцию, а?

А н д р е й А н т о н о в и ч (*взбешенно*). Оставьте, оставьте сейчас! И не смейте... сударь...

В е р х о в е н с к и й. Чего вы так? Вы, кажется, сердитесь?

А н д р е й А н т о н о в и ч. Позвольте вам заметить, милостивый государь, что я вовсе не намерен отселе терпеть вашего амикошонства и прошу вас припомнить...

В е р х о в е н с к и й. Фу, черт, да ведь он и в самом деле!

А н д р е й А н т о н о в и ч *(вскакивает)*. Молчите же, молчите!.. И не смейте...

В е р х о в е н с к и й *(оскорбленно отходит)*. А я думал, если человек два дня сряду за полночь читает вам наедине свой роман и хочет вашего мнения, то уж сам по крайней мере вышел из этих официальностей... Меня Юлия Михайловна принимает на короткой ноге; как вас тут распознаешь? Вот вам кстати и ваш роман.

А н д р е й А н т о н о в и ч *(смешавшись)*. Где же вы отыскали?

В е р х о в е н с к и й. Вообразите, как была в трубке, так и скатилась за комод. Я, должно быть, как вошел, бросил ее тогда неловко на комод. Только третьего дня отыскали, полы мыли, задали же вы мне, однако, работу!

А н д р е й А н т о н о в и ч. Гм...

В е р х о в е н с к и й. Две ночи сряду не спал по вашей милости. Третьего дня еще отыскали, а я удержал, все читал, днем-то некогда, так я по ночам. Ну-с, и — недоволен: мысль не моя. Да наплевать, однако, критиком никогда не бывал, но — оторваться, батюшка, не мог, хоть и недоволен! Четвертая и пятая главы это... это... это... черт знает что такое! И сколько юмору у вас напихано, хохотал. Как вы, однако ж, умеете поднять на смех! ну, там в девятой, десятой, это все про любовь, не мое дело; эффектно, однако; за письмом Игренева чуть не занюнил, хотя вы его так тонко выставили... Знаете, оно чувствительно, а в то же время вы его как бы фальшивым боком хотите выставить, ведь так? Угадал я или нет? Ну а за конец просто избил бы вас. Ведь вы что проводите? Ведь это то же прежнее обоготворение семейного счастья, приумножения детей, капиталов, стали жить-поживать да добра наживать, помилуйте! Читателя очаруете, потому что даже я оторваться не мог, да ведь тем сквернее. Читатель глуп по-прежнему, следовало бы его умным людям расталкивать, а вы... Ну да довольно, однако, прощайте. Не сердитесь в другой раз; я пришел было вам два словечка нужных сказать; да вы какой-то такой...

А н д р е й А н т о н о в и ч *(заперев рукопись в ящик стола, бросается ему наперерез, заслоняет собою выход)*. Я не какой-то, а я просто... все неприятности... Садитесь и скажите ваши два слова. Я вас давно не видал, Петр Степанович, и только не влетайте вы вперед с вашей манерой... иногда при делах оно...

Верховенский (*ворчливо*). Манеры у меня одни...

Андрей Антонович. Знаю-с, и верю, что вы без намерения, но иной раз находишься в хлопотах... Садитесь же.

Верховенский (*по-хозяйски разваливаясь на стуле*). Это в каких же вы хлопотах; неужто (*помахивает прокламацией*) эти пустяки? Я вам таких листков сколько угодно натаскаю... Познакомился!

Андрей Антонович. То есть в то время...

Верховенский. Ну, разумеется... С виньеткой, топор наверху нарисован. Позвольте; ну да, топор и тут, та самая, точнехонько.

Андрей Антонович. Да, топор. Видите — топор.

Верховенский. Что ж, топора испугались?

Андрей Антонович. Я не топора-с... и не испугался-с, но дело это... дело такое, тут обстоятельства.

Верховенский. Какие? Что с фабрики-то принесли? Хе, хе. А знаете, у вас на этой фабрике сами рабочие скоро будут писать прокламации.

Андрей Антонович. Как это?

Верховенский. Да так. Вы и смотрите на них. Слишком вы мягкий человек, Андрей Антонович; романы пишете. А тут надо бы по-старинному.

Андрей Антонович. Что такое по-старинному?..

Верховенский. Перепороть их сплошь, и дело с концом.

Андрей Антонович. Бунт? Вздор это...

Верховенский. Эх, Андрей Антонович, мягкий вы человек! (*Нацеливаясь на очередную бумажку на столе губернатора*.) А-а, опять старая знакомая! Ну, эту я наизусть знаю: «Светлая личность»! Она и есть. Знаком с этой личностью еще с заграницы. (*Читает с пафосом*.)

Он незнатной был породы,
Он возрос среди народа,
Но, гонимый местью царской,
Злобной завистью боярской,
Он обрек себя страданью,
Казням, пыткам, истязанью
И пошел вещать народу
Братство, равенство, свободу.

.
А народ, восстать готовый
Из-под участи суровой,
От Смоленска до Ташкента
С нетерпением ждал студента.

Где откопали?

А н д р е й А н т о н о в и ч. Вы говорите, что видели за границей?

В е р х о в е н с к и й. Еще бы, четыре месяца назад или даже пять.

А н д р е й А н т о н о в и ч *(со значением)*. Как много вы, однако, за границей видели.

В е р х о в е н с к и й. Что? замысловато! Вы, Андрей Антонович, меня, как вижу, экзаменуете? *(С важностью.)* Видите-с, о том, что я видел за границей, я, возвратясь, уже кой-кому объяснил, и объяснения мои найдены удовлетворительными. Считаю, что дела мои в этом смысле покончены, и никому не обязан отчетом. И не потому покончены, что я доносчик, а потому, что иначе не мог поступить. Ну, это все, однако же, к черту, а я вам пришел сказать одну серьезную вещь, и хорошо, что вы этого трубочиста вашего выслали. Дело для меня важное, Андрей Антонович; будет одна моя чрезвычайная просьба к вам.

А н д р е й А н т о н о в и ч. Просьба? Гм, сделайте одолжение, я жду, и, признаюсь, с любопытством.

В е р х о в е н с к и й. В Петербурге я насчет многого был откровенен, но насчет чего-нибудь или вот этого *(стучит ладонью по прокламации)*, например, я умолчал, во-первых, потому, что не стоило говорить, а во-вторых, потому, что объявлял только о том, о чем спрашивали... Ну, одним словом, это в сторону. Ну-с, а теперь... теперь, когда эти дураки... ну, когда это вышло наружу и уже у вас в руках и от вас, я вижу, не укроется — потому что вы человек с глазами и вас вперед не распознаешь, а эти глупцы между тем продолжают, я... я... ну да, я, одним словом, пришел вас просить спасти одного человека, одного тоже глупца, пожалуй, сумасшедшего, во имя его молодости, несчастий, во имя вашей гуманности... *(В сердцах.)* Не в романах же одних собственного изделия вы так гуманны!

А н д р е й А н т о н о в и ч *(осторожно)*. За кого же вы просите?..

Верховенский. Это... это... черт... Я не виноват ведь, что в вас верю! Чем же я виноват, что почитаю вас за благороднейшего человека и, главное, толкового... способного то есть понять... черт... Вы, наконец, поймите, поймите, что называя вам его имя, я вам его ведь предаю; ведь предаю, не так ли?.. Ну, черт... эта «светлая личность», этот «студент» — это Шатов... вот вам и все!

Андрей Антонович. Шатов? То есть как это Шатов?

Верховенский. Шатов, это «студент», вот про которого здесь упоминается. Он здесь живет; бывший крепостной человек, ну, вот пощечину дал.

Андрей Антонович. Знаю, знаю! Но, пожалуйста... о чем вы-то... ходатайствуете?

Верховенский. Да спасти же его прошу, понимаете! Ведь я его восемь лет тому еще знал, ведь я ему другом, может быть, был. Я надеюсь на вашу гуманность, на ум. Вы поймете и сами покажете дело в настоящем виде, а не как Бог знает что, как глупую мечту сумасбродного человека... от несчастий, заметьте, от долгих несчастий, а не как черт знает там какой небывалый государственный заговор!..

Андрей Антонович (*величаво*). Вижу, что он виновен в прокламациях с топором. Позвольте, однако же, если б один, то как мог он...

Верховенский. Да говорю же вам, что их, очевидно, всего-навсего пять человек, ну десять, почему я знаю?

Андрей Антонович. Вы не знаете?

Верховенский. Да почему мне знать, черт возьми?

Андрей Антонович. Но вот знали же, однако, что Шатов один из сообщников?

Верховенский (*как бы отбиваясь от подавляющей прозорливости вопрошателя*). Эх! Я вам всю правду скажу: о прокламациях ничего не знаю, то есть ровно-шенько ничего, черт возьми, понимаете, что значит ничего!.. Ну и, может, Шатов, ну и еще кто-нибудь, ну вот и все, дрянь и мизер... но я за Шатова пришел просить, его спасти надо, потому что это стихотворение — его, его собственное сочинение и за границей через него отпечатано; вот что я знаю наверно, а о прокламациях ровно ничего не знаю.

А н д р е й А н т о н о в и ч. Какие же, однако, данные заставляют вас подозревать господина Шатова?

В е р х о в е н с к и й (*выхватывает из кармана клочок бумаги*). Вот данные! (*Читает.*) «Светлую личность» отпечатать здесь не могу, да и ничего не могу; печатайте за границей. *Ив. Шатов*... Кажется ясно?

А н д р е й А н т о н о в и ч (*берет протянутую гостем записку*). Но здесь адреса нет; почему же вам стало известно... что писана она действительно господином Шатовым?

В е р х о в е н с к и й. Так достаньте сейчас руку Шатова, да и сверьте. У вас в канцелярии непременно должна отыскаться какая-нибудь его подпись.

А н д р е й А н т о н о в и ч. Те-те-те, то-то я думаю...

В е р х о в е н с к и й. Да как уж вам не понять. И черт знает для чего я вам разболтал! Слушайте, мне Шатова отдайте, а там черт дерит их всех остальных... Они меня не любят, потому что я воротился... но обещайте мне Шатова, и я вам их всех на одной тарелке подам. Пригожусь, Андрей Антонович! Я эту всю жалкую кучку полагаю человек в девять — в десять. Я сам за ними слежу, от себя-с... Но надо шесть дней. Я уже смекнул на счетах; шесть дней, и не раньше. Если хотите какого-нибудь результата — не шевелите их еще шесть дней, и я вам их в один узел свяжу; а пошевелите раньше — гнездо разлетится. Но дайте Шатова. Я за Шатова... А всего бы лучше призвать его секретно и дружески, хоть сюда в кабинет, и проэкзаменовать, поднявши пред ним завесу... Да он, наверно, сам вам в ноги бросится и заплачет! Это человек нервный, несчастный; у него жена гуляет со Ставрогиным. Приголубьте его, и он все сам откроет, но надо шесть дней...

А н д р е й А н т о н о в и ч. Я слышал... Я слышал, что вы, возвратясь из-за границы, где следует изъявили... вроде раскаянья?

В е р х о в е н с к и й (*небрежно*). Ну, там что бы ни было.

А н д р е й А н т о н о в и ч. Да и я, разумеется, не желаю входить...

В е р х о в е н с к и й. Видите ли, дорогой и многоуважаемый Андрей Антонович, вы хитры, но до *этого* еще не дошло и, наверно, не дойдете, понимаете?.. Я хоть и дал где следует объяснения, возвратясь из-за границы, и,

право, не знаю, почему бы человек известных убеждений не мог действовать в пользу искренних своих убеждений... но... никаких подобных заказов *оттуда* я еще не брал на себя. Вникните сами: ведь мог бы я не вам открыть первому два-то имени, а прямо *туда* махнуть, то есть туда, где первоначальные объяснения давал... Благодарны-то будут теперь вам, а не мне. Я единственно за Шатова, за одного Шатова, по прежней дружбе... ну, а там, пожалуй, когда возьмете перо, чтобы *туда* отписать, ну похвалите меня, если хотите... противоречить не стану, хе-хе! Adieu, однако же, засиделся, и не надо бы столько болтать! (*Подается к выходу, но Лембке умоляющим жестом останавливает его.*)

А н д р е й А н т о н о в и ч. Мне, может, и известно нечто... то и господин Ставрогин в таком случае...

В е р х о в е н с к и й (*почти грубо*). Что Ставрогин?

А н д р е й А н т о в и ч. Знаете, этот Шатов... И потом эта пощечина...

В е р х о в е н с к и й. Э, нет, нет, нет! Вот тут маху дали, хоть вы и хитры. И даже меня удивляете. Я ведь думал, что вы насчет этого не без сведений... Гм, Ставрогин — это совершенно противоположное. (*Многозначительно поднимает палец вверх.*) Большая птица!

А н д р е й А н т о н о в и ч. Неужели! и может ли быть? Мне Юлия Михайловна сообщила, что, по ее сведениям из Петербурга, он человек с некоторыми, так сказать, наставлениями...

В е р х о в е н с к и й (*торопится*). Я ничего не знаю, ничего не знаю, совсем ничего. Adieu. (*Летит к дверям.*)

А н д р е й А н т о н о в и ч (*перехватывает его по пути*). Позвольте, Петр Степанович, позвольте, еще одно крошечное дельце, и я вас не задержу. (*Он вынимает из стола и подает гостю листок.*) Вот-с один экземплярчик, по той же категории, и я вам тем самым доказываю, что вам в высшей степени доверяю. Вот-с, и каково ваше мнение?

В е р х о в е н с к и й (*берет, читает, отдает обратно*). Так вы как же думаете?

А н д р е й А н т о н о в и ч. Я бы предположил, что это анонимный пашквиль, в насмешку.

В е р х о в е н с к и й. Вероятнее всего, что так и есть. Вас не надуеть.

А н д р е й А н т о н о в и ч (*польщенно*). Я, главное,

потому, что так глупо... Потому что те люди образованные и, наверно, так глупо не напишут.

Верховенский (*торопится*). Ну да, ну да.

Андрей Антонович. А что, если это и в самом деле кто-нибудь хочет действительно донести?

Верховенский (*сухо*). Невероятно. Что значит телеграмма из третьего отделения и пенсия? Пашквиль очевидный.

Андрей Антонович. Да, да.

Верховенский (*решительно*). Знаете что, оставьте-ка это у меня. Я вам наверно разыщу. Раньше, чем тех, разыщу.

Андрей Антонович (*колеблясь*). Возьмите...

Верховенский (*ловко выхватывает у него из рук письмо*). Ну, прощайте. Я вам, может, даже дня через три этого сочинителя представлю. Главное, уговор. Шесть дней!

Выросший будто из-под земли Федька услужливо распахивает перед ним дверь. Тот вихрем выносится из кабинета. Федька исчезает следом за ним. Губернатор остается один. Он вынимает из ящика стола свою рукопись, любовно разглаживает ее и углубляется в чтение. Лубочный город загорается над ним всеми своими маковками и шпилями. Под нежный колокольный перезвон Андрей Антонович, блаженно улыбаясь, листает страницы любимого детища.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

СТАВРОГИНИАДА

Карточный стол в дворянском клубе. За столом — Автор, Кириллов, Липутин, Гаганов и Ставрогин. Вистуют.

Гаганов. Нет-с, меня не проведут за нос!

Вистуют.

Гаганов. Нет-с, господа, меня за нос никто...

Вистуют.

Гаганов. Нет, не проведет.

Ставрогин бросает карты на стол, молча встает, подходит к Гаганову, берет его двумя пальцами за нос и несколько раз наклоняет его из стороны в сторону. После короткой паузы поднимается многоголосый шум. И вот уже, стоя на двух противоположных площадках стола, противники сходятся на дуэли. Выстрел Гаганова. Со Ставрогина слетает шляпа. Ставрогин стреляет в воздух и медленно идет прочь. Его сопровождают голоса. По пути его подхватывает под руку возникший

из темноты Верховенский. После каждой последующей реплики он раскланивается перед публикой, словно творец рядом со своим произведением.

Первый голос. Вы слышали?

Второй голос. Да, да! Вчера дрался с этим... Гагановым. И единственно с галантной целью подставить свой лоб человеку взбесившемуся; чтобы только от него отвязаться.

Первый голос. Это в нравах гвардии двадцатых годов.

Второй голос. А что, правда, что его оскорбляет здесь какой-то студент, и он полез от него под стол?

Третий голос. Чего же проще? Разве возможно удивление, что Ставрогин дрался с Гагановым и не отвечал студенту? Не мог же он вызвать на поединок бывшего крепостного своего человека.

Четвертый голос. Вот и говорите про молодежь.

Первый голос. Тут не о молодежи вопрос; тут звезда-с, а не какой-нибудь из молодежи; вот как понимать это надо.

Третий голос. А нам того и надобно; оскудели в людях.

Четвертый голос. Истина! Истина!

Ставрогин, увлекаемый Верховенским, исчезает в темноте. Следом за ними спешит вынырнувший неизвестно откуда Федька Каторж-ный.

Автор (*появляясь на авансцене*). Таким образом, когда наконец появился сам Николай Всеволодович, все встретили его с самою наивною серьезностью, во всех глазах, на него устремленных, читались самые нетерпеливые ожидания... Одним словом, все ему удавалось, он был в моде.

Бильярдная в доме Ставрогиных. Федька завязтым маркером ставит шары, натирает кии мелом, разливает на боковом столике напитки. В глубине сцены маячат столы-портреты из первой картины. С разных концов комнаты к бильярду подходят Верховенский и Ставрогин и берутся за игру. Верховенский заговорщицки многозначительно кивает на дверь.

Ставрогин (*холодно*). Она никогда не подслушивает.

Верховенский. То есть если б и подслушивала! Я ничего против этого, я только теперь бежал поговорить наедине. Завтра, может быть, вы явитесь — а?

Ставрогин. Может быть.

Верховенский. Разрешите их наконец, разрешите меня! Если б вы знали, что я должен был им наболтать. А впрочем, вы знаете.

Ставрогин. Всего не знаю. Я слышал только от матери, что вы очень... двигались.

Верховенский. Знаете, я пустил в ход жену Шатова, то есть слухи о ваших связях в Париже, чем и объяснялся, конечно, тот случай в воскресенье... вы не сердитесь?

Ставрогин. Убежден, что вы очень старались.

Верховенский. Что ж это значит: «очень старались»? Это ведь упрек. Впрочем, вы прямо ставите, я всего больше боялся, идя сюда, что вы не захотите прямо поставить.

Ставрогин. Я ничего и не хочу прямо ставить.

Верховенский. Я не про то; не про то, не ошибитесь, не про то! Я не стану вас раздражать *нашим* делом, особенно в вашем теперешнем положении. Я прибежал только о воскресном случае, и то в самую необходимую меру, потому нельзя же ведь. Я с самыми открытыми объяснениями, в которых нуждаюсь главное я, а не вы, — это для вашего самолюбия, но в то же время это и правда... Ну-с, угодно вам выслушать?

Ставрогин. Гм...

Верховенский. Слушайте же... Отправляясь сюда, то есть вообще сюда, в этот город, десять дней назад, я, конечно, решил взять роль. Самое бы лучшее совсем без роли, свое собственное лицо, не так ли? Ничего нет хитрее, как собственное лицо, потому что никто не поверит. Я, признаться, хотел было взять дурачка, потому что дурачок легче, чем собственное лицо; но так как дурачок все-таки крайность, а крайность возбуждает любопытство, то я и остановился на собственном лице окончательно. Ну-с, какое же мое собственное лицо? Золотая середина: ни глуп, ни умен, довольно бездарен и с луны соскочил, как говорят здесь благоразумные люди, не так ли?

Ставрогин (*насмешливо*). Что ж, может быть и так.

Верховенский. Вам любопытно, почему я так откровенен? Я вдруг переменяю об вас свои мысли. Старый путь кончен совсем; теперь я уже никогда не стану вас

компрометировать старым путем, теперь новым путем.

Ставрогин. Переменил тактику?

Верховенский. Тактики нет. Теперь во всем ваша полная воля, то есть хотите сказать *да*, а хотите — скажете *нет*. Вот моя новая тактика. А о *нашем* деле не заикнусь до тех самых пор, пока сами не прикажете. Вы смеетесь? На здоровье; я и сам смеюсь. Но я теперь серьезно, серьезно, серьезно, хотя тот, кто так торопится, конечно, бездарен, не правда ли? Все равно, пусть бездарен, а я серьезно, серьезно.

Ставрогин (*задумчиво*). Да... может, так и надо...

Верховенский. Кстати, надо бы к нашим сходить. Да не беспокойтесь, не сейчас, а когда-нибудь. Сейчас дождь идет. Я им дам знать, они соберутся, и мы вечером. Они так и ждут, разиня рты, как галчата в гнезде, какого мы им привезли гостинцу?.. И, знаете, они обижены, что я к ним небрежно и водой их окачиваю, хе-хе! А сходить надо непременно... Вы теперь загадочное и романтическое лицо, пуще, чем когда-нибудь, — чрезвычайно выгодное положение. Все вас ждут до невероятности. Знаете, они считают вас, кажется, за шпиона? Я поддакиваю, вы не сердитесь?

Ставрогин. Ничего.

Верховенский. Это ничего; это в дальнейшем необходимо. У них здесь свои порядки. Я, конечно, поощряю; Юлия Михайловна во главе, Гаганов — тоже... Вы смеетесь? Да ведь я с тактикой: я вру, вру, а вдруг и умное слово скажу, именно тогда, когда они все его ищут. Они окружают меня, а я опять начну врать. На меня уже все махнули; «со способностями, говорят, но с луны соскочил»... Лембке тоже романы пишет.

Ставрогин. Да?

Верховенский. На русском языке, потихоньку, разумеется. Юлия Михайловна знает и позволяет. Колпак; впрочем, с приемами; у них это выработано. Экая строгость форм, экая выдержанность! Вот бы нам что-нибудь в этом роде.

Ставрогин. Вы хвалите администрацию?

Верховенский. Да еще же бы нет! Единственно, что в России есть натурального и достигнутого... Кстати, я все ждал, что ваша матушка так вдруг и брякнет мне главный вопрос... Сначала она была страшно угрюма, а вдруг сегодня приезжаю — вся так и сияет. Это что же?

Ставрогин. Это она потому, что я сегодня ей слово дал через пять дней к Лизавете Николаевне посвататься.

Верховенский *(замявшись)*. А, ну... да, конечно... Там слухи о помолвке, вы знаете? Верно, однако. Но вы правы, она из-под венца прибежит, стоит вам только кликнуть. Вы не сердитесь, что я так?

Ставрогин. Нет, не сержусь.

Верховенский. Здесь иные считают меня даже вашим соперником у Лизаветы Николаевны... Однако, прощайте... Ровно восемь часов: ну, я в путь. На дворе дождь и темень, у меня, впрочем, извозчик, потому что на улицах здесь по ночам беспокойно... Ах, как кстати: здесь в городе и около бродит теперь один Федька Каторжный, беглый из Сибири, представьте, мой бывший дворовый человек, которого папаша лет пятнадцать тому в солдаты упек и деньги взял. Очень замечательная личность.

Ставрогин. Вы... с ним говорили?

Верховенский. Говорил. От меня не прячется. На все готовая личность, на все; за деньги, разумеется, но есть и убеждения, в своем роде, конечно. Ах да, вот и опять кстати: если вы давеча серьезно о том замысле, помните, насчет Лизаветы Николаевны, то возобновляю вам еще раз, что и я тоже на все готовая личность, во всех родах, каких угодно, и совершенно к вашим услугам... Что это, вы за палку хватаетесь? Ах нет... Представьте, мне показалось...

Ставрогин. Подите прочь...

Верховенский *(уже от выхода)*. Я потому так, что ведь Шатов, например, тоже не имел права рисковать тогда жизнью в воскресенье, когда к вам подошел, не так ли? Я бы желал, чтобы вы это заметили.

Верховенский исчезает, увлекая за собой Федьку. Некоторое время Ставрогин остается один. Затем звонит. Входит Алексей Егорыч.

Ставрогин. Одеваться.

Алексей Егорыч выходит. Ставрогин начинает приводить себя в порядок. Входит с платьем и зонтиком в руках Алексей Егорыч.

Алексей Егорыч. По чрезвычайному дождю грязь по здешним улицам нестерпимая.

Ставрогин *(принимая от него фонарик)*. Не заметно ли будет?

Алексей Егорыч. Из окошек заметно не будет, кроме того, что заранее все предусмотрено.

Ставрогин. Матушка почивает?

Алексей Егорыч. Заперлись по обыкновению последних дней ровно в девять часов и узнать теперь для них ничего невозможно. В каком часу вас прикажете ожидать?

Ставрогин. В час, в половине второго, не позже двух.

Алексей Егорыч. Слушаю-с.

Ставрогин. Не закрипела бы дверь?

Алексей Егорыч (*провожает его*). Если изволили предпринять путь отдаленный, то докладываю, будучи неуверен в здешнем народишке, в особенности по глухим переулкам, а паче всего за рекой.

Ставрогин. Не беспокойся, Алексей Егорыч.

Алексей Егорыч. Благослови вас Бог, сударь, но при начинании лишь добрых дел.

Ставрогин (*пораженный*). Как?

Алексей Егорыч. Благослови вас Бог, сударь, но при начинании лишь добрых дел.

Идет затемнение. По авансцене, держа зонтик над головой, проходит Ставрогин. По пути к нему пристраивается Федька.

Федька. Не позволите ли, милостивый господин, зонтиком вашим заодно позаимствоваться?

Ставрогин. Ты меня знаешь?

Федька. Господин Ставрогин, Николай Всеволодович; мне вас на станции в запрошное воскресенье показывали. Кроме того, что прежде были наслышаны.

Ставрогин. Ты... Федька Каторжный?

Федька. Крестили Федором Федоровичем; доселе природную родительницу нашу имеем в здешних краях-с, старушку Божию, к земле растет, за нас ежедневно день и ночь Бога молит, чтобы таким образом своего старушечьего времени даром на печи не терять.

Ставрогин. Ты беглый с каторги?

Федька. Переменил участь. Сдал книги и колокола и церковные дела, потому я был решен вдоль по каторге-с, так очень долго уж сроку приходилось дожидаться.

Ставрогин. Что здесь делаешь?

Федька. Да вот день да ночь — сутки прочь. Дяденька тоже наш на прошлой неделе в остроге здешнем по фальшивым деньгам скончались, так я, по нем поминки

справляя, два десятка камней собакам раскидал, — вот только и дела нашего было пока. Окромя того, Петр Степанович паспортом по всей Расее, чтобы, примерно купеческим, облагодетельствуют, так тоже вот ожидаю их милости. Потому, говорят, папаша тебя в клубе аглицком в карты проиграл; так я, говорят, несправедливым сие бесчеловечие нахожу. Вы бы мне, сударь, согреться, на чаек, три целковых соблаговолили?

Ставрогин. Значит, ты меня здесь стерег; я этого не люблю. По чьему приказанию?

Федька. Чтобы по приказанию, то этого не было-с ничего, а я единственно человеколюбие ваше знавши, всему свету известное. Так вот, не будет ли вашей милости от щедрот; а у меня тут как раз неподалеку кума поджидает, только к ней без рублей не являйся.

Ставрогин. Тебе что же Петр Степанович от меня обещал?

Федька. Они не то чтобы пообещали-с, а говорили на словах-с, что могу, пожалуй, вашей милости пригодиться, если полоса такая, примерно, выйдет, но в чем собственно, того не объяснили, чтобы в точности, потому Петр Степанович меня, примером, в терпении казацком испытывают и доверенности ко мне никакой не питают.

Ставрогин. Почему же?

Федька. Петр Степанович — астролом и все Божии планиды узнал, а и он критике подвержен. Петр Степанович — одно, а вы, сударь, пожалуй что и другое. У того, коли сказано про человека: подлец, так уж, кроме подлеца, он про него ничего и не ведает. Али сказано — дурак, так уж, кроме дурака, у него тому человеку и звания нет. А я, может, по вторникам да по средам только дурак, а в четверг и умнее его... Окромя того, больно скуп. Они в том мнении, что я помимо их не посмею вас беспокоить, а я пред вами, сударь, как пред Истинным, — вот уже четвертую ночь вашей милости на сем мосту поджидая, в том предмете, что и кроме них могу тихими стопами свой собственный путь найти. Лучше, думаю, я уж сапогу поклонюсь, а не лаптю.

Ставрогин. А кто тебе сказал, что я ночью по мосту пойду?

Федька. А уж это, признаться, стороной вышло, больше по глупости капитана Лебядкина, потому что они никак чтоб удержать в себе не умеют... Так три-то

целковых с вашей милости, примером, за три дня и три ночи, за скуку придутся. А что одежды промокло, так уж, из обиды одной, молчим.

Ставрогин. Мне налево, тебе направо. Слушай, Федор, нужды в тебе не имею и не буду иметь, а если ты не послушаешься — свяжу и в полицию. Марш!

Федька. Эх-ма, за компанию по крайности набросьте, веселее было идти-с.

Ставрогин. Пошел!

Федька. Да вы дорогу-то здешнюю знаете ли-с? Ведь тут такие проулки пойдут... я бы мог руководствовать, потому здешний город — это все равно, что черт в корзине нес, да растряс.

Ставрогин. Эй, свяжу!

Федька. Рассудите, может быть, сударь; сироту долго ли избидеть!

Ставрогин. Нет, ты, видно, уверен в себе!

Федька. Я, сударь, в вас уверен, а не то чтоб очинно в себе.

Ставрогин. Не нужен ты мне совсем, я сказал!

Федька. Да вы-то мне нужны, сударь, вот что-с. Подожду вас на обратном пути, так уж и быть.

Ставрогин. Честное слово даю: коли встречу — свяжу.

Федька (отставая). Так я уж и кушачок приготавлию-с. Счастливого пути, сударь, все под зонтиком сироту обогрели, на одном этом по гроб жизни благодарны будем.

Дождь припускает сильнее. Наступает полная тьма, в которой вскоре зажигается огонек лампадки под образом Спаса. Комната Шатова. Хозяин склонился над книгой. Легкий стук в дверь. Шатов вопросительно вскидывает голову. Входит Ставрогин.

Ставрогин. Вы примете меня по делу?

Шатов. Войдите... Заприте дверь, постойте, я сам. (Запирает дверь, бросается к гостю.) Вы меня измучили. Зачем вы не приходили?

Ставрогин. Вы так уверены были, что я приду?

Шатов. Да, постойте, я бредил... может, и теперь брежу... Постойте. (Вынимает откуда-то из-под стола револьвер.) В одну ночь я бредил, что вы придете меня убивать, и утром рано у бездельника Лямшина купил револьвер на последние деньги; я не хотел вам даваться. Потом я пришел в себя... Постойте... (Он бросается к окну.) У меня ни пороху, ни пуль.

Ставрогин. Не выкидывайте, зачем? Он денег стоит, а завтра люди начнут говорить, что у Шатова под окном валяются револьверы. Положите опять, вот так... Я и теперь не примириться пришел, а говорить о необходимом. Разъясните мне, во-первых, вы меня ударили не за связь мою с вашей женой?

Шатов. Вы сами знаете, что нет.

Ставрогин. Стало быть, и я угадал, и вы угадали. Вы правы: Марья Тимофеевна Лебядкина — моя законная, обвенчанная со мною жена, в Петербурге, года четыре с половиной назад. Ведь вы меня за нее ударили?

Шатов. Я угадал и не верил...

Ставрогин. И ударили?

Шатов. Я за ваше падение... за ложь. Я за то, что вы так много значили в моей жизни... Я...

Ставрогин. Понимаю, понимаю, берегите слова. Мне жаль, что вы в жару; у меня самое необходимое дело.

Шатов. Я слишком долго вас ждал... Говорите ваше дело, я тоже скажу... потом...

Ставрогин. По некоторым обстоятельствам я принужден был сегодня же выбрать такой час и идти к вам предупредить, что, может быть, вас убьют.

Шатов. Вам-то почему это может быть известно?

Ставрогин. Потому что я тоже принадлежу к ним как и вы...

Шатов. Вы... вы член общества?

Ставрогин. Я по глазам вашим вижу, что вы всего от меня ожидали, только не этого. Но позвольте, стало быть вы уже знали, что на вас покушаются?

Шатов (*горячо*). Я их не боюсь. Я с ними разорвал... Что ж, собственно, вам тут известно?

Ставрогин (*холодно*). Вы экзаменуете, что мне известно? Мне известно, что вы вступили в это общество за границей, два года тому назад, и еще при старой его организации, как раз пред вашей поездкой в Америку...

Шатов. Продолжайте, пожалуйста...

Ставрогин. В Америке вы переменяли ваши мысли и, возвратясь в Швейцарию, хотели отказаться. Они вам ничего не ответили, но поручили принять здесь, в России, от кого-то какую-то типографию и хранить ее до сдачи лицу, которое к вам от них явится. Вы же, в надежде или под условием, что это будет последним их требованием

и что вас после того отпустят совсем, взялись. Но вот чего вы, кажется, до сих пор не знаете: эти господа вовсе не намерены с вами расстаться.

Ш а т о в. Я объявил честно, что я расхожусь с ними во всем! Это мое право, право совести и мысли... Я не потерплю! Нет силы, которая бы могла...

С т а в р о г и н. Вы не кричите. Этот Верховенский такой человек, что, может быть, нас теперь подслушивает, своим или чужим ухом. Даже пьяница Лебядкин чуть ли не обязан был за вами следить, а вы, может быть, за ним, не так ли?

Ш а т о в. Если б я и был шпион, то кому доносить? Нет, оставьте меня, к черту меня! Вы, вы, Ставрогин, как могли вы затереть себя в такую бесстыдную, бездарную лакейскую нелепость!

С т а в р о г и н. Извините, но вы, кажется, смотрите на меня как на какое-то солнце, а на себя как на какую-то букашку сравнительно со мной.

Ш а т о в. Вы... вы знаете... Ах, бросим лучше обо мне совсем, совсем! Если можете что-нибудь объяснить о себе, то объясните...

С т а в р о г и н. С удовольствием. Я отчасти участвовал в реорганизации общества по новому плану, и только. Но они теперь одумались и решили про себя, что и меня отпустить опасно, и, кажется, я тоже приговорен.

Ш а т о в. О, у них все смертная казнь и все на предписаниях, на бумагах с печатями, три с половиной человека подписывают. И вы верите, что они в состоянии!

С т а в р о г и н. Тут отчасти вы правы, отчасти нет. Сомнения нет, что много фантазии, как и всегда в этих случаях: кучка преувеличивает свой рост и значение. Что же касается до их здешних намерений, то ведь движение нашей русской организации такое дело темное и почти всегда такое неожиданное, что действительно у нас все можно попробовать. Заметьте, что Верховенский человек упорный.

Ш а т о в. Этот клоп, невежда, дуралей, не понимающий ничего в России!

С т а в р о г и н. Вы его мало знаете. Он очень в состоянии спустить курок. Они уверены, что я тоже шпион. Все они, от неуменья вести дело, ужасно любят обвинять в шпионстве.

Ш а т о в. Но ведь вы не боитесь?

Ставрогин. Н-нет... Я не очень боюсь... Но ваше дело совсем другое. И не на таких, как мы с вами, у них подымалась рука. А впрочем, четверть двенадцатого. Мне хотелось бы сделать вам один совсем посторонний вопрос.

Шатов *(в волнении)*. Делайте, делайте ваш вопрос, ради Бога. Но с тем, что и я вам сделаю вопрос. Я умоляю, что вы позволите... я не могу... делайте ваш вопрос!

Ставрогин *(после паузы)*. Я слышал, что вы имели здесь некоторое влияние на Марию Тимофеевну... Так ли это?

Шатов. Да...

Ставрогин. Я имею намерение на этих днях публично объявить здесь в городе о браке моем с нею.

Шатов *(почти в ужасе)*. Разве это возможно?

Ставрогин. Тут нет никаких затруднений; свидетели брака здесь. Все это произошло тогда в Петербурге совершенно законным и спокойным образом, а если не обнаруживалось до сих пор, то потому только, что двое единственных свидетелей брака, Кириллов и Петр Верховенский, и, наконец, сам Лебядкин (которого я имею удовольствие считать теперь моим родственником) дали тогда слово молчать.

Шатов *(закрыв лицо руками)*. Знаете ли, знаете ли вы, по крайней мере, для чего вы все это наделали и для чего решаетесь на такую кару теперь?

Ставрогин. Я с прискорбием вижу, что вы в лихорадке.

Шатов. Я уважения прошу к себе, требую! Оставьте ваш тон и возьмите человеческий. Я не для себя, а для вас. Понимаете ли, что вы должны простить мне этот удар по лицу уже по тому одному, что я дал вам случай познать при этом вашу беспредельную силу... Опять вы улыбаетесь вашей брезгливою светскою улыбкой. О, когда вы поймете меня!

Ставрогин. Позвольте, однако, напомнить, что я начал было целую к вам просьбу насчет Марьи Тимофеевны... И вы мне не дали докончить.

Шатов. Э, ну, вздор, потом!.. Вы атеист? Теперь атеист?

Ставрогин. Да.

Шатов. Если бы веровали!? Не вы ли говорили мне, что если бы математически доказали вам, что истина вне

Христа, то вы бы согласились лучше остаться с Христом, нежели с истиной? Говорили вы это? Говорили?

Ставрогин. Но позвольте же и мне, наконец, спросить, к чему ведет весь этот нетерпеливый и... злобный экзамен?

Шатов. Я глуп и неловок, но погибай мое имя в смешном! Дозволите ли вы мне повторить пред вами всю главную вашу тогдашнюю мысль... О, только десять строк, одно заключение.

Ставрогин. Повторите, если только одно заключение...

Шатов (*прямо в зал*). Ни один народ еще не устраивался на началах науки и разума; не было ни разу такого примера, разве на одну минуту, по глупости. Социализм по существу своему уже должен быть атеизмом, ибо именно провозгласил, с самой первой строки, что он установление атеистическое и намерен устроиться на началах науки и разума исключительно. Разум и наука в жизни народов всегда, теперь и с начала веков, исполняли лишь должность второстепенную и служебную; так и будет исполнять до конца веков. Народы слагаются и движутся силой иною, повелевающею и господствующею, но происхождение которой неизвестно и необъяснимо. Эта сила есть сила неутолимого желания дойти до конца и в то же время конец отрицающая. Это есть сила непрерывного и неустанного подтверждения своего бытия и отрицания смерти... «Искание Бога» — как называю я всего проще. Цель всего движения народного, во всяком народе и во всякий период его бытия, есть единственно лишь искание Бога, Бога своего, непременно собственно, и вера в Него как в Единого Истинного. Бог есть синтетическая личность всего народа, взятого с начала его и до конца. Никогда еще не было, чтоб у всех или у многих народов был один общий Бог, но всегда и у каждого был особый. Признак уничтожения народностей, когда боги начинают становиться общими... Чем сильнее народ, тем особливее его Бог. Никогда не было еще народа без религии, то есть без понятия о зле и добре... Никогда разум не в силах был определить зло и добро, или даже отделить зло от добра, хотя приблизительно; напротив, всегда позорно и жалко смешивал; наука же давала разрешения кулачные. В особенности этим отличалась полнаука, самый страшный бич человечества, хуже мора,

голода и войны, не известный до нынешнего столетия. Полунаука — это деспот, каких еще не приходило до сих пор никогда. Деспот, имеющий своих жрецов и рабов, деспот, пред которым все преклонилось с любовью и с суеверием, до сих пор немислимым, пред которым трепещет даже сама наука и постыдно потакает ему. Все это ваши собственные слова...

Ставрогин *(после долгой паузы)*. Я хотел... узнать: веруете вы сами в Бога или нет?

Шатов *(взволнованно)*. Я верую в Россию... Я верую в Тело Христово... Я верую, что новое пришествие совершится в России... Я верую...

Ставрогин *(жестко)*. А в Бога? В Бога?

Шатов *(твердо, почти в исступлении)*. Я... я буду веровать в Бога. Но погибай мое имя!.. Я человек без таланта и могу только отдать свою кровь и ничего больше, как всякий человек без таланта. Погибай же и моя кровь! Я о вас говорю, я вас два года здесь ожидал... Вы, вы одни могли бы поднять это знамя!..

Ставрогин. Почему это мне все навязывают какое-то знамя? Петр Верховенский тоже убежден, что я мог бы «поднять у них знамя», по крайней мере мне передавали его слова. Он задался мыслию, что я мог бы сыграть для них роль Стеньки Разина «по необыкновенной способности к преступлению», — тоже его слова.

Шатов. Как? «По необыкновенной способности к преступлению»?

Ставрогин. Именно.

Шатов. Вы бледнеете?

Ставрогин. Я, однако, вас не убил... в то утро... а взял обе руки назад...

Шатов. Договаривайте, договаривайте!.. Разве я не буду целовать следов ваших ног, когда вы уйдете? Я не могу вас вырвать из моего сердца, Николай Ставрогин!

Ставрогин *(тихо)*. Я к вам больше не приду, Шатов. *(Гасит свечу в его руках.)*

Шаги Ставрогина удаляются в ночи. Дождь все сильнее. Слышатся разрозненные звуки спящего города. Затем происходит легкая возня в темноте. Свет неожиданно распахнувшейся двери выхватывает из тьмы столкнувшихся вплотную Ставрогина и Лебядкина. Дальнейший разговор происходит у дворового столика, на который Лебядкин ставит фонарь.

Лебядкин. Это вы-с? Вы-с?

Ставрогин. Я.

Лебядкин. Наконец-то-с! Пожалуйте зонтичек... милости просим, милости просим.

Ставрогин (*смотрит на часы*). Три четверти первого...

Лебядкин. Часов у меня нет, а из окна одни огороды, так что... отстаешь от событий... но, собственно, не в ропот, а единственно лишь от нетерпения, снедаемого всю неделю...

Ставрогин. Как?

Лебядкин. Судьбу свою услышать, Николай Всеволодович.

Ставрогин. Гм...

Лебядкин. Вот-с, живу Зосимой. Трезвость, уединение и нищета — обет древних рыцарей.

Ставрогин. Вы полагаете, что древние рыцари давали такие обеты?

Лебядкин. Может быть, сбился? Увы, мне нет развития! Все погубил. А что я был, чем я был? Ночью дую без ночлега, днем же высунув язык, — по гениальному выражению поэта!.. Не угодно ли будет чаю?

Ставрогин. Не беспокойтесь. Скажите, Марья Тимофеевна...

Лебядкин. Здесь, здесь, угодно будет взглянуть?

Ставрогин. Не спит?

Лебядкин. О нет, нет, возможно ли? Напротив, еще с самого вечера ожидает...

Ставрогин. Как она вообще?

Лебядкин (*сожалительно*). Сами изволите знать, а теперь... теперь сидит в карты гадает...

Ставрогин. Хорошо, потом; сначала надо кончить с вами. Я вижу, что вы вовсе не переменялись, капитан, в эти с лишком четыре года.

Лебядкин. Высокие слова! Вы разрешаете загадку жизни! Вы еще в Петербурге высказали: «Нужно быть действительно великим человеком, чтобы суметь устоять даже против здравого смысла». Вот-с!

Ставрогин. Ну, равно и дураком.

Лебядкин. Так-с, пусть и дураком, но вы всю жизнь вашу сыпали остроумием, а они? Пусть Петр Степанович хоть что-нибудь подобное изрекут! О, как жестоко поступал со мной Петр Степанович!..

Ставрогин. Но ведь и вы, однако же, капитан, как сами-то вы вели себя?

Лебядкин. Пьяный вид и к тому же бездна врагов моих! Но теперь все, все проехало, и я обновляюсь, как змей. Знаете ли, что я пишу мое завещание?

Ставрогин. Любопытно. Что же вы оставляете и кому?

Лебедкин (с пафосом). Отчеству, человечеству и студентам. Я прочел в газетах биографию об одном американце. Он оставил все свое огромное состояние на фабрики, на положительные науки, свой скелет студентам, в тамошнюю академию, а свою кожу на барабан, с тем чтобы денно и ночью выбивать на нем американский национальный гимн. Увы, мы пигмеи сравнительно с полетом мысли Северо-Американских Штатов. Попробуй я завещать мою кожу на барабан, примерно в Акмолинский пехотный полк, в котором имел честь начать службу, с тем чтобы каждый день выбивать на нем пред полком русский национальный гимн, сочтут за либерализм, запретят мою кожу... и потому ограничился одними студентами. Вот-с!

Ставрогин. Вы, стало быть, намерены опубликовать ваше завещание?

Лебядкин. А хоть бы и так? Ведь судьба-то моя какова! Даже стихи перестал писать... Написал только одно стихотворение, как Гоголь «Последнюю повесть». Так и я, пропел, и баста.

Ставрогин. Какое же стихотворение?

Лебядкин. «В случае, если б она сломала ногу»!

Ставрогин. Что-о?

Лебядкин. «В случае, если б она сломала ногу», то есть в случае верховой езды. Фантазия, Николай Всеволодович, бред, но бред поэта...

Ставрогин. Вы, кажется, предлагали себя в женихи?

Лебядкин. Враги, враги и враги!

Ставрогин (сурово). Скажите стихи.

Лебядкин (встает в позу). «Краса красот сломала член/И интересней вдвое стала,/И вдвое сделался влюблен/ Влюбленный уж немало».

Ставрогин. Ну, довольно!

Лебядкин. Мечтаю о Питере, мечтаю о возрождении... Благодетель! Могу ли рассчитывать...

Ставрогин. Ну нет, уж извините, у меня совсем почти не осталось средств, да и зачем мне вам деньги да-

вать?.. К тому же на днях, может быть даже завтра или послезавтра, я намерен свой брак сделать повсеместно известным, как полиции, так и обществу, а, стало быть, кончится сам собою и вопрос о фамильном достоинстве, а вместе с тем и вопрос о моих вам субсидиях.

Лебядкин (*потерянно*). Но ведь она... полоумная? А я-то как же?

Ставрогин. Ну, разумеется, вы не войдете в дом.

Лебядкин. Вы, может быть, шутите-с, Николай Всеволодович?

Ставрогин. Вы ужасно глупы, капитан.

Лебядкин. Прежде за ее службу там в углах по крайней мере нам квартиру давали, а теперь что же будет, если вы меня совсем бросите?

Ставрогин. Кстати, правда, я слышал, что вы намерены ехать в Петербург с доносом, в надежде получить прощение, объявив всех других?

Лебядкин (*ошарашенно*). Нет-с, ничего не успел и... не думал...

Ставрогин. Если не писали, то не сболтнули ли чего-нибудь кому-нибудь здесь?

Лебядкин (*растерянно*). В пьяном виде Липутину... Я открыл ему сердце.

Ставрогин. Сердце сердцем, но не надо же быть и дуралеем. Нынче умные люди молчат, а не разговаривают.

Лебядкин. Николай Всеволодович, посудите, посудите! Увлекся спервоначалу, просто по дружбе, как верный студент, хотя и не будучи студентом. Разбрасывал разные бумажки на лестницах, оставлял десятками у дверей, у звонков, засовывал вместо газет, в театр проносил, в шляпы совал, в карманы пропускал. А потом и деньги стал от них получать, потому что средства-то, средства-то мои каковы-с!.. Здесь провозглашал свободу социальной жены... В июне опять разбрасывал. Говорят, еще заставят... Петр Степанович вдруг дает знать, что я должен слушаться; давно уже угрожает. Ведь как он в воскресенье тогда поступил со мной! Николай Всеволодович, я раб, я червь, но не Бог, тем только и отличаюсь от Державина. Но ведь средства-то, средства-то мои каковы!

Ставрогин. В Петербург вас, конечно, не пустят, хотя б я вам и дал денег на поездку... а впрочем, к Марье Тимофеевне пора.

Лебядкин. Неужели вы меня так и сбросите, как старый изношенный сапог?

Ставрогин *(смеется)*. Я посмотрю.

Лебядкин *(воспрянул духом)*. Не прикажете ли, я на крылечке постою-с... чтобы как-нибудь невзначай чего не подслушать...

Ставрогин. Это дело; по стойте на крыльце. Возьмите зонтик.

Лебядкин *(сладко)*. Зонтик, ваш... стоит ли для меня-с?

Ставрогин. Зонтика всякий стоит.

Лебядкин *(восторженно)*. Разом определяете минимум прав человеческих... Сюда пожалуйста... *(Берет со стола и передает ему фонарь, тут же выпадая из полосы света.)*

Одинокий фонарь некоторое время блуждает в темноте под унылый шум дождя. Затем освещается крохотная комната, где перед зеркалом-столом прихорашивается Марья Тимофеевна.

Ставрогин *(входя и ставя фонарь на колченогий стол)*. Виноват, напугал я вас, Марья Тимофеевна...

Марья Тимофеевна *(тревожно оборачивается)*. Здравствуйте, князь.

Ставрогин *(ласково)*. Должно быть, сон дурной видели?

Марья Тимофеевна *(испуганно)*. А вы почему узнали, что я *про это* сон видела?..

Ставрогин. Оправьтесь, полноте, чего бояться, неужто вы меня не узнали?

Марья Тимофеевна. Слушайте, князь... Слушайте, князь, как сказали вы мне тогда в карете, что брак будет объявлен, я тогда же испугалась, что тайна кончится. Теперь уж и не знаю; все думала и ясно вижу, что совсем не гожусь. Нарядиться сумею, принять тоже, пожалуй, могу: эка беда на чашку чая пригласить, особенно коли есть лакеи. Но ведь все-таки как посмотрят со стороны. Конечно, с графини требуются только душевные качества, — потому что для хозяйственных у ней много лакеев, — да еще какое-нибудь светское кокетство, чтоб уметь принять иностранных путешественников.

Ставрогин *(криво)*. Не бойтесь и не тревожьтесь.

Марья Тимофеевна *(словно просыпаясь)*. Вы-то, спрашивается, зачем появились, скажите пожалуйста?

Ставрогин. Вы за что-то очень сердитесь, уж не боитесь ли, что я вас разлюбил?

Марья Тимофеевна. Я сама боюсь, чтобы кого очень не разлюбить. *(Задумчиво.)* Виновата я, должно быть, перед ним в чем-нибудь очень большом. Вот не знаю только, в чем виновата, вся в этом беда моя век. Молюсь я, бывало, молюсь и все думаю про вину мою великую перед ним. Ан вот и вышло, что правда была.

Ставрогин. Да что с вами?

Марья Тимофеевна *(снова в полузабытьи)*. Я прошу вас, князь, встаньте и войдите.

Ставрогин. Как войдите? Куда я войду!

Марья Тимофеевна. Я все пять лет только и представляла себе, как он войдет. Встаньте сейчас и уйдите за дверь, в ту комнату. Я буду сидеть, как будто ничего не ожидая, и возьму в руки книжку, и вдруг вы войдите после пяти лет путешествия. Я хочу посмотреть, как это будет.

Ставрогин *(нетерпеливо ударяя ладонью по столу)*. Довольно. Прошу вас, Марья Тимофеевна, меня выслушать. Сделайте одолжение, соберите, если можете, все ваше внимание. Не совсем же ведь вы сумасшедшая! Завтра я объявляю наш брак. Хотите жить со мною всю жизнь, но только очень отсюда далеко?

Марья Тимофеевна *(опять прозревая)*. А вы что такое, чтоб я с вами ехала? Ишь подъехал. Нет, не может того быть, чтобы сокол филином стал. Не таков мой князь!

Ставрогин. С чего вы меня князем зовете и... за кого принимаете?

Марья Тимофеевна. Как? разве вы не князь?

Ставрогин. Никогда им и не был.

Марья Тимофеевна. Господи! Всего от врагов его ожидала, но такой дерзости — никогда! *(Надвигается на гостя.)* Жив ли он? Убил ты его или нет, признавайся!

Ставрогин. За кого ты меня принимаешь?

Марья Тимофеевна. Весь ваш обман насквозь вижу; всех вас, до одного, понимаю!.. Похож-то ты очень похож. Только мой — ясный сокол и князь, а ты — сыч и купчишка! Мой-то и Богу, захочет, поклонится, а захочет, и нет, а тебя Шатушка *(милый мой, родимый, голубчик мой!)* по щекам отхлестал. Как увидала я твое низ-

кое лицо, когда упала, а ты меня подхватил, — точно червь ко мне в сердце заполз: не он, думаю, не он! О Господи! да я уж тем только была счастлива, что сокол мой где-то там, за горами живет и летает, на солнце взирает... Говори, самозванец, много ли взял? За большие ли деньги согласился? Я бы гроша тебе не дала. Ха-ха-ха! Прочь, самозванец! Я моего князя жена! *(Надвигаясь на него, Марья Тимофеевна задевает ветхий стол, валит его, свет гаснет. И уже в полной тьме она испуганно кричит.)* Гришка От-реп-ев а-на-фе-ма!

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

У ЮРОДИВОГО

Губернское общество почти в полном составе; мы видим всех основных героев спектакля, сидящих, словно в седлах, на кончиках перевернутых вверх ножками столов; они скачут по кругу сцены, сопровождаемые зычным басом Флибустьерова: «Посторони-ись! Посторони-ись! Посторони-ись». Яркая кавалькада исходит праздничным возбуждением.

Автор *(выделяясь из общего строя)*. Два дня спустя все отправились за реку, в дом купца Севостьянова, у которого во флигеле, вот уже лет с десять, проживал на покое, в довольстве и в холе, известный не только у нас, но и по окрестным губерниям и даже в столицах Семен Яковлевич, наш блаженный и пророчествующий.

Пестрая ватага вваливается в комнату Юродивого. Тот сидит на полу, поджав под себя ноги, в клетушке, отгороженной тремя поставленными «на попа» столами. Вокруг него, прислуживая ему, вертится Федька Каторжный в монашеском одеянии.

Юлия Михайловна. Семен Яковлевич, скажите мне что-нибудь, я так давно желала с вами познакомиться.

Юродивый *(тычет в нее пальцем)*. Внакладку! Юлия Михайловна *(пьет поднесенный ей Федькой стакан, давится)*. Господи!

Юродивый. Еще сахару!

На помощь губернаторше спешит одна из дам.

Дамы. Батюшка! Семен Яковлевич! Благодати ожидаю. Изреките!

Ю р о д и в ы й (Федьке). Спроси.

Ф е д ь к а. Исполнили ли то, что приказал в прошлый раз Семен Яковлевич?

Д а м а. Исполнила, батюшка.

Ю р о д и в ы й. Дать ей.

Федька бросается исполнять приказание, принося и подавая даме целую голову сахара.

Д а м а. Куда мне столько!

Ю р о д и в ы й. Еще, еще!

Федька обкладывает даму сахарными головами.

Д а м а. Да уж не пророчество ли какое?..

П е р в ы й г о л о с. Господи, Господи! видимое пророчество.

Ю р о д и в ы й. Еще ей фунт, еще!

Т р е т ь и й г о л о с. Усладите вперед сердце ваше добротой и милостию... вот что, должно полагать, означает эмблема сия.

Ю р о д и в ы й. Одну отнять, отними!

Федька исполняет приказ.

Гони, гони!

Выталкиваемый остальными, вперед выдвигается Л я м ш и н.

Л я м ш и н. Семен Яковлевич, видел я во сне птицу, галку, вылетела из воды и полетела в огонь. Что сей сон значит?

Ю р о д и в ы й (не замечая его, тычет пальцем в сторону стоящего у двери Флибустьерова). Спроси!

Ф е д ь к а (оскаля зубы, подступает к приставу). Чем согрешили? И не велено ль было чего исполнить?

Ф л и б у с ь е р о в (угрюмо). Не драться, рукам воли не давать.

Ф е д ь к а. Исполнили?

Ф л и б у с ь е р о в. Не могу выполнить, собственная сила одолевает.

Ю р о д и в ы й. Гони, гони! Метлой его, метлой!

Флибустьерова заталкивают в толпу.

Ф е д ь к а (поднимает с полу монету). На месте златницу оставили.

Ю р о д и в ы й (указывает на Липугина). Вот кому!

Федька (*прячет монету за пазуху*). Злато к злату.
Юродивый (*кивает на Автора*). А этому внакладку.

Федька бросается исполнять распоряжение, но в это время вперед протискивается **Виргинская**.

Виргинская. Семен Яковлевич, неужто не «изречете» и мне чего-нибудь? А я так много на вас рассчитывала.

Юродивый. Кол в тебя, мать твою так!..

Поднимается визг и шум, дамы бросаются к выходу, мужчины торопятся следом за ними. Последними у выхода оказываются **Ставрогин** и **Лиза**. На пороге они сталкиваются, некоторое время смотрят друг на друга, **Лиза** поднимает руку словно для удара, но в последнее мгновение **Николай Всеволодович** перехватывает ее руку и прикивает губами к тыльной стороне ладони.

Юродивый (*в наступающей темноте*). Миловзоры, миловзоры!.. К морозу это! Гони их, **Федька!**

Грохочет гром, и затем молния рассекает темь. Слышен гул грозового ливня.

Голос (*читает из «Откровения святого Иоанна Богослова»*). Побеждающий наследует все, и буду ему Богом, и он будет Мне сыном; боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов — участь в озере, горящем огнем и серою; это — смерть вторая.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КАРТИНА ПЯТАЯ

У НАШИХ

Трубит петух на монастырской башне. Медленно освещается перспектива лубочного города. В глубине затемненной сцены, каждый за своим столиком, сидят основные герои романа: **Марья Тимофеевна**, **Шигалев**, **Кириллов**, **Виргинский**, **Виргинская**, **Толкаченко**, **Лямшин**, **Лебядкин**, оба **Лембке**, **Липутин**, **Эркель**, **Петр Верховенский**, **Ставрогин** и другие.

По просцениуму, под немецкий строевой марш, движется торжественная процессия: Федька Каторжный, в солдатской форме, толкает впереди себя тачку, нагруженную рукописями и книгами, покрытыми сверху фартуком, за ним — Флибустьеров, замыкает шествие Блюм с конторской папкой под мышкой. Как только они исчезают, появляется Степан Трофимович. Изумленно озираясь, он спешит следом за ними. В глубине сцены загорается свет над столиком
А в т о р а.

А в т о р (*читает раскрытое перед ним Евангелие*). «Тут на горе паслось большое стадо свиней, и они просили Его, чтобы позволил им войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло. Пастухи, увидя случившееся, побежали и рассказали в городе и по деревням. И вышли жители посмотреть случившееся и, пришедши к Иисусу, нашли человека, из которого вышли бесы, сидящего у ног Иисусовых одетого и в здравом уме, и ужаснулись. Видевшие же рассказали им, как исцелился бесновавшийся».

Вполне допустимо, чтобы фоном авторскому чтению служила немая кинохроника, склеенная из современной документалистики.

С т е п а н Т р о ф и м о в и ч. Cher! (*Бросается к Автору.*) Я к вам к одному... и никто ничего не знает. Надо велеть запереть двери и не впускать никого... Меня описали!

А в т о р. Не Блюм ли?

С т е п а н Т р о ф и м о в и ч. Блюм. Именно он так и назвался... Я спал еще, и, вообразите, он попросил меня «взглянуть» на мои книги и рукописи... Он меня не арестовал, а только книги... Само собою, я тотчас все понял. Я ему отпер все ящики и передал все ключи... Из книг он взял заграничные издания Герцена, переплетенный экземпляр «Колокола», четыре списка моей поэмы... Затем бумаги и письма... Солдат в тачке сvez и фартуком накрыли... Боже мой, фартуком!

А в т о р. Степан Трофимович, ведь это сон, что вы рассказываете!

С т е п а н Т р о ф и м о в и ч (*всплескивая руками*). Вот придут, возьмут, и фью — исчез человек.

А в т о р. Господи! Кто придет? Кто вас возьмет!

С т е п а н Т р о ф и м о в и ч (*словно не слыша*). Тут, наверно, телеграмма из Петербурга была.

А в т о р. Телеграмма! Про вас? Это за сочинения-то

Герцена да за вашу поэму, с ума вы сошли, да за что тут арестовывать?

Степан Трофимович (*загадочно*). Кто может знать в наше время, за что его могут арестовать?

Автор (*горячо*). Степан Трофимович, скажите мне, как другу, как истинному другу, я вас не выдам: принадлежите вы к какому-нибудь тайному обществу или нет?

Степан Трофимович (*с важной таинственностью*). Ведь как это считать...

Автор. Как «как считать»?

Степан Трофимович (*гордо*). Когда принадлежишь всем сердцем прогрессу и... кто может заручиться: думаешь, что не принадлежишь, ан, смотришь, окажется, что к чему-нибудь и принадлежишь.

Автор. Как это можно, тут — да или нет?

Степан Трофимович (*вспоминая*). Когда-то мы с нею хотели там основать журнал. Вот где корень. Мы тогда ускользнули, и они нас забыли, а теперь вспомнили. Сег, сег, разве вы не знаете! У нас возьмут, посадят в кибитку, и марш в Сибирь на весь век, или забудут в каземате...

Свет над ним гаснет. Автор снова остается наедине с залом.

Автор. Скажу прямо: Степан Трофимович постоянно играл между нами некоторую особую и, так сказать, гражданскую роль и любил эту роль до страсти, — так даже, что, мне кажется, без нее и прожить не мог. Не то чтоб уж я его приравнивал к актеру на театре: сохрани Боже, тем более что сам его уважаю. Тут все могло быть делом привычки, или, лучше сказать, непрерывной и благородной склонности, с детских лет, к приятной мечте о красивой гражданской своей постановке. Он, например, чрезвычайно любил свое положение «гонимого» и, так сказать, «ссылного»... В свое время в Москве схвачена была поэма Степана Трофимовича, ходившая по рукам, в списках, между двумя любителями и у одного студента. Я в прошлом году предлагал Степану Трофимовичу ее напечатать, за совершенную ее, в наше время, невинностью, но он отклонил предложение с видимым неудовольствием. Мнение о совершенной невинности ему не понравилось, и я даже приписываю тому некоторую холодность его со мной, продолжавшуюся целых два месяца. И что же? Вдруг, и почти тогда же, как я предлагал напечатать здесь, — печатают нашу поэму там, то есть

за границей, в одном из революционных сборников, и совершенно без ведома Степана Трофимовича. Он был сначала испуган, бросился к губернатору и написал благороднейшее оправдательное письмо в Петербург, читал мне его два раза, но не отправил, не зная, кому адресовать. Одним словом, волновался целый месяц; но я убежден, что в таинственных изгибах своего сердца был польщен необыкновенно. Он чуть не спал с экземпляром доставленного ему сборника, а днем прятал его под тюфяк и даже не пускал женщину перестилать постель, и хоть ждал каждый день откуда-то какой-то телеграммы, но смотрел свысока. Телеграммы никакой не пришло. Тогда же он и со мной примирился, что и свидетельствует о чрезвычайной доброте его тихого и незлопамятного сердца... Мало-помалу около него утвердился кружок приятелей, впрочем, постоянно небольшой. Одно время в городе передавали о нас, что кружок наш — рассадник вольнодумства, разврата и безбожия; да и всегда крепился этот слух. А между тем у нас была одна самая невинная, милая, вполне русская веселенькая либеральная болтовня.

На освещенную середину сцены **Л и п у т и н** выдвигает свой столик, утверждает за ним.

Л и п у т и н (*указательным пальцем проводит вокруг своей шеи*). А жаль, если господам помещикам бывшие их крепостные и в самом деле нанесут на радостях некоторую неприятность.

С т е п а н Т р о ф и м о в и ч (*вплотную придвигая свой столик к авторскому*). Я в Бога верую, я верую, как в Существо, Себя лишь во мне сознающее. Не могу же я веровать, как моя Настасья (служанка)...

Ш а т о в (*присоединяясь к ним*). Вот почему и вы все, и мы все теперь — или гнусные атеисты, или равнодушная, развратная дрянь, и ничего больше!

К и р и л л о в (*тоже присоединяясь*). Если Бог есть, то вся воля Его, и из воли Его я не могу. Если нет, то вся воля моя, и я обязан заявить своеволие.

Л е б я д к и н (*вполпьяна, придвигая свой столик*). Если Бога нет, то какой же я капитан!

Постепенно из придвигаемых вплотную столиков образуется один большой стол. По обе стороны сцены, друг против друга, высвечиваются фигуры Петра Верховенского и Ставрогина. Тем временем стол посреди площадки все увеличивается.

Верховенский (*комментируя появление каждого нового действующего лица*). Горячий народ. Книжки вынули, спорить собираются. Виргинский (*тот кланяется в зрительный зал*) — общечеловек. Липутин (*делает то же самое*) — фурьерист, при большой склонности к полицейским делам; а тот (*в сторону Шигалева*), с длинными ушами, тот свою собственную систему прочитает... Ну, об остальных сами узнаете...

Ставрогин (*брезгливо*). Вы там каким-нибудь шефом меня представили?

Верховенский (*со смешком*). Нет, покамест не из высшей полиции. Довольно, пришли. Сочините-ка вашу физиономию, Ставрогин; я всегда сочиняю, когда к ним вхожу. Побольше мрачности, и только, больше ничего не надо; очень нехитрая вещь.

Оба исчезают. Вынырнувший из темноты Федька Каторжный, все в той же солдатской форме, накрывает сдвинутые в один столики ярко-кумачовой скатертью, ставит фонарь, отступает в полумрак. Мы почти не замечаем, как постепенно ступеньваются, отступают на задний план, все недавние члены кружка Степана Трофимовича вместе со своим маститым наставником. Новые люди и новые лица теснятся вокруг стола, над которым виснет сизый папиросный дым. Входят Верховенский и Ставрогин. Эркель мгновенно вытягивается по стойке «смирно».

Виргинская (*обозначаясь на председательском месте, к вошедшим гостям*). Ставрогин, до вас тут кричали сейчас о правах семейства — вот этот офицер. (*Кивает на родственника своего, майора.*) И уж, конечно, не я стану вас беспокоить таким старым вздором, давно порешенным. Но откуда, однако, могли взяться права и обязанности семейства в смысле того предрассудка, в котором теперь представляются? Вот вопрос. Ваше мнение?

Ставрогин (*ошарашенно*). Как откуда могли взяться?

Студентка (*вскакивая и краснея от волнения*). То есть мы знаем, например, что предрассудок о Боге произошел от грома и молнии. Но откуда произошел предрассудок о семействе? Откуда могло взяться само семейство.

Офицер (*стукнув кулаком по столу, к Ставрогину*). Вот все они так! Нет-с, позвольте, я либерализм и современность люблю и люблю послушать умные разговоры, но предупреждаю — от мужчин. Но от женщин,

но вот от современных этих разлетаек — нет-с, это боль моя!

Виргинская (*оскорбленно поджимая губы*). Вы только мешаете другим, а сами ничего не умеете сказать.

Офицер (*с горячностью*). Нет, уж я выскажу! Я на вас, господин Ставрогин, как на нового вошедшего человека рассчитываю, хотя и не имею чести вас знать. Без мужчин они пропадут, как мухи, — вот мое мнение. Весь их женский вопрос это — один только недостаток оригинальности... Вот-с, я ее на руках носил, с ней, десятилетней, мазурку танцевал, сегодня она приехала, натурально лечу обнять, а она мне со второго слова объявляет, что Бога нет. Да хоть бы с третьего, а не со второго, а то спешит! Ну, положим, умные люди не веруют, так ведь это от ума, а ты-то, говорю, пузырь, ты что в Боге понимаешь? Ведь тебя студент научил, а научил бы лампадки зажигать, ты бы и зажигала... Дурында!

Студентка. А вы дурак!

Офицер. Ругайся!

Липутин. Но позвольте, Капитон Максимович, ведь вы сами же говорили мне, что в Бога не веруете.

Офицер. Что ж, что я говорил, я другое дело! Я, может, и верую, но только не совсем. Я хоть и не верую вполне, но все-таки не скажу, что Бога расстрелять надо, Я, еще в гусарах служа, насчет Бога задумывался. Во всех стихах принято, что гусар пьет и кутит; так-с, я, может, и пил, но, верите ли, вскочишь ночью с постели в одних носках и давай кресты крестить пред образом, чтобы Бог веру послал, потому что я и тогда не мог быть спокойным: есть Бог или нет? До того оно мне солоно доставалось! Утром, конечно, развлечешься, и опять вера как будто пропадает, а и вообще я заметил, что днем всегда вера несколько пропадает.

Верховенский (*перебивает его, к хозяйке*). А не будет ли у вас карт?

Виргинская (*со значением*). Теряется золотое время, слушая глупые разговоры.

Студентка (*уничтожающе в сторону офицера*). Я хотела заявить собранию о страдании и о протесте студентов, а так как время тратится в безнравственных разговорах...

Гимназист (*вскакивает*). Ничего нет ни нравственного, ни безнравственного!

Студентка (*высокомерно*). Это я знала, господин гимназист, гораздо прежде, чем вас тому научили.

Виргинская (*устало, к мужу*). Кончится ли это когда-нибудь?

Виргинский. Господа, если бы кто пожелал начать о чем-нибудь более идущем к делу или имеет что заявить, то я предлагаю приступить, не теряя времени.

Студентка. Я приехала заявить о страданиях несчастных студентов и о возбуждении их повсеместно к протесту... (*Осекается, заметив, что ее никто не слушает.*) У меня все.

Шигалев. (*поднимаясь на противоположном конце стола*). Прошу слова.

Виргинский. (*окончательно заняв место председателя*). Имеете.

Шигалев. Господа! Посвятив мою энергию на изучение вопроса о социальном устройстве будущего общества, которым заменится настоящее, я пришел к убеждению, что все создатели социальных систем, с древнейших времен до нашего года, были мечтатели, сказочники, глупцы, противоречившие себе, ничего ровно не понимавшие в естественной науке и в том странном животном, которое называется человеком. Платон, Руссо, Фурье, колонны из алюминия — все это годится разве для воровьев, а не для общества человеческого... Когда все мы наконец собираемся действовать, чтоб уже более не задумываться, то я и предлагаю собственную мою систему устройства мира. Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом. Прибавлю, однако ж, что кроме моего разрешения общественной формулы не может быть никакого.

Смех.

Голоса. «Что он, помешанный, что ли?» «Довольно», «Пусть продолжает, господа, это любопытно!», «Вотируем!»

Лямшин (*поднимает руку, требуя тишины*). Тут, господа, не то-с. Господин Шигалев слишком серьезно предан своей задаче и притом слишком скромн. Мне книга его известна. Он предлагает, в виде конечного разрешения вопроса, — разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью

десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать. Можно не согласиться с иными выводами, но в уме и знаниях автора усумниться трудно.

Шигалев. Я предлагаю рай, земной рай, и другого на земле быть не может!

Лямшин. А я бы вместо рая взял бы этих девять десятых человечества, если уж некуда с ними деваться, и взорвал их на воздух, а оставил бы только кучку людей образованных, которые и начали бы жить-поживать по-ученому.

Верховенский (*демонстративно чистит ногти, со значением поглядывая в сторону Ставрогина*). Однако порядочный вздор!

Лямшин. Почему же вздор-с? Господин Шигалев отчасти фанатик человеколюбия.

Верховенский (*отмахивается от него*). Ну да я не для рассуждений приехал!

Липутин. Трудно осуществить, как и переделать мир пропагандой. Даже, может быть, и труднее, особенно если в России.

Офицер (*угрюмо*). На Россию-то теперь и надеются.

Липутин. Начнешь пропагандировать, так еще, пожалуй, язык отрежут.

Верховенский (*жестко*). Вам непременно отрежут. Но все-таки, если, несмотря на все явные невыгоды, которые вы предчувствуете, солдат на общее дело является все больше и больше с каждым днем, то и без вас обойдется. Тут, батюшка, новая религия идет взамен старой, оттого так много солдат и является, и дело это крупное.

Происходит некоторое замешательство: повеяло важной новостью. Затем наступает настроенное молчание.

Лямшин (*взрывается*). Нет-с, мы еще, может быть, и не уедем от общего дела! Это надо понимать-с...

Верховенский (*резко*). Как так, вы разве пошли бы в пятерку, если бы я вам предложил?

Лямшин. Всякий чувствует себя честным человеком и не уклонится от общего долга, но...

Верховенский. Нет-с, тут уж дело не в *но!* Я объявляю, господа, что мне нужен прямой ответ. Я слишком понимаю, что я, прибыв сюда и собрав вас сам вместе, обязан вам объяснениями, но я не могу дать никаких, прежде чем не узнаю, какого образа мыслей вы держитесь. Минуя разговоры — потому что не тридцать же лет опять болтать, как болтали до сих пор тридцать лет, — я вас спрашиваю, что вам милее: медленный ли путь, состоящий в сочинении социальных романов и в канцелярском предрешении судеб человеческих на тысячи лет вперед на бумаге, или вы держитесь решения скорого... Я согласен совершенно, что либерально и красноречиво болтать чрезвычайно приятно, а действовать немного кусается... Ну да, впрочем, я говорить не умею; я прибыл сюда с сообщениями, а потому прошу всю почтенную компанию не то что вотировать, а прямо и просто заявить, что вам веселее: черепаший ли ход в болоте или на всех парах через болото?

Гимназист (*в восторге*). Я положительно за ход на парах!

Лямшин. Я тоже.

Эркель (*жестко*). В выборе, разумеется, нет сомнения.

Офцер. Я, признаюсь, более принадлежу к решению гуманному, но так как уж все, то и я со всеми.

Верховенский. Господа, я вижу, что почти все решают...

Голоса:

— Все!

— Конечно, все!

— Конечно!

Верховенский. Господа, если так, то предложу ответить на один вопрос, разумеется, если захотите. Вся ваша полная воля.

Голоса:

— Какой вопрос?

— Вопрос?

— В чем дело?

Верховенский. А такой вопрос, что после него станет ясно: оставаться нам вместе или молча разобрать наши шапки и разойтись в свои стороны.

Голоса:

— Вопрос!

— Просим вопрос!

Верховенский. Если бы каждый из нас знал о замышленном политическом убийстве, то пошел ли бы он донести, предвидя все последствия, или остался бы дома, ожидая событий? Ответ на вопрос скажет ясно — разойтись нам или оставаться вместе, и уже далеко не на один вечер. (*К Лямшину.*) Позвольте обратиться к вам первому?

Лямшин (*растерянно*). Почему же ко мне первому?

Верховенский (*небрежно*). Впрочем, как хотите: ваша полная воля.

Лямшин. Извините, но подобный вопрос даже обиден.

Верховенский (*грубо*). Нет уж, нельзя ли поточнее.

Лямшин. Агентом тайной полиции никогда не бывал-с.

Верховенский (*еще грубее*). Сделайте одолжение, точнее, не задерживайте. Да или нет? Донесли бы или не донесли?

Лямшин (*почти кричит*). Разумеется, не донесу!

Голоса:

— И никто не донесет!

— Разумеется, никто!

— Конечно!

Верховенский (*к офицеру*). Позвольте обратиться к вам, господин майор, донесли бы вы или не донесли? И заметьте, я нарочно к вам обращаюсь.

Офицер. Не донесу-с.

Голоса:

— Напрасный вопрос!

— У всех один ответ.

— Здесь не доносчики.

Студентка (*в сторону Шатова*). Отчего встает этот господин?

Виргинская. Это Шатов. Отчего вы встали, Шатов?

Верховенский (*предостерегающе*). Шатов, ведь это для вас же невыгодно!

Шатов (*уже при выходе, надевая шапку*). Зато тебе выгодно, как шпиону и подлецу! (*Выходит.*)

Голоса:

— Вот она, проба-то!

— Пригодилась!

— Не поздно ли пригодилась-то?

— Кто ее приглашал?

— Кто принял?

— Кто таков?

— Кто такой Шатов?

— Если бы доносчик, он бы прикинулся, а то он наплевал да и вышел.

Студентка (*испуганно*). Вот и Ставрогин встает, Ставрогин тоже не отвечал на вопрос!

Виргинская (*резко*). Позвольте, господин Ставрогин, мы все здесь ответили на вопрос, между тем как вы молча уходите?

Ставрогин (*с откровенной издевкой*). Я не вижу надобности отвечать на вопрос, который вас интересует

Виргинский. Но мы себя компрометировали, а вы нет!

Ставрогин (*со смехом*). А мне какое дело, что вы себя компрометировали?

Голоса:

— Как какое дело?

— Как какое дело?

Лямшин. Позвольте, господа, позвольте, ведь и господин Верховенский не отвечал на вопрос, а только его задавал!

Эркель (*заслоня собою Ставрогина, к Верховенскому.*) Петр Степанович, они ненадежны.

Ставрогин, издевательски хохоча, выходит, за ним спешит Верховенский. Поднимается страшный гвалт. Федька Каторжный мгновенно схватывает со стола фонарь, стаскивает со стола скатерть, исчезает. Каждый поднимает свой столик, затем гости выстраиваются в цепочку и, двигаясь по кругу, выстраивают из столиков нечто вроде тротуара. Сразу же после этого отступают в темноту. По этой импровизированной дорожке, все еще хохоча, идет Ставрогин. Внизу, как бы с обочины, следом за ним семенит Верховенский. С внутренней ее стороны Федька Каторжный подсвечивает Ставрогину дорогу.

Верховенский (*то и дело пытается вскочить на тротуар и пойти рядом со Ставрогинными, но тот, словно бы невзначай, всякий раз сталкивает его обратно*). Что вы со мной делаете?.. Нам надо договориться... Мне необходимо, необходимо!

Ставрогин (*в очередной раз сбрасывает его на обочину*). Мне нет необходимости.

Верховенский (*хватает его за руку*). Ставрогин, вам есть необходимости!

Ставрогин (*вырывая руку, останавливаясь*). Ну?

Верховенский. Этот Шатов сделает как по-писанному. Уверяю вас, что он, может быть, завтра же пойдет к Лембке.

Ставрогин. Ну и пусть идет.

Верховенский. А, вы шутить начинаете...

Ставрогин (*презрительно*). Я вам давеча сказал, для чего вам Шатова кровь нужна. Вы этой мазью ваши кучки слепить хотите. Сейчас вы отлично выгнали Шатова: вы слишком знали, что он не сказал бы: «Не донесу», а солгать пред вами почел бы низостью. Но я-то, я-то для чего вам теперь понадобился? Вы ко мне пристаёте почти что с границы. То, чем вы объяснили мне до сих пор, один только бред. Меж тем вы клоните, чтоб я, отдав деньги Лебядкину, дал тем случай Федьке его зарезать. Я знаю, у вас мысль, что мне хочется зарезать заодно и жену. Связав меня преступлением, вы, конечно, думаете получить надо мною власть, ведь так? Для чего вам власть? На кой черт я вам понадобился? Раз навсегда рассмотрите ближе: ваш ли я человек, и оставьте меня в покое.

Верховенский (*одышливо*). К вам Федька сам приходил?

Ставрогин. Да, он приходил... Да вот сам подтвердит, вон стоит...

Федька выявляется из темноты, вытягивается во фронт, скалит зубы.

Ставрогин. Он здесь у вас припасен, вероятно, чтобы слышать наш торг или видеть даже деньги в руках, ведь так? (*Намеревается идти дальше.*)

Верховенский (*в истерике*). Стой! Ни шагу! (*Умоляюще цепляясь.*) Помиримтесь, помиримтесь!.. Слушайте, я вам завтра же приведу Лизавету Николаевну, хотите? Нет? Что же вы не отвечаете? Скажите, чего вы хотите, я сделаю. Слушайте: я вам отдам Шатова, хотите?

Ставрогин (*вновь останавливаясь*). Стало быть, правда, что вы его убить положили?.. Да что с вами?

Верховенский (*словно в бреду*). Помиримтесь! Слушайте, у меня в сапоге, как у Федьки, нож припасен, но я с вами помирюсь.

Ставрогин. Да на что я вам, наконец, черт! Тайна, что ль, тут какая? Что я вам за талисман достался?

Верховенский. Слушайте, мы сделаем смуту... Вы не верите, что мы сделаем смуту? Мы сделаем такую смуту, что все поедет с основ. Кармазинов прав, что не за что ухватиться. Кармазинов очень умен. Всего только десять таких же кучек по России, и я неуловим.

Ставрогин. Это таких же все дураков?

Верховенский (с жаром). О, будьте поглупее, Ставрогин, будьте поглупее сами! Знаете, вы вовсе ведь не так умны, чтобы вам этого желать: вы боитесь, вы не верите, вас пугают размеры. И почему они дураки? Они не такие дураки; нынче у всякого свой ум не свой. Нынче ужасно мало особых умов. Виргинский — это человек чистейший, чище таких, как мы, в десять раз; ну и пусть его, впрочем. Липутин мошенник, но я у него одну точку знаю. Нет мошенника, у которого бы не было своей точки. Один Лямшин безо всякой точки, зато у меня в руках. Еще несколько таких кучек, и у меня повсеместно паспорта и деньги, хотя бы это? Хотя бы это одно? И сохранные места, и пусть ищут. Одну кучку вырвут, а на другой сядут. Мы пустим смуту... Неужто вы не верите, что нас двоих совершенно достаточно?

Ставрогин. Возьмите Шигалева, а меня бросьте в покое...

Верховенский. Шигалев гениальный человек! Он выдумал «равенство». У него хорошо в тетради, у него шпионство. У него каждый член общества смотрит за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное — равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей! Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшие способности не могут не быть деспотами и всегда развращали более, чем приносили пользы; их изгоняют или казнят. Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза. Шекспир побивается камнями — вот шигалевщина! Рабы должны быть равны: без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но в стаде должно быть равенство, и вот шигалевщина! Ха-ха-ха, вам странно? Я за шигалевщину!

Ставрогин. Вот и примитесь за него.

Верховенский. Слушайте, Ставрогин: горы сравнять — хорошая мысль, не смешная. Я за Шигалева! Не надо образования, довольно науки! И без науки хватит материалу на тысячу лет, но надо устроиться послушанию. В мире одного только недостает: послушания. Жажда образования есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вот уже и желание собственности. Мы уморим желание: мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство... Необходимо лишь необходимое — вот девиз земного шара отселе. Но нужна и судорога; об этом позаботимся мы, правители. Полное послушание, полная безличность, но раз в тридцать лет Шигалев пускает и судорогу, и все вдруг начинают поедать друг друга, до известной черты, единственно, чтобы не было скучно. Скука есть ощущение аристократическое; в шигалевщине не будет желаний. Желание и страдание для нас, а для рабов шигалевщина.

Ставрогин. Довольно! *(Стряхивает с себя его руку.)* Отстаньте от меня, пьяный человек!

Верховенский. Ставрогин, вы красавец! Знаете ли вы, что вы красавец! В вас всего дороже то, что вы иногда про это не знаете... Я люблю красоту. Я нигилист, но люблю красоту. Разве нигилисты красоту не любят? Вы мой идол! К вам никто не подойдет вас потрепать по плечу. Вы ужасный аристократ. Аристократ, когда идет в демократию, обаятелен! Вам ничего не значит пожертвовать жизнью, и своею и чужою. Вы именно таков, какого надо. Мне, мне именно такого надо, как вы. Я никого, кроме вас, не знаю. Вы предводитель, вы солнце, а я ваш червяк... *(Порывисто целует у него руку.)*

Ставрогин. Помешанный!

Верховенский. Может, и брежу, может, и брежу! Но я выдумал первый шаг. Много Шигалевых! Но один, один только человек в России изобрел первый шаг и знает, как его сделать. Этот человек я. Мне вы, вы надобны, без вас я нуль. Без вас я муха в стеклянке, Колумб без Америки.

Ставрогин *(качает головой)*. Положительно помешанный.

Верховенский. Одно или два поколения разврата теперь необходимо; разврата неслыханного, подленького,

когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь, — вот чего надо! А тут еще «свеженькой кровушки», чтоб попривык. Чего вы смеетесь? Я себе не противоречу. Я только филантропам в шигалевщине противоречу, а не себе. Я мошенник, а не социалист. Ха-ха-ха! Жаль только, что времени мало. Я Кармазинову обещал в мае начать, а к Покрову кончить. Скоро? Ха, ха!

Ставрогин. Ну, Верховенский, я в первый раз слушаю вас, и слушаю с изумлением. Вы, стало быть, и впрямь не социалист, а какой-нибудь политический... честолюбец?

Верховенский. Мошенник, мошенник! Недаром же я у вас руку поцеловал. Но надо, чтобы и народ уверовал... Эх, кабы время! Мы провозгласим разрушение... Мы пустим легенды... Ну-с, и начнется смута! Раскачка такая пойдет, какой еще мир не видал... Ну-с, тут-то мы и пустим... *(Хитро.)* Кого?

Ставрогин. Кого?

Верховенский. Ивана-царевича.

Ставрогин. Кого-о?

Верховенский. Ивана-царевича; вас, вас!

Ставрогин *(задумчиво)*. Самозванца? Э! так вот, наконец, ваш план.

Верховенский. Мы скажем, что он «скрывается». Знаете ли вы, что значит это словцо: «Он скрывается»? Но он явится, явится. О, какую легенду можно пустить! А главное — новая сила идет. Ну что в социализме: старые силы разрушил, а новых не внес. А тут сила, да еще какая, неслыханная!

Ставрогин. Так это вы серьезно на меня рассчитывали?

Верховенский. Слушайте, я вас никому не покажу, никому: так надо. Он есть, но никто не видал его, он скрывается. А знаете, что можно даже и показать из ста тысяч одному, например. И пойдет по всей земле: «Видели, видели». Вы красавец, гордый, как Бог, ничего для себя не ищущий, с ореолом жертвы, «скрывающийся». Главное, легенду!

Ставрогин. Неистовство!

Верховенский. Почему, почему вы не хотите? Бойтесь? *(Устремляясь следом за ним.)* Слушайте, я вам без денег; я кончу завтра с Марьей Тимофеевной... и завтра же приведу к вам Лизу. Хотите Лизу, завтра же?

Ставрогин *(через плечо устало)*. Зачем?

Верховенский. Охоты нет, так я и знал! (*Срываясь.*) Врете вы, дрянной, блудливый, изломанный барчонок, не верю, аппетит у вас волчий!.. (*Отставая.*) Поймите же, не могу я от вас отказаться! Нет на земле иного, как вы! Я вас с заграницы выдумал. (*Вслед скрывшемуся в темноте Ставрогину.*) Ставрогин! даю вам день... ну два... ну три; больше трех не могу, а там — ваш ответ! (*К Федьке.*) Говори, виделся ты сегодня со Ставрогиным?

Федька. Это ты никогда не смеешь меня чтобы допрашивать. Ты меня дерзнул.

Верховенский. Деньги ты получишь в Петербурге, на месте, все целиком, и еще получишь.

Федька. Ты, любезнейший, врешь, и смешно мне тебя даже видеть, какой ты есть легковверный ум. Господин Ставрогин перед тобою как на лестнице состоит, а ты на них снизу как глупая собачонка твякаешь, тогда как они на тебя сверху и плюнуть-то за большую честь почитают. (*Победоносно.*) Вот вам, берите меня! (*Исчезает.*)

Верховенский (*один*). Нет-с, господин Ставрогин, не отвертеться вам от меня, счет у вас уж слишком велик теперь!

Наплывает тьма, в которой чеканно звучат строки из «Откровения святого Иоанна Богослова».

Голос. «И стал я на песке морском и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах было десять диадим, а на головах его имена богохульные».

КАРТИНА ШЕСТАЯ

ПРАЗДНИК

На освещенной авансцене появляются Степан Трофимович и Автор. Оба крайне взволнованы. За сценой слышится гул разъяренной толпы, в котором то и дело выделяются крики: «Господи!», «Ваше превосходительство... рядили по сороку...», «Ты не моги говорить!», «Флибустьеры!», «Розог», «Бунт!», «Осади назад!»

Автор (*пытаясь увлечь за собою спутника*). Домой, домой, если нас не прибили, то, конечно, благодаря Лембке.

Степан Трофимович. Идите, друг мой, я виновен, что вас подвергаю. У вас будущность и карьера своего рода, а я конченный человек. (*Вырывается.*)

Автор (*бросается следом за ним*). Куда же вы?
Степан Трофимович. К губернатору, а отту-
да — куда Бог даст!

Оба исчезают. Появляется красочная компания Юлии Михайловны. Радужной вереницей, смеясь и дурачась, друзья губернаторши тянутся вдоль сцены.

Юлия Михайловна. За мной, господа, за мной, я знаю молодежь, и молодежь знает меня!

Лямшин (*в голос*). Отречемся от старого мира-а, отряхнем его прах с наших но-о-г...

Липутин. Это со всемирно-человеческого языка будет перевод-с, вот что-с...

Кармазинов. В Карлсруэ я готов ползти даже на карачках!

Лиза. Я барышня, мое сердце в опере воспитывалось...

Варвара Петровна. Я узнаю эту молодость!

Офицер. Я, еще в гусарах служба, насчет Бога заду-мывался.

Первая дама. Военные — моя слабость. Виват эмансипация!

Вторая дама. Вотируем!

Скрываются за кулисой. На сцену врывается всклоченный Лембке.

Лембке. Флибустьеры! Розог!

За ним, сдерживая напирющую толпу, показываются Флибустьеров, Блюм, Федька Каторжный в полицейской форме. Среди простонародных чуек мелькают лица Лебядкина, Толкачки, Верховенского, Маньяка...

Флибустьеров. Осади назад!.. Осади назад, говорю!.. Не положено!.. Не положено, говорю!

Толпа напирает, одолевая заслон. Лембке спешит за сцену, все тонет во тьме и крике. В глубине площадки загорается свет, выявляя перед нами огромную приемную губернатора. Распахивается входная дверь, пропуская сюда Степана Трофимовича и Автора.

Степан Трофимович (*продолжая начатый на улице разговор*). Нет, нет, cher ami, мой долг испить свою чашу до дна!

Автор. Опомнитесь, Степан Трофимович, вы в жару!

Врывается ошалевший Лембке в сопровождении Флибустьерова и Блюма. Степан Трофимович заступает ему дорогу.

Лембке (*испуганно оборачивается к Флибустьерову*). Кто это?

Степан Трофимович (с достоинством). Отставной коллежский асессор, ваше превосходительство.

Лембке (умоляюще к Блюму). О чем?

Степан Трофимович. Был сегодня подвергнут домашнему обыску чиновником, действовавшим от имени вашего превосходительства; потому желал бы...

Лембке. Имя? имя? (Вспомнил.) А-а-а! Это тот самый рассадник... Милостивый государь, вы заявили себя с такой точки... Вы профессор? Профессор?

Степан Трофимович. Когда-то имел честь прочесть несколько лекций юношеству столичного университета.

Лембке. Ю-но-шеству! Я, милостивый государь мой, этого не допущу-с. Я юношества не допускаю. Это все прокламации. Это наскок на общество, милостивый государь, морской наскок, флибустьерство... О чем изволите просить?

Степан Трофимович. Напротив, ваша супруга просила меня читать завтра на ее празднике. Я же не прошу, а пришел искать прав моих...

Лембке. На празднике? Праздника не будет. Я вашего праздника не допущу-с! Лекций? лекций?

Степан Трофимович. Я бы очень желал, чтобы вы говорили со мной повежливее, ваше превосходительство, не топали ногами и не кричали на меня, как на мальчика.

Лембке. Вы, может быть, понимаете, с кем говорите?

Степан Трофимович. Совершенно, ваше превосходительство.

Лембке. Я ограждаю собою общество, а вы его... разрушаете! Вы... Я, впрочем, об вас припоминаю: это вы состояли гувернером в доме генеральши Ставрогиной?

Степан Трофимович. Да, состоял... гувернером... в доме генеральши Ставрогиной.

Лембке. И в продолжение двадцати лет составляли рассадник всего, что теперь накопилось... все плоды... Кажется, я вас сейчас видел на площади. Бойтесь, однако, милостивый государь, бойтесь; ваше направление мыслей известно. Будьте уверены, что я имею в виду. Я, милостивый государь, лекций ваших не могу допустить, не могу-с. С такими просьбами обращайтесь не ко мне.

Степан Трофимович. Повторяю, что вы изволите ошибаться, ваше превосходительство: это ваша супруга

просила меня прочесть — не лекцию, а что-нибудь литературное на завтрашнем празднике. Но я и сам теперь от чтения отказываюсь. Покорнейшая просьба моя объяснить мне, если возможно: каким образом, за что и почему я подвергнут был сегодняшнему обыску? У меня взяли некоторые книги, бумаги, частные, дорогие для меня письма и повезли по городу в тачке...

Л е м б к е (словно очнувшись от забытья). Кто обыскивал? *(Поворачивается к Флибустьерову.)* Вы?

С т е п а н Т р о ф и м о в и ч (в сторону Блюма). А вот этот самый чиновник.

Л е м б к е (окончательно приходя в себя и краснея). Извините... Это все... все это была одна лишь, вероятно, неловкость, недоразумение... одно лишь недоразумение. Это, конечно, очень смешно... *(Вдруг всплеснув руками и закрывая ими лицо.)* Но... но неужели вы не видите, как я сам несчастен?

С т е п а н Т р о ф и м о в и ч (после красноречивой паузы, растроганно и виновато). Ваше превосходительство, не беспокойте себя более моею сварливую жалобой и велите только возвратить мне мои книги и письма...

Делает шаг навстречу губернатору, но в этот момент в приемную шумно вваливается компания Юлии Михайловны с нею самой во главе.

Ю л и я М и х а й л о в н а (чуть не с порога бросается к Степану Трофимовичу). Господи, какими судьбами!

Степана Трофимовича мгновенно окружают, наперебой стараясь высказать ему свое расположение.

К а р м а з и н о в (сюсюкает). Сколько лет, сколько зим!

А в т о р (в зал). Вечером того же дня он говорил мне: «Я подумал в ту минуту: кто из нас подлее? Он ли, обнимающий меня с тем, чтобы тут же унижить, я ли, презирающий его и его щеку и тут же ее лобызающий, хотя и мог отвернуться... тьфу!»

К а р м а з и н о в. Ну расскажите же, расскажите все. *(К Юлии Михайловне.)* Да отведите же нас поскорее к себе... он там сядет и все расскажет.

А в т о р (в зал). «А между тем я с этою раздражительной бабой никогда и близок-то не был, трясясь от злобы, все тогда же вечером, продолжал мне жаловаться Степан Трофимович. — Мы были почти еще юношами, и уже тогда

я начинал его ненавидеть... равно как и он меня, разумеется...»

Кармазинов (*тут же забыв о Степане Трофимовиче*). Что до меня, то я на этот счет успокоен и сижу вот уже седьмой год в Карлсруэ. И когда прошлого года городским советом положено было проложить новую водосточную трубу, то я почувствовал в своем сердце, что этот карлсруйский водосточный вопрос милее и дороже для меня всех вопросов моего милого отечества... за все время так называемых здешних реформ.

Степан Трофимович. Принужден сочувствовать, хотя бы и против сердца.

Юлия Михайловна (*восторженно*). Вам, вероятно, известно, Степан Трофимович, что завтра мы будем иметь наслаждение услышать прелестные строки... одно из самых последних изящнейших беллетристических вдохновений Семена Егоровича, оно называется «Merci». Он объявляет в этой пьесе, что писать более не будет, не станет ни за что на свете, если бы даже ангел с неба или, лучше сказать, все высшее общество его упрашивало изменить решение. Одним словом, кладет перо на всю жизнь, и это грациозное «Merci» обращено к публике в благодарность за тот постоянный восторг, которым она сопровождала столько лет его постоянное служение честной русской мысли.

Кармазинов. Да, я распрощаюсь; скажу свое «Merci» и уеду, и там... в Карлсруэ... закрою глаза свои.

Автор (*в зал*). Как многие из наших великих писателей (а у нас очень много великих писателей), он не выдерживал похвал и тотчас же начинал слабеть, несмотря на свое остроумие. Но я думаю, что это простительно. Говорят, один из наших Шекспиров прямо так и брякнул в частном разговоре, что «дескать, нам, великим людям, иначе нельзя» и т. д. да еще и не заметил того.

Кармазинов. Там, в Карлсруэ, я закрою глаза свои. Нам, великим людям, остается, сделав свое дело, поскорее закрывать глаза, не ища награды. Сделаю так и я.

Юлия Михайловна (*Степану Трофимовичу*). Я надеюсь, что вы... не обманете наших лучших ожиданий и не лишите нас наслаждения услышать ваше чтение на литературном утре.

Степан Трофимович. Я не знаю, я... теперь...

Юлия Михайловна (*к Варваре Петровне*). Пра-

во, я так несчастна, Варвара Петровна... я так жаждала поскорее узнать лично одного из самых замечательных и независимых русских умов, и вот вдруг Степан Трофимович изъявляет намерение от нас удалиться.

Влетает Петр Степанович Верховенский. За его спиной маячит фигура Ставрогина. Войдя в приемную, он мгновенно выделяет взглядом Лизу. Та, в свою очередь, делает произвольное движение к нему навстречу, но тут же замирает.

Верховенский (*с порога*). Да вы его избалуете! Я только лишь взял его в руки, и вдруг в одно утро — обыск, арест, полицейский хватает его за шиворот, а вот теперь его убаюкивают дамы в салоне градоправителя! Да у него каждая косточка ноет теперь от восторга; ему и во сне не снился такой бенефис. То-то начнет теперь на социалистов доносить!

Юлия Михайловна. Быть не может, Петр Степанович. Социализм слишком великая мысль, чтобы Степан Трофимович не сознавал того.

Она протягивает Степану Трофимовичу руку для поцелуя, но в это мгновение случается неожиданное. Молчавший до сих пор Лембке вдруг выступает вперед, хватая руку Степана Трофимовича, энергически сжимает ее в своей.

Лембке (*в трансе*). Довольно! Довольно, флибустьеры нашего времени определены. Ни слова более. Меры приняты...

Всеобщее замешательство. Затем суматоха отступает на задний план, в наступающей темноте высвечиваются лишь две стоящие друг против друга фигуры — Ставрогина и Лизы.

Лиза (*громко, с вызовом*). Николай Всеволодович, мне какой-то капитан, называющий себя вашим родственником, братом вашей жены, по фамилии Лебядкин, все пишет неприличные письма и в них жалуется на вас, предлагая мне открыть какие-то про вас тайны. Если он в самом деле ваш родственник, то запретите ему меня обижать и избавьте от неприятностей.

Ставрогин (*твердо*). Да, я имею несчастье состоять родственником этого человека. Я муж его сестры, урожденной Лебядкиной, вот уже скоро пять лет. Будьте уверены, что я передам ему ваши требования в самом скорейшем времени, и отвечаю, что более он не будет вас беспокоить.

Отступает в темноту. Автор выводит на авансцену растерянную Варвару Петровну и Степана Трофимовича.

Степан Трофимович (Автору). Cher ami, я двинулся с двадцатипятилетнего места и вдруг поехал, куда — не знаю, но я поехал...

В полной тьме раздается голос Юлии Михайловны: «Господа! Начинаем день увеселений, по подписке в пользу гувернанток нашей губернии. Оркестр — бал!» Зажигается свет. Основные герои спектакля движутся по сценическому кругу. В руках у них — маски собственных лиц, они то и дело обмениваются ими, примеривают, вновь передают друг другу. Постепенно из темноты, молчаливо обтекая сценический круг, выявляется разношерстная толпа. По ходу действия она — эта толпа — густеет и расширяется. Карусель маскарадного увеселения продолжает свое движение по кругу.

Лебядкин (примеряя маску Кармазинова).

Здравствуй, здравствуй, гувернантка!
Веселись и торжествуй.
Ретроградка иль жорж-зандка,
Все равно теперь ликуй!

Учишь ты детей сопливых
По-французски букварю
И подмигивать готова,
Чтобы взял, хоть понмарю!

Но в наш век реформ великих
Не возьмет и пономарь:
Надо, барышня, «толиких»,
Или снова за букварь.

Но теперь, когда, пируя,
Мы собрали капитал
И приданое, танцуя,
Шлем тебе из этих зал, —

Ретроградка иль жорж-зандка,
Все равно теперь ликуй!
Ты, с приданным гувернантка,
Плюй на все и торжествуй!

Первый голос из толпы. Да он пьян!
Второй голос. Капитана Лебядкина не знает!
Третий голос. Отдает!
Четвертый голос. Тише, господа, сам Кармазинов!

Кармазинов (выплывая из темноты). Да, друг-

читатель, прощай! Прощай, читатель; даже не очень настаиваю на том, чтобы мы расстались друзьями: к чему в самом деле тебя беспокоить? Даже брани, о, брани меня, сколько хочешь, если тебе это доставит какое-нибудь удовольствие. Но лучше всего, если бы мы забыли друг друга навеки. И если бы все вы, читатели, стали вдруг настолько добры, что, стоя на коленях, начали упрашивать со слезами: «Пиши, о, пиши для нас, Кармазинов, — для отечества, для потомства, для лавровых венков», то и тогда бы я вам ответил, разумеется поблагодарив со всею учтивостью: «Нет уж, довольно мы повозились друг с другом, милые соотечественники, мерси! Пора нам в разные стороны! Мерси, мерси, мерси!».

Первый голос. Господи, какой вздор!

Второй голос. Метил в ворону, а попал в корову!

Третий голос. И вовсе никто не будет стоять на коленях, дикая фантазия.

Четвертый голос. Экое ведь самолюбие!

Пятый голос. Это только юмор.

Первый голос. Нет, уж избавьте от вашего юмора.

Третий голос. Однако ведь это дерзость, господа.

Второй голос. По крайней мере теперь-то хоть кончил.

Четвертый голос. Эк скуки натащили!

Юлия Михайловна (*передавая Кармазинову венок*). Не обращайтесь внимания, дорогой мэтр!

Кармазинов. Лавры! Я, конечно, тронут и принимаю этот заготовленный заранее, но еще не успевший увянуть венок с живым чувством; но уверяю вас, mesdames, я настолько вдруг сделался реалистом, что считаю в наш век лавры гораздо уместнее в руках искусного повара, чем в моих...

Первый голос. Да повара́-то полезнее!

Второй голос. Я за повара теперь еще три целковых придам.

Третий голос. И я.

Четвертый голос. И я.

Пятый голос. Да неужели здесь нет буфета?

Первый голос. Господа, это просто обман...

В фокусе света показываются Автор и Степан Трофимович.

Автор. Умоляю вас, Степан Трофимович, не надо, уйдемте!

Степан Трофимович. Почему же вы считаете меня, милостивый государь, способным на подобную низость?

Автор. Знаете, по многим примерам, если читающий держит публику более двадцати минут, то она уже не слушает. Полчаса никакая даже знаменитость не продержится...

Степан Трофимович (*высокомерно*). Не беспокойтесь. (*Выходит на авансцену.*) Я объявляю, что Шекспир и Рафаэль — выше освобождения крестьян, выше народности, выше социализма, выше юного поколения, выше химии, выше почти всего человечества, ибо они уже плод, настоящий плод всего человечества и, может быть, высший плод, какой только может быть! Форма красоты уже достигнутая, без достижения которой я, может, и жить-то не соглашусь... Без хлеба можно, без одной только красоты невозможно, ибо совсем нечего будет делать на свете! Вся тайна тут, вся история тут! Сама наука не простоит минуты без красоты, — знаете ли вы про это, смеющиеся, — обратится в хамство, гвоздя не выдумаете!.. Не уступлю!

Первый голос. Хорошо вам на всем на готовом, баловники!

Второй голос. Степан Трофимович! Здесь в городе и в окрестностях бродит теперь Федька Каторжный, беглый с каторги. Он грабит и недавно еще совершил новое убийство. Позвольте спросить: если б вы его пятнадцать лет назад не отдали в рекруты в уплату за карточный долг, то есть попросту не проиграли в картишки, скажите, попал бы он на каторгу? резал бы людей, как теперь, в борьбе за существование? Что скажете, господин эстетик?

Степан Трофимович (*почти рыдая*). Отрясаю прах с ног моих и проклинаю... Конец... конец... (*Скрывается.*)

Первый голос. Господа, он оскорбил общество!

Второй голос. Это донос!

Третий голос. Долой!

При всеобщем гвалте на середину авансцены выскакивает **Маньяк**.

Маньяк (*восторженно поднимая кулак*). Господа! Двадцать лет назад, накануне войны с пол-Европой, Россия стояла идеалом в глазах всех статских и тайных советников. Патриотизм обратился в дранье взяток с живого и с мертвого. Не бравшие взяток считались бунтовщиками, ибо нарушали гармонию. Березовые рощи истреблялись

на помощь порядку. Европа трепетала... Но никогда Россия, во всю бестолковую тысячу лет своей жизни, не доходила до такого позора...

Первый голос. Вот это дело!

Второй голос. Вот так дело!

Третий голос. Ура!

Четвертый голос. Нет, это уж не эстетика!

Маньяк (*еще восторженнее*). С тех пор прошло двадцать лет. Университеты открыты и приумножены. Шагистика обратилась в легенду; офицеров недостает до комплекта тысячами. Железные дороги поели все капиталы и облегли Россию, как паутиной, так что лет через пятнадцать, пожалуй, можно будет куда-нибудь и съездить. Мосты горят только изредка, а города сгорают правильно, в установленном порядке по очереди, в пожарный сезон. Моря и океаны водки испиваются на помощь бюджету, а в Новгороде, напротив древней и бесполезной Софии — торжественно воздвигнут бронзовый колоссальный шар на память тысячелетию уже минувшего беспорядка и бестолковщины. Европа хмурится и вновь начинает беспокоиться... Пятнадцать лет реформ! А между тем никогда Россия, даже в самые карикатурные эпохи своей бестолковщины, не доходила...

Первый голос. Довольно!

Второй голос. Лучше ничего не скажете!

Третий голос. Господа, ура!

В поднявшейся суматохе в центре внимания оказывается Студентка, распатланная, в полурастерзанном состоянии.

Студентка. Господа, я приехала, чтоб заявить о страданиях несчастных студентов и возбудить их повсеместно к протесту!

Она тут же тонет в водовороте толпы, из которой сразу же выплескивается истошный крик: «Пожар!», «Все Заречье горит!», «Поджо!» Сцена озаряется багровым светом. В глубине сцены возникает фигура Марья Тимофеевны, объятая пламенем.

Марья Тимофеевна. Опять ворон соколом прикинулся! Опять обманул! Где же ты, сокол мой ненаглядный, князь бриллиантовый!

Пламя заливает сцену. Перед нами множество заполнивших пространство лиц, охваченных этим пламенем.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

ЗАКОНЧЕННЫЙ РОМАН

Утро в Скворешниках. Большая зала в доме озарена отблесками далекого пожара. Л и з а перед зеркалом приводит себя в порядок. С т а в р о г и н изволнованно мечется из угла в угол.

С т а в р о г и н. Я отправил нарочного верхом, через десять минут все узнаем, а пока люди говорят, что сгорела часть Заречья, ближе к набережной, по правую сторону моста. Загорелось еще в двенадцатом часу; теперь утихает.

Л и з а (*с досадой*). По календарю еще час тому должно светать, а почти как ночь.

С т а в р о г и н. Все врут календари. По календарю жить скучно, Лиза.

Л и з а (*криво усмехаясь*). Успокойтесь, вы сказали кстати: я всегда живу по календарю. Каждый мой шаг рассчитан по календарю. Вы удивляетесь? (*Отходит к окну.*) Нам недолго быть вместе, и я хочу говорить все, что мне угодно... Почему бы и вам не говорить все, что вам угодно?

С т а в р о г и н (*подходя к ней и беря ее за руку*). Что значит этот язык, Лиза? Откуда он вдруг? Что значит «нам недолго быть вместе»? Вот уже вторая фраза загадочная в полчаса, как ты проснулась.

Л и з а (*горько смеется*). Вы принимаетесь считать мои загадочные фразы? А помните, я вчера, входя, мертвецом отрекомендовалась? Вот это вы нашли нужным забыть. Забыть или не приметить.

С т а в р о г и н. Не помню, Лиза. Зачем мертвецом? Надо жить...

Л и з а. И замолчали? У вас совсем пропало красноречие. Я прожила мой час на свете, и довольно.

С т а в р о г и н. Лиза, клянусь, я теперь больше люблю тебя, чем вчера, когда ты вошла ко мне!

Л и з а. Какое странное признание! Зачем тут вчера и сегодня и обе мерки?

С т а в р о г и н. Ты не оставишь меня. Мы уедем вместе, сегодня же, так ли? Так ли?

Л и з а. Ай, не жмите руку так больно! Куда нам ехать вместе сегодня же? Куда-нибудь опять «воскресать»? Нет, уж довольно проб... да и медленно для меня; да и не способна я; слишком для меня высоко. Если ехать, то в Москву, и там делать визиты и самим принимать — вот мой идеал,

вы знаете; я от вас не скрывала, еще в Швейцарии, какова я собою. Так как нам невозможно ехать в Москву и делать визиты, потому что вы женаты, так и нечего о том говорить.

Ставрогин. Лиза! Что же такое было вчера?

Лиза. Было то, что было.

Ставрогин. Это невозможно! Это жестоко!

Лиза. Так что ж, что жестоко, и снесите, коли жестоко.

Ставрогин. Вы мстите мне за вчерашнюю фантазию...

Лиза. Какая низкая мысль!

Ставрогин. Так зачем же вы дарили мне... «столько счастья»? Имею я право узнать?

Лиза. Нет, уж обойдитесь как-нибудь без прав; не завершайте низость вашего предположения глупостью. Вам сегодня не удастся. Кстати, уж не боитесь ли вы и светского мнения, и что вас за это «столько счастья» осудят? О, коли так, ради Бога, не тревожьте себя. Вы ни в чем тут не причина и никому не в ответе. Когда я отворила вчера вашу дверь, вы даже не знали, кто это входит. Тут именно одна моя фантазия, как вы сейчас выразились, и более ничего. Вы можете всем смело и победоносно смотреть в глаза!

Ставрогин. Твои слова, этот смех, вот уже час, насылают на меня холод ужаса. Это «счастье», о котором ты так неистово говоришь, стоит мне... всего. Разве могу я теперь потерять тебя? Клянусь, я любил тебя вчера меньше. Зачем же ты у меня все отнимаешь сегодня? Знаешь ли ты, чего она стоила мне, эта новая надежда?

Лиза. Тут нет ничего, что может растерзать ваше самолюбие, и все совершенная правда. Началось с красивого мгновения, которого я не вынесла. Третьего дня, когда я вас всенародно «обидела», а вы мне ответили таким рыцарем, я приехала домой и тотчас догадалась, что вы потому от меня бегали, что женаты, а вовсе не из презрения ко мне, чего я в качестве светской барышни всего более опасалась. Я поняла, что меня же вы, безрассудную, берегли, убегая. Видите, как я ценю ваше великодушие... А так как я и без того давно знала, что меня всего на один миг только хватит, то взяла и решилась. Ну вот и все, и довольно, и пожалуйста больше без объяснений. Пожалуй, еще поспоримся. Никого не бойтесь, я все на себя беру. Я дурная, капризная, я оперную ладью соблазнила,

я барышня... Я ужасно люблю плакать «себя жалеючи». Ну, довольно, довольно. Я ни на что не способна, и вы ни на что не способны; два щелчка с обеих сторон, тем и утешимся. По крайней мере, самолюбие не страдает.

С т а в р о г и н. Сон и бред! Лиза, бедная, что ты сделала над собою?

Л и з а. Обожглась на свечке и больше ничего. Уж не плачете ли и вы? Будьте приличнее, будьте бесчувственнее...

С т а в р о г и н. Зачем, зачем ты пришла ко мне?

Л и з а. Но вы не понимаете, наконец, в какое комическое положение ставите сами себя пред светским мнением такими вопросами?

С т а в р о г и н. Зачем ты себя погубила, так уродливо и так глупо, и что теперь делать?

Л и з а. И это Ставрогин! Слушайте, я ведь вам уже сказала: я разочла мою жизнь на один только час и спокойна. Разочтите и вы так свою... впрочем, вам не для чего; у вас так еще много будет разных «часов» и «мгновений».

С т а в р о г и н. Столько же, сколько у тебя; даю тебе великое слово мое, ни часу более, как у тебя! Если бы ты знала цену моей теперешней *невозможной* искренности, Лиза, если б я только мог открыть тебе...

Л и з а. Открыть? Вы хотите мне что-то открыть? Сохрани меня Боже от ваших открытий!.. Берегитесь мне открывать, если правда: я вас засмею. Я буду хохотать над вами всю вашу жизнь... Ай, вы опять бледнеете? Не буду, не буду, я сейчас уйду.

С т а в р о г и н. Мучь меня, казни меня, срывай на мне злобу. Ты имеешь полное право! Я знал, что я не люблю тебя, и погубил тебя. Я не мог устоять против света, озарившего мое сердце, когда ты вчера вошла ко мне, сама, одна, первая. Я вдруг поверил... Я, может быть, верую еще и теперь.

Л и з а. За такую благородную откровенность отплачу вам тем же: не хочу я быть вашей сердобольною сестрой. Пусть я, может быть, и в самом деле в сиделки пойду, если не сумею умереть кстати сегодня же; но хоть пойду, да не к вам, хотя и вы, конечно, всякого безногого и безрукого стоите. Мне всегда казалось, что вы заведете меня в какое-нибудь место, где живет огромный злой паук в человеческий рост, и мы там всю жизнь будем на него глядеть и его бояться. В том и пройдет наша взаимная любовь. (*В сторону двери.*) Ай, кто это?

В дверь просовывается голова Верховенского.

Верховенский. Не пугайтесь, это всего только я. Здравствуйте, Лизвета Николаевна; во всяком случае с добрым утром. Так я и знал, что найду вас обоих в этой зале. Я совершенно на одно мгновение, Николай Всеволодович, — во что бы то ни стало спешил на пару слов... необходимейших... всего только на парочку!

Ставрогин (*Верховенскому*). Погодите. (*Тот скрывается.*) Если сейчас что-нибудь услышишь, Лиза, то знай: я виновен.

Лиза (*идя к выходу*). Знаете, Николай Всеволодович, я, пока у вас, убедилась, между прочим, что вы ужасно ко мне великодушны, а я вот этого-то и не могу у вас выносить. (*Выходит.*)

Ставрогин (*бросается за ней*). Лиза! (*Но дорогу ему заступает вскользнувший сюда Верховенский.*) Ну?

Верховенский. То есть если вы уже знаете, то, разумеется, никто из нас ни в чем не виноват, и прежде всех вы, потому что это такое стечение... совпадение случаев... одним словом, юридически до вас не может коснуться, и я летел предупредить.

Ставрогин. Сгорели? Зарезаны?

Верховенский. Зарезаны, но не сгорели, это-то и скверно, но я вам даю честное слово, что я тут не виновен, как бы вы ни подозревали меня, — потому что, может быть, подозреваете, а?.. Но вот какое совпадение обстоятельств: я из своих (слышите, из своих, ваших не было ни рубля, и, главное, вы это сами знаете) дал этому пьяному дурачине Лебядкину двести тридцать рублей... Заметьте, я говорю серьезно... так как все это вредит моим планам, то я и дал себе слово спровадить Лебядкиных во что бы ни стало и без вашего ведома в Петербург, тем более что и сам он туда порывался. Одна ошибка: дал деньги от вашего имени; ошибка или нет? Может, и не ошибка, а? (*Хватает Ставригина за лацкан сюртука.*) Слушайте же теперь, слушайте, как это все обернулось...

Ставрогин (*стряхивает его руку с себя*). Руки!.. Руки!..

Верховенский. Ну чего ж вы... полноте... этак руку сломаете... тут главное в том, как это обернулось. Я с вечера выдаю деньги, с тем, чтобы он и сестрица завтра чем свет отправлялись; поручаю это дельцо подлецу Липутину, чтобы сам посадил и отправил. А Липутин у него вынимает тихонько двести рублей, оставляя мелочь. Но, к

несчастью, оказывается, что тот уже утром эти двести рублей тоже из кармана вынимал, хвастался и показывал где не следует. А так как Федька того и ждал, а у Кириллова кое-что слышал, то и решился воспользоваться. Вот и вся правда. Я рад, по крайней мере, что Федька денег не нашел, а ведь на тысячу подлец рассчитывал! Торопился и пожара, кажется, сам испугался... Верите, мне этот пожар как поленом по голове. Нет, это черт знает что такое! Это такое самовластие... Вот видите, я перед вами, столького от вас ожидая, ничего не потею: ну да, у меня уже давно эта идея об огне созревала, так как она столь народна и популярна; но ведь я берег ее на критический час, на то драгоценное мгновение, когда мы все встанем и... Нет, это такое самовластие!.. Вот видите, что значит хоть капельку распустить!.. Но во всяком случае, хоть нам теперь и кричат во все трубы, что Ставрогину надо было жену сжечь, для того и город сгорел, но...

Ставрогин. А уж кричат во все трубы?

Верховенский. То есть еще вовсе нет, и, признаюсь, я ровно ничего не слышал, но ведь с народом что поделаешь, особенно с погорелыми: глас народа — Божий глас. Долго ли глупейший слух по ветру пустить?.. Но ведь, в сущности, вам ровно нечего опасаться. Юридически вы совершенно правы, по совести — тоже, ведь вы не хотели же? Не хотели? Улик никаких, одно совпадение... Разве вот Федька припомнит... но ведь это вовсе ничего не доказывает, а Федьку мы сократим. Я сегодня же его сокращаю...

Ставрогин. А трупы совсем не сгорели?

Верховенский. Нимало; эта каналья ничего не сумела устроить как следует. Но я рад, по крайней мере, что вы так спокойны... потому что хоть вы и ничем тут не виноваты, ни даже мыслью, но ведь все-таки. И притом, согласитесь, что все это отлично обертывает ваши дела: вы вдруг свободный вдовец и можете сию минуту жениться на прекрасной девице с огромными деньгами, которая, вдобавок, уже в ваших руках. Вот что может сделать простое, грубое совпадение обстоятельств, а?

Ставрогин. Вы угрожаете мне, глупая голова?

Верховенский. Ну полноте, полноте, уж сейчас и глупая голова, и что за тон? Чем бы радоваться, а вы... Я нарочно летел, чтобы скорей предупредить... Да и чем мне вам угрожать? Очень мне вас надо из-за угрозы-то!

Мне надо вашу добрую волю, а не из стрху. Вы свет и солнце... Это я вас изо всей силы боюсь, а не вы меня!

Ставрогин. Чтобы заставить меня жену убить?

Верховенский. Во-от, да разве вы убили? Что за трагический человек!

Ставрогин. Все равно, вы убили.

Верховенский. Да разве я убил? Говорю же вам, я тут ни при капле. Однако вы начинаете меня беспокоить...

В дверях показывается Лиза.

Лиза. Кто убит?

Верховенский. А! Вы подслушивали?

Лиза. Вы сказали «убит» ...Кто убит?

Ставрогин. Убита только моя жена, ее брат Лебядкин и их служанка.

Верховенский (*бросается к ней*). Зверский, странный случай, Лизавета Николаевна, глупейший случай грабежа, одного грабежа, пользуясь пожаром; дело разбойника Федьки Каторжного и дурака Лебядкина, который всем показывал свои деньги... я с тем и летел... как камнем по лбу. Ставрогин едва устоял, когда я сообщил. Мы здесь советовались: сообщить вам сейчас или нет?

Лиза. Николай Всеволодович, правду он говорит?

Ставрогин. Нет, неправду.

Верховенский. Как неправду! это еще что!

Лиза. Господи, я с ума сойду!

Верховенский. Да поймите же по крайней мере, что он сумасшедший теперь человек! Ведь все-таки жена его убита. Видите, как он бледен... Ведь он с вами же всю ночь пробыл, ни на минуту не отходил, как же его подозревать?

Лиза. Николай Всеволодович, скажите как пред Богом, виноваты вы или нет, а я, клянусь, вашему слову поверю, как Божьему, и на край света за вами пойду, о, пойду! Пойду, как собачка...

Верховенский. Из-за чего же вы терзаете ее, фантастическая вы голова! Лизавета Николаевна, ей-ей, истолките меня в ступе, он невинен, напротив, сам убит и бредит, вы видите. Ни в чем, ни в чем, даже мыслью не повинен!.. Все только дело разбойников, которых, наверно, через неделю разыщут и накажут плетьюми... Тут Федька

Каторжный... об этом весь город трещит, потому и я.

Лиза. Так ли? Так ли?

Ставрогин. Я не убивал и был против, но я знал, что они будут убиты, и не остановил убийц. Ступайте от меня, Лиза.

Лиза закрывает лицо руками, спешит к двери, на пороге останавливается, словно решившись что-то сказать, но затем, так ничего и не вымолвив, выходит. Верховенский бросается было за нею, но вдруг вновь поворачивается к Ставрогину.

Верховенский. Так вы так-то? Так вы так-то? Так вы ничего не боитесь? Пропали вы, что ли? Так вы вот за что принялись? На всех донесете, а сами в монастырь уйдете или к черту... Но ведь я вас все равно укокошу, хоть бы вы и не боялись меня!

Ставрогин (*отсутствующе улыбаясь*). А, это вы трещите?.. Если бы вы не такой шут, я бы, может, и сказал теперь: да... Если бы только хоть каплю умнее...

Верховенский. Я-то шут, но не хочу, чтобы вы, главная половина моя, были шутом! Понимаете вы меня?

Ставрогин. Ступайте от меня к черту.

Верховенский. Да? Да?

Ставрогин. Почему я знаю!.. К черту, к черту!

Верховенский исчезает. Ставрогин остается один. Шаг за шагом он отступает в глубину сцены, как бы окаменевая на ходу, лицо его постепенно превращается в мертвую маску, над которой медленно меркнет свет. Сумеречный свет над мертвой маской.

Голос (*читает из «Откровения святого Иоанна Богослова»*). И поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему и кто может сразиться с ним?

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

МНОГОТРУДНАЯ НОЧЬ

Ночь. Ротонда в саду перед прудом в Скворешниках. Вокруг стола, на котором горит фонарь, почти все «наши»: Виргинский, Липутин, Лямшин, Толкаченко, Эркель. В центре — Верховенский.

Верховенский. Позвольте узнать, с какой стати вы изволили зажечь город без позволения?

Липутин. Это что!

Виргинский. Мы, мы город зажгли?

Лямшин. Вот уж с больной-то головы!

Верховенский. Я понимаю, что вы уж слишком заигрались, но ведь это не скандальчики с Юлией Михайловной. Я собрал вас сюда, господа, чтобы разъяснить вам ту степень опасности, которую вы так глупо на себя натащили и которая слишком многому и кроме вас угрожает.

Виргинский. Позвольте, мы, напротив, вам же намерены были сейчас заявить о той степени деспотизма и неравенства, с которыми принята была, помимо членов, такая серьезная и вместе с тем странная мера.

Верховенский. Итак, вы отрицаете? А я утверждаю, что сожгли вы, вы одни и никто другой. Господа, не лгите, у меня точные сведения. Своевольем вашим вы подвергли опасности даже общее дело. Вы всего лишь один узел бесконечной сети узлов и обязаны слепым послушанием центру. Между тем трое из вас подговаривали к пожару рабочих с фабрики, не имея на то ни малейших инструкций, и пожар состоялся.

Липутин. Кто трое?

Толкаченко. Кто трое из нас?

Верховенский. Третьего дня в четвертом часу ночи вы, Толкаченко, подговаривали Фомку Завьялова в «Незабудке».

Толкаченко. Помилуйте, я едва одно слово сказал, да и то без намерения, а так, потому что его утром секли, и тотчас бросил, вижу — слишком пьян. Если бы вы не напомнили, я бы совсем не вспомнил. От слова не могло загореться.

Верховенский. Вы похожи на того, который бы удивился, что от крошечной искры взлетел на воздух весь пороховой завод.

Толкаченко. Я говорил шепотом и в углу, ему на ухо, как могли вы узнать?

Верховенский. Я там сидел под столом. Не беспокойтесь, господа, я все ваши шаги знаю. Вы ехидно улыбаетесь, господин Липутин? А я знаю, например, что вы четвертого дня исщипали вашу супругу, в полночь, в вашей спальне, ложась спать.

Автор *(неожиданно показываясь из-за кулисы)*. Потом стало известно, что он о подвиге Липутина узнал от Агафьи, липутинской служанки, которой с самого на-

чала платил деньги за шпионство, о чем только после разъяснилось. *(Исчезает.)*

Верховенский. Вам, кажется, всем уже теперь известно, что Шатов в свое время принадлежал делу. Я должен открыть, что, следя за ним чрез лиц, которых он не подозревает, я к удивлению узнал, что для него не тайна и устройство сети, и... одним словом, все. Чтобы спасти себя от обвинения в прежнем участии, он донесет на всех. До сих пор он все еще колебался, и я щадил его. Теперь вы этим пожаром его развязали: он потрясен и уже не колеблется. Завтра же мы будем арестованы, как поджигатели и политические преступники.

Лямшин. Верно ли?

Липутин. Почему Шатов знает?

Верховенский. Все совершенно верно. Я не вправе вам объявить пути мои и как открывал, но вот что покамест я могу для вас сделать: чрез одно лицо я могу подействовать на Шатова, так что он, совершенно не подозревая, задержит донос, — но не более как на сутки. Дальше суток не могу. Итак, вы можете считать себя обеспеченными до послезавтрага утра.

Толкаченко. Да отправить же его, наконец, к черту!

Лямшин. И давно бы надо сделать!

Липутин. Но как сделать?

Верховенский делает знак. Все наклоняются к нему. Мгновенно прогоняется лента магнитофонной скороговорки. Все разгибаются.

Лямшин. Все так, но так как опять... новое приключение в том же роде... то слишком уж поразит умы...

Верховенский. Без сомнения, но и это предусмотрено. Есть средство вполне отклонить подозрение. *(Снова делает знак, и снова все наклоняются к нему.)*

Вновь звучит шепотная скороговорка.

Верховенский *(разгибаясь)*. Впрочем, действуйте как вам угодно. Если вы не решитесь, то союз расторгнут, — но единственно по факту вашего непослушания и измены. Таким образом мы с этой минуты все врозь. Но знайте, что в таком случае вы, кроме неприятности шатовского доноса и последствий его, навлекаете на себя и еще одну маленькую неприятность, о которой было твердо заявлено при образовании союза. Что до меня касается, то я, господа, не очень-то вас боюсь... Не по-

думайте, что я уж так с вами связан... Впрочем, это все равно.

Л я м ш и н. Нет, мы решаемся.

Т о л к а ч е н к о. Другого выхода нет...

В и р г и н с к и й. Я против; я всеми силами души моей протестую против такого кровавого решения!

В е р х о в е н с к и й. Но?

В и р г и н с к и й. Что *но*?

В е р х о в е н с к и й. Вы сказали *но*... и я жду.

В и р г и н с к и й. Я, кажется, не сказал *но* ... Я только хотел сказать, что если решаются, то...

В е р х о в е н с к и й. То?

Э р к е л ь. Я думаю, можно пренебрегать собственной безопасностью жизни, но если может пострадать общее дело, то, я думаю, нельзя сметь пренебрегать собственной безопасностью жизни...

В и р г и н с к и й. Я за общее дело.

Все вытягиваются по стойке «смирно». Верховенский гасит фонарь. Освещается стол в комнате Кириллова. Посреди стола, четко выделяясь на его белизне, лежит револьвер. По обе стороны, друг против друга, — Кириллов и Верховенский.

В е р х о в е н с к и й. Я за тем самым.

К и р и л л о в. Сегодня?

В е р х о в е н с к и й. Завтра... около этого времени.

К и р и л л о в. Ставрогин уехал?

В е р х о в е н с к и й (*делает выразительный жест вокруг шеи*). Уехал.

К и р и л л о в (*не замечает*). Я сдержу свое слово. Только скверно, что в ту минуту будет подле меня гадина, как вы.

В е р х о в е н с к и й (*спокойно смотрит на часы*). Я ничего никогда не понимал в вашей теории, но знаю, что вы не для нас ее выдумали, стало быть и без нас исполните.

К и р и л л о в (*грубо*). Довольно... уходите.

В е р х о в е н с к и й. Как? Вот обидчивость! Э, да мы в ярости? В такой момент нужно бы скорее спокойствие. Лучше всего считать теперь себя за Колумба, а на меня смотреть, как на мышь, и мной не обижаться.

К и р и л л о в. Я определил в эту ночь, что мне все равно.

В е р х о в е н с к и й. Однако о деле-то? Так мы не отступим, а? (*Вынимает лист бумаги, кладет перед ним.*)

Я продиктую. Вам ведь все равно. Неужели вас могло бы беспокоить содержание в такую минуту?

Кириллов. Не твое дело.

Верховенский. Не мое, конечно. Впрочем, всего только несколько строк: что вы с Шатовым разбрасывали прокламации, между прочим с помощью Федыки, скрывавшегося в вашей квартире. Этот последний пункт о Федыке и о квартире весьма важный, самый даже важный. Видите, я совершенно с вами откровенен.

Кириллов. Шатова? Зачем Шатова? Ни за что про Шатова. Ты убил его!.. И я это вчера предвидел!

Верховенский. Еще бы не предвидеть!

Кириллов. Молчи! Это ты его за то, что он тебе в Женеве плюнул в лицо!

Верховенский. И за то и еще за другое. За многое другое; впрочем, без всякой злобы. Чего же вскакивать? Чего же фигуры строить?

Кириллов хватает со стола револьвер, наводит на него.

Верховенский. Ого! Да мы вот как!..

Кириллов. Я застрелю тебя... Но я тебя не застрелю... хотя... хотя... *(Бессильно опускает револьвер.)*

Верховенский *(облегченно)*. Поиграли, и довольно. Я так и знал, что вы играете; только, знаете, вы рисковали.

Кириллов. Ты подлец и ты ложный ум. Но я такой же, как и ты, и застрелю себя, а ты останешься жив.

Верховенский. То есть вы хотите сказать, что я так низок, что захочу остаться в живых.

Кириллов. Обезьяна, ты поддакиваешь, чтобы меня покорить. Молчи, ты не поймешь ничего. Если нет Бога, то я бог.

Верховенский. Вот я никогда не мог понять у вас этого пункта: почему вы-то бог?

Кириллов. Если Бог есть, то вся воля Его, и из воли Его я не могу. Если нет, то вся воля моя, и я обязан заявить своеволие.

Верховенский. Своеволье? А почему обязаны?

Кириллов. Потому что вся воля стала моя. Неужели никто на всей планете, кончив Бога и уверовав в своеволие, не осмелится заявить своеволие, в самом полном пункте? Это так, как бедный получил наследство и испугался и не смеет подойти к мешку, почитая себя

малосильным владеть. Я хочу заявить своеволие. Пусть один, но сделаю.

Верховенский. И делайте.

Кириллов. Я обязан себя застрелить, потому что самый полный пункт моего своеволия — это убить себя самому.

Верховенский. Да ведь не один же вы себя убиваете; много самоубийц.

Кириллов. С причиною. Но безо всякой причины, а только для своеволия — один я.

Верховенский. Знаете что, я бы на вашем месте, чтобы показать своеволие, убил кого-нибудь другого, а не себя.

Кириллов (с жаром указывая в сторону образа, возникающего в глубине сцены). Ничего нет тайного, что бы не сделалось явным. Вот Он сказал.

Верховенский. В Него-то, стало быть, все еще веруете и лампадку зажгли; уж не на «всякий ли случай»? Знаете что, по-моему, вы веруете, пожалуй еще больше попа.

Кириллов. В кого? В *Него*? Слушай большую идею: был на земле один день, и в середине земли стояли три креста. Один на кресте до того веровал, что сказал другому: «Будешь сегодня со мною в раю». Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресения. Не оправдалось сказанное. Слушай: этот Человек был высший на всей земле, составлял то, для чего ей жить. Вся планета, со всем, что на ней, без этого Человека — одно сумасшествие. Не было ни прежде, ни после Его такого же, и никогда, даже до чуда. В том и чудо, что не было и не будет Такого же никогда. А если так, если законы природы не пожалели и *Этого*, даже чудо свое же не пожалели, а заставили и Его жить среди лжи и умереть за ложь, то, стало быть, вся планета есть ложь и стоит на лжи и глупой насмешке. Стало быть, самые законы планеты — ложь и диаволов водевиль. Для чего же жить, отвечай, если ты человек?

Верховенский. Это другой оборот дела. Мне кажется, у вас тут две разные причины смешались; а это очень неблагонадежно. Но позвольте, ну, а если вы бог? Если кончилась ложь и вы догадались, что вся ложь оттого, что был прежний Бог?

Кириллов. Наконец-то ты понял! Стало быть,

можно же понять, если даже такой, как ты, понял! Понимаешь теперь, что все спасение для всех — всем доказать эту мысль. Кто докажет? Я! Я не понимаю, как мог до сих пор атеист знать, что нет Бога, и не убить себя тотчас же? Сознать, что нет Бога, и не сознать в тот же раз, что сам Богом стал, — есть нелепость, иначе непременно убьешь себя сам. Если сознаешь — ты царь и уже не убьешь себя сам, а будешь жить в самой главной славе. Но один, тот, кто первый, должен убить себя сам непременно, иначе кто же начнет и докажет? Это я убью себя сам непременно, чтобы начать и доказать. Я еще только бог поневоле и я несчастен, ибо *обязан* заявить своеволие. Все несчастны потому, что все боятся заявлять своеволие. Человек потому и был до сих пор так несчастен и беден, что боялся заявить самый главный пункт своеволия и своевольничал с краю, как школьник. Я ужасно несчастен, ибо ужасно боюсь. Страх есть проклятие человека... Но я заявляю своеволие, я обязан уверовать, что не верую. Я начну, и кончу, и дверь отворю. И спасу. Только это одно спасет всех людей и в следующем же поколении переродит физически; ибо в теперешнем физическом виде, сколько я думал, нельзя быть человеку без прежнего Бога никак. Я три года искал атрибут божества моего и нашел: атрибут божества моего — *Своеволие!* Это все, чем я могу в главном пункте показать непокорность и новую страшную свободу мою. Ибо она очень страшна. Я убиваю себя, чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою.

Верховенский. Занятно.

Кириллов (*в решительном вдохновении*). Давай перо! Диктуй, все подпишу. И что Шатова убил, подпишу. Диктуй, пока мне смешно. Не боюсь мыслей высокомерных рабов! Сам увидишь, что все тайное станет явным. А ты будешь раздавлен... Верую! Верую!

Лихорадочно пишет на подsunутой ему Верховенским бумаге. Придвигает написанное гостю. Тот берет, читает, складывает листок вчетверо и, не прощаясь, выходит. Кириллов, оставшись один, хватает со стола револьвер и целит ему вслед, но уже в следующее мгновение опускает руку.

Затем медленно подносит дуло к виску, уже в полном безумии.

Кириллов. Я — Бог. (*Стреляется.*)

Затемнение, в котором слышится шепот, чертыхание, возня. Затем зажигается фонарь в руках Верховенского. Он по очереди подносит его к лицам собравшихся: Липутин, Эркель, Лямшин, Виргинский, Толка-

ченко. Столы, составленные замкнутым коленом, образуют собой подобие берега вокруг пруда, около которого и теснятся в эту минуту действующие лица.

Верховенский. Лямшина нет?

Лямшин (*выступая из темноты*). Я здесь.

Верховенский. Стало быть, только Липутина нет? (*Фонарь его освещает лицо Липутина.*) Зачем вы туда забились, почему не выходили?

Липутин. Я полагаю, что мы все сохраняем право свободы...

Верховенский (*презрительно морщится; в его сторону и сразу ко всем*). Господа, вы, я думаю, хорошо понимаете, что нам нечего теперь размазывать. Вчера все было сказано и пережевано, прямо и определено. Но, может быть, как я вижу по физиономиям, кто-нибудь хочет что-нибудь заявить; в таком случае, прошу поскорее. Черт возьми, времени мало...

Эркель. Я полагаю действовать, как задумано.

Верховенский. Я надеюсь, однако, господа, что всякий исполнит свой долг... Шатов считает этот донос своим гражданским подвигом, самым высшим своим убеждением. Этаким уже ни за что не откажется.

Лямшин. Но ведь никто не видал доноса.

Верховенский (*почти кричит*). Донос видел я!

Виргинский. А я, я протестую!.. протестую изо всех сил... Я хочу... Я вот что хочу: я хочу, когда он придет, все мы выйдем и все его спросим: если правда, то с него взять раскаяние, и если честное слово, то отпустить. Во всяком случае — суд; по суду. А не то чтобы всем спрятаться, а потом кидаться.

Верховенский. На честное слово рисковать общим делом — это верх глупости! Черт возьми, как это глупо, господа, теперь! И какую вы принимаете на себя роль в минуту опасности?

Виргинский. Я протестую, я протестую...

Верховенский. Ни один из вас не имеет права оставить дело! Вы можете с ним хоть целоваться, если хотите, но предать на честное слово общее дело не имеете права! Так поступают свиньи и подкупленные правительством!

Липутин. Кто же здесь подкупленные правительством?

Верховенский. Вы, может быть. Вы бы уж лучше

молчали, Липутин, вы только так говорите, по привычке. Подкупленные, господа, все те, которые трусят в минуту опасности. *(Обрывает себя на полуслове, прислушивается.)* Кажется, идет...

Появляется Ш а т о в. Ни с кем не здороваясь, по кругу обходит берег, около Верховенского останавливается. Тот толкает его. Шатов отскакивает к Липутину, от Липутина к Лямшину, затем к Эркелю. Толкаченко молча отшвыривает его от себя в пруд. Участники убийства одновременно спрыгивают с берега в темноту и сдвигают над жертвой образующие берег столы. В крошечной тьме слышится истошный шепот

Виргинского: «Это не то, не то! Нет, это совсем не то!»

Свет гаснет. Вслед за этим возникает обстановка картины «Иван-царевич», с той лишь разницей, что по тротуару шагает теперь Верховенский, а Эркель семенит по обочине. Под ногами у Верховенского стелется хлам минувшего маскарада: бумажные ленты, конфетти, блески. Верховенский то и дело брезгливо останавливается перед лужами и колдобинами. Эркель с набором масок действующих лиц в руках услужливо подсовывает их, одну за другой, ему под ступни. Хрустят маски под ногами Верховенского.

Э р к е л ь. Ах, Петр Степанович, лучше, если б вы не уезжали!

В е р х о в е н с к и й. Да ведь я только на несколько дней; я мигом назад.

Э р к ю л ь. Петр Степанович, хотя бы вы и в Петербург. Разве я не понимаю, что вы делаете только необходимое для общего дела.

В е р х о в е н с к и й. Я меньшего и не ждал от вас, Эркель. Если вы догадались, что я в Петербург, то могли понять, что так далеко уезжаю, чтобы не испугать. Вы видели сами, каковы они были. Но вы понимаете, что я для дела, для главного и важного дела, для общего дела, а не для того, чтоб улигнуть, как полагает какой-нибудь Липутин.

Э р к е л ь. Петр Степанович, да хотя бы и за границу, ведь я пойму-с; я пойму, что вам нужно сберечь свою личность, потому что вы все, а мы — ничто. Я пойму, Петр Степанович.

В е р х о в е н с к и й. Благодарю вас, Эркель... Но я вам положительно говорю еще раз, что в Петербург я только пронюхать и даже, может быть, всего только сутки, и тотчас обратно сюда.

Э р к е л ь. Но зачем же объяснять мне, Петр Степанович, я ведь пойму, я все пойму, Петр Степанович! До свидания, Петр Степанович.

В е р х о в е н с к и й *(растворяясь во мгле, с издевкой)*. До свидания, Эркель.

Раздается паровозный гудок, затем — стук колес отходящего поезда. Эркель остается один, поворачивается в профиль к залу. Лик его медально каменеет. В глубине сцены возникает объятые пламенем огромное Распятие. Пространство начинают заполнять обрывки знакомых нам мелодий «Марсельезы», «Интернационала», «Варшавянки», модных сегодняшних шлягеров.

Голос Великого Инквизитора (*обращенный к Распятию*). Ты хочешь идти в мир и идешь с голыми руками, с каким-то обетом свободы, которого они в пространстве своей и в прирожденном бесчинстве своем, не могут и осмыслить, которого боятся они и страшатся, — ибо ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы!.. Мы заставим всех работать, но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь, как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками. О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас, как дети, за то, что мы им позволим грешить. Мы скажем им, что всякий грех будет искуплен, если сделан будет с нашего позволения; позволяем же им грешить потому, что их любим... И не будет у них никаких от нас тайн. Мы будем позволять или запрещать им жить с их женами и любовницами, иметь или не иметь детей — все судя по их послушанию — и они будут нам покоряться с весельем и радостью. Самые мучительные тайны их совести — все, все понесут они нам, и мы все разрешим, и они поверят решению нашему с радостью, потому что оно избавит их от великой заботы и страшных теперешних мук решения личного и свободного... Завтра же Ты увидишь это послушное стадо, которое по первому мановению моему бросится подгрести горячие угли к костру Твоему, на котором сожгу Тебя за то, что пришел нам мешать. Ибо если был, кто всех более заслужил наш костер, то это Ты... Аминь!

Горит Распятие. На фоне багрового пламени фигура Эрделя постепенно превращается в монумент, в котором нами прозреваются черты многих «ниспровергателей» будущего, от комиссаров Временного правительства до сталинских палачей. Здесь, в этот момент, тоже вполне допустимо использование современной кинохроники, соответствующей замыслу спектакля.

А в т о р (*смыкая занавес за собою, печально*). «И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет».

КТО БОИТСЯ РЭЯ БРЭДБЕРИ?

Сценическая фантазия в двух актах
и шести картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Борис Водяной	}	скульпторы, братья-близнецы.
Александр Водяной		
Ольга	}	их жены.
Людмила		
Хват	}	роль для одного актера.
Сват		
Горемыкина		старушка-соседка.
Энвер		мальчик-сосед.

АКТ ПЕРВЫЙ

Сцена первая

Застекленная веранда загородной дачи, приспособленная под скульптурную мастерскую. Повсюду — беспорядочное нагромождение начатых, полузавершенных и законченных работ. Слева — входная дверь вся в разноцветных отпечатках кистей рук. Сбоку от входа — крохотный закуток, в котором чуть не впритык друг к другу теснятся газовая плита, холодильник и кухонный стол. На столе громоздится некое загадочное сооружение из стекла и металла, соединенное зигзагообразными трубками с кипящей на плите кастрюлей. Сооружение переливается всеми цветами радуги, подрагивает и фырчит, чем-то отдаленно напоминая лабораторный агрегат. Справа — во всю длину глухой стены — широкая тахта на высоких ножках. Над ней — полки, уставленные разрозненными книгами и фотографиями. На тахте, закрыв лицо раскрытой монографией и держа на животе перед собой включенный транзистор, лежит Борис Водяной. Из транзистора льется тихая восточная музыка.

За окном хлопьями падает снег. Входит Ольга.

Ольга (*отряхиваясь*). И как тебе не надоест!

Борис (*из-под монографии*). Чего?

Ольга (*раздраженно*). Волынка эта узбекская.

Б о р и с. Не узбекская, а туркменская.

О л ь г а. Не все ли равно.

Б о р и с. Для тебя, может быть.

О л ь г а. А для тебя?

Б о р и с. Огромная.

О л ь г а. С твоим бы слухом да в оперу.

Б о р и с. Не в оперу, а к оперу. И вообще закрой ва-
режку, мешаешь кайфу.

О л ь г а. Кайфуешь, а братцы Кукины опять безоб-
разничают.

Б о р и с. Что еще?

О л ь г а. Вынесли мать в одной рубашке на снег и
держат.

Б о р и с. Чего им от нее?

О л ь г а. Бутылку бормотухи вымораживают, она ее
от них к Пасхе спрятала.

Б о р и с. Безнравственно.

О л ь г а. Пока ты философствуешь, старуха концы от-
даст. Запросто.

Б о р и с. Я же не участковый. Что мне прикажешь
делать?

О л ь г а. Хоть поди пристыди их.

Б о р и с. Нравственно. А зачем?

О л ь г а. Пусть отпустят.

Б о р и с. Отпустят. Только без бутылки все равно не
уймутся. Грабить пойдут, а это тоже безнравственно.

О л ь г а. Ничего не скажешь, логика железная, тебя
ничем не проймешь. *(Кричит в сердцах.)* Господи, да
заткни ты свою волюнку наконец, я от нее скоро с ума
сойду, будь она проклята.

Раздается звонок в дверь.

Б о р и с. Меня нет.

О л ь г а. Порядочные люди без предупреждения не
приходят, опять рвань какая-нибудь. Когда это только
кончится! *(Выходит.)*

В прихожей возникают торопливые голоса. Музыка в транзисторе взры-
вается на полную мощность, но так же внезапно обрывается, уступая
место дикторскому голосу: «Вчера в Нью-Йорке, в знаменитой галерее
Кастелли, закрылась выставка выдающегося русского скульптора-нон-
конформиста Александра Водяного. Выставка прошла с огромным успе-
хом. Ведущая американская пресса и телевидение уделили этому собы-
тию большое внимание. Крупнейший американский критик в области
искусства Джон Рассел...»

Борис (*отбрасывает от себя внезапно умолкший транзистор, смахивает с лица монографию, возбужденно вскакивает*). Алька — выдающийся русский скульптор-нонконформист! Я его карандаш в руках учил держать, он у меня с детства на подхвате бегал, его и знали-то в Москве только как моего брательника. Он мне до самой эмиграции глину месил и за пивом бегал. Выдающийся русский скульптор-нонконформист! Что они там — Кастелли с Расселом — чокнулись, что ли, забыли с перепоя, кто есть кто? Мир сбрендил! (*Вдруг угасает так же внезапно, как и загорелся, снова валится на тахту.*) А, черт с ними...

Возвращается Ольга.

Ольга. По твою душу.

Борис. Кто там еще?

Ольга. Очередной страждущий. Душа горит, а выпить не на что.

Борис. По вторникам не подаю. (*Накрывает лицо тою же монографией.*) Пошли они все...

Ольга. Он не задаром.

Борис. Гони.

Ольга. Говорит, повесится.

Борис. Безумству храбрых.

Ольга. Последнее принес.

Борис. Могу себе представить.

Ольга. Мешок копирки и ящик скрепок.

Борис. Ничего лучше не украл?

Ольга. У него жена машинисткой в конторе, там больше красть нечего. Может, посочувствуешь все же?

Борис. Боже мой, чего мне только уже не пытались всучить! Женские лифчики и трусы, магнитофонные пленки, мясной фарш для пирожков, электронику, ручного зайца, японские презервативы с усиками, лодочные моторы, золотую фольгу из кремлевских церквей, полуботинки без подметок, ремни без пряжек и пряжки без ремней, растворимый кофе, иконы, типографский шрифт, целлофан, туалетную бумагу, значки для иностранцев, занавески, табуретки, этажерки, корень жень-шеня, морфий, шприцы, бинты, бормашину — и все за бутылку! До какой же ты ручки дошла, Россия!

Ольга. Человек ждет.

Борис. Дай ему на мерзавчика и пусть убирается отсюда к чертовой матери вместе со своим мусором. Что

у меня здесь, в самом деле, склад для ворованного, что ли?

О л ь г а. Гуманно. *(Выходит.)*

Борис снова запускает транзистор на полную мощность. Сквозь громышающую музыку пробивается телефонный звонок. Второй... Третий... Возвращается Ольга. Демонстративно затыкает уши. Музыка резко обрывается.

Б о р и с *(жестом указывая ей в сторону телефона)*. Меня нет.

О л ь г а *(подходит к телефону)*. Алло, слушаю. *(Мгновенно преображается.)* Люська, ты! *(Знаками зовет Бориса к себе.)* Откуда ты?.. Господи, как во сне!.. И Алик здесь?.. Даже не позвонили, не предупредили... Хорош сюрприз, от таких сюрпризов людей на инвалидность списывают... Вот Борис рвет трубку, Алика давай, пускай мужики сами между собой разберутся. *(Передает трубку Борису.)* Ей-Богу, надо же!

Б о р и с *(берет трубку)*. Ну ты даешь, Алик, как снег на голову, высесть тебя некому, шиз несчастный! Ты где?.. Хватайте тачку и сюда... Какие могут быть разговоры, ты что, у бусурман этой вшивой дипломатии нахватался... Даже говорить больше не хочу, приедешь — наговоримся, нам спешить некуда, впереди вечность, ждем. *(Кладет трубку.)* Какой гусь, даже разговаривает уже с бусурманским акцентом: апойтмен, ланч, парти. Нахватался, чернушник... Ишь ты: выдающийся русский скульптор-нонконформист Александр Водяной, Рассел-Кастелли. *(Ольге.)* Ты, мать, ноги в руки и в Елисей к Соколову, он у меня какую-нибудь порнуху просил для его баньки накарябать, я было отказался, но ради такого случая, черт с ним, придется оскоромиться. Пускай мечет все, что у него в номенклатурных закромах корячится: икру всех оттенков, коньяк марочный, парную ветчину и протчая, и протчая, а самогон ностальгический *(кивает в сторону закутка)* у нас свой есть.

О л ь г а. Их, наверно, не удивишь, у них там этого добра навалом.

Б о р и с *(отмахивается от нее, возбужденно кружится по мастерской)*. Навалом не навалом, а пусть секут, что мы здесь тоже не побираемся, нам сладкой жизни за бугром искать не приходится, свою на дому имеем, нечего им нос задирать, мы тоже не лаптем щи хлебаем. Подумаешь, «выдающийся»! Борис Водяной — это вам

тоже не хер с горы, меня еще Пикассо ценил, мне Ренато Гуттузо при жизни памятник пророчил, я с Генри Муром на «ты» переписывался. Вон они у меня на двери почти все отметились. Даже сам Жан-Поль Сартр лапу приложил. *(Вздыхает с завистью.)* А все-таки недурно они там устроились, сачки: ни тебе МОСХа, ни тебе худфонда, ни искусствоведов в штатском, лепи-рисуй себе что Бог на душу положит! Живут же люди!

О л ь г а *(размышляя о чем-то своем)*. Когда сбор?

Б о р и с. Договорились вокруг восьми.

О л ь г а. А сейчас?

Б о р и с *(смотрит на часы)*. Почти три.

О л ь г а *(озабоченно)*. Успеть бы. *(Загибает пальцы)*.

Парикмахерская — раз, к Елисееву — два, уборка, стряпня — три, плюс — дорога. *(Взволнованно.)* Нет, подумать только, Люська — американка, гранд-дама, наверно, вся в фирме и брильянтах, а давно ли за мной колготки донашивала!

Б о р и с *(не слыша ее)*. Если у них мой Алька за выдающегося проходит, то какая же мне цена, меня еще Шагал современным Микеланджело называл! До каких же пор я буду прозябать здесь, в этой занюханной тмутаракани, ведь еще пять, от силы десять лет и совсем исхалтурюсь на этих вшивых госзаказах и сопьюсь к едрене бабушке: классический конец российского таланта, а уж через неделю после крематория обо мне даже собственные родственники забудут. На потомков надежда слабая, да и, кто знает, суждено ли им быть, этим потомкам? Вдарит какому-нибудь чмуру в маршальских эполетах моча в голову, нажмет кнопку, и поминай как звали нашу землю-матушку вместе со всеми Микеланджело, Водяными и прочей пылью в придачу. Эх, бросить бы все к чертовой матери пока не поздно, махнуть в чем есть за бугор, наделать шороху и хоть напоследок пожить по-человечески.

О л ь г а *(занятая своими мыслями)*. Если успеть смотаться на Центральный рынок, можно исхитриться устроить грузинский стол, самогон за чачу сойдет, посидим по-семейному.

Звонок в дверь.

Б о р и с. Меня нет.

О л ь г а. Меня тоже. *(Выходит.)*

Из прихожей доносится возбужденная перепалка. Затем в мастерскую вваливается Х в а т. Он расхристанно пьян и шумен.

Х в а т *(на ходу сбрасывает шапку, шарф, дубленку, расшвыривая их в разные стороны)*. Все, чехты, конец! Расплевался я с Софьей Власьевной вчистую, по всем статьям. Разошлись как в море корабли: мне на Запад, ей — в другую сторону. Отныне и навеки Федор Хват вольный казак! Свобода, бля!

Б о р и с. Когда отваливаешь?

Х в а т. Завтра, старичок, в пятнадцать ноль-ноль.

Б о р и с. Пустили, значит, Дуню в Европу?

Х в а т *(обиженно)*. Завидуешь?

Б о р и с. Европе завидую, такое счастье ей привалило.

Х в а т *(с вызовом)*. А что, моя школа еще себя покажет! Ихний авангард против моего метафизического сюрреализма слаб в коленках, про меня вон недавно «Таймс» писал, большое будущее моей школе сулит. Федя Хват только с виду прост, а в душе у меня бездонный вулкан. Надолго хватит.

Б о р и с. С твоим бы товаром да в Чухлому, тебе бы там цены не было.

Х в а т *(отмахивается)*. Не понять тебе, старичок, моего мистического прорыва, ты все еще по земле пластаешься, а я давно в горних высях парю. Меня, может, и поймут-то по-настоящему лет через сто, не меньше... Ладно, старичок, Бог тебе судья, накапай лучше страждущему своего зелья.

Б о р и с. Не маленький, сам справишься.

Х в а т. Грубый ты человек, старичок, будто и не родной вовсе, нехорошо. *(Скрывается в кухонном закутке.)* Гудит и воет родной завод...

Из прихожей заглядывает Ольга.

О л ь г а. Мальчики, не скучайте, лечу: одна нога там, другая здесь. *(Исчезает.)*

Х в а т *(появляется со стаканом в руке)*. Нет, что там ни говори, а не тянет кастровская тростниковая против нашей свекольной, квинтсистенция не та, с трудом память снимает, слабаки с нами тягаться, у нас по этой части, можно сказать, тысячелетняя культура. *(Прихлебывает из стакана.)* У меня, слышишь, старичок, на таможене целая

история вышла. Сидит там чмур один, полтора Ивана, в приличном поддатии, печать на бумага шлепает, дошла до меня очередь, ткнулся он в мой паспорт пропитым носом, взглянул на меня и спрашивает: «А ты куда собрался?» — «Как, — говорю, — куда, на историческую, — говорю, — родину». — «А ты на себя, — говорит, — давно в зеркало смотрел?» — «А чего мне, — говорю, — смотреть, я, — говорю, — по себе не соскучился». — «Дрын, — говорит, — по тебе лагерный соскучился, у тебя, — говорит, — мордovorот полметра на полметра, с похмелья не обкакаешь, родина твоя, — говорит, — историческая Рязанью называется». — «Раз на раз, — говорю, — не приходится, под Рязанью евреев тоже навалом». Посмотрел он на меня, как на приезжего, покачал головой,дохнул на печатку и прихлопнул: «Хер с тобой, отваливай, глядишь, скоро все там будем». (Пьет.) Нет, старичок, не тянет кастрюшка против нашего свекольного, никак не тянет.

Б о р и с. Не в таком темпе, Федя, наглотаешься, завтра не встанешь, аннулируют визу — наплачешься.

Х в а т. Бедная виза! Подумать только, до чего дошло, пархатые сионисты вместе с израильской военщиной протягивают братскую руку русскому мужику. Чего бы мы теперь без них делали, где бы голову приклонили, кроме вытрезвителя, а они нá тебе, битте-дритте, и родню обрезанную в готовом виде, и приглашение-вызов на меловой бумаге, и в голландском посольстве билет до венского леса: беги, серый, куда глаза глядят. Прямо скажем, гуманнй народ.

Б о р и с. А из Вены куда решил?

Х в а т. В Париж, старичок, в Париж. Порастрясу я там их сонное царство, заелись лягушатники, такое фуфло заместо высокого искусства гонят, смотреть совестно, мертвечина. Не хватает им нашей сермяжной выстраданной правды, боли нашей метафизической. В абстрактных кружевах, как в дерьме, тонут, скоро совсем выродятся. Гибнет Европа, на глазах гибнет, спасти надо.

Б о р и с. Вот и я говорю, заждалась Европа нашего брата, с утра встает и выглядывает, где же мы с тобой, Федя, запропастились, когда явимся, вызволим из беды, поправим дело.

Х в а т. Все подначиваешь, а я тебе всерьез говорю, европейскому искусству свежая кровь вó как нужна, они без нас от своей суходрочки совсем на нет сойдут скоро.

Они и сами признают. Вот у меня был один недавно, не хер собачий, культурный атташе, без пяти минут русский граф, правда, чере мать с прожидью оказался, так тот прямо говорит: «У нас, — говорит, — форма, а у вас дух, таких, как вы, — говорит, — во Франции на руках бы носили».

Б о р и с. Не уронили бы только.

Х в а т (*снова прихлебывает из стакана*). Зависть тебя гложет, старичок, вот и ерничаешь. (*Его начинает заметно развозить.*) У меня уже там все на мази: и связи, и галерейщики, и пресса... На Орли встреча по первому разряду... Министр речь толкать будет... Большой бомонд, можно сказать: силь ву пле, ком ву вуле, се ля ви и все такое прочее... Перебрал я, старичок... Кастровка, она тоже свое берет, ежели больше ведра... Покимарю я у тебя часок-другой, сниму лишний градус с души, облегчусь малость... Не обессудь, старичок...

Б о р и с. Ты свое место знаешь.

Х в а т (*опускается на карачки*). Обидеть хочешь, старичок... Зря, меня обидеть нельзя... У меня корона с головы не упадет... Федор Хват себе цену знает. (*Все так же на карачках передвигается к тахте.*) Да. (*Запевает.*) «Враги сожгли родную хату, убили всю его семью. Куда теперь идти солдату, куда нести печаль свою...» (*Скрывается под тахтой и вскоре затихает.*)

Б о р и с (*обреченно*). Господи, мир действительно сошел с ума: Федя Хват и тот в Растиньяки подался! Чего же я — Борис Водяной — здесь забыл, чего жду и на что надеюсь? Все перепутано и некому сказать: Россия, Лета, Лорелея! Надо что-то решать, поговорить сегодня с Аликом и решать: ту би ор нот ту би!

Из-под тахты доносится голос Хвата: «А на груди его светилась медаль за город Будапешт...»

З а н а в е с

Сцена вторая

Обстановка та же. За окном в вечеряющем воздухе струится тихий снег. Мастерская старательно прибрана. Посередине празднично накрытый стол, на котором горят свечи. Ольга озабоченно кружит от кухни к столу и обратно. Борис в прежней позе лежит на тахте с включенным транзистором перед собой. Звучит уже знакомая нам восточная музыка.

Ольга (*удовлетворенно оглядывая стол*). Не стыдно перед басурманами, пускай нам пыль в глаза не пускают, сами с усами. (*Взволнованно.*) Случается же такое! Люська, тихоня с вечным насморком, — американка, нарочно не придумаешь! Могу себе представить, какая она теперь цаца, а в детстве нас родная мать путала, до того похожи были, только характерами и расходились: она тише воды, ниже травы, а я сорви-голова. Мы даже иногда нарочно ролями менялись, чтобы всем во дворе голову заморочить, чего вытворяли, вспомнить совестно. (*В сердцах в сторону Бориса.*) Да заткни ты наконец свою шарманку, мозги плавятся!

Борис (*из-под монографии*). А зачем они тебе?

Ольга. Сам кретин. Так и будешь валяться до самого прихода, уже почти восемь. К тебе ведь не из Каширы приезжают — из Америки, неужели вот так, в затрапезе, и встретишь?

Борис. Подумаешь, барин, американский дядюшка, мистер-твистер, бывший министр! Перебьется. Забываешься, мать, тебе от этого родства уже моча в голову вдрила, совсем перестала соображать, кто есть кто в русском искусстве.

Ольга (*безнадежно вздыхает*). С тобой разговаривать...

Раздается звонок в дверь.

Они.

Борис (*нехотя поднимаясь*). Легки на помине.

Ольга спешит открывать. Оставшись наедине с собой, Борис принимается поспешно приводить себя в порядок. Затем появляется Ольга, ведя за собой гостя, как две капли воды, даже в одежде, похожего на Хвата.

Ольга. Проходите, проходите. (*Борису*). Вот принимай. (*Многозначительно.*) Из милиции. (*Уходит на кухню.*)

Борис. Опять из-за этой бронзы! Я ведь уже писал объяснительную: куплено в законном порядке, через Худфонд.

Сват. Здравствуйте, я извиняюсь, конечно: служба... Оперуполномоченный из райотдела, капитан Федор Петрович, Сват моя фамилия... Я насчет ваших соседок сестер Горемыкиных.

Борис. Что, замочили кого-нибудь, притон держат или валютным бизнесом занялись, с них станется?

Сват. Ну что вы, что вы! Очень законные старушки, Божьи, можно сказать, одуванчики, по всем оперативным данным полный ажур.

Борис. Может, сами по рукам пошли или ширяются?

Сват (обиженно). Тут шутки шутить не приходится, гражданин Водяной, не до шуток тут, у нас сигнал.

Борис. Письма трудящихся, надо думать?

Сват. Врубаетесь в тему?

Борис. А я при чем?

Сват. При том, что сосед и можете соответствовать.

Борис. Каким концом?

Сват (вынимает записную книжку и карандаш). Горемыкиных давно знаете?

Борис. Здравоваемся.

Сват. Ничего подозрительного не замечали?

Борис. Я по другой части.

Сват (угрожающе). Товарищ Водяной, я при исполнении...

Борис. А в чем, собственно, дело, что вы мне все шарады загадываете, говорите прямо.

Сват (примирительно). Такое, понимаете, дело, соседи сигнализируют: чтой-то неладное у старушек. Раньше, сколько лет друг без дружки никуда, что во двор, что магазин, будто склеенные, а вот уже с полгода по одиночке стали ходить, с чего бы это, как по-вашему?

Борис. Предположим, поссорились, семейное дело, все очень просто.

Сват. Отпадает. У них друг на дружку пенсионная доверенность оформлена, а получает только одна. Если бы поцапались, не получала бы.

Борис. Логично.

Сват. То-то и оно. Участковый ваш уже подкатывался к ним, без толку, как ни придет: то одной нету, то —

другой. И каждая по-разному показывает, а вместе их никак не застать, такая история.

Борис. И все-таки, при чем здесь я?

Сват. В нашем деле любое лыко в строку. Опрашиваю всех кругом на всякий случай, может, выплывет что-нибудь.

Борис (сухо). Ничем не могу помочь.

Сват. Как знаете. Только, ежели чего вспомнится, позвоните. (Вырывает листок из записной книжки.) Или через участкового.

Борис (убирает руки за спину). И звонить не буду, и к участковому не пойду. Увольте.

Сват (осторожно кладет листок на краешек стола). Всякое может случиться, гражданин Водяной, глядишь, пригожусь. (Отступает к двери.) Извиняюсь за беспокойство. (Уходит.)

Ольга (показываясь из кухни). Ушел?

Борис. Такие гости уходят только временно, теперь не отвяжешься.

Ольга (смотрит на часы). Алик в своем репертуаре, вежливость королей это не для него, но хотя бы позвонили.

Борис. В такой снег найти тачку, набегаешься.

Ольга (задумчиво глядя в окно). У них там и снег-то, наверное, совсем другой.

Борис (хмуро). Какой же?

Ольга. Особенный... Посмотри американское кино, такая природа, ни в чем меры нет: если дождь, то уж как из ведра, если жара, глядя, пить хочется, а если зима, святых выноси, будто все холода мира на них свалились.

Борис (насмешливо). Прямо по Райкину, мать: у них там все как у людей, сначала весна, потом лето и так далее. Когда мы только повзрослеем!

Звонок в дверь.

Ольга (тоскливо). Они или опять не они? (Идет открывать.)

Борис. Чувствую, напьюсь сегодня по-черному!

В сопровождении Ольги входит Анна Николаевна Горемыкина. Старушка словно из киномассовки фильма на революционную тему: обнищавшая барынька в ободранных мехах и под вуалькой.

Ольга. У Анны Николаевны к тебе приватный разговор. (Уходит на кухню.)

Горемыкина (*умоляюще*). Борис Александрыч, голубчик, был у вас этот сыщик?

Борис. Вы же знаете.

Горемыкина. Еще бы не знать, весь дом переполошил, сейчас Кукиных трясет, делать ему нечего.

Борис. Что же все-таки у вас происходит с сестрой, Анна Николаевна, поссорились, что ли?

Горемыкина (*всплескивая руками*). Да что вы, Боря, Бог с вами, мы с ней с самого детства душа в душу, чего же нам под старость делить!

Борис. Всякое бывает.

Горемыкина. У кого угодно, но не у нас с Таней! Столько вместе пережито, столько переговорено-передумано что мы давно уже как одно целое. К тому же мы, как и вы с Аликом, близнецы.

Борис. Извините, Анна Александровна, я без всякого умысла.

Горемыкина. Да что вы, что вы, Боря, какие у меня могут быть от вас секреты, вы же у меня на глазах выросли, можно сказать, почти родные. Все проще простого, голубчик: мы с Таней до того обносились, что нашего с ней гардероба только на один выход и хватает: одна ходит, другая дома сидит. Нашей пенсии нам еле-еле на хлеб хватает, не до туалетов.

Борис. Анна Николаевна, дорогая, обратились бы ко мне по-родственному, не чужие же, в самом деле.

Горемыкина (*оскорбленно*). Мы — Горемыкины — с протянутой рукой никогда не хаживали, не пойдем и при совдепии. У нас в роду от самого Ивана Калиты нищих не было, сами благодетельствовали, моего деда, Алексея Петровича, Царствие ему Небесное, последний государь император личной дружбой жаловал, у нас фамильная гордость... Грех вам, Борис Александрыч... (*Сотрясаясь от плача, спешит к выходу.*)

Борис. Анна Александровна, простите меня, дурака, Бога ради! Куда же вы! (*Показавшейся из кухни Ольге.*) Вот обидел человека.

Горемыкина уходит.

Ольга (*отмахивается*). Перезимует. (*Горделиво оглядывает стол.*) Как в лучших домах ихнего бомонда: приборы, салфетки, свечи. Пускай не задаются, буржуи недорезанные. (*Почти сквозь слезы.*) Эх, Люська, Люська,

а давно ли мы с тобой выходное платье на двоих носили, по очереди, на материну зарплату не разгуляешься да и зарплата та, стыдно вспомнить, слезы одни, много ли она там на «Ундервуде» своем допотопном за день выколотить могла, если бы по вечерам не прирабатывала, совсем бы по миру пошли. Считай, на одной картошке с макаронами выросли, собачья радость — микояновские котлеты — лакомство, и то через раз. В кино сходить — событие, в театр — счастье, о концертах только мечтать приходилось — выйти не в чем. Так бы и жила до старости, если бы ты не подобрал.

Борис. Ну, пошло-поехало, села на своего каурого.

Ольга. Но ведь это правда, Боря! Скажи мне, почему мы так скверно, так нищенски, так неинтересно живем? За что это нам, за какие грехи? По утрам, как представишь, что тебя ждет, глаз открывать не хочется. Куда ни посмотришь, волком выть тянет: грязь, пьянь и злоба непереваримая, а кругом знамена и лозунги один другого отвратнее: «вперед», «поднимем», «перевыполним»! Ты же художник, Боря, большой художник, неужели тебя не воротит от этой смерти темно-серого с красным, это ведь, как кровь на грязи, бррр!

Борис (*примирительно*). Все зависит от угла зрения, мать, если особенно не присматриваться, жить можно.

Ольга. Да очнись же ты наконец, Борис! Ведь самое страшное в том, что она — эта смрадная смесь — и нас с тобой затягивает, накрывает с головой, словно болотная ряска, мы даже замечать перестаем, что на свете может быть что-то, кроме этого, ведь это же страшно, Боря!

Борис. Что ты от меня хочешь?

Ольга. Уедем, Боря, все, кто не готов сдаваться, едут, теперь вон уже и туда-обратно курсируют, чего мы ждем? Пока они тебя своим катком не раскатают в беспозвоночное? Алик поехал, его и в Москве-то никто всерьез не принимал, его даже за глаза называли «мы с Борькой», а теперь о нем чуть не весь мир шумит: «Александр Водяной, Александр Водяной!» Но Водяной может быть только один — это ты, Борис, других Водяных не существует.

Борис. Кому надо, тот знает об этом.

Ольга. Ты живешь в девятнадцатом веке, Боря, вре-

мена Роденов прошли, сегодня велик не тот, кто умеет делать дело, а тот, кто умеет громче заявить об этом. Вспомни, что о тебе говорили и писали, когда Алька у тебя еще глину месил! *(Она бросается к тахте, выдергивает с полки над ней увесистый фолиант и начинает наугад выхватывать оттуда печатные вырезки и письма.)* Вот что о тебе говорил Пикассо, вот что о тебе писал Генри Мур, вот Сальвадор Дали, вот письмо Ренато Гуттузо. Вот, вот, вот! *(Распалаясь, начинает разбрасывать листки вокруг себя.)* Когда ты опомнишься, поздно будет, заявишься, а тебе скажут, как у нас в очереди: вас тут не стояло.

Борис. Неужели ты не понимаешь, что я вообще не хочу стоять ни в какой очереди, я себя уважать перестану, я тебе в глаза смотреть не смогу.

Ольга. А ты не смотри, не смотри, Боря, сделай меня своей собакой, собаке же в глаза смотреть не обязательно, я даже говорить разучусь, чтобы совесть твою не потревожить. Буду служить тебе и всё, хочешь, на колени перед тобой встану, только займи свое место, не чужое — свое. Пусть знают! *(Почти кричит.)* Нас тут стояло! *(Поспешно бросается подбирать с полу листки.)*

На пороге неожиданно возникает Горемыкина.

Горемыкина. Извините великодушно... У вас там открыто... Я стучала, стучала... Я, наверное, не вовремя?

Борис *(с облегчением бросается к ней)*. Ну что вы, что вы, Анна Николаевна, какой разговор, милости прошу... Вы уж меня простите за давешнее, я, ей-Богу, не хотел вас обидеть... От чистого сердца сморозил.

Горемыкина. Премного благодарна, голубчик, премного благодарна... Только я не Анна Николаевна, а сестра ее — Николаевна, но Татьяна.

Борис *(в изнеможении закрывает глаза)*. Час от часу не легче.

Горемыкина. Сестра очень переживает. Просила вам передать, что погорячилась, наговорила лишнего... Знаете, горемыкинская кровь, не характер — порох.

Борис. Какой разговор, Татьяна Николаевна, какой разговор, все мы люди-человеки, тем паче, что я дал повод.

Горемыкина. Она стала такая нервная, особенно в последнее время. И все из-за меня.

Борис. Что-нибудь случилось?

Горемыкина. Ей почему-то кажется, что я безнадежно больна. Ничего не дает мне делать, все сама и сама, а ведь она мне ровесница, надолго ли ее хватит, но слова не скажи, сразу в слезы. А тут еще этот сыщик.

Борис. Не берите в голову, Татьяна Николаевна, у него такая работа собачья, ему за нее деньги платят. Походит, походит и сгинет, как сон, как утренний туман. У нас где сядешь, там и слезешь. В случае чего, зовите меня, я его быстро утихомирю.

Горемыкина. Я всегда в вас верила, Боря. Вы и в детстве были необыкновенным мальчиком. Я знала, что вы станете великим человеком, потому что, сколько я вас помню, вы никогда не расставались с книжкой. Человек с книгой это уже личность. И хотя однажды вы разбили у нас окно мячом, мы не стали жаловаться участковому, нам не хотелось портить вам будущее, чего не бывает с детьми. Тем более, что у вас была такая интеллигентная мама.

Борис. Татьяна Николаевна, помилуйте, какая уж моя мать интеллигентка, она упаковщицей в типографии всю жизнь проработала?

Горемыкина. Не скажите, Боря. Важно, не кем человек работает, а где работает. Вы сами сказали — в типографии, значит, около книг, а это сразу отражается на личности, книга облагораживает. Нет, нет, Боря, что ни говорите, а судьбу человека можно угадать по лицу уже в детстве. Аннушка тоже так считает, а у нее большое чутье на людей, она у меня такая чувствительная, а тут еще этот сыщик.

Борис. Татьяна Николаевна, я беру его на себя.

Горемыкина. Если бы вы знали, как я вам благодарна, Боря!

Борис. Передайте Анне Николаевне, что инцидент исчерпан.

Горемыкина. Ну, не буду вас больше утруждать, тем более, что вы, кажется, ждете гостей. Всего вам хорошего, желаю культурно провести вечер. *(Выходит.)*

Борис. Кажется, я опять вляпался в какую-то историю, тряпка.

Ольга *(все это время кружит по мастерской, собирая разбросанные листки и бережно складывая их в тот же фолиант).* Так... Сальвадор Дали... А где же Пикас-

со?.. Мур есть... Вырезка из «Арт ньюс»... «Унита», статья Ренато Гуттузо... А вот и «Таймс» с фотографией...

Примерно с середины диалога между Горемыкиной и Борисом в мастерской возникает фигура хрупкого мальчика в джинсовом костюмчике. Мальчик появляется как бы из ничего и, порхая, принимается тихо кружить по мастерской, с пристальным вниманием вглядываясь в каждую скульптуру.

Борис (*первым заметив его*). А ты как сюда попал?

Ольга (*спохватываясь*). Это ко мне, Борис. Это Энвер, сын нашей дворничихи Фатимы. Я с ним дикцией занимаюсь. Очень способный мальчик.

Энвер. Было открыто, я и вошел. Ждал, пока вы разговаривали.

Ольга. Ты что так поздно?

Энвер. У нас завтра утренник, тятя Оля, я «Парус» буду читать.

Ольга. Ну, давай порепетируем, Борис Александрыч будет за публику. Начинай, не стесняйся.

Энвер. Только я завтра утром еще забегу. Для верности.

Ольга. Заметано, Энверчик. Слушаем.

Энвер (*занавес за его спиной смыкается, он выходит на просцениум и читает прямо в зал*). «Белеет парус одинокий в тумане моря голубом. Что ищет он в стране далекой, что кинул он в краю родном?..» В краю родном... В краю родном... В краю родном...

Свет вокруг него медленно гаснет.

З а н а в е с

Сцена третья

Обстановка та же. **Борис** возится около аппарата на кухне. **Ольга** разговаривает по телефону.

Ольга. Здравствуйте, извините за беспокойство. Господин Водяной с супругой у вас проживает?.. Это его дальние родственники... А где они?.. И давно они вышли?.. Массаж? Какой массаж?.. Ах, массаж! Извините, сразу не сообразила. Нет, ничего, я еще раз перезвоню. Спасибо. (*Вешает трубку*.) Что там у тебя еще? Такое амбре, что сюда скоро все дворовые алкаши сбегутся.

Б о р и с (*продолжая возню*). Змеевик потек. Придется менять всю систему, эта, видно, свое отслужила.

О л ь г а. Все в этой гнусной тмутаракани свое отслужило.

Б о р и с. Не можешь без обобщений.

О л ь г а. Побегай с мое по магазинам, высунув язык, сразу поумнеешь.

На пороге внезапно возникает С в а т. Он тихонько прикрывает за собою дверь, принимаясь внимательно ее рассматривать. Затем начинает поочередно накладывать свою ладонь на оставленные на ней отпечатки.

Недовольно хмыкает, подозрительно покачивает головой.

С в а т (*громко*). Это что же у вас за картотека?

Б о р и с (*вздрагивая от неожиданности*). Опять вы?

С в а т (*кивает на дверь*). Как в уголовном розыске, говорю.

Б о р и с (*зло*). Друзья на память оставляют.

С в а т. Ишь ты! Таковую бы дверь да к нам на Петровку, цены б ей, соображаю, не было.

Б о р и с. Берите выше — в Интерпол, там все больше иностранцы отмечались.

С в а т (*многозначительно*). О-очень интересно.

Б о р и с. Ладно, не тяните, чего вам?

С в а т (*подозрительно тянет носом*). Ну и запашок, скажу я вам.

О л ь г а. Гостей ждем.

С в а т. Я не о закуске, я о выпивке.

О л ь г а (*смешавшись*). Бутылку разбили нечаянно...

С в а т. Я так думаю, в той бутылке не меньше ведра было.

Б о р и с (*показываясь из кухни*). Опять вы? Не надоело?

С в а т. В нашем деле не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Ложный след иногда на другого зверя наводит. Иногда и покрупнее.

Б о р и с. Бросьте вы свои шарады, говорите прямо.

С в а т (*с наслаждением тянет носом*). Запашок, говорю, качественный. Из чего гоните?

Б о р и с. По Чонкину: кило дерьма, кило сахара.

О л ь г а. Говорила же, говорила!

Б о р и с. Закрой варежку, мать. (*Свату.*) Дело, что ли, хотите мне пришить?

С в а т. На срок, конечно, не потянет, Борис Александ-

рыч, но неприятностей вам не миновать. И по нашим временам — крупных.

Борис. У меня справка от худфонда, что это для производственных целей.

Св ат. Не надо меня на арапа брать, Борис Александрыч, не советую, я ведь тоже не пальцем деланный: у нас на этот продукт монополия государства, за такие справки и вашему худфонду могут хвост прищемить.

Борис (сдаваясь). Чего вы от меня хотите?

Св ат. Вот это да, вот это мужской разговор, я же говорил вам, что пригожусь. И так я думаю, не в последний раз. Вы ко мне по-хорошему, и я к вам как к человеку. Баш на баш. А нужно мне от вас самую малость. Я сейчас уйду, а старушка сразу к вам сунется, вы ее и придержите хорошим разговором, пока я у нее в норе пошурую.

Борис. Да почему вы думаете, что она сюда явится?

Св ат (ласково). Не думаю, а знаю, Борис Александрыч, дорогой (как бы передразнивая), такая у меня работа собачья, я за нее деньги получаю.

Борис (с вызовом). А если я отказываюсь?

Св ат (еще ласковее). Участковый. Протокол. Последствия. Зачем это вам, Борис Александрыч, тем более что и дела-то здесь на полчаса. Вы же советский человек, товарищ Водяной.

Борис (подавленно). Советский, кадетский, какая разница!

Св ат. Ну вот и договорились. А старушка, будьте покойны, не задержится. Она меня в подъезде напротив уже высматривает: я от вас, она — сюда. Так вы уж отогрейте старушку добрым словом, от вас не убудет... А двери-то в прихожей надо бы закрывать. Нынче такой отчаянный народ пошел, чуть зазеваешься, враз голову отвинтят. Запросто. Бывайте... *(Исчезает так же внезапно, как и появился.)*

Борис. Какая же я размазня! Ведь он же меня на голую блесну зацепил, как последнего ханьгу в пивной. И я согласился! Согласился! Я — Борис Водяной! Личность, созданная по образу и подобию Божию! Повязал, гад, мою бессмертную душу базарной удавкой. Какая же я все-таки дрянь!

Ольга. Если бы ты один, Боря, всех они нас повязали и ведут нас куда считают нужным, и делают с нами все, что им заблагорассудится. Ведь стоит ему захотеть,

ведь он меня с собой в постель уложит, а то и без нее обойдется. На твоих глазах на четыре кости поставит да еще при этом в лицо тебе плевать будет. Им все можно, им все дозволено, они — наша власть, будь они прокляты. Бежать отсюда надо, Боря, бежать, куда глаза глядят, пока не поздно! Не могу больше!

Борис (*в пространство перед собой*). Если бы от себя можно было бы куда-нибудь убежать.

Появляется Горемыкина.

Горемыкина. Простите, Бога ради. Я на минутку.

Борис (*решительно*). К сожалению, Татьяна Николаевна, я очень занят, перенесем ваш визит на завтра. Утром я к вашим услугам. Или когда вам будет угодно, но не сейчас.

Горемыкина (*подавленно всхлипывает*). К кому же мне теперь идти, кто поможет?

Ольга. Но мы действительно заняты, Татьяна Николаевна, у нас с минуты на минуту — гости.

Горемыкина. То-то и оно, что Таня исчезла. Как ушла к вам, так и пропала. (*Плачет.*) Где ее искать, ума не приложу.

Борис (*в отчаянии*). Бога ради, успокойтесь, Анна Николаевна, проходите, я не хотел вас обидеть.

Ольга. Ну, будет, будет, Анна Николаевна, возьмите себя в руки. Слезами делу на поможешь.

Горемыкина. В последнее время Таня сама не своя сделалась, такая нервная, такая нервная. Иногда по целым дням пропадает, а где — неизвестно. Куда ей, скажите, ходить, родня у нас, даже дальняя, давно вымерла, знакомых и подавно никогда не водилось. Кому ей визиты наносить?

Ольга. Не принимайте близко к сердцу, Анна Николаевна. Найдется ваша Таня, никуда не денется. Давайте-ка я вас лучше чаем угощу. Посидимте-ка с вами рядком да поговорим ладком, где ее взять. (*Уводит Горемыкину на кухню.*)

Звонит телефон.

Борис (*снимает трубку*). Да, слушаю. (*Меняется в лице.*) Откуда?.. Из Парижа?.. Ну, конечно, конечно же!.. Разумеется, слышал... Что?.. Когда?.. Разумеется... К сожалению, не от меня зависит... Конечно, согласен... Да, да!

Еще бы!.. Передайте сердечный привет господину Бернару... Что вы, что вы!.. Всего хорошего. (*Ошарашенно.*)
Мать!

Ольга (*показываясь из кухни*). Слышу. (*Вглядываясь в Бориса.*) Что стряслось? Не тяни!

Борис (*как во сне*). Предлагают выставку... Ретроспективную... У Бернара... В Париже... Это же мировая марка!

Ольга (*спокойно*). Какое имя, такая и марка. Слава Богу, спохватились; лучше поздно, чем никогда. На диссидентской самодеятельности далеко не уедешь, большое искусство рано или поздно свое берет. (*Озабоченно.*) Когда?

Борис. В сентябре—октябре. Самый сезон. Приглашают приехать.

Ольга. Поедешь?

Борис. Кто меня пустит?

Ольга. Подними шум.

Борис. Что толку. Только заказы потеряешь.

Ольга. Опомнись, Борис, сколько они будут тобой помыкать? Черт с ними, этими заказами, проживем как-нибудь, я работать пойду. Нельзя же все время гнутья, ведь не выпрямишься потом. Тебе сама судьба шанс дает, воспользуйся же наконец, стань самим собой.

Борис (*приосаниваясь*). А что, не крепостной же я, в самом деле, до каких пор они на мне ездить будут: этого не лепи, этого не читай, этого не говори. Шаг влево, шаг вправо, секут без предупреждения. Я уже позабыл, когда что-нибудь за себя решал, разве что в самом раннем детстве. Не хочу больше, им нечего у меня отнять, кроме жизни, остальное они давно отняли. Будь что будет! Что ты предлагаешь?

Ольга. Подай в Союз официальное заявление на поездку.

Борис. А если откажут?

Ольга. Пресс-конференцию для инкоров.

Борис. А потом?

Ольга. А потом — как сложится.

Борис. Ты же знаешь, как в таких случаях складывается.

Ольга. По-разному.

Борис. Вспомни Рухина. Заживо сожгли.

Ольга. Хуже не будет.

Телефонный звонок.

Б о р и с (*снимает трубку*). Слушаю... Привет... А в чем дело?.. Что значит не телефонный разговор, скоро по телефону о погоде не поговоришь... Зачем эти тайны мадридского двора!.. Никуда я не пойду, у меня нет времени по кабинетам таскаться... Я художник, и этим все сказано... Ты что, угрожаешь мне... Друзья не берут на себя таких, мягко говоря, деликатных поручений... Да плевать мне на последствия!.. Будь здоров и не кашляй. (*Бросает трубку.*) Вот работают, шаромыжники! Не успел очухаться, а они уже тут как тут!

О л ь г а. Кто это?

Б о р и с. Твой номенклатурный вздохатель Леша Золотарев, обо мне беспокоится, предостеречь спешит, приглашает встретиться тет-а-тет, побеседовать. Вот ведь, сукины дети, уже засекали разговор. На что другое, а на это у них ума хватает, насчет тащить и не пущать они ба-альшие профессионалы.

О л ь г а. Пойдешь?

Б о р и с. Ты не слышала?

О л ь г а. Я же тебя знаю, Боря, поартачишься, поартачишься, а потом поплетешься как миленький.

Б о р и с. На этот раз нет. Хватит с меня!

О л ь г а. Твоими бы устами да мед пить. Попробуем дожить до понедельника, посмотрим, что ты тогда запоешь.

Б о р и с. Берешь за горло.

О л ь г а. С тобой иначе нельзя.

Б о р и с. Хватит!

О л ь г а. Уже нервничаешь?

Б о р и с. Заткнись же ты наконец (*замахивается на подвернувшуюся под руку работу*) или я за себя не отвечаю.

В мастерскую буквально врывается С в а т. От его недавней официальности не остается и следа. Сейчас он похож на взмыленную гончую в предвкушении добычи.

С в а т. Старуха тут? (*Замечает сидящую на кухне Горемыкину.*) Тсс... (*Горемыкиной.*) Анна Николавна, вот вы где скрываетесь, а я вас целый день ищу, с ног сбился... Здравствуйте.

Г о р е м ы к и н а (*показывается из кухни*). Зачем же мне скрываться, голубчик, я ничего ни у кого не украла, сижу вот, чай пью. Здравствуйте.

Ольга (*тянет носом, всплескивает руками*). Лаваш горит! (*Спешит на кухню*.) Так и знала! (*Оттуда Борису*.) Помоги же, Боря!

Борис (*нехотя двигаясь на ее зов*). Иду...

Сват (*Горемыкиной*). Приятно познакомиться, Анна Николавна, очень приятно, вот вы какая!

Горемыкина. Что ж во мне особенного, какая есть.

Сват. Ой не скажите, Анна Николавна, дорогая, ой не скажите. Бывает с виду человек, как все, пройдешь мимо и не заметишь, а на самом деле в нем семь пядей, а может, и того больше. Такой талант бывает, что там тебе Левша!

Горемыкина (*беспокойно*). Вы это к чему?

Сват. Да так, просто случай из нашей епархии вспомнил. Есть у нас в подвале министерства на Огарева спецмастерские для всяких надобностей, там такого народа пропасть. Посмотришь, сморчок сморчком, а копнешь, ему хоть сейчас высшую меру или Нобелевскую премию. Таким блоху подковать — раз плюнуть, они и почище номера откальвают. Есть там один. Попал за фальшивые деньги. Трешки ручным способом выделявал. Его и не поймали бы ни в жизнь, да он по пьянке сам в чайной растрепался. Пришли к нему домой, а у него эти трешки по всей избе висят, сушатся. Посмотреть, никакая экспертиза не отличит, что тебе монетный двор. Спросили, чего ж ты на трешки-то мелочился, гнал бы полсотенные, а он: «Мне, — говорит, — на бутылку с сырком, больше не надо, я не жадный». Это, конечно, на старые цены, нынче-то на трешник и квасу не выпьешь, а за сырком в «Березку» бежать надо.

Горемыкина (*еще беспокойнее*). Вы зачем это все мне рассказываете, мало ли на свете жуликов?

Сват (*как бы не слышит ее*). Или вот еще с ювелирной фабрики гоп-компания, любой Академии Наук сто очков вперед дадут. Сами понимаете, работа с драгоценными металлами: обточка, обтирка, распиловка всякая. Без пыли не обойдешься. А кто же эту пыль когда учитывал? Пыль она и есть пыль, воздушная, так сказать, материя. Вот и нашелся у них Мичурин, из говна пирожки делать. Сочинил машинку пыль эту собирать. Если бы не засыпались на выносе, они бы из этой пыли давно бы себе целую Сахару намыли.

Горемыкина (уже заинтересованно). И что же они у вас там делают, в вашем министерстве?

Сват (снисходительно). А это гражданка, государственная тайна. Подписку давал на неразглашение. Одно скажу: с такими людьми за оборону нашей страны беспокоиться не приходится. Соответственно и к ним по-человечески: вместо высшей меры — питание трехразовое от пуза, нам бы с вами такое по праздникам кушать, камеры, как номера в «Метрополе», и по выходным личные свидания без ограничений. Хоть самому — к ним.

Горемыкина (задумчиво). Интересно, очень интересно.

Из кухни появляется Ольга. За нею выходит Борис.

Ольга (смотрит на часы). Одиннадцатый час! Нет, с меня довольно. Больше я ждать не желаю. Подумаешь, нашлись Рокфеллеры вшивые. Придут — придут, а не придут, плакать не станем. (Решительно.) Вот что! (Горемыкиной и Свату.) Незваный гость все же лучше заезжего татарина. Садитесь-ка с нами за стол, вздрогнем коллективно на страх врагам и надменным соседям!

Сват (растерянно). Конечно, я при исполнении... (Завистливо оглядывает стол.) Но если так, по маленькой, из уважения к хозяевам...

Горемыкина. Уж, право, не знаю, что и сказать... Вот так сразу... Без приглашения...

Борис (хмуро). Ну чего уж там, Анна Николавна. Давайте я вам помогу...

Горемыкина (испуганно). Нет, нет! Если позволите, я так... Я не одета... Вот разве лишь шляпку сниму...

Небольшое замешательство. Некоторая суета. Постепенно все рассаживаются за стол.

Сват (первым подходит к столу, замечает собственный листок с телефоном, берет его и небрежно сует его в нагрудный карман Бориса). Теперь-то он вам непременно пригодится. (По-хозяйски берет застолье в свои руки, встает.) Ну, как говорится, дорогие граждане; со свиданьем, дай Бог, не последняя...

В этот момент одна из оконных рам веранды с треском переплетов и звоном разбитых стекол распаивается. В проеме — смеющееся лицо вдрызг пьяного Александра Водяного с бутылкой шампанского в руке. Из-за его плеча выглядывает хохочущая Людмила.

Александр. А вот и мы!.. Принимайте гостей!.. Или не рады?

Борис (*растерянно*). Ну ты даешь, Алик, ну ты даешь!

Ольга (*сокрушенно*). И это называется — американцы...

Занавес

АКТ ВТОРОЙ

Сцена четвертая

Обстановка та же. Только выбитая рама прикрыта случайной гравюрой. Застолье в самом разгаре.

Александр (*непослушным языком*). Хочу поднять тост за прекрасных женщин!

Людмила (*кокетливо*). За присутствующих, грубиян.

Александр (*отмахиваясь*). За них потом.

Людмила (*обиженно*). Остроумно. (*Ольге.*) Ты же его знаешь, стоит ему выпить и — пошел куролесить. В гостинице он и принял-то всего два или три коктейля, а его уж повело. «Хочу, — говорит, — прокурсировать по маршруту Венички Ерофеева, только в обратном порядке: от Красной площади до Савеловского». Я его уж и так, и так: «Времени, — говорю, — в обрез». Да разве с ним сладишь. «Успеем, — говорит, — мимо Борьки не проедем». Ну и потащились к шалману, очереди, конечно, везде — не протолкнешься, но ведь у нас карточки американские, только высунешь, сразу сервис по высшему классу. Да еще валюта, с ней здесь, видно, даже в Мавзолей ночью пустят. Короче, у Савеловского он был уже чуть теплый. Горе мое!

Ольга. Ладно. Ты лучше расскажи, как ты там живешь в своем Нью-Йорке? Привыкла уже?

Людмила. Честно говоря, жаловаться грех, а вот привыкнуть до сих пор не могу, не получается.

Ольга. Что так?

Людмила. Не знаю. Вроде все у меня есть: и дом, и машина, даже три, тряпкам счет потеряла, у Алика кругом тип-топ: цены на него, как на классика, а в душе все

равно тоска зеленая. Ну для кого мы все это покупаем, кому я все это покажу, там через одного у всех то же самое. Вот и сижу часами у телека, благо он там круглосуточный, да по магазинам бегаю. Такой мрак, даже пить не хочется.

О л ь г а. Мне бы твои заботы; Люська, зажрались вы там, с жиру беситесь.

Л ю д м и л а. Когда-то я тоже так думала. Если бы только это!..

Б о р и с (*Александр*). Рассказал бы, что ли, как ты живешь-можешь на гниющем Западе?

А л е к с а н д р. Живем хорошо, можем мало.

Б о р и с. Наслышан, наслышан, чего же тебе не хватает?

А л е к с а н д р. Того, чего у тебя много.

Б о р и с. Чего же?

А л е к с а н д р (*мугным взором обводит мастерскую, гостей, стол*). Тебе это трудно понять, Боря... Для этого ты должен влезть в мою шкуру... Отсюда все выглядит гораздо заманчивей, чем это есть на самом деле... Везде хорошо, где нас нету... Да...

Б о р и с. Может, объяснишь?

А л е к с а н д р. Попробую... Ты «Марсианские хроники» Брэдбери читал?

Б о р и с. Помню, но смутно.

А л е к с а н д р. Есть там такой рассказ «Две тысячи первый год»... Прилетают люди на другую планету, смотрят, а кругом все как у них на земле: та же природа, та же архитектура, те же люди. Встречают их, как родных, с музыкой, разбирают по домам, поят, кормят, вспоминают прошлое. Только уже обратно никто не возвращается... А на завтра на планете этой сплошные похороны и тоже — с музыкой: дорогих гостей хоронят... Вот такие дела.

Б о р и с. Не пойму.

А л е к с а н д р. Очень просто. С нами за бугром случилось примерно то, что с теми землянами. Нас тоже приняли, как родных, — с музыкой. Потом проглотили, душу высосали и выплюнули, как использованную жвачку. Живи и дыши себе, если сможешь, как Зомби на Гаити.

Б о р и с. А это что еще?

А л е к с а н д р. На Гаити колдуны каким-то зельем покойников оживляют и продают вместо рабсилы.

Борис. Это у тебя с перепоя, Алик...

Св а т (*Горемыкиной*). Там и дамы есть, Анна Николавна, вполне культурные. Одна, например, к слову сказать, такие замастырки делает, от настоящей чумы не отличишь или, там проказы, ну чистый Репин. Ей бы с ее талантом в Союз художников, а она по кабинетам на сочувствии разные льготы выбивала. Вот и выбила себе льготу на всю катушку по Уголовному кодексу.

Горемыкина. Скажите, пожалуйста, и такие устраиваются...

Борис (*Свату*). Можно вас на пару слов?

Св а т. Со всем моим удовольствием, Борис Александрыч, хоть сто порций.

Встают из-за стола, отходят в сторону.

Борис (*грубо*). Что вы пристали к старухе? Что вам от нее надо?

Св а т (*прикладывая палец к губам*). Тсс... Тут дело государственной важности, Борис Александрыч... Эта старуха теперь для нас на вес золота. Дороже Сахарова. С нее теперь нам пылинки сдувать и от сквозняков прятать. Главное теперь, не дать ей окочуриться раньше времени.

Борис (*раздраженно*). Не можете вы без загадок. Не темните — выкладывайте.

Св а т. Понимаете, сунулся я к ней с обыском, туда-сюда, вроде ничего подозрительного, а под кровать заглянул и ахнул. Лежит себе там ее сестрица в целости и сохранности, только, извиняюсь, уже покойница.

Борис (*ошарашенно*). Выходит, что же, она ее...

Св а т. То-то и оно, что нет. Никаких следов насильственной смерти, я на этом деле собаку съел, тут другое. Соображайте, пропала она чуть не с полгода, а от трупя никакого запаха или разложения не наблюдается. Даже если на болезнь половину срока скинуть, все равно не меньше трех месяцев лежит, а будто только что померла или летаргическим сном спит.

Борис. Вам-то что до этого, ваше дело установить факт и отправить обоих куда следует.

Св а т. Эх, Борис Александрыч, Борис Александрыч, а еще художник. Тело-то я уже, конечно, отправил по назначению, а вот старушку эту надо теперь живьем держать, не спугнуть ее раньше времени, она ведь от ненуж-

ного беспокойства концы отдать может. Запросто. Сами понимаете, возраст сверх пенсионного. А тут, может быть, мировое научное открытие. По секрету вам скажу, хотя подписку о неразглашении давал, но вы человек с известным допуском, вам можно. Неувязка у нас с Ильичем в Мавзолее. Гниет. Часто менять приходится.

Борис (*изумленно*). Чего менять?

Св а т. Ну это самое... Чучело. Или муляж по-научному. Специалисты наши совсем замучились: двойников не напасешься, да и возни сколько. У них вокруг Ильича, может, с десятков институтов кормится. А тут, на тебе, дворовая старушка — Божий одуванчик — в одиночку такое дело оборудовала. Можно сказать, на семейном порядке.

Борис. Вот и берите ее, пока не поздно.

Св а т. Разве так делают, Борис Александрыч, а еще, наверное, Достоевского читали! Тут психологический подход требуется. Спугнуть ее раньше времени смерти подобно, не воротишь потом. К ней надо теперь со всем обхождением, чтобы она сама, по доброй воле поделилась.

Борис. У вас уже и Достоевский в ход пошел!.. (*Возвращается к столу.*)

Ольга (*Людмиле*). Эх, Люська, Люська, забыла ты уже все, я смотрю, не помнишь про наши туфли на двоих, про вечную картошку на постном масле, про соседские склоки под пьяную лавочку. А очереди — очереди ты забыла? Мне кажется, что я даже родилась в очереди, в ней, видно, и концы отдам. А злобы звериной нашей, от которой душа плавится, тоже не помнишь? Или по начальству своему соскучилась, по хамству, по наглости их номенклатурной?

Людмила (*почти плачет*). Ничего я, Оля, не забыла, ничегошеньки! Только оттуда это иначе выглядит, иное вспоминается.

Ольга (*иронически*). Есть что вспомнить!

Людмила. Представь себе, есть.

Ольга. Ну, ну.

Людмила. Да, да! И про то, о чем ты говорила, и про многое еще, только по-другому как-то, без обиды.

Ольга (*с горечью*). Видно, нас, советских, только могила исправит. Нас хоть в рай посели, мы все по своим коммуналкам тосковать будем, не можем мы уже без них, этих коммуналок. Как тот чмур в анекдоте: сидит по шею

в дерьме, а когда его вытащить предлагают, отказывается: «Я, — говорит, — здесь живу». Так и мы: сидим в дерьме даже не по шею, а с головой и кукарекаем про свободу, а стоит нас оттуда вытащить, обратно тянемся, уже другим воздухом дышать разучились. Люди, если по Писанию, из земли вышли, а мы, видно, из дерьма, туда и уйдем.

Л ю д м и л а (*почти в крик*). Ну что же я могу с собой сделать!..

А л е к с а н д р (*Борису*). Прямо тебе скажу, Боря, без бабы своей я бы едва устоял. Поначалу так худо было, что хоть в петлю. Куда ни ткнусь, везде нос воротят, даже смотреть не хотели, вчерашний день, говорят. Что вы там, говорят, в России изобразить можете, матрешек, что ли, у нас, говорят, этого добра своего навалом. Даже глину месить не брали, у них от местных желающих отбоя нет. Пришлось Люське огонь на себя брать, в русский ресторан посудомойкой пошла. Года два на ее шиши держались, пока я себе менеджера нашел. Из наших тоже, но деловой. Сам начинал с бросовых иконок и мятых самоваров, а потом в гору пошел, теперь большими делами ворочает, главное — недвижимость, а галерея — это у него так, для души. Он меня и вытянул... Но без Люськи, честно скажу, мне бы хана. Недаром у Некрасова: «Коня на скаку остановит...»

Б о р и с (*насмешливо*). В горящую избу введет.

А л е к с а н д р. Во-во, точно. Но это уже потом.

Б о р и с. Ладно, пей, Алик, только закусывай, а то окосеешь...

На протяжении всего разговора он с откровенным любопытством разглядывает Горемыкину.

Г о р е м ы к и н а (*смущенно*). Что это вы, Боря, так на меня смотрите?

Б о р и с. Сколько лет живем по соседству, Анна Николавна, а ведь, в сущности, почти не знакомы. Недаром говорят: человек человеку вдруг.

Г о р е м ы к и н а (*встревоженно*). Помилуйте, Боря, как же это незнакомы, если я вас, извините, с пеленок знаю.

Б о р и с. Вы меня, может, и знаете, Анна Николавна, а я вас, как выясняется, довольно мало.

Г о р е м ы к и н а (*еще встревоженнее*). А зачем вам, Боря, нам ведь с вами детей не крестить.

Борис. Зато вы — целый мир. И я — тоже. *(Поочередно указывает на сидящих за столом.)* И он. И она. И она. *(В сторону Свата.)* Даже он.

Горемыкина. Я ведь и сама-то о себе почти ничего не знаю...

Гаснет свет. В кромешной темноте остается высвеченным лишь ее лицо.

Помню тихую Клязьму, большой бревенчатый дом с мезонином в соснах, двух смешливых девочек в белых платьицах, в высоких со шнурками башмачках, запах кипящего варенья на плите летней кухни, музыку граммофона с веранды *(возникает, постепенно нарастая, мелодия старинного вальса)*, а потом вдруг обрыв, словно внезапное беспмятство, а сразу после этого чувство голода. Такого голода, что мир вокруг распадался на две части: съедобную и несъедобную, а все остальное как бы не существовало больше. Ни музыки, ни книг, ни любви, ни природы. Кто-то стрелял, в кого-то стреляли, что-то горело, а что-то рушилось, люди исчезали, появлялись новые, падал снег, шли дожди, палило солнце, но все это текло мимо меня, не задевая у меня ни ума, ни сердца. Во мне будто поселился огромный прожорливый зверь, который хотел только одного: есть. Есть непрерывно все, что попало, без разбора, лишь бы можно было жевать и проглатывать. Господи, если бы вы могли знать, как это унижительно! Что греха таить, не стеснялась протягивать руку, не стеснялась подбедать за другими, даже подворовывать. Когда я говорю «я», это значит мы с Таней, потому что мы с ней одна суть. Оттого и голод, и унижение, и стыд в нас с ней был вдвойне мучительнее и тяжелее. И ведь так не один день, не один год и не десять лет, а всю жизнь. Жизнь! Таня и умирая хотела есть, а что я ей могла предложить, кроме гнилой картошки с хлебом. С нашей старческой пенсией мы и этого не всегда ели досыта. Мне самой вот-вот за ней, земля к себе тянет, еле хожу, с месяц еще протяну, и то едва ли. И такой ли уж это тяжкий грех, что не отдала я ее земле до сих пор, чтобы пенсию ее к своей прибавить? Ведь чуть не за весь свой распроклятый век я, может, в первый раз хлеба досыта наелась! Суди меня, Господи, по грехам моим, если я за них еще не расплатилась!

Луч света скользит в темноте, останавливаясь на лице Александра.

Александр. Будто и не уезжал никуда! Будто по пьянке приснился мне кошмарный сон со всеми этими билдингами, апойтментами, парти, обжираловкой на Брайтоне. Проснулся, а кругом, как бывало, снег идет, известкой пахнет, на столе бутылки с закусью, Борька философствует. Как же я его все-таки ненавижу — гада этого, гения, везуна, семейного любимчика. Сколько себя помню, столько и слышал вокруг: Боря — уникам, Боря — вундеркинд, Боря — чудо. Боре можно все — болеть, капризничать, орать благим матом. А я так, сбоку припека, вроде случайного гарнира к лакомому блюду, мальчик для битья, послушный оруженосец. Он унижал меня по любому поводу, помышкал мною по своему усмотрению, третировал когда и как хотел, а я платил ему молчаливой, но прочной ненавистью. Сколько раз я мысленно убивал его, предавая самой изощренной смерти, сколько раз в мечтах плевал ему в лицо, топтал ногами, а внешне лишь лстыиво ему улыбался и спешил во всем угодить. Не за славой, не за сладкой жизнью бежал я за тридевять земель, а от него, но он догнал меня и там: с кем я поначалу ни встречался, каждый спрашивал: «Вы не родственник Бориса Водяного?» Будь он проклят! Чего мне только стоило сбросить груз этого родства! Какого черта я сюда притащился? Чего я здесь забыл? Говорят, убийцу часто тянет на место преступления. Но разве я убил его? Скорее — наоборот.

В световом пятне проступает лицо Ольги.

Ольга. Долго ли мне осталось? Десять, в лучшем случае пятнадцать лет, а там — закат. Буду вроде старух Горемыкиных сновать с авоськой по двору, в магазин и обратно. Боже мой, Боже мой, неужели другого мне уж не суждено? Разве это справедливо? Почему Люська, которую я и за человека-то никогда не считала, вытягивает свой счастливый билет, а я продолжаю прозябать здесь? И всегда у меня так складывалось: другие и поплоче и побездарнее в конце концов выплывали наверх, а мне с моей внешностью и талантом приходилось утешаться на выходных ролях. Мне Эфрос будущее Ермоловой предрекал, а в результате — Госконцерт с гастролями по колхозным площадкам. Замуж выходила за гения, а считаю за честь его бездарного братца принимать. Неужели это и есть мое разбитое корыто? (Кричит.) Не могу, не хочу!..

Высвечивается Людмила.

Л ю д м и л а. Смотрит на меня, будто я что-нибудь у нее украла. Она, видно, считает, все мне с неба свалилось. Знала бы она, чего мне это стоило! Жили в таком вертепе, вспомнить страшно, первую мебелишку по улицам из бросового старья собирали, месяцами на голых макаронах держались, одежкой только ношеной пользовались. А работа? Попробуй найди. Бывало, выходила с утра по всем стритам, начиная с первой до сорок второй, от магазина до магазина, от забегаловки до забегаловки, а жара — чуть не сорок, асфальт под ногами течет. И везде от ворот поворот: нету, не надо, не требуется. Да и какая из меня работница: язык с пятое на десятое, с виду в чем душа держится, одета — хоть чучелом в огород. Посудомойкой устроилась, за счастье считала. Хлебнула горяшка, пока Алик на ноги встал. Чего ей мне завидовать, живет за Борькой как за каменной стеной, мне бы ее проблемы! Я бы с ней с закрытыми глазами поменялась!..

Выявляется лицо Бориса.

Б о р и с. Тоска, Господи, какая тоска! *(Исчезает.)*

Тут же на тахте загорается шкала транзистора. Возникает мелодия прежнего вальса. В луче света появляется С в а т.

С в а т. Тошно мне смотреть на эту занюханную интеллигенцию! Их бы к нам в Сычевку на ферму или в поле, узнали бы тогда, почем фунт лиха. Бывало, отмантулит мать от зари до зари, вернется домой, вывалит нам на стол ворованной брюквы, а мы ее, брюкву эту, прямо немытую с кожурой грызем, такая наша богатая колхозная жизнь была. Как вспомню я эту жизнь, волком выть хочется. Только через армию, спасибо ей, я от той каторги и отвязался. В городе тоже спервоначала несладко пришлось, специальности нету, на земляных работах вкалывал, семь кубов норма да еще с перекидкой, а на эту норму только каши с хлебом и наешься вдоволь. Года два в своем армейском «беу» проходил, пока на первый пиджак заработал. После, когда в милицию попал, конечно, легче стало, да ведь и тут не зевай, а то опять с лопатой окажешься. Мне эта старушка теперь, как манна небесная, только бы сквозь пальцы не протекла, я на ее парусах в большую гору могу пойти. Не упустить бы только, не вспугнуть ненароком. Получится, мне тогда сам черт не страшен! *(Горемыкиной.)* Вы, надо думать, притомились уже при вашем уважительном возрасте, дорогая Анна Ни-

колавна, гражданка Горемыкина, дозвоьте, я вас домой провожу. Ночь на дворе — глаз коли. (*Подходит к ней, галантно берет ее под руку.*)

Оба они оказываются в фокусе светового пятна. Пара под звуки вальса, медленно кружась, движется к выходу.

З а н а в е с

Сцена пятая

Обстановка та же. За столом Борис и Александр. На тахте, тихо переговариваясь, сидят Ольга с Людмилой.

Александр (*в пьяном возбуждении*). Борька, ведь мы же с тобой однойцовой. Говорят, при таком варианте у людей все одинаковое: и мысли, и желания, и характер. Помнишь, у Окуджавы: «как природа захотела». Может, это и так. А талант? Выходит, талант не от природы? Молчишь?.. От Бога, Боря, талант, от Бога! Но на меня, видно, у Него не хватило. Или пожалел. Вот и живу с младых ногтей в твоей тени, как в мышеловке, куда ни подамся, всюду ты. Я даже за бугром от тебя не отделался, ты меня и там достал, где мне от тебя скрыться?

Борис (*примирительно*). У тебя теперь у самого успех — пресса пишет, «голоса» шумят.

Александр. Фуфло все это, пена, Боря. Такой славе цена — три копейки в базарный день. Такую славу теперь на компьютерах заранее просчитывают. Там этих халифов на час пекут как блины: реклама на телевидении, проспекты по почте, рыночный типаж — и все отмычки. Плюс пробивная сила и наглость. А настоящие гении, как и у нас, девятый хер без соли досасывают. Не без исключений, конечно, бывает, и они пробиваются, но это больше по теории вероятности, чем по заслугам.

Борис. Разочаровался, значит? Тогда чего ныть, подавай на возвращение, нынче это даже модно.

Александр. Я бы, может, и махнул на все рукой, позору не оберешься, самолюбие не позволит.

Борис. Собака лает — ветер носит. Стыд, говорят, на вороту не виснет и глаза не ест.

Александр. Глаза — нет. Душу.

Борис. Перетерпит. Что-нибудь да останется.

Александр. И хочется, и колется, и маменька не велит. Хорошо бы, конечно, чтобы не насовсем, чтобы ис-

хитриться одной ногой тут, другой — там, чтобы шей здесь похлепать, а десертом за бугром побаловаться. Как в том анекдоте, где любовник парфюмерши от мужа в шкаф для образцов спрятался, а когда вылез, кусочек дерьма попросил. Так сказать, для контраста. Или вот как у Эфраима Севелы, слышал?

Борис. Как в таких случаях выражается мой друг Толя Найман, про Савелу не слышал, а Эфраим мне что-то напоминает.

Александр. У него книжка есть, «Остановите самолет, я слезу» называется. Там один чмур, вроде нас с тобой, туда-сюда катается, только никак не может решить, где ему слезть.

Борис. Дураку свобода в тягость.

Александр. Обидеть хочешь?

Борис. Принимай, как хочешь.

Александр. Гад ты, Боря.

Борис. Мы же с тобой однойцовые.

Александр. Ты бы там, конечно, не растерялся.

Борис. Не знаю, не пробовал.

Александр. А ты попробуй.

Борис. Мне просто лень ходить, собирать справки, обивать пороги, просить, ждать ответа. Я только подумаю об этом, меня тошнит. Нет уж, Бог с ней, с этой свободой. Здесь перебежусь. Да что она такое — свобода. (*Берет с полки над тахтой книгу.*) Вот послушай, что на этот счет умные люди пишут. (*Читает.*) «Скульптор-монументалист по природе не может находиться в подполье. Скульптор на протяжении истории заключал договор с Властью. Теократии и демократии, монархии и республики + все нуждались в каменной летописи, с какими только тиранами не связывал скульптор свою судьбу, поэтому Власть и скульптор — есть история создания искусств Египта, Китая, Индии, Мексики, а также Европы — от древней Греции до наших дней. Скульптура материальна, поэтому она нуждается в поддержке денежной и политической власти. В этом скульптор природно консервативен, но скульптура не только материальна — она духовна. И всякий значительный скульптор был революционер, его творчество отрывалось от усредненности, открывая новые пути, и именно власть защищала скульптора от тирании цеховой демократии, от тирании общепринятого. Власть дала возможность Фидию и Микеланджело создать то, что они

создали. Перикл и Первосвященник по существу и являются соавторами шедевров. Можно себе представить, что было бы с Сикстинской капеллой, если бы судьба ее зависела от голосования коллег-художников, а не от воли заказчика! Демократии, монархии и даже тираны понимали свое социальное призвание защиты культуры от притязаний хаоса и энтропии. Отдельный властитель — всего один человек. Были ошибки, бывали трагедии. Но всегда авторитет религиозной и денежной власти защищал и создавал цивилизации». Понятно? Вот, а ты говоришь — свобода!

Александр. Оправдываешься?

Борис. Констатирую.

Александр. Точнее: боишься.

Борис. Я тебе уже сказал: лень.

Александр (*вскакивает как бы подхваченный озарением*). Слушай, но если только в бюрократии дело, ты можешь запросто обойтись без всего этого.

Борис. Научи.

Александр. Так это же проще простого. Одно-йцовых не только пограничник, Господь Бог друг от друга не отличит. У Людки с Ольгой то же самое. Берите наши паспорта и аля-улю за бугор на все готовое: и квартира, и мастерская, и башли на счету, подпись у нас с тобой один в один, кроме первой буквы, быстро приспособишься. Не понравится, тем же способом вернешься. Можно даже челночную связь наладить. А?

Борис. Ну ты даешь, Алик, ну ты даешь.

Александр. А что, разве плохо придумано? На хорошем взводе у меня голова варит. Нам даже переодеться не надо, вы с Ольгой тоже с ног до головы в фарце.

Борис (*растерянно смеется*). Маскарад без переодетваний.

Александр (*его несет*). Ты не спеши с выводами. Ведь проще не придумаешь. У нас с Людкой кругосветка. Нью-Йорк — Москва, Москва — Ленинград, оттуда в Ташкент и далее со всеми остановками через Токио снова в Нью-Йорк. В крайнем случае по дороге передумать не поздно: дашь знать, и мы вслед вылетим, успеешь вернуться.

Борис. Соблазняешь.

Александр. Нашел себе Мефистофеля.

Борис. Значит, советуешь?

А л е к с а н д р. Предлагаю. Хозяин — барин, выбор — твой. Но при этом мы оба ничего не теряем.

Б о р и с (в сомнении). А может, действительно попробовать?.. (Задумчиво смотрит в окно.) «В той деревне все дождь, дождь...»

Расплываются в затемнении.

Л ю д м и л а. Знаешь, мне там вот уже десять лет подряд каждый день один и тот же сон снится. Будто я в Москве, а обратно не могу выбраться: просрочен паспорт, и меня хотят арестовать. Я в ужасе прокручиваю и прокручиваю разные варианты, как мне оттуда выбраться, прорваться домой, а кругом погоня, обкладывают, будто зверя, выслеживают за каждым углом. Душа во мне холодным потом обливается. Ведь там, на Гран-стрит, ждет меня Алик, хозяйство мое, кошка. Особенно кошка почему-то вспомнилась. С годами, правда, я приспособилась, стала взлетать. Только они до меня дотянутся, а я раз — и вверх. И лечу себе. Внизу — города, реки, горы, а я — над ними, как птица. Но, главное, сознаю, что сплю. Страшно.

О л ь г а. Здесь наяву еще страшнее.

Л ю д м и л а. А со стороны смотреть, не сказала бы.

О л ь г а. На туристский взгляд, разумеется. Когда знаешь, что тебе здесь все равно не жить, то даже страх вроде экзотического допинга: приятно щекочет нервы, как прогулка в ночном лесу.

Л ю д м и л а. Не такой уж это и лес, Оля. Там ведь тоже не райские кущи, даром ничего не достается. И тоже как в лесу: чуть зазевался, заживо съедят. Только вежливо, с улыбочкой, по-цивилизованному.

О л ь г а. Какого тебе еще рожна хочется? Чего ты дурью мучаешься? Чего тебе не хватает? (Она окидывает взглядом мастерскую.) Вот этого?

Л ю д м и л а. И этого тоже.

О л ь г а. Бери, угощаю. Ешь, пока из ушей не полезет. А я взамен твои джунгли возьму. Съедят, говоришь? Ну это мы еще посмотрим, кто — кого. Боюсь, на таких, как я, у них еще зубов не выросло. Пускай моих попробуют, как бы без головы остаться не пришлось. А ты, Люська, как была смазливой дурой, так и осталась, тебя только ленивый не обидит и вокруг пальца не обведет. Где уж тебе Новый Свет покорять!

Л ю д м и л а (*плачет*). За что ты меня так?..

Ольга снисходительно привлекает ее к себе.

Затемнение.

А л е к с а н д р. Значит, договорились?

Б о р и с. Как говорил товарищ Берия: попытка — не пытка.

А л е к с а н д р. Люську я беру на себя.

Б о р и с. А мою и уговаривать не придется.

А л е к с а н д р (*решительно поднимается*). Мужчины приглашают.

Вновь загорается шкала транзистора над тахтой. Пары принимаются тихо кружиться под звуки старинного вальса.

Л ю д м и л а (*доверчиво приныкая к Борису*). Вы, конечно, не помните, Боря, а мы с вами уже танцевали однажды под этот вальс. Вы тогда были почетным гостем у нас в школе на выпускном вечере. Как давно, как безнадежно давно это было! Я ведь влюбилась в вас в тот вечер, как последняя дурочка. Ночами не спала, плакала, выслеживала, письма любовные писала, правда, отсылать духу не хватало, у себя под подушкой складывала. Ольга как-то нашла, долго потом издевалась. Злая она у вас, Боря.

Б о р и с. Ну что вы, Люся, она вас очень любит.

Л ю д м и л а. Если бы! Только она, кроме себя, никого не любит, а может быть, и себя тоже не каждый день. Меня-то уж это точно. Завидует. Да, да, не смейтесь, Боря, завидует. Ведь я красивее ее, сознайтесь.

Б о р и с (*после паузы*). Пожалуй.

Л ю д м и л а (*торжествующе*). Вот видите! Хоть мы и двойняшки, а я красивее. Отбила вас у меня, а все равно завидует. Эх, Боря, Боря, я бы за вами на край света пошла!

Б о р и с. Зачем так далеко!

Л ю д м и л а. Смеетесь? Не верите? А мне, Боря, не до шуток, я, может, если по правде, и Алика-то уговорила на эту поездку только из-за вас. Потянуло мечте своей девичьей в глаза посмотреть.

Б о р и с. И как?

Л ю д м и л а. Что как?

Б о р и с. Я имею в виду глаза.

Л ю д м и л а (*безнадежно*). Все те же.

Борис. Вот уж не думал... (*Прижимает ее к себе.*)
Впрочем, ничего еще не потеряно.

Людмила. Ах, Боря, Боря, закружили вы меня,
навсегда закружили!..

Растворяются в темноте.

Ольга (*танцует с Александром*). А в тебе что-то
есть, Алик, как это я раньше не замечала?

Александр (*ерничая*). Никогда не поздно, невестушка,
никогда не поздно, какие наши годы, снова живем.

Ольга. Все паясничаешь, а я серьезно.

Александр (*целует ее*). Можно и серьезно.

Ольга (*с трудом отрывается от него*). Тебя, Алька,
только могила исправит.

Александр. Или ты.

Ольга. Попытаюсь.

Александр. Если бы ты раньше об этом подумала,
всё в моей дурацкой жизни сложилось бы, наверное,
совсем иначе. Только разве Борька допустил бы! Так
всегда было, с детства: если мне что-то когда-то светило —
игрушка, заказ, женщина — всё уплывало к нему. Главное,
он даже к этому никаких усилий не прилагал, само так
получалось. Как же — гений! Ему бы и Людка досталась,
одно помешало, что — сестры. А вот теперь, когда моя
очередь пришла, оказалось — поздно.

Ольга. Кто тебе сказал?

Александр (*отечески гладит ее по волосам*). Поздно, Оля,
очень поздно, ничего уже не переиначишь. (*Надрывно.*)
Кавалеры меняют дам! Итак, господа, в три притопа,
в два прихлопа, становитесь в ряд! (*Громко Борису.*)
Если договоритесь, мотайте сразу в гостиницу: Рейс на Питер
в семь утра!

Меняются партнерами. Кружась, уплывают в темноту. Издалека,
стремительно нарастая, возникает гул, напоминающий полет
космической ракеты. По мастерской начинают метаться
цветные блики, поочередно выхватывая из темноты лица
танцующих. Затем кружение цветковых пятен сливается
в пеструю ленту вертящейся карусели. Карусель как бы
движется прямо на нас. В седлах ее раскрашенных коней
перед нами бок о бок — Борис и Людмила.

Борис. Помнишь, как я гудел когда-то? Неделями,
по-черному, до зеленых чертей накачивался. Только в дурдоме,
на привязи, и отходил. Из Ганнушкина месяцами

не вылезал, меня там за своего держали, вроде дополнения к персоналу, студентов на мне натаскивали. Когда рассказываю, самому страшно, а ведь на самом деле я только там и чувствовал себя в безопасности, хотя в первые две недели, пока делирий выветривался, меня в буйном держали. Кругом вой и вонь — не продохнешь, а мне хоть бы что: сердце как у младенца и на душе благодать. Потому, наверное, что я знал, чего от кого ждать. Все мысли, все эмоции наружу, никто ничего про себя не таит. Главное, сразу сориентироваться, и можешь спать спокойно, у каждого свое место под солнцем и никто на твое не претендует. Поверишь, меня трясло от страха только в день выписки. Такое, наверное, бывало с гладиаторами, когда их на арену к зверям выгалкивали. Боюсь я людей, мать, больше всего на свете боюсь. Куда уж мне в американские растиньяки подаваться! И скажи мне, подруга, по совести, что же это у нас за страна такая, где взрослый человек, в полном уме и здравой памяти, дурдом добрым словом вспоминает?

Л ю д м и л а. Помню, с детства всем завидовала. Подругам, если лучше одевались или учились. Соседям, если лучше жили или дружнее. Знакомым, если выигрывали по займу или ездили на юг. Даже сестре своей завидовала — ее характеру, ее напору. Чужие успехи всегда примеривала на себя. Все прикладывала: как бы я на их месте распорядилась своим счастьем. И, конечно, получалось, что я бы распорядилась им намного лучше. Я и замуж выходила не по любви, а из зависти, мне хотелось доказать, что мое замужество будет самым удачным. Мне и Америка понадобилась, чтобы сестре нос утереть. Какая же я дура была, какая дура! Только там, за морем, когда у меня от барахла уже из ушей полезло, а желать было больше нечего, я вдруг поняла, что мне ничего не надо. Совсем ничего. Только бы падал вот этот снег за окном, дышал Алька рядом, тихонько играло радио, кипел чайник и кто-нибудь с утра пораньше приходил занимать трешку на опохмелку. Я больше никому не завидую, вы слышите, никому!

Их сменяет пара Александр — Ольга.

А л е к с а н д р. Жил ли я? Смотря что считать жизнью. Конечно, дышал, говорил, о чем-то думал. Но если честно, то скорее не жил, а все сорок своих лет

по пустыне передвигался, только не как Моисей, а в одиночку. Я всегда, сколько себя помню, был ото всех отдельно. Словно чужой в чужом доме. Другие вместе, а я сам по себе, на отлете, вроде третий лишний. Сколько раз пытался втиснуться к ним, затеряться в них, ослабиться. Никогда не получалось: они инстинктивно выталкивали меня на обочину, как чужеродное тело. Я думал, что это только здесь так, что я просто не их породы, не ихнего корня человек, а стоит мне оказаться на другой стороне земли, все изменится, как по-щучьему велению. Но я и там оказался чужим среди чужих. И, выходит, нет мне на земле места. Даже в пустыне. И не только мне. Всем нам — из этой страны. Мы все — чужие. Даже самим себе.

Ольга. Уходит, уходит жизнь, как вода в песок! Не хочу больше ждать у моря погоды, лучше уж сразу в него головой, и будь что будет!

Наступает темнота, из которой медленно выявляется уже знакомая нам фигурка Энвера в джинсовом костюмчике. Он словно порхает по мастерской на невидимых крылышках.

Энвер (вибрирующим тенорком). «Нелюдимо наше море, день и ночь шумит оно. В роковом его просторе много бед погребено...»

Его снова перебивает ровный реактивный гул. Луч света выхватывает из темноты стоящих у дверей и готовых к выходу Бориса и Ольгу.

Они прощально машут вслед провожающим.

Ольга. Не забудьте разбудить Федора, ему к двенадцати на аэродром!

Борис. И куда только меня черт несет!..

Исчезают. На их месте вновь появляется Энвер.

Энвер (густым басом). «Славное море, священный Байкал, славный корабль — омулевая бочка. Эй, баргузин, пошевеливай вал, молодцу плыть недалеко...»

З а н а в е с

Сцена шестая

Обстановка первой картины. Утро. Александр с книжкой в руках лежит на тахте, держа перед собой включенный транзистор. Звучит меланхолический блюз. Людмила возится на кухне. За окном все так же струится снег.

Александр (читает). «Нас трое — некто, я и все.

Я родился в Египте. Я открыл Северный полюс. Я плохо помню, как строил пирамиды Мексики и Египта, хотя сухой и горячий песок пустыни до сих пор несмываем на моих губах. Вырубленный мной для Александра Македонского, который тоже я, Пергамский фриз свеж в моей памяти. Пронзительно белел мрамор, из которого властно и упруго, как дельфины из моря, вырывалась напряженная плоть скульптур. Напряженная моим духом. Она взрывала упрямый камень. Множество рабов, исполнивших мою волю, казались нелепыми и чуть живыми среди яростных и нестерпимо белых титанов. Рабские влажные мосла и бедра, тонкие сухожилия и мышцы, черневшие под ультрамариновым, светящимся небом, казались вялыми. Боги специально недовылепили человека, чтобы я, в мраморе, мог довершить...» Красиво формулирует, собака!

Из-под тахты высовывается растрепанная голова Х в а т а.

Х в а т. Братцы, кто последний, я за вами, душа горит!

А л е к с а н д р. Вылезай, Федя, тебе на аэродром пора, одиннадцатый час уже. Похмелись и сгруппируйся.

Х в а т *(на четвереньках выбираясь из укрытия)*. Я всегда говорил: Боря — это человек!

А л е к с а н д р. Стараюсь.

Х в а т *(с трудом поднимается на ноги, стоит, покачиваясь)*. Ты сказал: аэродром? Какой аэродром? Чего я на том аэродроме забыл?

А л е к с а н д р *(в сторону Людмилы)*. Нацеди человеку, мать, иначе не вспомнит.

Х в а т. Неужто и от вонючей кастровки памятью стал слабеть? Куда ты, удаль прежняя, девалась, не узнаю Григория Грязного, увяданья золотом охвачен, отговорила рота золотая!

Л ю д м и л а *(выносит ему наполненный стакан и на тарелке — закуску)*. Пей, Федя, там ведь не поднесут.

Х в а т *(пьет)*. На кристалл легла. *(Удовлетворенно трясет головой.)* Беспартийным бы такой кайф! *(Лениво закусывает.)* Земля встает на четыре копыта. Фиксирую. Пятнадцать ноль-ноль. Внуково. Рейс Москва — Вена — Париж. Орли. Министр. Бомонд. Метафизический сюрреализм. Школа. Федор Хват.

Александр. Молоток, Федя. Врубился в реальность.

Людмила (*подавая Хвату дубленку и шапку*). Счастливо тебе, Федя, не поминай лихом. (*Плачет.*) Не забывай нас.

Хват (*одеваясь с ее помощью*). Братцы, друзья мои, к вам обращаюсь я, неужто я забуду вашу хлеб-соль? Пролетая над столицей нашей родины, а также на турецком берегу и в Африке, неужто Федор Хват не вспомнит незлым тихим словом дом, где он провел три года незаметных и даже больше, если говорить по большому счету? Неужто не отблагодарит сторицей тех, кто в минуту горьких испытаний протянул ему руку братской помощи? Выходит, не знаете вы Федора Хвата, друзья-однополчане, боевые спутники мои! Ждите писем, а также срочных международных и по прямому проводу. (*Обнимает и троекратно целует Александра.*) Бывай, старик, гора с горой, трое в одной лодке, не считая собаки, возьмемся за руки, друзья! (*То же самое проделывает с Людмилой.*) Держи, старуха, хвост пистолетом, прости-прощай и помни обо мне. Поехали! (*Прежде чем взять на себя дверь, окидывает ее сверху донизу взглядом и, плюнув себе на ладонь, оставляет на ней отпечаток своей пятерни.*) Для истории! (*Запевая, идет к выходу.*) «На пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы...» (*Выходит.*)

Людмила (*возвращаясь на кухню*). Едут, все едут! Куда? Зачем?

Александр (*снова заваливаясь на тахту*). Земля круглая: откуда поедешь, туда и вернешься. Как это у Окуджавы: «Мы начали прогулку с Арбатского двора, туда-то все, как видно, и вернемся...» (*Раскрывает книгу наугад, читает.*) «В общем, я изводил себя. Даже в трамвай не садился нормально. Я давал ему отъехать, а потом мчался за ним: догоню — буду великим, не догоню — не буду. И все во имя взрослого будущего, к которому я готовился и которое постоянно занимало мое воображение. Увы, я не был беспечным мальчиком. В тех фрагментах моего фильма, который я посвящал своему будущему, я многое провидел. Те же события, те же места, мной были встречены уже знакомые мне люди. Но в моем мальчишеском кино будущее виделось грозным, ярким, значительным. В реальной же жизни, став настоящим, превратилось в пошлую карикатуру». Все будто про нас

с Борькой и лучше не скажешь, превратилось наше детское кино в пошлую карикатуру. Зачем нам только и огород было городить!

С тихим скрипом отворяется дверь. На пороге С в а т. Он сомнамбулически движется по мастерской.

С в а т. Упустил старуху. Можно сказать, из-под самого носа ушла. Такое мое сиротское счастье. У других, как у людей, у меня все через пень-колоду. Сколько раз так было уже: поблазнит судьба куском перед носом, а потом мимо рта пронесет. Невезучий ты, Федя, такой фарт сам в руки плыл, обмишурился, проворонил, как последний фраер. Козел ты, Федя, вонючий колхозный козел, тебе не уголовным розыском заниматься, а рогами хлев подпирать.

А л е к с а н д р. Что это вы так на себя, уважаемый?
С в а т (обреченно). Заслуживаю.

А л е к с а н д р. Вы — оптимист. В наше время, по моему, никто ничего не заслуживает, кроме виселицы.

С в а т. Я ее, можно сказать, как партия и правительство, окружил материнской заботой. Я из-под нее щепочки-соломинки подбирал, чтобы, не ровен час, она не рассыпалась по дороге. Леденцов импортных, считай, целую коробочку скормил, всё ублажить старался старую; одуванчики, они до сладкого, сами знаете, охочи, а она, как узнала, что сестрицу ее прибрали по назначению, так сразу и окочурилась, даже не пискнула напоследок.

А л е к с а н д р. Переживаете, будто мать родную схоронили.

С в а т. Мать, она мать и есть: родила, выкормила и померла себе. Чего с нее больше? А тут совсем другое дело. Когда оформлял, верите, плакал! Вроде не бездыханный труп, а целую Академию наук в морг отправлял. Ведь она какой секрет с собой унесла, мы бы под ее патент со всего мира валюту лопатами гребли! Не только бойцов невидимого фронта, всю страну накормили бы наконец да еще обули-одели в придачу. Я бы, может, по совокупности доктора, а то и членкора схлопотал бы. А теперь вот — возись снова с несунами и карманниками до самой пенсии.

Л ю д м и л а (выходя из кухни со стаканом и закуской в руках). Выпей, Федя, полегчает. Какие ваши годы, у вас еще все впереди.

С в а т (*пьет*). В нашем деле какие нервы надо иметь! Как канаты! (*Закусывает.*) Не выпьешь лишний раз, с резьбы сорвешься. Вот и нынче перебрал я, по правде говоря: сутки на ногах, разве выдержишь... Плывет всё кругом. (*Опускается на корточки.*) Глаз не сомкнул... Прикорнуть бы где часок-другой...

А л е к с а н д р. Чего проще! (*Кивает в сторону тахты.*) Укладывайтесь на первом этаже, у нас там место обжитое, надежное. (*Легонько подталкивает его перед собой.*) Спите на здоровье, никто не потревожит.

Сват на карачках движется к тахте. Скрывается под ней и затихает.

Л ю д м и л а. Господи, как хорошо! Будто и не уезжали никуда. Москва. Снег за окном. Самогон варится. Федя в своем жанре. Скоро народ потянется. Как во сне, только бы не просыпаться!

А л е к с а н д р (*укладываясь на тахте*). Посмотрим, надолго ли тебя хватит? Ты и там первые дни писала от восторга.

Л ю д м и л а. Начинается.

А л е к с а н д р. Тебе, как в том анекдоте, хорошо только в дороге.

Л ю д м и л а (*почти истерически*). Замолчи!

А л е к с а н д р. Действительно, будто никуда не уезжали.

Л ю д м и л а. Подонок! Я...

Звонок в дверь. Людмила спешит на звонок.

А л е к с а н д р (*читает*). «...Я совершил множество подвигов, не без моего участия выросло и распространилось несколько восхитительных религий. Не во сне, как Наполеон, а наяву я ездил на белом слоне и придумывал новую. Я создал ряд величественных и изящных теорий о макро- и микрокосмосе, не до конца, но всегда верно я объяснил природу человека, Вселенной и Бога. Изобрел и сконструировал множество полезных и прекрасных машин. Спасал людей от заблуждений, забот и болезней. Спроецировал и построил для них великолепные города, которые украсил необузданно-страстными и гармонически-изысканными изображениями. Словом, совершил столько всего возвышенного и нужного, что на перечисление только небольшой части моих трудов понадобилось бы в биллионы биллионов больше бумаги, чем на много-

вековую отчетность всех бюрократов вселенной. И после того, как я рисковал жизнью во имя добра, красоты, не жалел себя во имя любви, немилосердная судьба бросила меня в XX век, провела меня по скучной равнине жизни, в жалкое время, вспоминать и разбираться в дерьме — мой сегодняшний долг. Я стал дегустатором отбросов. «Жизнь в говне» — законное название этой книги...» Опять прямо про нас с Борькой!.. Сорвался, наивняк, за бугор жар-птицу ловить, только нет их нигде, птичек этих, на жратву перевели. Да разве кому втолкуешь, каждый думает, что для него лично одну, специально для него на развод оставили. Даже вон Протопопов с Белоусовой за ней подались, а ведь это все равно, что «Рабочий и колхозница» Мухиной сбежали бы в эмиграцию, национальное, можно сказать, достояние. Этак скоро Мавзолей с Краснознаменным ансамблем песни и пляски в полном составе политического убежища попросят. А потом снова сюда на гастроли. Конвергенция, бя, внутри канализации! Жизнь в говне!

Слышится возбужденный говор в прихожей. Затем входит Людмила.

Людмила. К тебе.

Александр. Чего еще?

Людмила. Бюст Ленина, чистой бронзы два пуда и презервативы с усиками. Японские. Набор: десять штук.

Александр. Гони. Бронза — это Уголовный кодекс, а усы мне надевать не на что.

Людмила. Жалко ребят.

Александр. Перебьются.

Людмила. Себя с похмелья не помнишь?

Александр (сдаваясь). Чего просят?

Людмила. Как всегда: на бутылку.

Александр. Отоварь и гони.

Людмила выходит.

Вот теперь я по-настоящему дома! Цикл замкнулся: Москва — Нью-Йорк — Москва со всеми, как полагается, остановками. Спи спокойно, дорогой товарищ, да будет эта земля твоим последним пухом, а если сильно захочешь, тюремными нарами. Так сказать, возвращение блудного сына к родным пенатам, скорбные глаза в туманной слезе на весь экран. «Вернулся я на родину, шумят березы с кленами». И так далее, в том же духе. Ко всему про-

чему, полный джентльменский набор российского кайфа: самогона хоть залейся, один пьет, другой отсыпается, третий на опохмелку соображает. Живи — не хочу!

Слышится нарастающий гул реактивного самолета.

Летите, голуби, летите, я посмотрю, где вы сядете! (*Лениво крутит рычажок транзистора.*)

Сквозь разноголосицу эфира пробивается голос диктора: «...известный критик искусства Джон Рассел в своей статье, опубликованной в воскресном приложении к газете «Нью-Йорк таймс», приходит к выводу, что скульптурный гений Эрнста Неизвестного не знает себе равных в современном художественном мире...»

Нет, вы только послушайте этого козла вонючего! (*Возбужденно вскакивает.*) Вчера меня облизывал, а сегодня уже Неизвестному подмахивает! Хоть обратно пакуйся! (*Принимается лихорадочно собираться.*) Ну, старый пидар, я тебе заделаю козу, долго меня помнить будешь! (*Угасает так же внезапно, как и загорается.*) А, черт с ними со всеми! (*Валится на тахту.*) Пускай повесятся!

В мастерской, по обыкновению как бы из ничего, возникает фигурка Энвер а. Он в стеганом зимнем халате и татарском малахае.

Тебе еще чего?

Энвер. Мы с тетей Олей договорились, что я утром найду еще раз стих повторить.

Александр. Нету ее.

Энвер. А придет?

Александр. Спроси чего-нибудь полегче.

Энвер. Я в школу опаздываю, у нас сегодня утренник.

Александр. Тогда валяй мне, я послушаю.

Энвер (*выходит на середину мастерской, сдерживает себя малахай и читает в пространство перед собой*). «Белеет парус одинокий в тумане моря голубом, что ищет он в стране далекой, что кинул он в краю родном? Под ним струя светлей лазури, над ним луч солнца золотой, а он, мятежный, просит бури, как будто в буре есть покой».

Вокруг него начинает медленно сгущаться затемнение. Фигурка Энвера принимается как бы парить над окружающим на невидимых крылышках. Мощное эхо, сопровождаемое реактивным гулом, многократно размножает следом за ним: «Покой... Покой...», пока его не перебивает знакомое оперное: «Не счесть алмазов в каменных пещерах...»

З а н а в е с

1988 г.

БЕРЛИН НА ИСХОДЕ НОЧИ

Трагифарс в двух актах, шести явлениях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Миша Мехлис.
Рустам Давыдов.
Моня - Красавчик.
Лева Шацкий.
Марта.
Яков Рувимович Гутник.
Вера Скалкина.
Немецкий писатель.
Русский писатель.
Федя.
Вася.
Степанида Остаповна.

АКТ ПЕРВЫЙ

Явление первое

Ступени церкви Кайзер-Вильгельм-Гедехтнис на Курфюрстендам. Душная июньская ночь. На переднем плане Миша Мехлис и Рустам Давыдов с гитарой в руках, разделенные между собой пузатой посудиною спиртного. Чуть выше от них, слева — Моня - Красавчик с такой же бутылкой между колен. В отдалении справа, в полутьме силуэт сидящей Марты. Мимо ступенек, взад и вперед, нервно жестикулируя, рассказывает Лева Шацкий.

Лева Шацкий. Когда бы знал, что так бывает... Опять, опять чужое! А ведь, кажется, свое, выстраданное... Что могу с собой сделать, если я думаю точно так же, как он... Может быть, я просто опоздал родиться и он всё это написал за меня... Ну нет, я всё равно преодолею

его в себе, я чувствую, что во мне зреет что-то свое, ни на кого не похожее. Там я не мог, там меня держали за горло, гнали из всех редакций, смеялись надо мною, не печатали, но неужели здесь, в условиях абсолютной свободы, я не смогу выявить свое настоящее поэтическое «я»? Тогда грош мне цена... Не вечно же мне перепевать Пастернака!.. Вот хотя бы так, разве это не по-своему: «Когда бы знал, что так бывает, пишу, и с каждой строкой во мне надежда убывает, душа уходит на покой»... Разве это не мое, не собственное? *(Уходит.)*

Р у с т а м (кивает в сторону Левы). Чокнутый этот опять тут?

М и ш а (сниходительно). Не бери в голову, Рустамчик, этот чмур из этих, из сочинителей, а они все чокнутые, у нас тут их через одного, куда ни харкнешь, или урка, или писатель: видно, на Дзержинского люди с понятием, знали, кого за бугор отпускать, они тут без надобности, своих хватает. *(Протягивает ему бутылку.)* На, Рустамчик, лови кайф, полетит душа в рай, только пятки засверкают.

Р у с т а м (отпивает из горлышка, мечтательно вздыхает). Эх, Мишаня, какая у нас жизнь была в Одессе, какая жизнь, ведь это только кому рассказать, слюной захлебнется!

М и ш а. Не трави душу, Рустамчик, плакать хочется!

Р у с т а м (не слушая его, поет). «Какие девочки на нас бросали взоры...» Какие девочки, Мишаня, какие девочки, от одного взгляда кончают! *(Снова поет.)* «Где вы теперь, кто вам целует пальцы...» *(Отхлебывает из бутылки.)* А здесь каждая лахудра страшней водородной войны не меньше сотни за палку гребет.

М и ш а (подлаживаясь к его настроению). А помнишь, Рустамчик, как мы на Пересыпи кепезе подожгли, вот тогда мусорня икру метала, хоть на хлеб намазывай!

Р у с т а м (снова не слышит, поет).

Звон проверок и шум лагерей
Никогда не забыть мне на свете,
Изо всех моих лучших друзей
Помню девушку в синем берете.
И когда погасал в зале свет,
Все к экрану стремились взглядом,
Наклонялся тот синий берет

На того, кто сидел с нею рядом.
Шепчет он: «Невозможного нет»,
Шепчет он про свободу и ласки,
А сам смотрит на синий берет
И на впалые карие глазки...

Миша. Ты последний раз сколько тянул, Рустамчик?
Рустам (*под гитарный наигрыш*). Четыре года, Мишаня, от звонка до звонка. Четыре года без сдачи. Бывало, завалится режимник на работу выгонять, а я без внимания, лежу себе и посвистываю. «Давыдов, — орет, — кто за тебя лес валить будет!» — «А я, — говорю, — начальник, его не сажал, не мне и пилить». — «Норму, — орет, — не сделаешь, Давыдов, пеняй на себя, в кандее сгною!» — «Если бы, — говорю, — начальник, лес твой макушками снизу рос, тогда сделал бы, а с комля мне не одолеть». Он опять в ор, только на мне, где сядешь, там и слезешь, так и прокантовался весь срок.

Миша. А чего ты за бугор свалил, Рустамчик, дело шили?

Рустам. С мокротой, Мишаня, мне уже верная вышка корячилась с моей анкетой. Только заваливается как-то ко мне в камеру Михаил Иваныч, помнишь этого опера с Молдаванки?

Миша. С культей который?

Рустам. Он самый. Он этой культей своей не одного пахана покалечил, от него в Одессе, как от холерного, бегали. Заваливается это он и говорит: «Есть у тебя, Давыдов, один шанс, если не дурак, лови: или девять грамм в затылок, или завязывай шнурки и дуй на историческую родину, отпустим». — «Это что, — говорю, — начальник, в Казань, что ли?» — «В какую еще Казань, — говорит, — там своего жулья хватает, в Израиль». — «Начальник, — говорю, — я не еврей, татарин». — «А, — говорит, — еврей, татарин, без разницы, все равно обреченный, бери ноги в руки и отваливай, не робей, все там будем». Вот я и отвалил.

Миша. А чего сюда занесло?

Рустам. А чего я в вашем Израиле забыл? Там вкалывать надо, а я тяжелее туза и валета ничего не поднимаю. (*Тихонько запекает.*) «Цыганка с картами, дорога дальняя, дорога дальняя в казенный дом, быть может, старая тюрьма Центральная по новой ждет. Центральная,

все ночи полная огня, Центральная, зачем сгубила ты меня? Центральная, я твой несчастный арестант, пропали юность и талант в твоих стенах...»

На сцене появляется пара: благообразный старичок в джинсовой паре — Яков Рувимыч Гутник и Вера Скалкина — живописная блондинка с вечно восторженным выражением на кукольном личике.

Гутник. ...Я работал тогда на Украине помощником Кагановича по административным вопросам, время было напряженное, троцкисты пытались сорвать в республике план хлебопоставок, цека и огапеу работали буквально круглосуточно, партактив забывал о сне и еде, что и говорить, героические это, Верочка, были дни! Как говорится: мы тогда ходили в сабельный поход, мы тогда бросались на кронштадтский лёд.

Вера. Ах, как это интересно! Говорите, говорите, Яков Рувимыч, дорогой, я так обожаю, когда со мной разговаривают умные люди! Я просто не могу жить без серьезных разговоров, это так возвышенно, это так замечательно! Говорите, говорите, Яков Рувимыч, милый... Яша...

Гутник (*рука его незаметно ложится ей на талию, он увлекает ее за сцену*). В эти тревожные дни Лазарь Моисеевич приказал мне подготовить экстренный пленум цека...

Вера (*исчезая за кулисами вместе со спутником*). Ах, как это интересно!..

Рустам (*удивленно*). Это что еще за дуэт?

Миша. Да одна стебанутая из Краснодара с мужем по израильской визе свалила, а он от нее когти рванул в Канаду, она и пошла в разгул, только всё больше с шибко грамотными, нашему брату там не светит. Я было подкатился раз, да не обломилось, с ней ученые разговоры разговаривать надо, а мне эти разговоры до фени, вставай на четыре кости и вся любовь. Вон чмуру этому сто лет в обед, он еще до революции в старых большевиках ходил, ему чувиха эта в правнучки годится, а ведь он ей с этими разговорами за двадцатый съезд запросто ввинтит шершавого, она от одних его баек забеременеет. Темные мы с тобой, Рустамчик, вот и сосем девятый без соли, не зря, видно, картавый завещал народу: учиться, учиться и еще раз учиться.

Рустам (*кивает в полутьму, в сторону девичьего силуэта*). Смотри, Мишаня, вроде тоже кадр.

Миша. Без пользы, Рустамчик, мы с тобой по-ихнему ни бе, ни ме, как ее закадришь, тут одним дымящимся не обойдешься.

Рустам (*решительно отхлебывает из бутылки*). Ну, это как сказать. (*В полутьму.*) Девушка, вам случайно не скучно одной? А то два молодых, красивых могут составить вам компанию, уговорим этот пузырек на три куверта. (*Плавно проводит рукой по струнам.*) «Пей шампанское, друг, еще ночь впереди, да и некуда нам торопиться...»

Марта (*встает и, не спеша подойдя к ним, садится рядом*). Мне не скучно (*она говорит довольно чисто по-русски, хотя слова подбирает явно с трудом*), но, если вы хотите со мной пить, я благодарю вас.

Миша (*присвистывает*). Она и по-нашему трэхаёт, ты, Рустамчик, голова, накальваешь в яблочко.

Рустам (*галантно протягивает Марте бутылку*). Мадам, ваша очередь. Где вы так хорошо научились говорить по-русски?

Марта (*отпивает глоток, закуривает*). Я училась там, за стеной, там в школе все учат русский язык, здесь я была только на университете.

Миша. Везет нам, Рустамчик, на ученых, теперь самое время за космос поговорить, за снежного человека, опять же за летающие тарелки.

Рустам (*отпивает из бутылки после нее*). Ваше здоровье, мадам... Ваше имя, мадам?

Марта. Меня зовут Марта. Марта Руппель.

Рустам. А сюда тоже — по израильской визе?

Марта. Нет, я через стену.

Миша. Во дает!

Рустам. Мадам, я преклоняюсь, недаром говорят: большевики не знают преград.

Марта. Я не большевик, я Марта Руппель.

Рустам. Это шутка, мадам, шутка гения всех народов. (*Берется за гитару.*) «Мадам, уже падают листья...». Благодарю вас, мадам, за ваше великодушное доверие, вы не побоялись разделить с двумя неизвестными их скромный а-ля фуршет... «И даже рыбацьи баркасы в далекое море ушли...»

Марта (*под его наигрыш*). Я знаю — вы из России... Мы, немцы, сделали вам много зла... Особенно русским евреям... Вы же еврей?

Р у с т а м (*сквозь мелодию*). Я татарин, мадам.

М и ш а. А я — серединка наполовинку, отец караим, а мать хохлушка.

М а р т а. Разве это другое?

Р у с т а м. Во-во, мадам, Михаил Иваныч с Молдаванки мне то же самое толковал.

М а р т а (*не слыша, словно в трансе*). Мы убивали и мучали вас, мы построили для вас газовые камеры, вашими волосами мы наполняли матрацы, а кабинеты украшали вашими черепами. Кто нас простит и чем мы сможем заплатить за это? Я всегда вижу во сне этот ужас. Наверное, если бы я не пила и не курила вот это, я бы давно сошла с ума.

М и ш а (*ошарашенно*). Девушка, сколько вам лет?

М а р т а. Двадцать два.

М и ш а. Какие ваши годы, девушка, я тоже с пятьдесят восьмого, и мне всё это до лампочки. Когда это было, нам еще в школе этим всю плешь проели, надоела эта волюнка, хуже политграмоты, у меня сны, девушка, про таких, как вы, да еще про башли тоже, а то за целый день на один пузырек наскребаю, от такой жизни сам в газовую камеру запросишься.

М а р т а. Что вы говорите, это... (*Подбирает слово*) кощунство!

М и ш а (*обиженно*). Да век свободы не видать! (*Кивает в сторону Мони-Красавчика*.) Да вон спроси хоть у Мони, он всю войну штрафником прошел, и в плену и лагере чалился, что он к немцам имеет? (*К Моне*.) Слушай сюда, Моня, ты воевал?

М о н я - К р а с а в ч и к (*с трудом очнувшись*). Ну.

М и ш а. В штрафной?

М о н я - К р а с а в ч и к. Ну.

М и ш а. В плену был?

М о н я - К р а с а в ч и к. Ну.

М и ш а. А в лагере?

М о н я - К р а с а в ч и к. Ну.

М и ш а. Ты к немцам что-нибудь имеешь?

М о н я - К р а с а в ч и к (*вдруг медленно поднимается с бутылкой в руке, белый пух на его голове светится над ним наподобие венчика*). Немцы, бля, шмеццы, японцы, чухонцы, греки, узбеки, срать мне, бля, на всех с собора Парижской Богоматери! Я сорок лет, бля, по лагерям, Моню-Красавчика, бля, по всем лагпунктам от Вологды

до Магадана знают. *(Сжимает руку в кулак.)* Я печорскую беспредельщину, бя, вот так держал! *(Запевает неожиданно приятным, с хрипотцой, басом.)* «Ты помнишь тот Ванинский порт и вид парохода угрюмый, как шли мы по трапу на борт в холодные мрачные трюмы...» *(Вдруг сникает и так же медленно опускается на место.)* Бля...

Миша. Слыхали, девушка, а вы мне про газовые камеры, это для шибко умных, а мы люди простые, нам бы гроши да харчи хороши.

Марта. Вы имеете право забыть, мы, немцы, — нет, это слишком страшно, чтобы забыть. Теперь мы должны платить.

Рустам *(вкрадчиво).* Сегодня у вас есть шанс, мадам.

Марта. Я не понимаю.

Рустам. В смысле платы.

Марта. Что же я могу сделать для вас?

Рустам *(еще вкрадчивее).* Согреть наше мужское общество своим женским теплом.

Марта. Я понимаю...

Рустам *(смелея).* За вами выбор, мадам.

Марта *(просто).* Я пойду с вами, куда вы хотите.

Миша *(восхищенно).* С двумя?

Марта *(так же просто).* Да.

Немая сцена, после чего Рустам встает и ударяет по струнам.

Рустам *(поет).* «Цветочки-лютики, цветочки алые мне на прощание дарила ты, а ночью снились мне сны небывалые, где небывалые росли цветы...»

Скрываются в темноте. Из-за правой кулисы появляется **Лева Шацкий** и с молчаливой мукой смотрит им вслед.

Явление второе

Круг поворачивается, и уже с другой стороны церкви перед нами возникает пестрый карнавал берлинской ночи: на церковных ступенях во всех позах и положениях сидят алкоголики, наркоманы, бродяги, панки и другая разношерстная публика. На переднем плане одноногий инвалид крутит стилизованную шарманку. Чуть поодаль одинокий фокусник подносит ко рту факел и выдыхает из себя пламя. Мимо церкви взад и вперед фланируют проститутки обоого пола, среди которых выделяется рослый юноша с выкрашенным в стальной цвет лицом. Из-за правой кулисы появляются **Немецкий** и **Русский** писатели.

Немецкий писатель. О, если бы вы знали, коллега, во что превратилась Германия сразу же после этой злосчастной войны! Города лежали в руинах, а в наших деревнях поля зарастали сорной травой. Миллионы немцев бродили по развалинам в поисках еды и топлива, стараясь не вспоминать о недавнем величии, но и не заглядывая в будущее. Казалось, что эта страшная расплата за наши грехи будет продолжаться вечно. Я был тогда еще совсем молодым человеком, хотя уже успел хлебнуть Восточного фронта, но если вы спросите меня, о чем я мечтал тогда, в те дни, я мог бы вам ответить, что почти ни о чем определенном. В те дни меня преследовало одно и то же видение: ночной лес, и я иду через этот лес, а где-то впереди мерцает огонек одинокой лесной сторожки, где, как мне грезилось тогда, меня ждут и я найду наконец приют и тепло. Иногда по ночам мне снится это и теперь.

Русский писатель. У нас после войны было, примерно, то же самое, мой дорогой друг, и я тоже мечтал о тепле и хлебе, но мы жили и продолжаем жить в другом, перевернутом мире, для нас и тогда, и до сих пор всякий огонек в чистом поле или в темном лесу означает смертельную опасность, и мы бежали от этих огней, как от чумного карантина. Вы все-таки нашли в себе силы восстать из пепла и обрести свободу, а мы — победители — ничего не приобрели от своей победы, кроме новых цепей.

Немецкий писатель. К сожалению, это далеко не так, коллега. Всмотритесь в окружающую нас реальность внимательнее, она ужасающа. За внешним благополучием, за внешней раскованностью кроется неминуемый взрыв. Нельзя десятилетиями вдавливать в голову целому народу, что он — преступник, ничтожество, организм без корней и прошлого, это рано или поздно кончится катастрофой. Мазохизм и самоуничтожение наших интеллектуалов не пройдет безнаказанно. В свое время, после первой войны, у нас уже было нечто похожее, но из безликого праха национального унижения восстал гитлеровский монстр и потопил Европу в огне и крови. Теперь может произойти еще худшее, немецкий народ психологически сломан, а сломанные народы легко превращаются в чудовище. Смотрите, коллега, смотрите вокруг себя...

Карнавал на церковных ступенях и около них оживает. Люди-маски приходят в движение: фокусник снова подносит факел ко рту, шарманка заводит свою мелодию, на ступеньках пьют, курят, играют в карты, возникают смех, пение, перебранки. Улыбается в зал стальной маской рослый юноша-проститутка. На переднем плане появляется Л е в Ш а ц к и й, он жадно ищет кого-то глазами в толпе. С противоположного конца сцены, навстречу ему, сомнамбулически движется М а р т а. Она заметно пьяна или сильно накурена.

Л е в а (*устремляется к ней*). Извините, я искал вас везде...

М а р т а (*заплетающимся языком*). Искал... Вы... Зачем?.. Вы тоже — еврей?

Л е в а. Я поэт. Лев Шацкий... Я по происхождению действительно... Но, впрочем, все поэты — жида.

М а р т а. Поэт!.. Ах, да, да... Стихи... Я понимаю... Вы пишете стихи...

Л е в а. Вы любите стихи?

М а р т а. Я не знаю... Может быть... Почитайте...

Л е в а. Свои не могу. Мне стыдно. Я еще не нашел себя. Если вы позволите, я почитаю вам Пастернака.

М а р т а. Это «Доктор Живаго»?.. Я видела фильм... Там прекрасная мелодия... В ритме вальса... Вы танцуете?

Л е в а (*растерянно*). Да, немножко... Если хотите...

Она обессиленно прикидывается к нему, и они начинают тихо кружиться под мелодию вальса.

М а р т а (*счастливым шепотом*). Как хорошо...

Л е в а (*стараясь попадать в ритм мелодии*).

Мело, мело по всей земле,
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.
Как летом роем мошара
Летит на пламя,
Слетались хлопья со двора
К оконной раме.
Метель лепила на стекле
Кружки и стрелы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.
На озаренный потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья.

И падали два башмачка
Со стуком на пол.
И воск слезами с ночника
На платье капал.
И всё терялось в снежной мгле,
Седой и белой.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.
На свечку дуло из угла,
И жар соблазна
Вздымал, как ангел, два крыла
Крестообразно.
Мело весь месяц в феврале,
И то и дело
Свеча горела на столе,
Свеча горела...

Марта. Как хорошо...

Лева. Вы устали, вам надо отдохнуть... Давайте посидим.

Марта (*покорно*). Как хотите... У меня кружится голова... Если хотите, у меня есть своя комната...

Лева. Зачем вы так... Извините, как вас зовут?

Марта. Марта.

Лева. Зачем вы так, Марта, я совсем не в том смысле. Просто я давно вас заметил. Вы не такая, как все.

Марта (*вдруг как бы трезвея*). Какая я?

Лева. Вы девушка из Блока.

Марта. Кто такой Блок?

Лева. Тоже — поэт.

Марта. Он тоже — еврей?

Лева. Я уже говорил вам, Марта, все поэты — жидаы.

Марта. Вы не хотите пойти ко мне, это правда?

Лева. Не нужно больше об этом. Давайте сядем, я вам почитаю из Пастернака. Хотите? (*Увлекает ее за собой.*)

Они опускаются на церковные ступени несколько в стороне ото всех.

Марта (*склоняет голову ему на плечо*). Я буду слушать вас.

Лева (*тихонько поглаживая ее по волосам*).

Гул затих. Я вышел на подмостки.

Прислонясь к дверному косяку,

Я ловлю в далеком отголоске,

Что случится на моем веку.
На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.
Я люблю твой замысел упрямый
И играть согласен эту роль.
Но сейчас идет другая драма,
И на этот раз меня уволь.
Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я один, все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить — не поле перейти...

Марта (*как эхо*). Жизнь прожить — не поле перейти...

Лева. Вы необыкновенная девушка, Марта, я это знал.

Марта. Я обыкновенная немецкая девушка.

Лева. Нет, Марта, вы — чудо. Так чувствовать поэзию могут только чистые души.

Марта (*вдруг отстраняясь от него*). Я — немка, у меня грязная душа.

Лева (*хватает ее за руки*). Что с вами, Марта, может быть, я вас чем-нибудь обидел?

Марта (*еще более разъяряясь*). Зачем ты мне все это говоришь! Если ты не хочешь меня, уходи! (*Вырывается из его рук, вскакивает.*) Зачем мне твои стихи,пусти меня! (*Вырывается. Отталкивает его от себя, устремляясь во тьму за церковью.*)

Лева (*наедине с собой*). Один, опять один... Проклятье!

Из толпы на передний план выдвигается пара: Яков Рувимыч Гутник и Вера Скалкина. Он уже поддерживает спутницу под локоток и держит ее руку в своей.

Гутник (*любовно поглаживая ей ладонь*). На восемнадцатом съезде партии мы дали окончательный бой всем уклонистам и маловерам, партия освободилась от вражеского и мещанского балласта и повела народ и страну к новым вершинам.

Вера (*восторженно*). Ах, Яков Рувимыч!.. Яша, милый, это же просто фантастично! Дать бой и повести

народ! *(Почти в экстазе.)* Яша, вы удивительный, вы мечта любящей девушки... Яша... *(Задыхается.)*, Яша, я чувствую, что лечу... Ах... Ой... Ой... Говорите, Яша, говорите еще, это так интересно!

Г у т н и к *(увлекая ее в темноту)*. Верочка, вы озарили мое одиночество, у меня, в моем холостяцком углу, я расскажу вам еще много, очень много интересного...

В е р а *(скрываясь с ним в ночи)*. С вами, Яша, хоть на край света... Говорите, Яша, говорите...

Исчезают. На сцене появляются Ф е д я и В а с я, во всем — в облике, в одежде, в манере говорить и двигаться — похожие друг на друга, как два близнеца.

Ф е д я *(с завистью оглядывается)*. Народ уже загнивает вовсю, Вася, а мы вроде незнамо кто, болтаемся, как дерьмо в проруби, тоска!

В а с я. Мы, Федя, на задании, на боевом посту, мы, Федя, бойцы невидимого фронта, нам загнивать по штату не положено, враг, Федя, не дремлет, притаился только, ждет своего часа.

Ф е д я. Брось травить, Вася, ты не на партсобрании, нам бы сейчас раздавить пузырек на двоих и к девочкам, а тут топай всю ночь без толку по улицам, вынюхивай, высматривай, а чего тут высмотришь, только душу беречь, кругом люди гужуются, а мы ходи, облизывайся.

В а с я. Разлагаешься, Федя, не боишься, что наступчу?

Ф е д я *(флегматично)*. А я наступчу, что ты на меня по заданию врага наступчал, так что не проханже, Вася.

В а с я *(примирительно)*. Ладно, Федя, чего там, я в шутку, мы с тобой вроде как альпинисты, в одной связке тянем: один сорвется, другой не удержится. Видно, головастые у нас там наверху мужики сидят, ловко придумали нашего брата по двое на дежурство запускать.

Ф е д я *(пренебрежительно)*. А, делов куча! Тоже мне умники, такие же говноеды, как мы с тобой, только погон не тот, да звезд на нем побольше нашего, тебя этой херне любой фарцовщик с Горького научит, в рот бы я мотал ихнюю придумку, лучше бы на представительские не жидились, жили бы без хлопот, а то поневоле, на политубежище тянет.

В а с я *(осторожно)*. А может, сбросимся, Федя, хоть на мерзавчика, душевный кристалл вконец засыхает...

Ф е д я *(деловито)*. А у тебя сколько?

В а с я. Да марки две с мелочью наскребу. (*Улавливая недоверчивый взгляд. напарника.*) Хочешь партбилетом побожусь?

Ф е д я. Ладно, Вася, давай сюда, я еще три доложу и на дешевку хватит. Пошли, Вася, мы тоже — люди...

Уходят.

Из темноты возникает растерянная фигурка Степаниды Остаповны. Она слепо тычется среди толпы, нелепая и жалкая на фоне всей этой карнавальнoй фантасмагории.

Степанида Остаповна (*бормочет жалобно*). Да где ж мэни туточки тэбэ шукаты, горэ мое? (*Шарахается в сторону от пышущего пламенем фокусника.*) Боже ты мий, чогу туточки тилькы не побачишь, вмрэшь с переляку. (*С опаской огибает пьяную компанию и только тут замечает Леву, облегченно бросается к нему.*) Здоровеньки булы, звыняйте, бачу, мабуть, з наших, хлопчик, будэтэ, вы мого Михася туточки не бачили?

Л е в а (*словно просыпаясь*). Здравствуйте... Кто вы?.. Какого Михася?..

Степанида Остаповна. Мехлис я, Степанида, а Михась сынку мий, гарный такый, справный.

Л е в а (*все еще собираясь с мыслями*). Гарный, справный... Что за чушь?.. Что вы от меня хотите, уважаемая? Я не знаю никакого Михася... Оставьте меня, ради Бога, в покое! С какой стати я должен знать вашего Михася, я, может быть, все потерял, а вы с вашим Михасем. (*Утыкается головой в колени.*) «Все перепуталось и некому сказать: Россия, Лета, Лорелея». Всему конец.

Степанида Остаповна (*сразу забыв о своей заботе, опускается рядом с ним*). Чогу у тебэ, хлопчик мий, не ховайся от мэна, ненька к тоби с усим сэрцэм.

Л е в а (*растроганно*). Спасибо... Но это, к сожалению, уже непоправимо... Она ушла, и никто мне ее не вернет.

Степанида Остаповна (*всплескивает руками*). Так я и чуяла — дивчина! (*Обнимает его.*) Не журысь, сынку, побачь, якый ты гарный та справный, за таким хлопцем любая дивчина пидэ, не журысь. (*Гладит его по голове.*) Не журысь, дытятко мое.

Л е в а (*покорно поддаваясь ее сочувствию*). Один, совсем один...

Степанида Остаповна (*кладет его голову к себе на колени*). «Ой спи, дитя, колишу тя, доки не

вснеш нэ лишу тя. Прикладу каминцями, сама пиду за вивцями, повишу я колисоньку на зелену галузоньку. Буде витер повивати, тебе, дитя, колисати. Ой спи, дитя, до вечора, доки мати с поля прийде да й принесе три ягідки, щоб первая сонливая, а другая дримливая, а третя солоденька, спи дитиночко маленька...»

Лева затихает под ее рукой.

Явление третье

Обстановка первого явления. Нет только Левы, но зато на правой стороне лестницы высвечивается новая пара: Вася — Федя. Рустам по-прежнему наигрывает на гитаре.

Вася (*с бутылкой в руке*). Хорошо, Федя, прямо на кристалл легло, душа крыльями машет.

Федя. Не говори, Вася, воспаряет.

Вася. Хорошо сидим, Федя! (*Умиленно.*) Вот ты хоть и сволочь, Федя, и, можно сказать, сукин сын, а я тебя все равно люблю, даже сам не знаю — за что.

Федя (*равнодушно*). А я тебя нет.

Вася (*обиженно*). Это почему же?

Федя. А потому, что ты ни то ни другое.

Вася. А что я?

Федя. Моль, Вась, моль, а если в рифму — ноль. Как говорил поэт: облако в штанах, я бы таких, как ты, еще в колыбели подушками душил. Не пойму, от чего только такие на свет появляются, от сырости, что ли?

Вася (*еще обиженнее*). Ну, ну, ты полегче, Федя, я ведь и вмазать могу, не посмотрю, что на службе.

Федя. Я бы тебя тогда зауважал. Да только тебя и на это не хватит, лень вперед тебя родилась.

Вася. Обижаешь, Федя?

Федя. Обижаю.

Вася (*храбрится*). Значит, ноль, говоришь, Федя, значит, моль, говоришь? (*Решительно.*) А я вот возьму...

Федя. Где возьмешь, там и положишь, знаю я тебя, Вася.

Вася (*не слушая его*). Возьму и убежища попрошу!

Федя (*насмешливо*). С чего бы это, Вася?

Вася (*распаляясь*). А у меня разногласия с системой в смысле прав человека и угнетения малых наций, опять же с воссоединением семей у нас не все в порядке.

Федя. Тебе-то что до этого, Вася, хочешь воссоединиться, вали к себе в Курскую область и все дела.

Вася (*уже вошел в роль*). Вон Шевченко и тот в диссиденты подался, а я что, хуже, что ли! Я открою глаза свободному миру на преступления нашей бесчеловечной системы!

Федя. На какие же, Вася?

Вася. Производством меня обошли? Обошли. (*Начинает загибать пальцы.*) Раз. Консул представительские зажиливает? Зажиливает. Два. Лидку-буфетчицу у меня советник отбил? Отбил. Это уже три. И вообще: свободу Иосифу Бегуну и Иде Нудель!

Федя (*вкрадчиво*). А ведь у меня и наручники с собой, Вася.

Вася (*вскакивает*). А положил я на твои наручники слоновый хер с прибором, я теперь свободный человек, и катись ты от меня, кагебешная морда, со всей своей советской лавочкой на быстром катере к еловой матери!

Федя мгновенно бросается на него и, натренированным приемом заломив ему руки за спину, защелкивает на них наручники.

Федя. Ишь, раскудахтался. (*Толкает его в спину.*) Иди вперед. Пикнешь — пришью.

Вася (*жалобно*). Шуток не понимаешь, Федя.

Федя. Я тебе пошучу, шутник нашелся.

Вася. Сдашь, значит, Федя?

Федя. Ясно — сдам.

Вася. Прямо консулу?

Федя. Зачем консулу — в полицию.

Вася (*ошарашенно*). Если в полицию, наручники-то зачем, Федя?

Федя. А чтоб не передумал, больно уж у тебя, Вася, душа хилая.

Вася. Федя, друг!

Исчезают в темноте.

Миша (*кивает вслед уходящим*). Гуляют чмуры, уже подраться успели, полный ажур, есть что вспомнить. (*К Рустаму, заискивающе.*) Мы тоже сегодня, Рустамчик, гульнули что надо, тоже есть что вспомнить. Девочка попалась в порядке, отоварила до отвала. Надо ребятам нашим свистнуть, ее запросто и в очередь можно. (*За-*

лихватски горланит в темноту.) «Зоя, Зоя, кому давала стоя, кому давала стоя — начальнику конвоя...»

Р у с т а м (*рывком притягивает его к себе, говорит с тихой яростью*). Закрой пасть, козел, еще слово про нее скажешь, я из тебя буду делать клоуна, родная мать не узнает.

М и ш а (*примирительно*). Ну чего, чего ты, Рустамчик, я же это так, для разговора, не хочешь — не буду.

В ночи слышится отдаленный грохот проходящего поезда.

Р у с т а м (*прислушиваясь к грохоту*). Туда пошел, за стену.

М и ш а (*в тон ему*). Хорошо бы посмотреть, что у них там делается, пишут, правда, с водярой плохо.

Р у с т а м. По мусорам соскучился?

М и ш а. Соскучился — не соскучился, а посмотреть рванул бы.

Р у с т а м. До первого постового.

М и ш а. Посмотреть, говорю, и обратно.

Р у с т а м. Интурист Миша Мехлис, битте-дритте, Михаил Иваныч, не составите ли компанию тет-а-тет, а-ля фуршет с акулой капитала из Западного Берлина, смеху полные штаны!

М и ш а. Я с этим мусором позорным на одном поле кашки не сброшу, пускай с ним брянский волк пьет, а не Миша Мехлис.

Р у с т а м (*насмешливо*). Большой человек Миша Мехлис, ему для опера даже дерьма жалко, жадный ты, Мишаня. А вот Моня не жадный. (*К Моню.*) Правда, Моня?

М о н я (*мгновенно очнувшись*). Ну.

Р у с т а м. Ты ведь не жадный, Моня?

М о н я. Ну.

Р у с т а м. Не пожалел бы дерьма для опера?

М о н я. Ну.

Р у с т а м. Ты видишь, Мишаня, учись, человек сорок лет по лагерям мотался, а совесть не потерял. (*К Моню.*) Выпить хочешь, Моня?

М о н я (*совсем осмысленно*). Ну.

Р у с т а м (*протягивает бутылку Мише*). Дай ему, Мишаня, пускай пожар зальет, а то сгорит — полиция с нас спросит.

М и ш а (*нехотя*). Только добро переводить.

Р у с т а м. Вот я и говорю: жадный ты.

М и ш а. Последнее отдаем, Рустамчик.

Р у с т а м. Сбегаешь, еще молодой.

М и ш а (вяло). Хозяин — барин. (Нехотя подходит к Моне-Красавчику, протягивает ему бутылку.) Помни, пьянь, Мишину доброту.

М о н я. Ну. (Жадно припадает к горлышку, и с каждым глотком согбенная фигура его оживает, наливается силой и упругостью. Вытянув все до дна, он размашистым жестом отбрасывает пустую посудину в темноту.) Эх, бля! «Стой, паровоз, не стучите, колеса, кондуктор, нажми на тормоза»...

Моня почти слетает со ступенек на передний план и пускается в чечеточный пляс под аккомпанемент рустамовской гитары. Сквозь старческий облик в нем проступает вдруг юношеская стать и грация.

Р у с т а м (подыгрывая Моне на гитаре). Рви, Мишаня, еще за одной к Фишеру, скажи, Рустам просит, он даст. Пить так пить, все равно нехорошо!

Миша послушно исчезает в ночи. Некоторое время Моня еще продолжает чечеточный перепляс, но вскоре движения его становятся все замедленнее, и наконец он как бы начинает стекать в самого себя, ссыхается, уменьшается в размерах, пока окончательно не оказывается на своем обычном месте, в той же согбенной позе.

Из тьмы выходит Степанида Остаповна.

Степанида Остаповна. Та де ж вин захався, сынку мий! (Замечает Рустама.) Вы, бачу, из наших будэтэ, та, може, мого Михася знаетэ! Михась, Миша Мехлис, сынку мий... Може, бачылы його туточки? Гарный такый, справный...

Р у с т а м. Здесь, мамаша, михасей, как карасей, все на одно лицо и как один жареные.

Степанида Остаповна (покорно). И на том спасибочки, человек добрый...

Направляется было к Моне, но, сразу определив его состояние, безнадежно вздыхает, скрываясь в ночи, откуда до нас доносится ее:

«Михась, Мишенька, сынку мий!»

С противоположной стороны на сцене появляется Марта. Она все так же пьяна или накурена.

Р у с т а м (с нескрываемой радостью.) Это вы, мадам! (Смущенно сбивается.) Марта... (Бросается к ней, бережно берет ее за руку, усаживает рядом с собой.) Я думал, что вы уже никогда не придете.

Марта. Почему?

Рустам (*смущенно*). Мы, конечно, с другом твари позорные... Я сам не такой... Это у меня первый раз так... Я тоже человек... Нельзя так... И вам нельзя...

Марта (*пьяно*). А как можно?

Рустам. Как у людей... По-человечески... (*Пытается привлечь ее к себе.*) Я таких еще не встречал, Марта.

Марта (*выскальзывает из его рук*). Не надо.

Рустам. Я по-серьезному.

Марта. Мне это не надо.

Рустам. Чудная вы какая-то.

Марта. Я не чудная, я — немка. Когда я узнала, что мы с вами сделали, я перестала жить. Теперь я живу только там и оттуда уже никогда не вернусь. Я всегда вижу одно и то же. Ваши глаза и ваш пепел, а за это нужно платить. Я плачу этим. Больше у меня ничего нет. Только я сама, и все.

Рустам (*в отчаянье*). Я не еврей, Марта, я — татарин, казанский татарин.

Марта. Для меня все, кто оттуда — евреи.

Рустам. Ты чокнутая, Марта, ты больная, дым все это, обман, тебе травку надо бросить и пить тоже.

Марта. Тогда у меня ничего не останется.

Рустам. Да я за тебя хоть под вышку готов.

Марта. Что это — «вышка»?

Рустам (*проводит ребром ладони по горлу*). Скажи только.

Марта (*вдруг смотрит на него долго и внимательно*). Ты меня...

Рустам. Век свободы не видать!

Марта (*отворачивается*). Не надо.

Из темноты с бутылками в руках выскальзывает Миша.

Миша. Фишер — человек! (*Замечает Маргу.*) Наше вам, мадам, гульнем по буфету по второму заходу, мы ребята компанейские, борозды не испортим. (*Осекается под яростным взглядом Рустама.*) Ты чего, Рустамчик?

Рустам (*встает*). Поставь пузырьки, козел, я тебя бить буду.

Миша. Ты что, ты что, я как лучше хотел.

Рустам (*вырывает у него бутылки*). Поставь, говорю!

Ставит бутылки на ступени и надвигается на приятеля. Тот пытается было отскочить в сторону, но рука Рустама мгновенно настигает его и они скручиваются в клубок в исступленной драке. Трезвея у нас на глазах, Марта смотрит на дерущихся с нескрываемой ненавистью и презрением. Во всем ее облике проглядываются сейчас черты лагерных надзирательниц памятных нам времен.

Миша (отдирается от Рустама окровавленным и помятым, пошатываясь, отступает в темноту). Спасибо, Рустамчик, за все спасибо, из-за этой лахудры кореша отметелить не пожалел... Хорошо... Ладно... В рот я мотал тогда эту свободу... Меня там мусора метелили, а тут свои не стесняются... Нет, загребитесь вы тут со своей свободой в рот... Мамашку только жалко... Ничего, вызову... Там не звери сидят... С головой люди... Простят пацана... Лучше там срок оттяну, чем от своих тут терпеть... Эх, Рустамчик, а я тебя еще за человека держал... *(Исчезает.)*

И тут же из глубины ночи доносится грохот проходящего поезда, который вдруг сливается с какофонией полицейских сирен, выстрелами и криками.

Рустам (тревожно напрягается). Облава! *(К Марте, деловито.)* Слушай сюда, Марта, ты здесь своя — немка, тебя не заметут, спрячь пока у себя мою пушку, если меня с ней возьмут, верный срок за незаконное хранение.

Марта. Что это — «пушка»?

Рустам (вынимает из-за пояса под рубахой револьвер). Или не видела никогда?

Марта (с усмешкой). Видела. Много. *(Берет у него оружие, прячет под джинсовой курткой.)* Я завтра сюда приду.

Рустам. Лады.

Устремляется в спасительную темноту, откуда тут же появляется Лева.

Марта. Опять вы?

Лева. Я.

Марта. Зачем?

Лева. Я не могу без вас.

Марта долго и пристально смотрит на него. Потом вдруг начинает беззвучно смеяться. Постепенно смех ее перерастает в громкий издевательский хохот.

Конец первого акта

АКТ ВТОРОЙ

Явление четвертое

Обстановка второго явления. В ночи возникает все приближающийся рев мотора. Свет мотоциклетных фар, скреживаясь, рассекает темноту. Рев становится оглушительным, но тут же смолкает. Густая ночь снова смыкается над церковью. На передний план с двух сторон сцены выходят ребята в черной коже с ног до головы и в чулочных масках и выстраиваются в шеренгу лицом к залу. В руках у каждого из них щит с лозунгом: «Германия для немцев!» «Иностранцы, убирайтесь к себе домой!» «Израиль — тридцать пять лет: хватит!», «Все цветные — свиньи!», «Лучше быть мертвым, чем красным!»

Появляются Русский и Немецкий писатели.

Немецкий писатель. Теперь вы видите, коллега, что я прав: это больной, раздавленный народ. Попытка гальванизировать свой былой национализм — сублимация духовного краха, не более того. Когда я смотрю на этих молодчиков, меня охватывает ужас: неужели это проклятье снова надвигается на нас?

Русский писатель. Не стоит преувеличивать, мой друг, просто молодежь самоутверждается, болезнь возраста, с годами это у них пройдет, они станут вполне законопослушными гражданами. Да и сколько их у вас в Германии, этих новоявленных националистов, несколько сотен, в лучшем случае тысяч!

Немецкий писатель. Если бы, если бы, коллега! Вспомните, в двадцатые годы в мюнхенской пивной их собиралось тоже полдюжины, а через десять лет они уже управляли страной, а еще через пять начали мировую войну, какой до того не знало человечество. Долгое унижение высвобождает в людях низменные инстинкты. Страшно мне, коллега, от всего этого, очень страшно. Что будет с Германией, если вот это (*кивает на молчаливую шеренгу*) наше будущее?

Парень, замыкающий шеренгу справа, толкает локтем своего соседа.

Федя. Ты хоть, Вася, знаешь, что на фанерке-то твоей нарисовано?

Вася. А мне что, обещали по пятьдесят рупий отслюнявить, а что они там накарябали, мне до фени. А чего?

Федя. «Германия для немцев», вот чего.

Вася. Ну и что? Правильно!

Федя. А то, что мы с тобой здесь и на хрен никому не нужны.

Вася. Это ко мне не относится, пускай у тебя голова болит.

Федя. Это почему же?

Вася. А у меня бабка в оккупации была.

Федя. И что?

Вася. Соображай, москвич херов: мать сорок третьего года рождения, да и у меня самого волос белый, сечешь?

Федя. Ну ты, Вася, даешь!

Вася. А чего, в самом деле, понаехало тут вас — черножопых — на нашу Неметчину, продыхнуть негде.

Федя. Вася, мы еще даже до полиции не дошли.

Вася. Ребята подвезут, да мне и не к спеху, это тебе убежища просить, а я домой вернулся, фольксдойч называется.

Федя. Сука ты, Вася, родину продаешь.

Вася. Это ты продаешь, а я и так на родине.

Федя. Пришью, Вася.

Вася. Закрой варежку, Федя, это тебе не Москва, с нами — немцами — шутки плохи, свистну вон ребятам, враз скрутим, проси тогда убежища в недоразвитых странах.

Федя сплевывает в сердцах, но умолкает. И тут же раздается вой полицейских сирен. Появляется полицейский наряд. Шеренга распадается, возникает всеобщая суматоха. Сцена постепенно пустеет. Сюда из темноты выходит Лева Шацкий.

Лева (*потерянно*). Сколько раз со мной это было, а по-прежнему будто впервые. Все опротивело, свет не мил, жить не хочется, а в голове одна каша из чужих цитат. Говорят, увлечение стимулирует творческую потенцию. Как бы не так! В таком состоянии чужие источники становятся особенно назойливыми, прямо-таки услужливо назойливыми. Вот и сейчас, казалось бы, только и фон-танировать образами, а на ум лезет все то же: «Засыплет снег дороги, завалит скаты крыш. Пойду размять я ноги: за дверью ты стоишь...» Чуть-чуть забрезжит что-то свое, уж тут как тут знакомые строчки. «С порога смотрит человек, не узнавая дома. Ее отъезд был как побег. Везде следы погрома...» Боже, Боже мой, не поэт я, а мешок с цитатами!

Мимо него, пошатываясь, проходит встрепанная и поникшая Вера Скалкина. Заметив Леву, она останавливается и некоторое время слепо и недоуменно смотрит на него.

В е р а (как бы сквозь сон). Я вас знаю... Вы живете в нашем доме... Вы — поэт.

Л е в а (рассеянно). Может быть... Вполне может быть...

В е р а (оживая). Как мало на свете интересных людей! Почему вы все такие скучные? Можно я сяду около вас? Поговорите со мной о чем-нибудь интересном.

Л е в а (равнодушно). Ради Бога, но я плохой собеседник.

В е р а (мечтательно). Уже интересно.

Л е в а (вглядываясь в нее). Смотрите, какая вы... О чем же мне с вами поговорить? Может быть, я читаю вам стихи?

В е р а (в изнеможении закрывая глаза). Стихи! Какой восторг!

Л е в а. Под насыпью, во рву некошеном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая...

В е р а (молитвенно). Красивая и молодая...

Л е в а. Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели.
Молчали желтые и синие,
В зеленых плакали и пели...

В е р а. Плакали и пели...

Л е в а. Два ярких глаза набегающих,
Нежней румянец, круче локон,
Быть может, кто из проезжающих
Посмотрит на нее из окон...

В е р а (как эхо). Посмотрит на нее из окон... Неужели так бывает? Как это интересно!

Л е в а (продолжает с удивлением вглядываться в нее). Вы удивительное существо. Как вас зовут?

В е р а. Вера... Говорите, говорите. (Кладет ему голову на плечо). Боже мой, как хорошо!

Л е в а (гладит ее по волосам). Как мы, в сущности, несчастны.

Рожденные в года глухие,
Пути не помнят своего.

Мы — дети страшных лет, России —
Забить не в силах ничего.
Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.
Есть немота — то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.
И пусть над нашим смертным ложем
Взвывается с криком воронье, —
Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят Царствие Твое!

В е р а (блаженно, сквозь сон). Да узрят Царствие Твое!

Затихают, тесно прижавшись друг к другу. Сбоку, опасливо озираясь, выкатывается Степанида Остаповна.

Степанида Остаповна. Боже ж мий, як перелякалы, десь туточки Михася шукаты, у його сто шляхьв, а у мэнэ видна. (Вдруг увидев выходящего ей навстречу сына.) Михасик!.. Сынку мий... Дэ ж ты заховався? Я тоби шукаю, шукаю... Пидэм до дому, сынку.

Миша (одетый по-дорожному, с типичным русским «сидором» за плечами). Все, мутер, с меня хватит, я тут дерьма нахватался, век блевать — не отблюешься. Греб я эту свободу в гробу и белых тапочках! Заманили, гады, в торбу малолетку, душу я их мотал!

Степанида Остаповна. Так мы ж сами йихалы, сынку, на историчну батькивщину, як батька твий заповедав.

Миша. Не выступай, мутер, я этой херни по колу израилу наслушался до усеру. Фатер наш сам с приветом был и тебе мозги набекрень вывернул. Нужна мне эта историческая родина, как козе гармонь, мне и на до-исторической некисло жилось, там хоть свои не метелили. Тут человек человеку брянский волк, а не кореш, там из-за шалашовок корешам в душу не харкают, там мы их по-братски хором пропускали, и все дела, там Мишу Мехлиса кодла уважала, там даже Михаил Иваныч ко мне со всем почтением, зазря рыло не чистил, а тут каждая рвань тебе права качает, будто я дежурный по

станции. Гори эта сучья свобода синим пламенем, я к ней не нанимался. Домой поеду, родина слышит, родина знает, чистосердечное признание облегчает вину, к новой жизни с чистой совестью, за перевыполнение нормы скостят, а на Молдаванке я, как рыба в воде. Ты жива еще, моя старушка! Русь, моя деревянная Русь!

Огибает мать и спешит в ночь. Степанида Остаповна увязывается за ним.

Степанида Остаповна. Михасик!.. Сынку мий! На кого ж ты ридну маты бросаешь!

Миша (уже из темноты). Оттяну срок на переднем крае пятилетки, выпишу... Не откажут передовику лесоповала, сироте ветеранов войны.

Тьма смыкается за ними.

Лева (очнувшись от оцепенения). Кажется, начинает светать. (Бережно освобождается от соседки.) Скоро утро, Вера, вам пора домой... Если хотите, я вас провожу. (Помогает ей подняться и, взяв ее за руку, уводит со сцены.)

Вера (покорно следуя за ним). Говорите, говорите со мной, это так приятно!

На фоне исподволь светлеющего неба, над церковью начинает присовываться силуэт креста. На ступеньках возникает фигура Рустам с гитарой за спиной. Издалека доносится грохот проходящего поезда.

Рустам. Эх, Давыдов, Давыдов, надо было тебе свалить за кордон, чтобы заторчать на прохожей шалашовке! Кому скажи в Одессе, от смеха укакаются. Сколько их у меня перебивало, таблицы умножения не хватит, а тут, как олень сохатый, всюю потек. Эх, Марта, Марта!

Словно откликаясь на его зов, она выдвигается из-за поворота.

Марта (пьяно). Ты меня звал?

Рустам (бросается к ней, но сдерживает себя).
Опять напилась?

Марта. Меня угостили.

Рустам (обозлясь). С кем была?

Марта. Не знаю, их было много.

Рустам (еще больше свирепея). Наши или фрицы?

Марта. Ваши.

Рустам (почти стонет). Опять с нашими!

Марта. Я с немцами не пью.

Р у с т а м. Сука позорная! (*Бьет ее по лицу.*) Сука...
Сука... Сука...

Марта отступает под его ударами, потом падает, с трудом поднимается на колени и тянется к нему снова.

М а р т а (*удивленно*). Разве ты меня любишь?

Р у с т а м (*обессиленно угасая*). Замутила голову, сука. (*Опускается на ступени.*) Сгинь.

М а р т а (*на коленях же продолжает тянуться к нему*). Зачем тебе немка, ты забыл, сколько зла мы вам принесли?

Р у с т а м (*почти кричит*). Татарин я, понимаешь ты, тварь, татарин, вор с Молдаванки, мне ваши счета до лампочки!

М а р т а (*обхватывает его колени*). Ты не понимаешь, ты ничего не понимаешь, разве такое можно простить, потом ты сам пожалеешь об этом.

Р у с т а м. Совсем чокнутая. (*Ладонь его невольно касается ее волос.*) Забудь об этом, зола все это, зола.

М а р т а (*доверчиво затихая под его рукой*). Что это «зола»?

Р у с т а м. Пыль, значит, ерунда.

М а р т а. Разве ты будешь любить меня?

Р у с т а м. Откуда ты только взялась на мою голову? (*Обнимает ее.*) Ладно, молчи.

М а р т а. Молчу... (*Умолкают.*)

Со стороны сцену эту наблюдает Лева Шацкий.

Л е в а (*убито*).

Странная песня, ей тысяча лет:
Он ее любит, а она его — нет.
Столетия меняются, вьюги метут.
Различными думами люди живут.
Но так же упорно во все времена
Его почему-то не любит она...

Брезжит рассвет.

Явление пятое

Обстановка первого явления. На церковных ступеньках по-прежнему дремлющий М о н я - Красавчик. Сбоку высвечиваются фигуры Русского и Немецкого писателей.

Русский писатель. Вы показали мне победенных, а вот теперь посмотрите на победителей.

Немецкий писатель (*протестующе*). Но это, коллега, нетипичный случай: обыкновенный люмпен, искатель счастья, старый бродяга и антисоциальный элемент. И, наверное, он из этих — новых эмигрантов, то есть — еврей. Народ, коллега, это нечто другое.

Русский писатель. Еврей, русский, татарин, какая разница! Это, независимо от национальной принадлежности, часть того, что вы здесь называете Россией. Во мне, к примеру, тоже много всякого намешано, поляки, евреи, в моем роду, кажется, даже чуваши есть; но от этого я не становлюсь менее русским, чем все, кто приходит к вам оттуда. Каждый из нас несет в себе одно и то же всеразъедающее забвение. Мы вообще не помним, кто мы и откуда взялись, мы растекаемся по земле, как плесень, заражая своим забвением окружающий нас мир, поэтому все наши победы неизменно оборачиваются для нас очередным поражением, которое мы пытаемся утопить в вине или злобе на всех и на вся, кроме самих себя. Если нам и суждено преобразить мир, то лишь по своему облику и подобию, а это конец всему. То, чего вы опасаетесь, мой друг, детские забавы по сравнению с тем, что идет к вам оттуда.

Немецкий писатель (*недоверчиво*). Ваши апокалиптические пророчества, коллега, это типично русское, но какую, право, опасность для нашей цивилизации представляет хотя бы вот этот несчастный пьяница?

Русский писатель. Попытаюсь вам продемонстрировать, мой друг. (*Подходит к Моне, касается его плеча.*) Здорово, мужик, похмелиться хочешь?

М о н я (*поднимает на него ословелый взгляд*). Ну.

Русский писатель (*вынимает из кармана и подает ему флакон со спиртным*). На твое счастье с собой прихватил.

М о н я (*припадая к горлышку*). Эх!.. Сразу видно, импортная... Не по нашим доходам... Чайкой пролетела.

Русский писатель. Откуда сам-то?

Моня (*подозрительно*). Допрос снимаешь?

Русский писатель. Интересно, может, земляки.

Моня. У меня земляков, как клопов — по всей России.

Русский писатель (*примирительно*). Сам я — москвич.

Моня. Там я тоже отметил. На пересылке.

Русский писатель. А как сюда попал?

Моня. С перепуга.

Русский писатель. Домой не тянет?

Моня. Это в зону, что ли?

Русский писатель. Родина все-таки.

Моня. Агитируешь?

Русский писатель. Спрашиваю.

Моня (*входя в раж*). Спрашиваешь — отвечаю. Ты еще, бля, под себя мочился, когда Моня-Красавчик уже загибался по магаданским шурфам без права переписки, ты еще ириски хавал, бля, когда Моню-Красавчика норильская вохра в кандеях примаривала, ты еще в красной тряпочке красовался, когда Моня, бля, со штрафными ротами на пулеметы ходил. (*Вскакивает, кричит иступленно.*) «За родину, бля, за Сталина, бля, в рот их мотать!» (*Так же внезапно сникает, садится.*) Родина, бля. Где кайф, там и родина.

Русский писатель. Значит, за кайфом поехал?

Моня (*с вызовом*). Переводили нас фрицы на удобрения? Переводили. Пускай теперь корячатся за меня, мне много не надо, не обеднеют. Загнали мы им в сорок пятом шершавого в задний проход, пускай теперь подмахивают, трепыхаться начнут — хуже будет. Мы им эти ихние пиянины на дрова пустим, а гретхен ихних всех хором, бля! (*Остервенело сплевывает, от его плевок что-то с металлическим звуком скатывается по ступенькам, он начинает шамкать.*) Надо ше, бля! (*На коленях шарит вокруг себя.*) Где ее теперь ишкать? Шетьре шотни врашу отшлюнявил, бля. (*Облегченно вздыхает.*) Вот она, бля! (*Вытерев о рукав рубахи, вставляет утерянную было челюсть на место.*) Качумай, Моня! (*Садится, засыпает.*)

Русский писатель. Вот и все, мой друг, и не надо строить иллюзий. Как видите, иногда побежденные оказываются счастливее своих победителей.

Немецкий писатель. В чем же, коллега?

Русский писатель. В том, что вы можете открыто поставить диагноз своей болезни, а это уже путь к выздоровлению, мы же о своей вынуждены молчать, а значит, загонять ее внутрь и тем самым становимся все опаснее для самих себя и всех других.

Немецкий писатель. Но такой могучий организм, как Россия, я уверен, сам способен выработать для себя спасительный иммунитет.

Русский писатель. Организма уже нет, мой дорогой друг, есть одна сплошная раковая опухоль.

Немецкий писатель. Каков же выход, коллега?

Русский писатель. Я остаюсь здесь.

Немецкий писатель (*ошарашенно*). Зачем, коллега?

Русский писатель. Чтобы попытаться поставить диагноз.

Немецкий писатель. Но вы задохнетесь здесь, коллега, не успев даже начать.

Русский писатель. Я предпочитаю погибнуть с вами, чем победить с ними, мне не по силам такая победа.

Немецкий писатель (*сухо*). Вы делаете ошибку, коллега.

Русский писатель. Утешаюсь тем, что она во всяком случае будет последней в моей жизни.

Исчезают.

Яков Рувимыч Гутник ведет мимо церкви юную брюнетку.

Гутник (*бережно поддерживая девушку под локоток*). Вы знаете, в смерти Надежды Аллилуевой осталось много загадочного. Я работал тогда в секретариате Куйбышева, тревожное это было время, дружочек, героическое время.

Девушка (*равнодушно*). Ну и что?

Гутник (*несколько смугливись*). Знаете, дружочек, мы — ленинская гвардия партии — буквально горели тогда на работе, поэтому те дни с такой отчетливостью запечатлелись в моей памяти.

Девушка (*деловито*). Ты мне, папашка, зубы не заговаривай, хочешь иметь удовольствие, гони монету.

Г у т н и к (*оскорбленно пожав плечами*). Я понимаю, современной молодежи чужды наши идеалы. (*Вынимает из бокового кармана пиджака довольно увесистую пачку денег, отсчитывает несколько купюр.*) Вы все строите на голом материализме, верно говорит наш великий Солженицын: кругом бездуховность, во всем бездуховность.

Д е в у ш к а (*пересчитывает деньги*). Вот это другой разговор, а то травит баланду, уши вянут. Пошли, папашка.

Уходят.

Р у с т а м (*приходя в себя, мечтательно*). Свалить бы отсюда нам с тобой, Марта.

М а р т а. Что это — «свалить»?

Р у с т а м. Уехать, значит.

М а р т а. Давай уедем.

Р у с т а м. Кодла не пустит.

М а р т а. Что это — «кодла»?

Р у с т а м. Кореша, значит.

М а р т а. Что это — «кореша»?

Р у с т а м. Ну, приятели. Да и башлей нет.

М а р т а. Что это — «башли»?

Р у с т а м. Деньги, Марта, деньги.

М а р т а. У меня есть.

Р у с т а м. На твои не хочу.

М а р т а (*решительно поднимаясь*). Подожди меня здесь, я скоро вернусь.

Р у с т а м. Не дури, Марта, без пользы. Сказал: на твои не могу, значит, не могу.

М а р т а (*скрываясь в ночи*). Подожди... (*Уходит.*)

Появляется Л е в а Ш а ц к и й.

Л е в а. Куда бы я ни пошел, везде она!

Р у с т а м. А, это ты, писатель?

Л е в а. Не писатель, скорее — персонаж.

Р у с т а м. Не прибедняйся, знаем.

Л е в а. Я никогда не печатался.

Р у с т а м. А говорят.

Л е в а. Увы, напрасно.

Р у с т а м. Эх, был бы я писателем, я бы такого сочинил, что все бы только уши развесили. Мне и сочинять не надо, у меня своя жизнь — сплошной роман, век писать — все не напишешь.

Л е в а. Вот бы и попробовали.

Р у с т а м. Чего я там сочиню с моими двумя клас-сами! Я что по-русски, что по-татарски ни бе, ни ме.

Л е в а. В литературе было много самоучек. Горький, например.

Р у с т а м. Это что, который про сокола со змеем сочинил?

Л е в а. Не только.

Р у с т а м. Мне не одолеть, тут талант нужен, а у меня талант — замки курочить и фраеров на гоп-стоп брать. Я лучше тебе расскажу, а ты опиши, большие башли зарабатываешь.

Л е в а. Где мне про чужое, мне бы про свое суметь.

Р у с т а м. Знал бы ты мою жизнь, писатель, не то сказал бы. Меня еще пацаном воры на казанском бану подобрали, я тогда из дома рванул. С тех пор и понесла меня судьба по кочкам от тюрьмы до тюрьмы, от зоны до зоны, только пятки сверкали. Сколько раз завязать хотел! Охерела мне эта воровская гульба до блевоты, только разве мусора дадут вору отдышаться? Сунешься за пропиской: иди, говорят, устройся на работу, потом приходи, а придешь в отдел кадров, там обратно посылают: пропишись, говорят, оформим. Походишь, походишь по кабинетам, да и плюнешь: гори оно все синим пламенем! И по новой в разгул. Сюда валил, думал, уж тут завяжу, свобода же! Да куда там: по-ихнему ни гу-гу, кто мне работу даст, а кодла уже тут как тут: заворачивай по-старому. Вот и заворачиваю. *(Снимает с плеча гитару, принимается тихонько наигрывать.)* Теперь бы мне самый раз завязать, и есть с кем, да куда я денусь без башлей, без специальности. *(Напевает.)*

Чтоб красивых любить, надо деньги иметь,

Я задумался крепко над этим.

И решил я тогда день и ночь воровать,

Чтоб ходить поприличней одетым.

День и ночь воровал, как красотку, одел,

Бросал деньги налево-направо.

И, конечно, тогда я опять погорел

И на том началась моя драма...

Л е в а *(с печальной уверенностью)*. Марта спасет вас.

Р у с т а м *(подозрительно)*. Ты ее знаешь?

Л е в а (*опуская голову*). Мне было бы лучше, если бы я ее не знал.

Р у с т а м (*темнея*). Выходит, у тебя глаз на нее? Л е в а. К сожалению, ей это не нужно.

Р у с т а м (*угрожающе поднимается*). Знаю я вас, говорков образованных, вам бабе мозги запудрить стишками своими — раз плюнуть. Только мы таких говорков сшибали хером с бугорков, ишь ты какой ушлый! (*Надвигается на него.*) Только на ушлую задницу кол с винтом. Только подкатись к ней, я из тебя такого клоуна сделаю, родная мать не узнает!

Л е в а (*безропотно отступает*). Вы меня неправильно поняли, я совсем не то хотел сказать, я желаю вам с Мартой всего самого лучшего.

Р у с т а м. Беги отсюда, козел, глаза мои чтоб тебя не видели, а то я за себя не отвечаю.

Л е в а (*отступая в темноту*). Успокойтесь, успокойтесь ради Бога, я даю вам честное слово... Зачем вы так? (*Исчезает.*)

Р у с т а м (*остывая, к Моне*). Видал, Моня, шустряка, уже бабу мою клеит?

М о н я (*откликается сразу, будто и не спал вовсе*). Ну.

Р у с т а м. Валить отсюда надо, пока не поздно, за просто заарканят бабу говорки эти занюханые.

М о н я. Ну.

Р у с т а м. Ну, ну, хером гну, на какие шиши свалишь, у меня в кармане вошь на аркане.

М о н я (*с трезвой осмысленностью*). Спроси у Мони.

Р у с т а м. Чем порадуешь?

М о н я. Ты этого чмура партийного из третьего подьезда знаешь?

Р у с т а м. Это что по малолеткам?

М о н я. Ну.

Р у с т а м. Чего с него взять, одна морока.

М о н я. Не скажи, он тут одну клеил, при мне башли слюнявил, у него там башлей этих, если на глаз, кусков пять будет.

Р у с т а м. Откуда они у него, от сырости?

М о н я. Простяк ты, Рустамчик. Чмур этот у них тут в войну нашим шпионом работал.

Р у с т а м. Когда это было, Моня, что он, клад, что ли, тут зарыл?

М о н я. Опять же простяк ты, Рустамчик. Фрицы́ эти смурные ему за это наваристый куш отвалили и еще пенсию, как жертве войны. Козлы мы с тобой, Рустамчик, нам в Одессе не воровать надо было, а в гебухе служить, фрицы́ б нас тогда озолотили.

Р у с т а м *(уже деловито)*. Не меньше пяти кусков, говоришь?

М о н я. Ну.

Р у с т а м *(закидывает гитару за спину)*. Навар за мной, Моня. *(Подается прочь.)* Бывай...

М о н я. Ни пуха, ни пера. *(Прикладывается к дареному флакону, вытягивает содержимое до дна, отбрасывает пустую посудину в темноту.)* Ну.

Явление шестое

Обстановка первого явления. Заметно светает. Крест над церковью становится все отчетливее. М о н я - К р а с а в ч и к дремлет на ступенях все в той же позе. Молчаливый у б о р щ и к метет тротуар. На сцену с двух противоположных сторон выходят Ф е д я и В а с я с яркими плакатами на груди. На одном из них написано: «Горбачев, отпусти народ мой!», на другом: «Руки прочь от Афганистана!»

Ф е д я. У кого подрядился, Вася?

В а с я. А кто их знает, пятьдесят рупий отслонявили.

Ф е д я. Везет тебе, Вася, я за четвертак корячусь.

В а с я. Скажи и за это спасибо, вас — эмигрантов — здесь как собак нерезанных, вы у нас — немцев — только заработок перебиваете. Ноги у вас за это из задницы повыдергивать бы надо. Дай срок, доберемся мы до вашего брата.

Ф е д я. Вася, ты совсем офонарел, мы же с тобой вместе в полиции убежища просили.

В а с я. Для меня это переходный период, я — фольксдойч, у меня все права на гражданство.

Ф е д я. Заткнись, Вася.

В а с я. Мне чужого не надо, я по закону, положено — отдай. Вот оформлюсь, родню сразу из колхоза вызову, у нас, считай, полдеревни фольксдойчи.

Ф е д я. Хватит, Вася, не задавайся, у меня, может, тоже...

В а с я *(встревоженно)*. Что еще «тоже»?

Ф е д я. У меня мать в сорок шестом вместе с плен-

ными немцами на стройке на Бутырском хуторе работала, а сам я — с сорок седьмого, понял?

В а с я (с подозрением). Брось. (Вдруг что-то сообразив.) Федя, друг, так выходит, мы с тобой земляки!

Ф е д я (серьезно). Германия, Вася, превыше всего.

В а с я (запевает). «Германия, Германия...»

Федя подхватывает, и они, обнявшись, уходят. Сразу же невдалеке раздаются крики погони, топот ног, выстрелы. Мимо церкви с криком «Атас!» пробегает Рустам. Следом за ним полицейские: «Хальт!»
За сценой снова слышатся выстрелы.

М о н я (очнувшись). Ну.

Показывается обескураженный Лева Шацкий.

Л е в а (машинально).

Я пропал, как зверь в загоне,
Где-то воля, люди, смех,
А за мною шум погони,
Мне наружу ходу нет...

М о н я (встрепенувшись, поворачивается к нему). Ты чего?

Л е в а. Я — ничего. А вы?

М о н я (хрипло). Душа горит.

Л е в а. У меня тоже.

М о н я. А где взять?

Л е в а. Что вы хотите взять?

М о н я. Что дадут, хоть тормозной жидкости, голова гудит, хоть отрежь.

Л е в а. Вы хотите выпить?

М о н я. Ишь ты, сообразительный.

Л е в а. Я принесу.

М о н я. Век не забуду, кореш, за Монею не останется.

Л е в а. Не уходите только.

М о н я. Я тут живу.

Лева спешит в рассветные сумерки. С противоположной стороны появляется Степанида Остаповна.

Степанида Остаповна (потерянно). Уихав... Чого з йим будэ тамочки?.. Сынку, сынку, не пожалував ридной маты!

М о н я. Закройся, тетка, без тебя тошно.

Степанида Остаповна. Якы злыдни люды... У мене горе, дитя втратыла, а вин лається... Бог тоби

судья, чоловик добрый... (Проходит мимо и обессиленно опускается на другом конце лестницы.)

Появляется Лева Шацкий с бутылкой в руках. Он заметно взволнован.

Лева (протягивает Моне бутылку). Вот все, что нашел.

Моня (откупоривает ее, прикладывается, постепенно оживает). Не знаешь, чего мусорня немецкая шухер подняла?

Лева. Случилось несчастье.

Моня. Чего еще?

Лева (через силу). Друга вашего застрелили.

Моня. Сорвался, значит, у него чмур этот?

Лева. Он тоже убит.

Моня. Плохая работа.

Лева. Ваш друг не хотел.

Моня (жестко). Не умеешь — не берись: у вора, как у сапера, — шаг в сторону, и чехты. (Раскручивает бутылку.) Тогда за упокой! (Поднимается и прикивает к горлышку, допив, размахивает бутылкой над головой.) За родину, бля, за Сталина, в рот бы я их мотал! Ура-а-а! (Неожиданно замирает в этой позе и, будто подкошенный, валится на церковные ступени.)

Лева (бросается к нему). Что с вами? (Хватает его за руки и тут же опускает их.) Уже не дышит. (Закрывает ему глаза.) Конец.

Степанида Осиповна осеняет себя крестным знамением. Около церкви появляется Марта. Она внимательно оглядывается вокруг. Замечает Леву.

Марта. Вы давно здесь?

Лева. Извините, я случайно...

Марта. Вы видели его? Куда он ушел?

Лева (подавленно). Простите... Его больше нет.

Марта. Как это — «нет»?

Лева (еще подавленнее). Совсем нет.

Марта. Не понимаю.

Лева. Его убили.

Марта. Зачем вы это говорите?

Лева. К сожалению, это так.

Марта. Кто?

Лева. Полиция.

Марта (словно вдруг преображается в лагерную

надзирательницу прежних времен). Это ты... Это сделал ты... Ты ненавидел его...

Л е в а. Успокойтесь, Марта... Вы сейчас не отдаете себе отчета... Сядьте, я вам все расскажу.

М а р т а. Я знаю. Это ты... Ты!.. Ты!..

Л е в а. Марта, подумайте, что вы говорите!

М а р т а (*вдруг выхватывает из-под куртки револьвер*). Я знала, я видела тебя, давно видела... Ненавижу! (*Стреляет.*) Ненавижу! (*Расстреливает в него всю обойму.*)

Лева сползает к ее ногам. Она перешагивает через него и, пьяно пошатываясь, уходит в наступающий рассвет. Степанида Остаповна встает, подходит к Леве, садится около него, кладет его голову к себе на колени.

С т е п а н и д а О с т а п о в н а (*тихонько напевая, баюкает его*). «Баю-баю, коткы два. Силы вилы обыдва. Шо вы вилы хочетэ? Шо мою дытыну мучиты? Не будыть, не рушить, хай дытына тыхо спыть...»

Идет занавес. Перед занавесом Русский писатель.

Русский писатель.

Рвусь из сил, из всех сухожилий,
Но сегодня опять, как вчера,
Обложили меня, обложили,
Гонят весело на номера.

Из-за ели хлопочут двустволки,
Там охотники прячутся в тень.
На снегу кувыркаются волки,
Превратившись в живую мишень.

Идет охота на волков, идет охота
На серых хищников, матерых и щенков.
Кричат загонщики и лают псы до рвоты,
Кровь на снегу и пятна красные флажков.

Не на равных играют с волками
Егеря. Но не дрогнет рука.
Оградив нам свободу флажками,
Бьют уверенно, наверняка.

Волк не может нарушить традиций.
Видно, в детстве — слепые щенки —

Вы, волчата, сосали волчицу
И всосали: «Нельзя за флажки».

Наши ноги и челюсти быстры.
Почему же, вожак, — дай ответ —
Мы затравленно мчимся на выстрел
И не пробуем — через запрет?

Волк не может, не должен иначе.
Вот кончается время мое.
Тот, которому я предназначен,
Улыбнулся и поднял ружье.

Я из повиновения вышел —
За флажки, жажда жизни сильней.
Только сзади я радостно слышал
Удивленные крики людей.

Рвусь из сил и из всех сухожилий,
Но сегодня не так, как вчера.
Обложили меня, обложили, —
Но остались ни с чем егеря.

Последние строчки покрывает оглушительный вой сирен воздушной тревоги.

К о н е ц

ТАМ ВДАЛИ ЗА РЕКОЙ

Сцены из эмигрантской жизни
в двух актах, четырех явлениях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Петр Говоруха }
Юрий Отрок } сводные братья.

Отец Отрока и отчим Говорухи.
Марианна, дочь Петра Говорухи.
Варфоломей Ананасов.
Шалва Хамелидзе, его отец.
Лариса, подруга Петра Говорухи.

Примечание: все женские роли может играть одна актриса, а один актер две мужские: Юрия Отрока и Шалвы Хамелидзе.

АКТ ПЕРВЫЙ

Явление первое

Захламленный дворик на окраине Парижа. Справа застекленная терраса беспорядочного строения. От калитки к террасе тянется нечто похожее на заросший чертополохом цветник, посреди которого облезлый садовый стол с четырьмя того же сорта стульями. На веревке, протянутой вдоль дворика, развешано разномастное тряпье. Над всем этим, во всю сцену возвышается глухая стена соседнего дома. По ней наискосок тянется размашистое граффити по-русски: «Жизнь коротка и обосрана, как детская рубашка!» Откуда-то из глубины строения доносится утесовский голос: «Ночь коротка, спят облака и лежит у меня на ладони незнакомая ваша рука...» Медленно, с протяжным скрипом открывается калитка. Сначала во дворике появляется с трудом вдвигаемый чемодан, а за ним входит Марианна. Войдя, она в изнеможении опускается на чемодан, оглядывается.

Марианна. Париж, е-моё... Будто и не уезжала. Писал, у него ателье, а здесь как в Марьиной роще...

(Прислушивается.) И музыка соответственная, в стиле «алкашный кайф». *(Встает, с трудом волоча за собой чемодан, пересекает дворик, заглядывает в распахнутую настежь дверь террасы.)* А-у, живой кто-нибудь есть?.. А-у!

На покато́й крыше строения бесшумно поднимается фрамуга чердачного окошка. В его проем высовывается голый до пояса Варфоломей с оркестровой трубой в руках.

Варфоломей *(прижимает трубу к губам, издает протяжный звук)*. Ку-ку, мадам.

Марианна *(несколько отступает в глубь дворика, отыскивая взглядом, откуда исходит голос и звук)*. Я спрашиваю, есть кто живой?

Варфоломей. Как видите.

Марианна. Здравствуйте. Мне Петра Алексеевича Говоруху. Я его дочь Марианна, из Москвы. Он дома?

Варфоломей. Отчасти.

Марианна. В каком смысле?

Варфоломей. В самом натуральном.

Марианна. А если без шуток?

Варфоломей. Какие шутки, мадам!

Марианна. И все же?

Варфоломей. Он в турне.

Марианна. Надолго?

Варфоломей *(помявшись)*. Зависит.

Марианна. А если точнее?

Варфоломей. Игра судьбы.

Марианна. А еще точнее?

Варфоломей. У него цикл лекций по двум Америкам и Канаде, включая Фольклендские острова, не исключено, завернет и на Бермудский треугольник.

Марианна. О чем?

Варфоломей. Что «о чем»?

Марианна. Лекции.

Варфоломей. О доблестях, о подвигах, о славе.

Марианна *(устало опускается на садовый стул)*.

Так и будете дурачиться? Хотя бы поздоровались с дамой.

Варфоломей. Здравствуйте, мадам.

Марианна. Предпочитаете разговаривать сверху вниз?

Варфоломей. Я в неглиже.

Марианна. Вам что, надеть нечего?

Варфоломей. Для джоггинга, увы, я припозднился, а для смокинга слишком рано.

Марианна. Спускайтесь в чем есть, я переживу.

Варфоломей. Надеюсь на вашу скромность, мадам. *(Скрывается.)*

Марианна. Что ж, Марианна Петровна, сбьлась ваша голубая мечта, вы в Париже. Как говорится, пустили Дуню в Европу, а дальше что? Где праздник, который всегда с тобой, где отец с цветами на перроне, где светский раут в честь дорогой гостьи? По письмам, так у него здесь чуть не загородный дворец с челядью, а выходит, гнилой сарай с голым остряком в придачу. Стоило ради этого тащиться в такую даль!

После короткой паузы утесовский баритон сменяется голосом Шульженко: «Синенький скромный платочек падал с опущенных плеч...» На пороге террасы появляется Варфоломей. Он в офицерской шинели без погон, надетой прямо на голое тело, и в заломленной набекрень офицерской фуражке. В руках у него бутылка и два стакана. Весь последующий разговор происходит в сопровождении шлагеров сталинских времен.

Варфоломей *(ставит посуду на стол)*. Надеюсь, мадам, бокал бургундского вас несколько взбодрит. *(Разливает по стаканам.)* Чин-чин, как говорят здешние бурмане, или, по-нашему, «со свиданьицем».

Марианна *(чокается с ним, пьет и тут же закашливается)*. Боже мой, что это?

Варфоломей *(равнодушно)*. В переводе на русский — подло-выгодное или, если откровеннее, французская бормотуха.

Марианна. Какая гадость.

Варфоломей. Зато дешево, двенадцать франчей литровый пузырек. К сожалению, мадам, в наших подвалах ничего лучшего мы не держим. Из принципа. Мы патриоты.

Марианна. Отец писал, что у него ателье в одном из престижных пригородов Парижа.

Варфоломей. Я тоже так считаю.

Марианна. Сюда даже таксисты отказывались ехать, еле уговорила.

Варфоломей. Мещанский снобизм.

Марианна. Но почему именно здесь? В этой трущобе? Неужели нельзя было найти что-нибудь попристойнее?

Варфоломей. Тоже из принципа. Ваш отец не-

исправимый романтик. Знаете, двадцатые годы, Ренэ Клер, «Набережная туманов», это у него в крови. Как всякий вполне состоятельный человек, он может позволить себе роскошь выглядеть бедняком.

Марианна. И чем же он все-таки занимается?

Варфоломей. Я же вам сказал, мадам, разговорный жанр: разносторонний конференс, непринужденные шутки, обзор мировых событий, конфиденциальные встречи на высшем уровне, советы молодым хозяйкам.

Марианна. Не надоело?

Варфоломей. Давно и все.

Марианна. Тогда, может быть, поговорим всерьез?

Варфоломей (*задумчиво*). А зачем?

Марианна (*кивает на его одеяние*). Что это за маскарад?

Варфоломей. Это не маскарад, мадам, это — стиль.

Марианна. Так и ходите по Парижу?

Варфоломей. Пусть привыкают.

Марианна (*кивает в сторону террасы*). И музыкальное сопровождение?

Варфоломей. Вы угадали.

Марианна. Тоска по родине?

Варфоломей. По великой эпохе.

Марианна. Вы это серьезно?

Варфоломей. Более чем.

Марианна. Это после всего, что было?

Варфоломей (*отмахиваясь*). Только не рассказывайте мне, мадам, про лагеря и прочее, меня от этой политграмоты наизнанку давно тошнит. Величие не живет по законам морали, у него иные критерии. А вот от нашей с вами не только песен со сказками, анекдотов — и тех не останется. (*Разливает по стаканам.*) За что выпьем, мадам?

Марианна. Нет уж, продолжайте в одиночку.

Варфоломей. Я не алкаш, в одиночку не пью.

Марианна. Тем лучше. Потому что у меня к вам несколько неотложных вопросов: где я буду жить, как я буду жить, на что я буду жить. Отец писал...

Варфоломей. Мадам, Говоруха человек слова: жить вы будете здесь, как вам заблагорассудится, на жизнь вам оставлено, не то чтобы состояние, но по миру не пойдете, на хлеб с бормотухой хватит.

Марианна (*кивает на чемодан*). Правда, я на всякий случай кое-что с собой привезла. На черный день пригодится.

Варфоломей. Других дней я вам не обещаю, мадам. (*Встает, с усилием поднимает чемодан.*) Что это там у вас?

Марианна (*смущенно*). Мелочь разная, сувениры.

Варфоломей. В слитках?

Марианна. Хохлома, гжель, немного палеха.

Варфоломей. Господи, мадам, неужели вы всерьез полагаете, что Европа спит и видит застаться редкостями нашего народного творчества? Раздарите лучше этот хлам друзьям и знакомым.

Марианна. У меня здесь никого, кроме отца. Не только друзей, но даже случайных знакомых.

Варфоломей. Ну, это дело наживное, было бы желание, хотя, честно признаться, удовольствие ниже среднего.

Марианна. Так и живете?

Варфоломей. Так и живем. (*Наливает себе.*) Я все-таки выпью с вашего позволения, мадам. (*Пьет.*) Так и живем, если это вообще можно назвать жизнью. По-моему, это, скорее, времяпрепровождение в стереокино: все вокруг тебя, а ни за что не ухватишься. Вот и гоняемся за призраками: кто за славой, кто за деньгами, кто за смыслом жизни, тут уж не до кого и не до чего. Мы дети великой смуты, мадам, сорвались с места, как перекаати, и разносим эту смуту вместе с собой по всей земле, во все пределы.

Марианна. Обвалилась страна, вот и бегут.

Варфоломей. Не страна обвалилась, душа в нас обвалилась, мадам, таскаем брэнную плоть по свету, а за чем — сами не знаем. (*Пьет.*) Не выношу!

Марианна. Кого же?

Варфоломей. Всех и себя в том числе.

Марианна. Этим долго не проживешь.

Варфоломей. Яи не стараюсь.

Марианна. Что, и отец так же?

Варфоломей. Говоруха? (*Наливает, пьет, поднимается, говорит в пространство перед собой.*) Говоруха не из другого племени, из другого измерения. Как сказал один вполне приличный поэт, его умишком не понять, аршином общим не измерить. Он просто не нашего рода, а

еще проще — инопланетянин. Я бы не удивился, если бы он вдруг исчез ни с того ни с сего, вернее, воспарил от нас.

Марианна. По-моему, это уже слишком. Правда, когда он уехал, я была от горшка два вершка, но все же немного помню его, человек как человек, ни хуже ни лучше других.

Варфоломей (*печально*). Значит, вы знаете совсем другого Говоруху.

Марианна. Вот и расскажите мне о нем.

Варфоломей (*еще печальнее*). Если бы я мог!

Марианна. Попробуйте.

Варфоломей. О чем же мне рассказать вам?

Марианна. Хотя бы о том, как он жил здесь все эти годы?

Варфоломей. Как больная птица.

Марианна (*требовательно*). И все же?

Варфоломей (*закрывает лицо руками*). Как он здесь жил?..

Вокруг них сгущается темнота. Свет вспыхивает теперь внутри террасы, стены которой раздвигаются в стороны. За столом, уставленным случайной снедью и бутылками, друг против друга сидят Говоруха и
Отрок.

Говоруха. Ты спрашиваешь, как я жил здесь все эти годы? Честно говоря, как в тайге: чем дальше, тем страшнее.

Отрок. Занимаешься чем-нибудь?

Говоруха. Пью. Читаю. Думаю.

Отрок. Этим можно жить?

Говоруха. Свет не без добрых людей.

Отрок. Не обрыдло?

Говоруха. Можешь предложить другую планету?

Отрок. Я говорил о тебе в посольстве, за тобою грехов не числится, мог бы вернуться.

Говоруха. Зачем?

Отрок. Пить. Читать. Думать.

Говоруха. Овчинка выделки не стоит, этим я могу с таким же успехом заниматься и здесь. Если бы я от советской власти бежал, тогда другое дело. Но для меня, Юра, любая власть от Бога, одна чуть лучше, другая чуть хуже, а суть та же самая. Я бежал от тоски, а она меня и здесь нагнала. Не за чем, оказывается, и бежать было.

От самого себя, видно, не убежишь. Как говорится, все свое ношу с собой.

Отрок. С кем-нибудь водишься? Бываешь где? У нас с тобой, по-моему, тут и родственников полно.

Говоруха. С кем тут видется? Родственников не ищу, не интересно. А в остальном — диссидентская шпана вперемежку с комплексующими неудачниками. Два-три исключения, да и те заняты больше своим делом, им не до междусобойчиков. Был тут один мальчик, в шестьдесят восьмом на Красную площадь вышел, сначала сколько-то там оттянул, а потом сюда подался, не сопляжникам своим чета, голубиная душа, до конца не просыхал, привязался ко мне, вместе пили, тосковали вместе. Признался мне как-то, будто всей-то жизни его и было, что те две минуты на этой вонючей площади, будь она неладна. Однажды просто не проснулся. Хорошая смерть, мне бы такую. Теперь еще один прибился, тоже неприкаянный, может, приживется.

Отрок. Ты всегда жил химерами, старик, оттого и не находишь себе на земле места.

Говоруха. Зато ты нашел и, может быть, даже мое.

Отрок. Как прикажешь понимать?

Говоруха. А вот так и понимай, братец мой сводный, так и понимай. У нас одна мать, мы выросли под одной крышей, на набережной. У нас было общее детство. Только все остальное почему-то разное. Когда отчим мотанул в Грецию из своих посольских апартаментов и вынырнул за океаном, я оказался на улице, а ты в Московском университете. Потом я годами таскался по колониям и пересылкам, а ты делал комсомольскую карьеру и пописывал конформистские повестушки, за что даже схлопотал Сталинскую премию. После этого я мыкался по провинциальным газетенкам, а тебя вознесло в литературные боссы. Не вибрируй, не вибрируй, братан, я добра не забываю, ты и вправду сделал мне московскую прописку и даже поспособствовал в столице на первых порах, только случилось это уже в травоядные времена, когда это тебе ничем не грозило.

Отрок (*возмущенно поднимается*). Послушай...

Говоруха. Нет уж, браток, я тебя давно наслушался, теперь ты меня послушай, а то, может быть, больше и говорить не придется. Ты вот в Париж, как к себе до-

мой ездешь, а для меня даже Монголия была за семью овиловскими печатями.

Отрок. Когда это было!

Говоруха. Ну да, ну да, нынче же у вас свобода, разгул гласности, демократия без берегов. Только на коне опять ты и тебе подобные. Такие, как ты, всегда наверху, а такие, как я, снова у разбитого корыта. Теперь ты сочинишь душещипательные поделки о комиссарах в пыльных шлемах.

Отрок. Подумай, что ты говоришь, это была трагедия целого поколения!

Говоруха. Трагедия! Это был кровавый фарс. (Горько.) Впрочем, с обеих сторон. Неужели собственная история нас так ничему и не научила! Опять вы толкаете страну в ту же ловушку. Вас хлебом не корми, дай только лишний раз перед толпой покрасоваться. А тебе не приходило в голову, что вы еще хуже прежних окажетесь? Те хотя бы наелись уже, нахапались, а вас накормить — легче похоронить, и алчность вашу век не насытишь

Отрок. Мы хотим народу глаза открыть.

Говоруха. Да он их и не закрывал никогда, оставьте вы его наконец в покое от ваших благодеяний, он как-нибудь сам, без вашей помощи разберется, что ему нужно. Все-то русским болтунам нейдет народ осчастливить, занялись бы лучше чем-нибудь полезным.

Отрок. Ты хочешь сказать, что я даром ем свой хлеб?

Говоруха. Не даром, а в долг под проценты, которых уже никогда не сможешь уплатить. И если бы ты один! Сколько вас, куда вас гонят?

Отрок. Ты решил меня оскорбить, но это выше твоих возможностей. Ты шлялся по свету и осел наконец здесь не по моей вине, ты сам этого хотел. Я всю жизнь работал как вол, учился, писал, мучился, на мне живого места нет от номенклатурных шавок. Да, я лавировал до поры, с моей биографией мне в те времена надо было выжить, но ни в чьей беде, ни в чьей крови я не повинен!

Говоруха. Еще как! Под розовые бакий твои и таких, как ты, людей превращали в крепостную нелюдь, ставили к стенке и гнали в лагерь.

Отрок. Один ты без греха? Посмотри на себя в зеркало.

Говоруха. Тем-то я и отличаюсь от тебя и тебе подобных, что всегда помню об этом и не лезу в жертвы режима, в мученики и в отцы русской демократии. У меня хорошая память, дорогой, а хорошая память, разумеется, при наличии хотя бы остатков совести — безупречный палач.

Отрок. Конечно, я карьерист, конформист, а ты Святой Себастьян на российский манер. Увы, дорогой, ты просто заурядный неудачник. Ты никогда ничего не доводил до конца, за что бы ни принимался, — журналистику, литературу, живопись, ты все бросал на полдороге, потому что не хватало ни силы воли, ни таланта. Оттого ты и злобствуешь теперь.

Говоруха. Чтобы злобствовать, надо быть очень честолюбивым, а я давно излечился от этого. Я жалею тебя и всех вас жалею, тяжело вам будет умирать. Если же говорить обо мне, то моя удача в том, что я выбрался из вашего гнусного болота, иначе оно засосало бы меня вместе с вами. На это у меня силы воли хватило. И дай вам Бог любимым быть другим.

Отрок (*с горечью*). Это называется встретились — поговорили.

Говоруха. Я тебя не звал.

Отрок. Зачем же согласился встретиться со мной?

Говоруха. Ты этого хотел...

Отрок. Ради тебя.

Говоруха. Так сказать, в пушкинских традициях: милость к падшим! Только ты ошибся адресом, здесь такие не проживают. Лучше помоги себе.

Отрок (*тихо*). У меня, кроме тебя, никого не осталось.

Говоруха (*примирительно*). Ладно, хватит. Давай лучше выпьем, брательник.

Отрок. Чего нам теперь делить, жизнь-то уже на излет пошла, Петро, пора на тот свет собираться.

Говоруха (*разливает по стаканам*). Не спеши, брательник, не спеши, глядишь, еще напоследок настоящий голосок прорежется.

Отрок (*пьет, придвигается к нему, обнимает*). Помнишь, в юности, нашу любимую? (*Запевает*). «Там вдали за рекой зажигались огни, за рекою заря догорала. Сотня

юных бойцов из буденновских войск на разведку в поля поскакала...»

Два голоса сливаются в один, переплетаясь друг с другом. В наступающей темноте высвечены только лица поющих. За сценой, подхватывая песню, возникает набирающий силу хор, пока не заполняет окружающее пространство.

Явление второе

Обстановка первого явления. Слепящий солнечный день. Марианна в джинсах и майке возится в дворовом цветнике, пытается привести его в порядок. С террасы доносится стук пишущей машинки. Распахивается калитка. Появляется Бесо, несмотря на жару в костюме и при галстуке. Стремительно пересекает двор. Замечает Марианну, задерживается около нее.

Бесо (*учтиво*). Мадам.

Марианна (*разгибаясь*). Здравствуйте.

Бесо. С вашего позволения, Бесо Хамелидзе. Если хотите, просто Василий, Вася. А вы?

Марианна. А я Марианна Говоруха, дочь Петра Алексеевича. Только вчера из Москвы.

Бесо. Хороший город.

Марианна. Жить можно.

Бесо. Как там у вас в Москве?

Марианна. Жарко.

Бесо. Здесь тоже.

Марианна. Но жить тоже можно.

Бесо. В Париже всегда жить можно.

Марианна. А в Тбилиси?

Бесо. Я из Батуми.

Марианна. Красивый город.

Бесо (*загораясь*). Вы там были?

Марианна. Когда-то отдыхала рядом — в Кобулету.

Бесо (*восторженно*). Мой отец из Кобулету. Мы с вами почти земляки. Какая встреча.

Марианна. В известном смысле все люди — земляки.

Бесо. В гости или насовсем?

Марианна. Вернется отец, решим.

Бесо (*явно смешавшись*). Вернется? (*Замечает на пороге террасы Варфоломея в одних галифе, делающего ему предостерегающие жесты и прижимающего палец к*

губам.) Конечно. Может быть... С Говорухой все может быть... Такой человек.

Марианна. Второй день жду, не позвонит даже. Бесо (*грустно*). Наверное, там телефона нету.

Марианна. Ну, телеграмму дал бы.

Бесо. Телеграф тоже не везде бывает.

Марианна. Не в тайге же он, не в пустыне. Может, вы просветите?

Бесо. Говоруха везде бывает... Такой человек.

Марианна. Какой же, наконец!

Бесо. Человек.

Варфоломей (*спешит на выручку*). Привет, старик! С чем пожаловал?

Бесо. Сам знаешь.

Варфоломей. Не надоело?

Бесо (*вздыхает*). Дело есть дело.

Варфоломей (*Марианне*). Мариша, не в службу, а в дружбу, сослужите за хозяйку, достаньте нам из запасника бутылец с подсобной посудой, легче будет разговаривать.

Марианна. С утра! (*Пожимает плечами. Идет к дому, скрывается за дверями террасы.*)

Бесо (*восхищенно, вслед ей*). Сказка!

Варфоломей. Не возникай, не обломится.

Бесо. Ты плохо знаешь Бесо Хамелидзе, дорогой.

Варфоломей. Зато я хорошо знаю себя.

Бесо. Что ты этим хочешь сказать?

Варфоломей. Буду бить долго и больно.

Бесо. У меня серьезные намерения.

Варфоломей. У меня тоже.

Бесо. Тогда давай по-честному: кто — кого.

Варфоломей. Думаешь башлями одолеть?

Бесо. Зачем? Я — нежный.

Варфоломей. Почему нынче нежность?

Бесо. Обижаешь, дорогой, я не жадный. Три года я с Говорухи франка не получил, и ты сколько уже даром живешь, разве я гоню кого, в полицию жалуюсь? Совесть надо иметь, дорогой!

Варфоломей. О совести как-нибудь в другой раз. Давай сначала по делу: с чем пожаловал?

Бесо (*печально*). Будут сносить.

Варфоломей (*растерянно*). Скоро?

Бесо (*еще печальнее*). В мэрии сказали — на днях. Хотят строить спортивный центр.

Варфоломей. Другого места не могли найти?

Бесо. Считают, самый раз.

Варфоломей. Зажрались, один спорт на уме, никакой духовности, хотя бы театр, что ли, замастырили, не так обидно было бы.

Бесо. Что с них взять, дорогой: басурмане!

Варфоломей. Тебе что, ты богатый, тебе компенсация маячит, а я куда?

Бесо. Иди в мэрию, проси квартиру.

Варфоломей (*встает в позу*). Ананасов никого не просит, ему дают.

Бесо (*философски*). Тогда жди.

Во дворике появляется Марианна с подносом в руках, на котором бутылка и стаканы.

Марианна. Мальчики, за стол.

Бесо (*направляясь к столу*). Из рук такой женщины я готов пить даже бензин!

Варфоломей (*следуя за ним*). Не форсируй событий, чувак, это у тебя впереди.

Бесо (*отмахиваясь от него, разливает вино по стаканам*). Я поднимаю этот тост за прекрасную женщину, которая пригласила нас к этому праздничному столу и великодушно поделила с нами нашу холостяцкую компанию. У нас на Кавказе говорят...

Варфоломей. Кочумай, Бесо, ты не в «Арагви». Давай без тостов, быстрее напьемся. (*Пьет.*) Как там теперь в совдепии говорят: с утра выпьешь — целый день свободен.

Марианна (*пригубив из своего стакана*). Господи, вот тебе и Европа, а похмеляются, как у нас, с ранья.

Варфоломей (*хмеляя*). Европа, мадам, сама по себе, а мы сами по себе. Написано ведь: Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись.

Бесо (*разливает по стаканам*). Золотые слова! (*Берет руку Марианны в свою, целует.*) Сегодня я пью только за вас! (*Пьет.*) Богиня!

Марианна (*смеется*). И это только после второй, что же будет дальше, я чувствую, мне пора уходить.

Бесо (*встает перед ней на колени*). Вы хотите омрачить наш праздник?

Варфоломей (*опорожняет стакан*). Будем как дети, господа, будем как дети!

Марианна. Это в каком же смысле?

Варфоломей. В смысле второго пузырька, без него нам уже не обойтись. А может быть, и без третьего.

Марианна. Только без меня, мальчики, только без меня. (*Уходит в дом.*)

Бесо (*убито*). Обиделась.

Варфоломей. Не бери в голову, давай лучше опять вздрогнем, у меня в запасе еще одна завалилась, а потом я чего-нибудь соображу.

Бесо (*меланхолично*). Я плачу.

Варфоломей. Гуляешь? Не возражаю, хозяин — барин, ты это можешь себе позволить. (*Пьет*). Ты все можешь себе позволить.

Бесо (*в раздумье*). Все не могу.

Варфоломей. А вот можешь ты мне объяснить, почему я — восходящая звезда европейской мысли, надежда нации и даже, может быть, мировой культуры, в сто раз талантливее, умнее, значительнее тебя — кукую в таком дерьме и завтра окажусь на улице, а ты, никому не известный чучмек из вшивого Батуми, торгаш и барыга, живешь, как Крез — все на земле для тебя: бабы, рестораны, бомонд. Где справедливость?

Бесо (*спокойно*). Мое — мое, а твое — твое, вот справедливость, другой не бывает, не ищи.

Варфоломей. Если бы! А на деле получается, что твое — твое, и мое — твое, хороша справедливость!

Бесо. Мне твоего даром не надо.

Варфоломей. Как же я презираю тебя, везунчик!

Бесо. Это в тебе вино говорит, протрезвеешь, жалеть будешь. Не умеете вы, русские, пить, оттого сами не живете и другим не даете. Когда только поумнеете? Вот и Говоруха...

Варфоломей. Ты Говоруху не трожь.

Бесо. Зачем шумишь? Говоруха мне, как брат, я с него никогда копейки не взял, с тебя, между прочим, тоже.

Варфоломей. Но и забывать не даешь.

Бесо. Счет дружбы не портит. Мне тоже жить надо.

Варфоломей. Мало тебе.

Бесо. Одни долги.

Варфоломей. Мне бы твои заботы.

Бесо. Возьми, если хочешь.

Варфоломей. Мне своих хватает.

Бесо. Тогда не шуми. Шуметь я сам умею. Я после Афгана спать не могу. Голова шумит, душа шумит, кругом один шум.

Возникая откуда-то издалека, пространство заполняет какофония пушечных, ружейных выстрелов, автоматных очередей, танкового скрежета, самолетного гула, криков, голосов. Спускается тьма. В световом фокусе только лицо Бесо.

Ты знаешь, как пахнет горелая человеческая плоть? Я от этого запаха уже никогда не отделаюсь, он тянется за мной по пятам. Помню, окружили мы душманский кишлак, никаких душманов там, конечно, не было, давно в горы ушли, одно бабье и старичье с ребятишками. Но приказы, сам знаешь, у нас не отменяются: снести с лица земли. И пошли мы на ватных ногах с огнеметами наперевес крушить этот муравейник штурмом. Палили все подряд, без разбора, разбирать было некогда, боялись, самим в тыл ударят, от нас бы тогда одна пыль осталась. Помню, ввалился я в одну саклю, а там семья мал-мала меньше, сбились в кучу, смотрят на меня стеклянными глазами, будто уже и неживые совсем. Хотя бы шелохнулся кто или вскрикнул, у меня бы наверняка рука не дрогнула, я бы нажал на спуск. Но тут, чувствую, не могу, пальцы не слушаются, не могу палить. Выскочил я оттуда и только снаружи для видимости прошелся струей по крыше. Не знаю, может, и выбрались, уцелели. Но тот запах над кишлаком с тех пор будто в глотку мне вьелся, дышать не дает. Думал, вернусь домой, забуду, а дома, оказалось, тоже жгут и режут друг друга... Скажи мне, брат мой Варфоломей, чего мы — люди — не поделим никак? Чего нам делить?

Варфоломей. Бутылку.

Бесо. Этим не шутят, Варфоломей.

Варфоломей. Тогда женщину.

Бесо. Женщину нельзя поделить.

Варфоломей. Что ты предлагаешь?

Бесо. Я полюбил ее, Варфоломей.

Варфоломей. Допустим. Что из этого следует?

Бесо. Отступись.

Варфоломей. Ты слишком много ждешь от меня.

Бесо. Я — упорный.

Варфоломей. Не хвались, идучи на рать...

Бесо. С тобой она умрет с голоду.

Варфоломей. А с тобой со скуки.

Бесо. Я веселый.

Варфоломей. Этого для нее, по-моему, мало.

Бесо. Я буду стараться. Бесо Хамелидзе своего добьется.

Варфоломей. Благое намерение, если бы это зависело не от Бога, а от тебя.

Бесо. Если бы сейчас здесь был Говоруха, он бы нас рассудил.

Варфоломей. Говоруха уже рассудил.

Бесо. Ты говорил с ним об этом?

Варфоломей. Он со мной. .

Бесо (*упавшим голосом*). Опять шутишь.

Варфоломей (*вынимает из кармана галифе сложенный вчетверо лист бумаги, разворачивает его, протягивает собеседнику*). На, читай...

Сгущается тьма. Раздвигаются стены террасы. Перед нами в высоком кресле сидит Говоруха. Он в бухарском халате и тюбетейке.

Говоруха (*в пространство перед собой*). Что ж, старичок, пора подвести итоги или, как пелось в знаменитом шлягере моей юности, «Час пришел расстаться, все труды-заботы на тебя ложатся». И хотя мы с тобой далеко не два сокола ясных, мы славно прожили под одной крышей. В нашей с тобой дружбе, как у зебры, были и черные, и светлые полосы, но все же в конечном счете в ней было больше хорошего, чем плохого. Может быть, ты думаешь иначе, но это уже дело твоей совести. Мы вместе пили, вместе похмелялись, молчали и разговаривали, тосковали и радовались, а это, наверное, и называется общей судьбой. Я поверил тебе сразу, как только увидел тебя, ты нашего племени, племени гордых неудачников, из тех, кто идет наперекор обстоятельствам, поэтому для меня не важно, достигнешь ли ты чего-нибудь в жизни или нет, ты проживешь и умрешь человеком, а это гораздо важнее. Теперь по делу: скоро ко мне должна приехать дочь, я наверняка уже не дождусь ее. Ты скажешь, что это очередной делирий, сивушная блажь, но на этот раз, поверь мне, я действительно на исходе. Выражаясь высоким слогом, слишком уж корежит меня великая тоска и смертное томление духа. Не знаю, вернется ли Марианна

в Россию или захочет остаться здесь, чего бы я ей, честно говоря, не пожелал. Но если не вернется, не оставь ее, будь ей названным братом, а может быть, прости за расхожий штамп, еще сильнее. Во всяком случае, если бы это случилось, я был бы спокоен за ее судьбу. Я, конечно, почти не знаю ее, я запомнил ее совсем маленькой девочкой, но, судя по письмам, она совсем не глупа, да ты и сам разберешься, чем и кем она стала. Будь счастлив, старичок, и не жалей ни о чем. На этом свете вообще не о чем жалеть. А на прощание опять две цитаты. Одна — абсолютно мудацкая: «Я любил тебя, будь бдителен». Вторая поумнее: «Прости, прощай и помни обо мне!» Но, если честнее, то забудь, так будет лучше и для меня, и для тебя. Твой Петр Говоруха. (*Стонет.*) Боже мой, когда только все это кончится!

Появляется Лариса.

Лариса. Ты меня звал?

Говоруха. Нет, но ты кстати.

Лариса. Это так редко теперь бывает.

Говоруха (*подает ей конверт*). Вот... Отдашь это Варфоломею... Только не сейчас... После.

Лариса. Что значит «после»?

Говоруха. Мы уже с тобой говорили об этом.

Лариса. Ты не говорил, я — не слышала. Я не хочу об этом слышать. Понимаешь, не хочу!

Говоруха. Старуха, научись смотреть правде в глаза, легче жить будет и еще легче умирать.

Лариса. Я не хочу легче!

Говоруха. Не надо обманывать ни себя, ни меня.

Лариса. Лучше обмани.

Говоруха. Тебе надо приготовиться.

Лариса. Неужели ты до сих пор не понял, что я никогда не буду готова к этому? Я твоя тень, без тебя меня нет. До тебя у меня и жизни никакой не было: жила — не жила, дышала — не дышала, видела — не видела, слушала — не слышала, одно название — по земле ходила. Мне даже спать с тобой не обязательно, лишь бы рядом быть. Прислужгой, сторожем, собакой. Все вынесу и ни о чем не пожалею. Только бы ты был.

Говоруха. Прости, мне трудно говорить об этих предметах, боюсь сказать какую-нибудь пошлость или показаться смешным. Я, видно, слишком искорежен жизнью,

чтобы нормальными человеческими словами говорить о своем отношении к женщине. Но сегодня я позволю себе исключение, оно, думаю, окажется и моим последним исключением. То, что ты неожиданно оказалась рядом со мной, это мой единственный выигрышный билет в жизненной лотерее. Я тебе за многое благодарен и многим обязан, но, увы, мне нечем расплатиться с тобой за твой подарок. Живи, Лара, на зло всем и на радость Говорухе, Господь оплатит тебе за это... А теперь налей-ка мне, что-то мутит.

Лариса (*поспешно протягивает ему стакан*). Выпьешь, и все пройдет. Это у тебя нервы.

Говоруха (*пьет*). Может быть, ты права. Только нет... Холодеет, глохнет душа во мне... Вот сейчас уже лучше... Правда, голова кружится... По-моему, кто-то стучит?.. Кто бы это к нам среди ночи?.. Хотя я привык, все ходят, когда хотят, пойдй открой.

Лариса (*не трогаясь с места*). Наверное, Варфоломей вернулся.

Говоруха (*уже явно в бреду*). Зачем столько света?.. Глаза режет... (*Всматривается в Ларису*.) Галина, какими судьбами?

Лариса (*подыгрывает ему*). Вот приехала посмотреть, как ты живешь. Прямо скажем, не разбогател.

Говоруха. Как всегда, ни лучше ни хуже.

Лариса. А я думала, ты остепенился, взялся за ум.

Говоруха. Зачем?

Лариса. Пора, мой друг, пора.

Говоруха. Я никуда не спешу.

Лариса. Ты никогда никуда не спешил, поэтому мы и не понимали друг друга. Что называется, без радости была любовь...

Говоруха. И слава Богу.

Лариса. Неужели ни капельки не жалеешь?

Говоруха. О чем? Ты всю жизнь меняла мужей и любовников, все искала, на чьем горбу тебе въехать в высший свет, но почему-то обязательно оставалась у разбитого корыта. Каждый раз ты нарывалась на неудачников. Я был только одним из них, не более того.

Лариса. Ты испортил мне жизнь.

Говоруха. Не говори банальностей.

Лариса. Ты бросил меня с ребенком.

Говоруха. У меня не было другого выхода.

Лариса. Хотя бы предупредил.

Говоруха. Чтобы ты тут же на меня наступала?

Лариса. За кого ты меня принимаешь?

Говоруха. За то, что ты есть на самом деле.

Лариса. Если бы ты знал, как я тебя ненавижу!

Говоруха. Знаю, но это ничего не меняет.

Лариса. Будь ты проклят!

Говоруха. Ты мне надоела... Сгинь... А теперь слишком темно... Прибавь огня, Лара... И еще — выпить.

Лариса (*наливает, подает*). Попробуй заснуть. Во сне все проходит. А я посижу возле тебя.

Говоруха (*пьет, откидывается на спинку кресла*). Попробую. А ты заведи мне чего-нибудь... Только никакого модерна!

Лариса выходит, и вскоре из глубины дома доносится мелодия танго «Аргентина». Свет на террасе гаснет. Снова слегка высвечивается дворик. Силуэты Бесо и Варфоломея переплетаются в экзотическом танце. В их ритмическом кружении чувствуется страсть, ревность, отчаяние. На пороге дома в световом пятне возникает фигура Ларисы.

Лариса (*почти кричит в темноту перед собой*). Господи, я не могу, я не хочу без него жить!

Танго заглушает ее голос.

Занавес

АКТ ВТОРОЙ

Явление третье

Обстановка первого явления. Только над крышей соседнего дома появляется башенный кран с «бабой», подвешенной на стреле. Во дворе Марианна развешивает белье. В калитку входит посыльный с огромной корзиной цветов. Ставит ее на землю и тут же исчезает. Марианна с любопытством направляется к выходу. Поднимает корзину, несет ее через дворик, ставит на стол. Вынимает из цветов сопроводительную записку, читает.

Марианна (*насмешливо*). Неплохое начало. Можно себе представить, что будет дальше. Марианна, лови свое счастье.

В проеме калитки возникает фигура Шалвы. Его будто вычленили из сельского пейзажа Грузии. Он в национальной одежде, с курдюками и зурной через плечо, в руках курджин со снедью.

Шалва (*торжественно*). Гамарджоба!.. Здравствуйте, значит. (*Направляется к Марианне.*) Я здесь у сына в гостях. Он прислал меня сюда с запасом для маленького стола в честь женщины, которую он полюбил.

Марианна. А она его?

Шалва. Об этом я тоже пришел узнать.

Марианна. Но я видела его всего один раз в жизни!

Шалва. Он страдает.

Марианна. Мне трудно ему помочь.

Шалва (*опускает на землю свою ношу, присаживается у стола*). Поверь мне, дочка, мой сын хороший мальчик. Он инженер по кораблям, умный, как сто мудрецов, красавец, мухи не обидит. Его в Аджарии все знали и все любили. Женщины по нему сходили с ума. Одна из-за него даже спичками травилась, врачи еле откачали. Из Москвы профессор прилетал. Он у меня единственный, утешение моей старости. Думал, наш род продолжит, а он в тридцать лет без жены. Это у него после Афгана. Вернулся домой другой человек совсем: по ночам не спит, днем пьет, молчит, слова из него клещами не вытянешь. Потом уехать задумал. Не отпустишь, говорит, сопьюсь. Сколько я шишек обошел с подарками, пока его евреем записали, чтобы визу получить. А что делать отцу, скажи мне, когда родное дитя на глазах гибнет? Я уговаривал его, плакал, на коленях стоял, не уговорил. Не могу, говорит, здесь больше жить, у меня земля под ногами горит, воздух душит. Ладно, поезжай, говорю, посмотри свет, может, успокоишься, обратно потянет. Как грузину без родины, никак нельзя, пусть, думаю, перебесится. Мне скрывать, дочка, нечего. Я всю жизнь тяжело и много работал. У меня в Кобулети сад, мандарины, скот, птица разная. Денег не копил, чего на эти бумажки сделаешь? Камушки покупал, десятки царские, побрякушки всякие. Все ему на дорогу отдал. В чужом краю без денег не проживешь. Вот приехал погостить, сердце разрывается. Накупил он тут халуп разных, своих же и поселил, а никто не платит. Кофейню открыл, всем в долг отпускает, один убыток. А пьет еще сильнее. Вот и скажи мне, дочка, как мне родного сына спасти? Хорошая жена ему нужна, достойная женщина, никак нельзя ему больше без женщины.

Марианна. Какое же продолжение рода, я — русская.

Шалва. Какая разница! Какое мне дело, еврейка, русская, китайка, французка, лишь бы достойная женщина. Это там в Тбилиси ученые глупцы с ума сходят, а для нас, простых людей, любой народ такие же люди, как мы. Все на одной земле живем, а род через мужчину продолжается. Собери-ка, дочка, стол, посмотрю, какая ты хозяйка.

Марианна. А гости?

Шалва. Был бы стол, гости будут.

Марианна. Попробую, хотя не обещаю.

Уходит в дом. На пороге террасы появляется Варфоломей.

Варфоломей. Здорово, дед! Откуда дровишки?

Шалва. Какие дрова, дорогой? Где ты видишь дрова?

Варфоломей. В смысле влаги и закуси.

Шалва. Все свое, со своего участка, покупного не держим. Заходи, первым гостем будешь.

Варфоломей. А ты откуда, дед?

Шалва. Из Кобулети. Слышал?

Варфоломей. А чего в Париже забыл?

Шалва. К сыну в гости приехал. Бесо Хамелидзе зовут. Слышал? Ты в его доме живешь.

Варфоломей. Улавливаю.

Шалва. Умный.

Варфоломей. По-разному говорят.

Шалва. А ты не слушай. Ты меня слушай. Я человека сразу вижу.

Варфоломей. Экстрасенс, что ли?

Шалва. Я ученых слов мало знаю. Я — человек простой, мое дело — земля. Понимаешь?

Варфоломей. Я в общем-то по той же части, только, так сказать, теоретически, в философском смысле.

Шалва. Ты со мной попроще, сынок.

Варфоломей. Ну, в смысле земли. Размышляю над ее будущим. Осмысляю, делаю выводы.

Шалва. Тоже дело.

Варфоломей. Поздравляю тебя, мой друг Варфоломей, это уже признание. Глас народа — глас Божий.

Шалва. Значит, тебя Варфоломеем зовут? Совсем грузинское имя. А меня Шалва. Шалва Хамелидзе. Шалва Виссарионович. Для тебя — просто дядя Шалва. Зови, как хочешь.

Варфоломей. Вот уже у меня и дядя появился. Дальше — больше, глядишь, скоро большой родней обзаведусь.

Шалва. Не пожалеешь.

Варфоломей. Будем посмотреть.

В течение их разговора Марианна бегаёт из дома и в дом, хлопоча вокруг стола. Во дворе появляется Бесо. Он ослепительно элегантен: клубный пиджак, белые брюки, шелковый шарф вокруг шеи. В руках букет роз.

Бесо. Мир честной компании! (*Пересекает двор, на ходу перехватывает Марианну, вручает ей букет и целует руку.*) Я вижу, вы уже познакомились?

Шалва. Как родные.

Бесо. Это, отец, большой философ, скоро его узнает весь мир. Такой это человек.

Шалва. Вижу орла по полету.

Бесо (*с гордостью*). Он мой друг.

Шалва. Дай тебе Бог, сынок, таких друзей до конца жизни.

Бесо. Других не держу, отец.

Шалва. Правильно делаешь.

Выходит Марианна, уже принаряженная. Направляется к столу.

Марианна. Не обессудьте, накрыла, как могла, на скорую руку.

Шалва. Чтоб мне так перед смертью накрыли.

Бесо (*восхищенно*). Натюрморт!

Варфоломей. Есть разгуляться где на воле.

Начинается священнодействие над столом: разливается по стаканам вино из бурдюков, разбираются по тарелкам закуски, позванивают ножи и вилки.

Шалва (*поднимается*). В этом доме я только гость, но по праву старшинства все же разрешил себе поднять первый тост. Я поднимаю его за ту, которая украсила сегодня наш скромный стол своим приятным для всех нас присутствием. Дай Бог тебе, дочка, счастья, богатства, здоровья и хорошего мужа, друга жизни и опоры семьи. У нас на Кавказе говорят...

Варфоломей. Про Кавказ мы еще послушаем, питьё стынет.

Шалва. Нехорошо, сынок, перебивать стариков, но если ты так спешишь, начинай с Богом.

Бесо (*глядя на Марианну все с тем же восхищением*). За вас!

Варфоломей. Хорошо сидим, господа, прямо замечательно сидим.

Бесо. А теперь я хочу выпить за этот дом. Этот дом всегда был для людей, для наших земляков добрым приютом в трудные моменты жизни. Итак, я пью за этот дом.

Шалва. Пусть всегда будет таким!

Бесо (*потупив глаза*). К сожалению, ему недолго осталось жить. Его скоро снесут.

Марианна. Как снесут?

Бесо (*разводит руками*). Мэрия решила. Мэрия — власть. Хочешь не хочешь, все равно снесут.

Марианна (*растерянно*). А как же я?

Бесо. Не волнуйтесь, мадам, дочь Говорухи — моя сестра. Вам не о чем беспокоиться.

Шалва (*Марианне*). Я же говорил тебе, дочка, у него золотое сердце.

Варфоломей (*тихо, обескураженно*). Один ноль в твою пользу, чучмек, только еще не вечер.

Бесо. Пейте, друзья, веселитесь, не думайте о плохом, Бесо Хамелидзе все берет на себя.

Все пьют.

Шалва (*снова Марианне*). У него душа мягкая, как воск, и твердая, как сталь, он будет тебе хорошим мужем, клянусь Богом.

Из дома слышен телефонный звонок.

Варфоломей (*озабоченно*). Вполне возможно, что это Говоруха. (*Марианне*.) Если это он, я вас позову. (*Скрывается в доме*.)

Шалва. Без музыки, дети мои, застолье — не застолье! (*Берет в руки зурну, принимается наигрывать старинную грузинскую мелодию*.) Танцуйте, дети мои, веселитесь!

Бесо галантно подает Марианне руку и они затевают плавный танец под меланхолические звуки зурны.

Бесо (*в танце*). Выходите за меня замуж, Марианна.

Марианна. С места в карьер, буря и натиск, шторм Зимнего! Какой вы, однако, нетерпеливый, Бесо.

Бесо. Смеетесь?

Марианна. А если я не собираюсь выходить замуж?

Бесо. Я буду любить вас, Марианна, сильно любить,

Бесо Хамелидзе слов на ветер не бросает.

Марианна. Для этого не обязательно жениться.

Бесо. У меня много женщин, но мне нужны только вы. После вас я не желаю никаких женщин.

Марианна. Разве из других нельзя выбрать?

Бесо. Я уже выбрал.

Марианна. Без моего согласия?

Бесо. Я прошу вашей руки.

Марианна. Вот так сразу, даже почти не зная меня.

Бесо. Я не хочу ждать.

Марианна. Я не готова к этому.

Бесо. Но вы оставляете мне надежду?

Марианна. Зачем же так много?

Бесо. Я буду ждать, Марианна, я терпеливый.

Марианна. Вы смешной.

Бесо. Я буду таким, как вы хотите, я буду делать все, что вы хотите, я обещаю вам что вы хотите.

Марианна. А что вы можете предложить конкретнее?

Бесо (*смелея*). Я покажу вам Париж.

Марианна. Вот это уже серьезнее.

Бесо. Поедемте.

Марианна. Прямо сейчас?

Бесо. А что вас задерживает?

Марианна. Вы.

Бесо (*воодушевляясь*). Тогда вперед, сейчас же! Уверю вас, такого вы еще не видели!

Увлекает ее за собой. Они уходят, взявшись за руки, а вслед им продолжает звучать грузинская мелодия.

Шалва (*один, вслед ему*). Бич!.. Уходишь от отца, совсем уходишь... Прощай, маленький! Прощай, зачем мне без тебя жить?.. Не забывай меня... Живи, мой мальчик, долго живи... Дай Бог тебе сыновей и внуков... Много сыновей и внуков. Храни тебя Господь! (*Опускается на колени, молится.*)

Темнеет. Снова перед нами открывается терраса. Говоруха дремлет в кресле. Лариса сидит около него на корточках, прижимаясь щекой к его ладони, свисающей с подлокотника кресла. Входит Варфоломей.

Варфоломей. Спит?

Лариса (*прикладывает палец к губам*). Тсс...

Варфоломей (*шепотом*). Бредил?

Лариса. С родными разговаривает.

Варфоломей. Это горячка, Лара, его надо в больницу. Это может плохо кончиться, очень плохо.

Лариса. Он мне этого никогда не простил бы.

Варфоломей. Но ведь он в конце концов не выдержит, у любого организма есть предел сопротивления.

Лариса (*с горячностью*). Выдержит. Должен выдерживать. Ведь не в первый раз. Покорежит-покорежит и — отпустит.

Варфоломей (*со вздохом*). Решать тебе.

Лариса. Подожду, может, пронесет.

Говоруха (*открывает глаза, в упор смотрит на Ларису*). Что, мамочка, и тебя в Париж потянуло?

Лариса (*сразу же втягиваясь в игру*). Ты же знаешь, у меня здесь родная сестра.

Говоруха. Слетаетесь, коршуны, после долгой разлуки, вместе заморскую пададь клевать.

Лариса. Мы, дворяне, держимся друг друга, честь свою родовую всегда бережем. На том и выстояли.

Говоруха (*издевательски*). Это вы-то! Не тебе, мамуся, говорить, не мне слушать. Это так-то вы берегли дворянскую честь, что половина из вас к большевикам в услужение пошла, а такие, как ты, прямо в койки к чекистам. Эти байки про свою дворянскую честь вы командированным мудозвонам рассказывайте. Послушать вас, одни жиды да чучмеки погубили Россию, а императора вместе с детишками к стенке поставили. А кто научил, помнить не хотите. А вы, белая кость, и научили: от Пестеля и Герцена до Коллонтай и Ленина. На здешних из вашей шайки я тоже, кстати, насмотрелся: ни ума, ни сердца, одной спесью живут, а до страны отцов им никакого дела нет, ничего не видят, ничего не читают. Просрали Россию, теперь ждут, когда их на Белом коне, под колокольный звон править в Кремль позовут да вшивой своей генеалогией занимаются, кто от кого пошел. А пошли вы все от крапивы, крапивное ваше семя! И во мне ваша порчь сидит.

Лариса. Твой отец был простой казак.

Говоруха. Это когда он два ромба надел, тебя в народ потянуло, но потом большой чекист показался тебе

более надежной партией, правда, ты и тут обмишурилась, сбежал от тебя чекист, променял советскую власть на американскую, видно, у нее пироги оказались слаще.

Лариса. Разве ты не знаешь, сколько мне пришлось пережить из-за этого? Ты мог хотя бы посочувствовать матери.

Говоруха. Ты, правда, никогда не интересовалась, сколько пришлось пережить твоему сыну. За все свои тюремные годы я от тебя не только передачи, письма единого не получил.

Лариса. Я не знала, где ты.

Говоруха. Захотела, нашла бы, связей тебе не занимать. Весь московский бомонд у тебя на привязи.

Лариса. Я сама висела на волоске.

Говоруха. Видно, крепок был тот волосок, что тебя даже из правительственного дома не выселили.

Лариса. Наверное, я зря сюда пришла.

Говоруха. Не скрою, зря.

Лариса. Бог тебе судья, Петр.

Говоруха. Ты только Бога сюда не впутывай. Он здесь ни при чем. О душе подумай, помирать скоро.

Лариса. Прощай, Петр.

Говоруха. Прощаю. Но если уж уверовала, не за меня, за себя молись. Глядишь, легче станет... *(Снова впадает в забытье.)*

Варфоломей. Не давай ему больше пить.

Лариса. Не могу смотреть, как он мучается.

Варфоломей. Еще хуже будет.

Лариса. И все равно не могу.

Варфоломей. Добиваешь его своими руками.

Лариса. Умом понимаю, глаза не выносят.

Варфоломей. Подумай, что ты без него будешь делать?

Лариса *(теряясь)*. Без него?.. Ты же знаешь, что мне без него не жить. До него я и представить себе не могла, что так может быть. Чуть не со школы шла через мужиков, как сквозь строй, только в голове гудело. Были у меня всякие: хорошие и плохие или ни то ни се, но чтобы привязаться к кому и полюбить, того и в мыслях не держала. Жила по присказке: день, да мой. У «Метрополя» тоже покружилась да и у трех вокзалов не брезговала и не ради денег, деньги могла бы и по-другому заработать, внешность у меня заметная, просто из спортивного инте-

реса: каков будет следующий. Когда дуриком за француза выскочила, думала, все — завязываю, начинаю новую жизнь: семья, дети, работа. И француз, слава Богу, стоящий попался: не жадный, ласковый, трудяга. Но вот встретила я Говоруху в попутной компании и все прахом пошло. Даже не знаю, чем он меня околдовал, вроде и двух слов толком другу другу не сказали, но в тот вечер пошла за ним прямо из этой компании, пошла, как слепая, наугад, но до сих пор ни о чем не жалею. Да что там жалею — судьбу благодарю...

Говоруха открывает глаза. Пристально всматривается в Варфоломея.

Говоруха. А это кто? Ба, Господи, кого я вижу, сам не рад. Напоследок дорогого отчима увидеть сподобило! Вы что, на мои похороны, что ли, съезжаетесь? Так это, прямо скажем, много чести. Даже слишком много. Сидели бы дома, старость свою холили.

Варфоломей (за гостя). Я прилетел, Петр, для серьезного разговора. Скорее не разговора — предложения.

Говоруха. Еще не легче.

Варфоломей. Я знаю, ты в полном ауте, я хочу помочь тебе.

Говоруха. По-моему, ты несколько припоздал.

Варфоломей. Лучше поздно, чем никогда. У меня есть для тебя работа. Если ты согласишься, ты спасен.

Говоруха. Я уже ни на что не способен.

Варфоломей. Возьми себя в руки, Петр.

Говоруха. Чем же ты решил признать меня?

Варфоломей. Пойдешь на русское радио? Будешь иметь хорошие деньги и обеспеченное будущее.

Говоруха. Занятно.

Варфоломей. Решай.

Говоруха. И это в твоих силах?

Варфоломей. В моих силах многое.

Говоруха. Чудны дела твои, Господи! Оказывается, чтобы иметь влияние в сферах свободного Запада, мне надо было работать в Чека или в Цека! Выходит, вы везде свои, а я везде чужой, потому что не полез в ваши паучьи игры?

Варфоломей. У нас и большая степень риска.

Говоруха. Резонно. Но я не хочу вместе с вами ни

там, ни тут. Это не по моей части. Чума на оба ваших дома!

Варфоломей. Это твое последнее слово?

Говоруха. Ты угадал. Если вообще не самое последнее. *(Почти в иступлении.)* Неужели ты не видишь, что я умираю? Понимаешь ты, чекистский шакал, умираю! *(Откидывается на спинку кресла.)* Кружится голова...

Лариса *(стоя перед ним на коленях)*. Ты выберешься, Говоруха, ты выберешься и на этот раз, я уверена...

Говоруха *(внезапно приходя в себя)*. А, это ты, Варфоломей!.. Хорошо, что ты здесь... Чего уж валять дурачку, сам видишь, не держит меня земля. Вернее, не хочет держать. Видно, я ей уже не по силам. Впрочем, я и сам себе давно не по силам. Во мне смертная тоска волчьим воем воеет, в никуда просится. Оттого и прилепился я к тебе, что хотел свое продолжение после себя оставить. Но теперь не хочу, ты достоин лучшей участи. В тебе еще не умер ангел и ты еще способен подняться и взлететь, потому что чувствуешь ход истории, а это для человека — главное. Когда ты взлетишь, ты поймешь, что в мире не случилось и никогда не случится ничего, в чем не было бы сокровенного смысла. В разрывах пошлости и крови тебе откроются моменты истины такой ослепительной красоты и величия, ради которых человеку только и стоит жить. И не верь тем, кто утверждает, будто все было зря и будто избыток колбасы и презервативов с усиками есть венец человеческих мечтаний. Счастье, мой мальчик, это момент истины, и этот момент у нас был, хотя и оплачен нами такой страшной ценой. К сожалению, на свете нет ничего бесплатного. Но, будь я проклят, за это стоило заплатить! *(Поднимается, затягивает прямо в зал.)* «Там вдали за рекой зажигались огни, за рекою заря догорала, сотня юных бойцов из буденновских рот на рассвете в поля поскакала...» ...Вот он, момент истины!.. Дайте выпить!

Лариса *(наливает, протягивает ему стакан)*. Пей, моя радость, мое сердце...

Говоруха *(пьет)*. Вот так... Странно... Холодеют ноги... И руки тоже... И там, внутри, холодно... Только страха нет... Нет страха... Если это конец, то это не так уж страшно... Только холодно... Очень холодно... Накройте меня чем-нибудь... Темно... Очень темно... Совсем темно... *(Подбородок его резко утыкается в грудь, голова откидывается к плечу.)*

Лариса. Заснул.

Варфоломей (*берет руку Говорухи в свою, некоторое время молчит*). Нет, Лариса, он просто умер.

Лариса (*как бы вслушивается в сказанное, потом встает, обходит Говоруху сзади, берет его голову в руки, прижимает к груди*). Баю-баюшки-баю, баю-баюшки-баю...

Занавес

Явление четвертое

Обстановка первого явления. Только «баба», подвешенная на стреле башенного крана, уже почти касается крыши соседнего дома. Во дворик входит Марианна, несколько поблекшая и явно навеселе. Лениво направляется к дому. На пороге террасы возникает Варфоломей.

Варфоломей. Ты с ним была?

Марианна. Что за тон, месье?

Варфоломей. Когда спрашивают, отвечай. Была?

Марианна. Не имеет значения.

Варфоломей. Для тебя, может быть, но я хочу знать.

Марианна. Не кажется ли вам, месье, что это несколько слишком, вмешиваться в личную жизнь мало-знакомой женщины?

Варфоломей. И тем не менее.

Марианна. С какой стати?

Варфоломей (*замахивается на нее, но ударить не решается*). Потаскуха! Панельная падалы!

Марианна (*разглядывает его, как бы впервые по-настоящему узнавая*). По какому праву?

Варфоломей. У меня есть право.

Марианна. Вы мне не муж и не отец.

Варфоломей. Я буду твоим мужем.

Марианна (*со вздохом*). Еще один. Вы сумасшедший.

Варфоломей. Тоже мне открытие!

Марианна. Вы все здесь сумасшедшие! Вас будто нарочно выпускают, чтобы мир дурачить.

Варфоломей. Сумасшедшие все: и те, кого выпускают, и те, кто выпускает. Уверяю тебя, ты сама не составляешь исключения.

Марианна. Нет уж, благодарю покорно! Мне бы

только с отцом встретиться, увидеть и услышать. Дня лишнего не останусь. И домой, чтобы забыть обо всех вас, как о страшном сне.

Варфоломей. Отца еще надо дождаться.

Марианна. Не дождусь, тоже невелика потеря, не больно-то он меня вниманием баловал.

Варфоломей. Не говори так о Говорухе.

Марианна. У вас здесь прямо культ какой-то вокруг него.

Варфоломей. Он сделал нас людьми.

Марианна. Интересно, кем вы были до этого?

Варфоломей. Как и ты, существами.

Марианна. Обо мне прошу не беспокоиться, но что будете вы делать без него?

Варфоломей. Мне это еще трудно представить, но прежними мы уже никогда не станем.

Марианна. Ну это уже ваши проблемы, а я здесь ни при чем, живите, как знаете, а меня оставьте в покое.

Варфоломей. А если тебе придется жить среди нас?

Марианна. Никогда, ни за какие самые сладкие коврижки. Захотела посмотреть Париж — посмотрела. *(Усмехается.)* Как говорится, в полном объеме, если не больше, чем нужно.

Варфоломей *(упавшим голосом)*. Так, значит, ты все-таки была с ним?

Марианна. Париж — так уж до конца.

Варфоломей *(печально и просто)*. Я люблю тебя, Марианна.

Марианна. Час от часу не легче. *(Отстраняет его от двери.)* Ладно, у нас еще будет время об этом поговорить, а сейчас я устала и валюсь с ног. Разрешите мне пройти, я хочу спать.

Варфоломей покорно уступает ей дорогу. Она скрывается в доме. Варфоломей остается один, идет к столу, садится, обхватывает голову руками.

Варфоломей. Вот и пришел твой черед, Варфоломей. Считал, что тебе сам черт не брат. Весь русский Париж перепробовал, французский тоже частично не упустил, уверен был, не родилась еще такая, чтобы тебя — Варфоломея Ананасова — заарканить, но выходит, случайной пробы не выдержал, потек, а она с первым же чучме-

ком спуталась, и ей до тебя дела, как до любого прохожего. Вой теперь, чувак, на луну да завивай горе веревочкой.

Во дворе появляется Л а р и с а. Она сомнамбулически пересекает пространство, будто плывет над землей — отстраненно и зыбко.

Л а р и с а. Наверное, спит... Или работает... Вдруг я не вовремя... Не любит он, когда мешают.

В а р ф о л о м е й. Лара!

Л а р и с а (*останавливается, всматривается в него, узнает*). Варфоломеюшка, ты? Он дома?.. Не знаешь, чем-нибудь занят? Или спит? Знаю, знаю, не любит, когда мешают... Но я только посижу немножко тут во дворе, я тихо, я не помешаю.

В а р ф о л о м е й. Очнись, Лара, не мучай себя. Нет больше Говорухи. Одни мы с тобой остались. Только вспомни, что он всегда говорил: никому не дано тяжести выше его сил, надо жить дальше.

Л а р и с а. Зачем ты мне это говоришь?.. Ты хочешь обидеть меня?.. Не знаю, любит ли он меня или нет, пускай не любит, мне лишь бы видеть его иногда, прикоснуться к нему хотя бы...

В а р ф о л о м е й. Зачем ты сюда ходишь, Лара? Только растравляешь себя. Забудь этот дом. Начни все заново. Тебе еще жить и жить.

Л а р и с а. Я хожу к нему... Больше мне никто не нужен... Я жду, когда позовет... Я знаю, что нужна ему... Он сам мне говорил... Только, наверное, он занят сейчас... Я боюсь помешать... Или уехал?

В а р ф о л о м е й (*словно про себя*). «Прости, поезда не приходят оттуда, прости, самолеты сюда не летают»... Он уехал, Лара, но уже не вернется.

Л а р и с а. Уехал?...

В а р ф о л о м е й. Давно.

Л а р и с а. И ничего не сказал мне?.. Может быть, обиделся за что-нибудь на меня?

В а р ф о л о м е й. Говоруха никогда ни на кого не обижался, а если обижался, то вычеркивал человека из памяти. Ты была для него многим.

Л а р и с а. Была? Я — есть.

В а р ф о л о м е й. Но его нет.

Л а р и с а. Где же он?

В а р ф о л о м е й. Там, откуда не возвращаются. И ты знаешь об этом.

Лариса. Я все же пойду туда, посмотрю... Приберу, может быть... Он любит порядок и чистоту... Вернется, останется доволен. *(Идет к дому, боязливо переступая дверной порог, скрывается внутри.)*

Варфоломей *(вслед ей)*. Что только с ней будет! Она окончательно поплыла. У нее теперь ни единой души в мире. Не дай мне Бог сойти с ума!

Во дворик стремительно влетает Бесо. Подступает к Варфоломею.

Бесо. Она вернулась?

Варфоломей. Я ей не сторож.

Бесо. Понимаешь, она сбежала от меня! Я искал ее по всему Парижу! Нигде не нашел.

Варфоломей. От стоящих мужиков не бегают.

Бесо. Но она была со мной, понимаешь, была!

Варфоломей. Чего тебе еще надо?

Бесо. Но я люблю ее, понимаешь, люблю!

Варфоломей. Один-один, чучмек, и перелом в игре не в твою пользу. Судью на мыло!

Бесо. Где она?

Варфоломей. Спит.

Бесо. Мне надо с ней поговорить.

Варфоломей. Жди.

Бесо. Но мне сейчас нужно, сейчас, понимаешь?

Варфоломей. Не понимаю.

Бесо. Ты же мне друг, Варфоломей. Я без нее уже не могу. Мне больше никто не нужен, только она.

Варфоломей. Не только тебе.

Бесо. Она уже моя.

Варфоломей. У тебя слишком много воображения.

Бесо. Я сам хочу спросить у нее.

Варфоломей. Если она вообще захочет с тобой разговаривать.

Бесо. Позови ее.

Варфоломей. Я тебе сводником не нанимался, чучмек.

Бесо *(угрожающе приближается к нему)*. Повтори за чучмека!

Варфоломей *(жестко)*. Чучмек.

Бесо. Я терпел от тебя, думал, маленький еще, думал, шутишь. *(Хватает его за грудки.)* Ты только обещал мне, а чучмек будет бить тебя без балды очень долго и очень больно. *(Хорошо отработанным приемом самбо ва-*

лит его на землю и заносит над ним кулак.) Я сделаю из тебя клоуна, лыбиться будешь до конца дней своих...

В это время появляется Марианна.

Марианна. Что здесь происходит? (*Варфоломею.*) Там в комнате отца мечется какая-то дама.

Варфоломей (*с трудом поднимаясь*). Это подруга Говорухи — Лара.

Марианна. По-моему, она не совсем в себе, вы бы сходили, присмотрели за ней на всякий случай.

Варфоломей безропотно подчиняется, уходит в дом.

Бесо (*бросается к ней*). Что случилось, Марианна? Куда ты исчезла? Я искал тебя по всему Парижу.

Марианна. Ты заснул, я и ушла. Я не выношу, когда мужики спят в это время.

Бесо. Мы слишком много выпили.

Марианна. Да, я и не заметила, если не умеешь — не пей, не будешь потом себя стыдиться.

Бесо. Я уже не могу без тебя, Марианна, ты должна стать моей женой, понимаешь, должна.

Марианна. Должна!

Бесо. Но ты же была со мной. Была!

Марианна. Это еще не повод для замужества.

Бесо. Отец сказал, что другой такой женщины мне не найти. Он всегда знает, что говорит.

Марианна. А мне мой отец еще ничего не сказал.

Бесо (*борется с собою, но наконец не выдерживает*). Ты все еще ничего не знаешь. Твоего отца давно нет... Он умер, понимаешь, умер!

Марианна (*ошеломленная, она замирает, потом со все нарастающей страстью*). Умер... Вот так, просто умер... Выходит, не к кому мне было ехать и некого здесь ждать... Что ж, примем к сведению... Умер. (*К Бесо.*) Уходи отсюда! Я не хочу тебя видеть... Уходи же наконец!

Гаснет свет. Постепенно из темноты высвечивается распахнутая настезь терраса. В кресле Говорухи в том же халате и тюбетейке сидит Варфоломей. Рядом с ним Марианна, она подает ему наполненный вином стакан.

Варфоломей (*берет у нее стакан*). Вот так он обычно сидел, думал и пил стакан за стаканом, будто нарочно сжигал себя. Никто не знал, что творилось у него в душе. Нам не дано было это понять. Видно, какой-то неподъемный для простого смертного груз нес он в себе,

а переключать хотя бы часть этого груза на других было не в его правилах.

Марианна. Он никогда не вспоминал обо мне?

Варфоломей. В последнем письме.

Марианна. А если подробнее?

Варфоломей. Он любил меня, он хотел, чтобы ты осталась со мной. Он даже написал мне об этом.

Марианна (*почти с нежностью*). Милый Варфоломей, вы, по-моему, очень хороший, славный мальчик, только притворяетесь циником, это у вас от беззащитности. Сложись моя судьба по-другому, я бы, наверное, не задумывалась долго, пошла за вами, но в России у меня остался человек, которого я люблю, и с этим уже ничего не поделаешь.

Варфоломей. Хотел бы я оказаться на его месте.

Марианна. Все бы мы хотели оказаться на чьем-либо месте, а кто-то, наверное, и на нашем. Но никому не дано занять чужого места, а значит, надо успокоиться и жить, как тебе на роду написано.

Варфоломей. Теперь я останусь совсем один, Лара не в счет, она окончательно поплыла.

Марианна. А если обратно в Россию?

Варфоломей (*в сердцах*). Нету ее больше, Марианна, никакой России. Осталась территория со случайным населением. Не страна — черная дыра.

Марианна. Есть, Варфоломей, есть. И еще будет. Рано вы ее здесь все хороните, стоять ей еще и стоять.

Варфоломей. Чужой я там окажусь.

Марианна. А здесь?

Варфоломей. И здесь тоже.

Марианна. Так уж лучше быть чужим среди своих, чем чужим среди чужих. Страшно ведь.

Варфоломей. Не взойду я уже. Поздно. Свыкся. Другой жизни не вынесу, не приживусь.

Марианна. А здесь что вас ждет? Вроде отца моего будете сидеть в какой-нибудь трущобе и спиваться.

Варфоломей. Может, еще выберусь.

Марианна. На что вы надеетесь, Варфоломей, ну какая вы восходящая звезда европейской мысли, какой философ, вы просто начинающий алкаш, не надо быть пророком, чтобы предсказать, чем это кончится.

Варфоломей. Варфоломей Ананасов еще не сказал своего последнего слова, у меня еще есть время.

Марианна. Кстати, откуда у вас эта странная фамилия? В России никогда не встречала.

Варфоломей. Конечно, я никакой не Ананасов. И не Варфоломей. Мое полное имя: Лев Георгиевич Разумовский. Варфоломей Ананасов это мой творческий псевдоним.

Марианна. Из тех Разумовских?

Варфоломей. Возможно, хотя мой отец по профессии брючник. В Харькове брюки шил.

Марианна. Чем же вам не нравится собственная фамилия? Согласитесь, что даже для псевдонима Ананасов — это слишком.

Варфоломей. А я назло.

Марианна. Кому именно?

Варфоломей. Всем.

Марианна. А если конкретнее?

Варфоломей. Интеллектуальному истеблишменту — и нашему и здешнему. Пусть хавают после всех своих Стендалей, Белых, Горьких, Скитальцев. Морщатся, но хавают. Не захотят — заставлю.

Марианна. Только разобьете себе лоб о каменную стену.

Варфоломей. Это мы еще посмотрим.

Марианна. Живите проще, Варфоломей.

Варфоломей. Научите — как?

Марианна. Как живется, без претензий.

Варфоломей. У меня цели.

Марианна. Плюньте.

Варфоломей. Значит, по течению?

Марианна. А чем плохо?

Варфоломей. Это не для меня.

Марианна. Трудно вам будет жить, Варфоломей.

Варфоломей. Зато интересно.

Марианна. Если бы вы знали, как мне вас жалко, Варфоломей, по-матерински, по-сестрински жалко, уж больно вы беззащитны. Словами хотите от жизни отбиться, а слова, к сожалению, от нее не спасают.

Варфоломей (*вдруг по-детски, жалобно*). Марианна...

Марианна. Не снести вам себя долго, Варфоломей.

Варфоломей (*покорно*). Уже не снес.

Марианна. Так, может быть, все-таки попробовать начать сначала?

Варфоломей. С чего, Марианна?

Марианна. С того, с чего начинали.

Варфоломей. С разного. Только с чего ни начинал, никогда ничего не получалось.

Марианна. А если снова поискать? Вы же философ, Варфоломей.

Варфоломей. Какой я, к чертовой матери, философ! Дерьмо я, Марианна, обыкновенное дерьмо. Таких, как я, даже не миллионы — миллиарды, и ничего уже нельзя изменить.

Марианна. И от этого еще никто не умирал раньше времени.

Варфоломей (*почти кричит*). А я умираю, понимаешь ты, умираю!

Марианна подходит к нему, обвивает его шею руками, прикикает к нему. Тела их судорожно переплетаются. Идет затемнение.

Марианна. Эх ты, бунтаришка мой...

Варфоломей. Не бросай меня, Мариша, не бросай...

Марианна. Если бы я могла, если бы я только могла...

Варфоломей. Остайся со мной...

Марианна. Рада бы в рай...

Неожиданно из темноты со стороны калитки раздается стонущий голос Бесо.

Бесо. Выйди, Марианна!.. Поговорить хочу... Я люблю тебя, Марианна... Выйди только, прошу тебя!..

Варфоломей. Вот козел батумский, убить мало!

Марианна. Молчи... Он сейчас уйдет.

Варфоломей. Убью.

Марианна. Говорю, молчи, дуралей...

Бесо (*истерически из темноты*). Шлюха-а-а!

Два голоса сливаются в облегченном вздохе. Зажигается свет. Марианна оправляет на себе платье. Варфоломей запахивает халат.

Марианна. Светает. Мне пора на аэродром.

Варфоломей. У тебя еще три часа в запасе.

Марианна. Пока доберешься, пока оформят.

Варфоломей. Посидим еще на прощанье, Мариша.

Марианна (*ерошит ему волосы*). Времени нет, чудачок.

Варфоломей. Я провожу тебя.

Марианна. А вот это ни к чему, только растравлять друг друга.

Варфоломей (*покорно*). Как хочешь.

Марианна (*приникает к нему*). Давай поцелую тебя на прощанье, и не печалься, все еще у тебя впереди.

Варфоломей (*прижимает ее ладони к губам*). Как я тебе благодарен, Мариша, поверь, я еще не упал, я поднимаюсь.

Марианна (*берет в руки чемодан*). Поднимешься и пойдешь, Варфоломей, еще как пойдешь! Я верю в тебя. Прощай!

Идет к выходу. То и дело оглядываясь, пересекает дворик. Но когда она приближается к калитке, навстречу ей выбегает Бесо. Останавливается перед ней и, выхватив из кармана пиджака револьвер, стреляет в нее несколько раз в упор.

Бесо. За что ты меня так, за что!?

Марианна падает. Он наклоняется над ней. Долго смотрит ей в лицо. Затем бережно поднимает ее на руки и выносит из дворика. Калитка за ним с тихим скрипом закрывается. За всей этой сценой с порога террасы наблюдает Варфоломей.

Варфоломей (*в небо над собой*). Прости нас, Господи, за все! И за то, что люди еще живут на земле, прости!

Уходит в дом. Вскоре фрамуга на крыше дома открывается. В ее проеме возникает Варфоломей в тех же халате и тубетейке, с тою же, что и вначале, трубой в руках. Он прижимает трубу к губам и протяжно выводит на ней уже знакомую нам мелодию: «Там вдали за рекой зажигались огни...» Ее подхватывает мощный хор, в который влетается все нарастающий цокот копыт. Вскоре начинает казаться, что на нас накатывается огромная лавина конницы. «Баба» на стреле башенного крана принимается раскачиваться и крушить крышу дома по соседству.

К о н е ц

1991 г.

КУКЛА, или КОНЬ КАЛИГУЛЫ

Фантазия на троих в двух картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

О с и п.

М а р и я.

П р о х о ж и й.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Дымный фитилек плошки зыбко освещает довольно просторное помещение без окон, схожее то ли с подвалом большого дома, то ли со складом. Скорее, с последним: колеблющийся свет выхватывает из полумрака беспорядочные горы всякого добра. Попеременно бросаются в глаза этикетки коробок, банок и пачек вперемешку с одеждой самого разного покроя, кухонной утварью и детскими игрушками. По всему помещению разбросаны импортные кресла. Справа, в глубине, — захламленная стойка бара, заваленного разномастными бутылками. Посредине — несколько составленных вместе низких столиков, на которых под грудой одеял полулежит М а р и я. Слева, ближе к выходу, гудит раскаленная «буржуйка», труба от которой тянется к входной двери, завешенной байковым одеялом. Около печки на корточках сидит О с и п.

О с и п (*крутит рычажок транзистора*). Не слышны в саду даже шорохи. (*Вслушиваясь в эфирные помехи.*) Шорохи-то как раз и слышны, а больше ничего, ни стуку, что называется, ни грюку, ни гу-гу. (*Вздыхает.*) Только подумать, неужели и впрямь ни души на свете, хоть бы пискнул кто или матом обложил! Глухо.

М а р и я (*улыбается чему-то своему*). Ишь, какой неугомонный!.. На выход спешит... Стучит руками и ногами, словно опоздать боится... Сразу видно — парень... Девочка постеснялась бы. (*Осипу.*) Ты рад?

О с и п. Рад за тебя.

М а р и я. А за себя?

О с и п. С какой стати?

М а р и я (*с досадой*). У тебя будет сын.

О с и п. Опять за свое. Ты же прекрасно знаешь, что я тут ни при чем.

М а р и я. Как это ни при чем, если ты — отец?

О с и п. Знаешь, это уже слишком!

М а р и я. Почему?

О с и п. Потому, что это известно тебе лучше, чем кому-либо.

М а р и я. Это могло произойти во сне, нечаянно, такое случается даже у импотентов, я где-то читала, кажется, в «Здоровье».

О с и п. Бабья логика. Непорочное зачатие с помощью популярного чтива.

М а р и я. Ревнуешь.

О с и п. О женщина, конец света на дворе, а она все о том же!

М а р и я. Не от Святого же Духа в самом деле я понесла!

О с и п. Это было бы чересчур.

М а р и я. Я больше года, кроме тебя, живого лица не видела.

О с и п. По этой части ваша сестра даже на необитаемом острове устроится.

М а р и я. Пошляк.

О с и п. Из жалости я должен быть суровым.

М а р и я. Ерничает.

О с и п. Цитирую.

М а р и я. Не помню.

О с и п. Шекспир, «Гамлет». Перевод Бориса Пастернака.

М а р и я. Господи! Шекспир, Гамлет, Пастернак! Когда все это было: год, сто, тысячу лет назад! Да и было ли это вообще! Может, это все нам приснилось или произошло с нами в какой-нибудь другой жизни? Иногда проснусь ночью, и сердце смерзается: кто я, что я, как я сюда попала? Ведь еще недавно мимо пройти и то оторопь брала: святая святых, полночь, бьют куранты, смена караула, сама вечность в имперском исполнении. Два раза даже внутри была, как говорится, в порядке живой очереди, шла, от почтения дух захватывало, а оказалось, обыкновенная рекламная лавочка со спецбуфетом для номенклатурных бонз. И никаких тебе тайн. Просто, как мычание. Удивительная у них способность — опошлить все, к чему удастся прикоснуться. Их бы воля, они бы и к пирамиде

Хеопса служебный вход приспособили. (*Снова вслушивается в себя.*) Смотри, какая прыть, никак уgomониться не может, будто на съезде народных депутатов или на митинге. (*Осипу.*) Подойди-ка, послушай.

Он встает, подходит к ней.

(*Она берет его руку и кладет к себе на живот.*) Чувствуешь?

Осип (*со вздохом*). Нашел время высовываться, тут такое творится, что самому впору просить: роди меня, мама, обратно!

Мария. Выживем.

Осип. Зачем?

Мария. Что — зачем?

Осип. Выживать.

Мария. Зачем люди живут вообще: живут, и всё.

Осип. Опять бабья логика. (*Умоляюще.*) Очнись ты наконец, оглянись вокруг себя, вдумайся, что произошло!

Мария. А ты не вдумывайся, считай, что ничего не произошло, жизнь продолжается.

Осип. Какая жизнь! Неделю назад еще кого-то хоть издалека видел, сегодня до самого Тверского дошел, ни души, даже кошки не встретил, как на кладбище, только снег метет да тополя позванивают. Ледяная пустыня, у которой теперь конца и края нет.

Мария. Если мы живы — значит, уже не пустыня.

Осип. Прозябать вот тут, пока не загнемся, это ты называешь жизнью? Ну, сколько мы так протянем: год, два, десять лет? Ради чего? Ради того, чтобы закончить тем же самым? Потрясающая перспектива! (*Срывается с места, начинает метаться по кругу.*) Ладно — мы: человек в конце концов такая скотина, что привыкнет к чему угодно, но по какому праву мы обрекаем на эту судьбу другое существо, которому еще не дано выбирать самому. Ты подумала, что его ждет впереди? Или после нас хоть потоп? Я даже представить себе не в состоянии: одни на всем свете!

Мария (*снисходительно*). Ося, будь мужчиной.

Осип. Я давно уже забыл, что это значит. И потом, кому это теперь нужно?

Мария. Тебе самому.

Осип. С одной поправкой: нужен ли я себе сам.

Мария (*гладит себя по животу*). Зато ему без тебя никак нельзя.

Осип (*с досадой*). Опять за свое. (*Хватается за голову.*) Боже мой, хоть на стенку лезь! (*Вдруг останавливается, как бы вслушиваясь во что-то.*)

Где-то сверху за дверями возникает отдаленное цоканье копыт. Постепенно звуки, к которым вскоре примешивается конское похрапывание, становятся все отчетливее. Затем все смолкает, после чего сверху доносится протяжное ржание.

Мария (*торжествуя*). Я же говорила!

Осип. Еще бы: теперь у тебя собственный дом с выездом.

Мария. Во всяком случае, мы — не одни.

Осип (*насмешливо*). С лошадью.

Мария. Лошадь — это целый вид.

Осип. Будем производить кентавров.

Мария. Пойди лучше посмотри, что это может быть.

Осип (*подаваясь к выходу*). Еще одно приключение на мою голову!

Одеяло на двери поднимается, и на пороге возникает довольно нелепая фигура Прохожего в мохнатой шапке, овчинном полушубке и валенках, обвешанного целым оружейным арсеналом: автомат Калашникова на ремне, перекинутом через шею, за спиной — ручной миномет, пояс увешан разнокалиберными гранатами, на нем же — пистолет в кобуре, сбоку пристегнута кавалерийская шашка.

Прохожий (*отдувается*). Здорово окопались, никакая разведка не доберется! Только по запаху и отыскал, от самого вокзала дымом тянет, думал — пожар, а это ваш блиндаж кочегарит. (*Принимается разоблачаться, оставшись в конце концов в полувоенном кителе и галифе.*) Все, хватит с меня, поплутал по земле досыта, из ушей лезет, тут с вами скучкуюсь, надо думать, не прогоните, в тесноте, да не в обиде, два ума хорошо, а три лучше.

Осип. Если с лошадью, то четыре.

Прохожий. А что лошадь, лошадь она тоже друг человека, если б не она, гореть бы мне давно синим пламенем где-нибудь среди дороги, только она и вынесла. Хотя, по правде говоря, это и не лошадь вовсе — конь, вернее даже мерин, на нем наш горвоенком Галушкин парады принимал, а в другое время его, не Галушкина, конечно, коня этого, при пожарной охране держали, на всякий случай, хотя без пользы, у нас в Козлове коли го-

рело что, то дотла, пожарники потом только золу разгребали — на бутылку разжиться.

Осип (со страхом глядя, как тот складывает свой арсенал возле печки). Вы бы подальше это добро от огня-то, так и на воздух взлететь недолго.

Прохожий. Не бери в голову. Эти игрушки у меня тоже от Галушкина, железки крашеные, допризывников агитировать на выполнение священного долга, ими только орехи колоть или стекла бить, на другое не тянут.

Осип. Чего же ты ими обвешался?

Прохожий. А для острастки, увидят, что при оружии, не подступятся.

Осип. Теперь инопланетянина встретить легче, чем человека.

Прохожий. Не скажи, не одни мы с тобой ушлые, другие тоже по блиндажам прячутся.

Осип. На мерина, что ли, твоего польстятся?

Прохожий. А что? Конь — это нынче дороже танка. Горючего не требуется, и по любой дороге пройдет.

Осип. Кормить все равно надо.

Прохожий. А мы с ним на подножном. Чем разживемся, то и едим. Он у меня непривередливый: то соломки с крыш пожую, то в какой деревне гнилого силоса спворим, то по бесхозным сусекам чего наскребем, тем и кормимся. Вчера вот на вокзале в буфете два ящика тульских пряников обломилось, в общем-то, их, правда, не только на зуб взять — асфальтовым катком не раскатаешь, но коли в воде до утра помочить, разжевать можно, вот нам и харч на два дня. Так от самого Козлова и пробавляемся.

Осип. А чего в Козлове-то не сиделось?

Прохожий. А чего там высидывать — только расстраиваться. Какой город был! Можно сказать, город-сад, в каждом дворе по Мичурину. Хотя, согласно перестройке, и сделались мы сызнова Козловым, но Мичуринском все же не зазя столько лет назывались; нам бы харчи по первой категории, мы бы страну ананасами завалили, не говоря о бананах. У нас один чмур додумался путем скрещивания малосольные огурцы выращивать, правда, погорел — антиалкогольная кампания подкосила. А нынче в Козлове, кроме крапивы, ничего не растет.

Осип. А теперь куда?

Прохожий. Не прогоните — с вами покантуюсь, а

там видно будет. Осмотреться надо, обмозговать, что к чему, может, никакого дальше уже и нет.

О с и п. И коня здесь держать будешь?

Прохожий. И коня. Куда ж мне его девать?

О с и п. Непривычно ему здесь: камень кругом, мрамор.

Прохожий. Зато не льет, не дует. Я его наверху в закутке поставил, ему там, как в стойле, в самый раз.

О с и п. В закутке?

Прохожий. Ну там, где этот стоял... Ящик с бес-
смертным... Я, между прочим, по дороге чуть на него не
наехал.

О с и п. Испугался?

Прохожий. Теперь живого встретить куда страш-
ней, чем покойника. Жмурик он жмурик и есть: лежит
себе — пайка не просит, за горло не берет, в душу не лез-
ет. А этого я сразу просек. Правда, снежком сильно при-
порошило, но узнать можно. Точь-в-точь как в кино, ску-
ластенький, борода клином, только почернел очень. (*Вне-
запно.*) Сами выкинули?

О с и п. Только этого мне не хватало.

Прохожий (*удовлетворенно*). Значит, до вас поста-
рались.

Свет вокруг него гаснет, черты его лица твердеют, заостряются, он при-
обретает сходство с государственным деятелем, возникшим на телевизи-
онном экране.

Братья и сестры, соотечественники и соотечественницы,
люди планеты! Отныне правительство более не контроли-
рует положение. Органы государственного управления: ар-
мия, министерства, администрация, госбезопасность —
прекратили свое существование. В связи с этим я окон-
чательно снимаю с себя ответственность за дальнейшее
развитие событий. С этой минуты каждый должен взять
свою судьбу в собственные руки. Все вместе и каждый в
отдельности теперь предоставлены самим себе. И каждый
выживает, как может. Мое время истекло. Прощайте.

Свет загорается вновь.

Мария начинает тихонько стонать.

Прохожий (*вопросительно кивает в ее сторону*).
Занедужила?

О с и п. Скоро родит.

Прохожий. На сносях, значит?

О с и п. Не вовремя.

П р о х о ж и й. Боишься?

О с и п. Боюсь.

П р о х о ж и й. В первый раз?

О с и п. В первый.

П р о х о ж и й. Не бери в голову, оборудуем в лучшем виде. Я по ветеринарной части тоже стаж имею: было время, в горветлечебницу собак поставлял. Для опытов. Так что куда входит, откуда выходит, поднаторел. Мне плод принять — два пальца описать, по науке заделаем. Тут первым делом горячая вода нужна. (*Деловито.*) Ведро найдется?

О с и п (*кивает на груды товаров*). Здесь всякого товара пол-ГУМа.

П р о х о ж и й. Лады. Ноги в руки и айда за снегом.

О с и п (*лихорадочно роется в куче, выхватывает отсюда эмалированное ведро, устремляется к выходу*). Я — быстро. (*Скрывается за дверьми.*)

Прохожий садится, неторопливо снимает с себя валенки, френч, галифе и обнаруживается перед нами в новом обличье: типичный провинциальный интеллигент старой выучки в черной паре и при бабочке.

П р о х о ж и й (*вынимает из бокового кармашка пиджака пенсне, приспособливает его к переносице, подходит к Марии, кладет ей ладонь на лоб*). Как вы себя чувствуете, голубушка?

М а р и я. Доктор, я могу умереть?

П р о х о ж и й. Как все, милая, как все. Этого, к сожалению, не миновать никому.

М а р и я. Нет, доктор, я имею в виду от этого, теперь.

П р о х о ж и й. Уверяю вас, дорогая, в вашем случае этого не произойдет.

М а р и я. Как вы сюда попали, доктор?

П р о х о ж и й. Обычным способом, милочка, через двери.

М а р и я. Да, но откуда вы?

П р о х о ж и й. Эх, милая, спросите меня чего-нибудь полегче. Я и сам забыл, откуда я, собственно, родом. Мне столько приходилось скитаться по свету, что я давно утерял память об истоках своей жизни. Когда-то, в ранней молодости, а было это много-много лет тому назад, я поспорил с одним наивным чудаком, который утверждал,

что стоит подарить людям свободу, как человек тут же делается отзывчивее и чище. С тех пор я переменял немало мест и даже обстоятельств, но нигде еще не встретил индивида, способного справиться со своей свободой. Она человеку только в тягость, эта самая свобода.

М а р и я. Не всем же, в самом деле?

П р о х о ж и й. Практически всем, а те одиночки, которым она по плечу, обычно плохо кончают: спиваются, вешаются или сидят в дурдоме.

М а р и я. Значит, они все же есть!

П р о х о ж и й (*печально*). Есть, но это, к несчастью, не меняет общей картины. В последнее время перед этой напастью я работал участковым врачом, здесь неподалеку, в Мытищах. Там был один учитель-чудак, мечтал посредством великого изобретения осчастливить человечество. В конце концов его затравили собственные коллеги, кончил бичом где-то на Дальнем Востоке. И таких в своей долгой жизни я встречал немало. Было время, я жил даже за границей, где тоже встретил одного чудака. Тот кончил еще хуже. Между прочим, он спорил со мной о том же, что и вы. Так-то, милая.

М а р и я (*стонет*). Плохо мне, доктор.

П р о х о ж и й. В таких случаях, милая, хорошо не бывает никому, надо терпеть.

М а р и я. Совсем плохо.

П р о х о ж и й. Ничего не поделаешь, у вас родовые схватки. По мере моих слабых сил я постараюсь вам помочь.

Сверху доносится ржание лошади.

М а р и я. Что это?

П р о х о ж и й. Конь.

М а р и я. Какой конь?

П р о х о ж и й. Обыкновенный, с хвостом и гривой.

М а р и я. Откуда здесь конь?

П р о х о ж и й. А это у меня в Мытищах был единственный вид транспорта для разъездов по участку. Я даже запрягать сам по этому случаю научился.

М а р и я. Чем же вы его здесь кормите?

П р о х о ж и й. Конфетами «Ромашка» фабрики «Рот-фронт», достались случайно два ящика. Ничего, привык, потребляет.

М а р и я. Странный вы человек, доктор.

Прохожий. Как говорил, мадам, один большой поэт: какая есть, желаю вам другую.

Мария (*снова стонет*). Ох, тяжело мне, доктор!

Прохожий. Бывает хуже, мадам, а это скоро кончится.

Мария (*затихая*). Спасибо, доктор.

Прохожий тихонько отходит от нее, снимает с себя свое чеховское одеяние, остается в пижаме, спокойно устраиваясь в кресле у печки. Возвращается **О с и п.**

О с и п. Такая метель — зги не видно. (*Ставит ведро со снегом на печку.*) А вы уже, я вижу, устроились с удобствами.

Прохожий. Люблю в любых условиях жить по-человечески.

О с и п. Я и вижу.

Прохожий. Уют человеку нужен для сохранения здоровья, а что для человека главное? Здоровье. У меня в Козлове даже туалет голубой венгерский имелся и кресло-качалка из Польши.

О с и п (*насмешливо*). А больше ничего не имелось?

Прохожий (*загадочно*). Имелось-то имелось, только это уже моя забота.

Мария начинает сильно стонать.

О с и п. Думаю, начинается по-настоящему.

Прохожий. Говорю, не бери в голову, оборудую как в аптеке. (*Деловито поднимается.*) Таз найдется? Полотенцев пару тоже не мешает. (*Подходит к Марии.*) Да вроде начинается, баба уже не в себе.

Вдвоем они начинают суетиться вокруг роженицы. Ее стоны перемежаются с их отрывистым разговором.

О с и п. Пошел?

Прохожий. Вот-вот, надо думать.

О с и п. Чего требуется?

Прохожий. Тряпья побольше и горячей воды.

О с и п. Ну, как?

Прохожий. Выходит.

О с и п. Помочь?

Прохожий. Тоже мне помощник.

О с и п. Быстрей бы.

Прохожий. Быстро только кошки.

О с и п. А теперь?

П р о х о ж и й. Вроде вышел.

О с и п. Кто: мальчик, девочка?

П р о х о ж и й. Парень, только он неживой.

О с и п (*упавшим голосом*). То есть как?

П р о х о ж и й (*раздраженно*). Как-как, мертвый, вот как!

О с и п (*со стоном*). Что с ней теперь будет, она так хотела сына!

П р о х о ж и й (*решительно*). Уж коли так хотела, заделаем... Вон поройся в этой куче, там, видно, всего навалом. Найди куклу какую ни то, завернем и подложим ей, она все одно пока не в себе. Попривыкнет и отойдет. Человек — скотина отходчивая.

О с и п. Разве так. (*Подходит к горе товаров, роется в ней, выбирает куклу и детское одеяло, кое-как заворачивает ее и кладет под бок Марии.*) Спи, родная!

Сверху раздается конское ржание.

П р о х о ж и й. Видно, уже жрать хочет. (*Принимается быстро одеваться в свою первоначальную робу.*) Дай-ка мне ведро, пряники отмочить. Пойду покормлю. Заодно и плод вынесу, похороню по-людски.

К о н е ц п е р в о й к а р т и н ы

КАРТИНА ВТОРАЯ

Обстановка та же. Только у постели Марии стоит детская коляска.

О с и п (*высвечивается из темноты*). Как я, провинциальный еврей, вечный студент, поэт-неудачник, сторож и дворник, мог оказаться в конце концов здесь, в этом месте, в такое время и с этой женщиной? Если бы еще год назад, даже уже в разгар смуты, какой-нибудь шутник сказал мне об этом, я бы счел это довольно дурной шуткой. Но я здесь, в нынешнее время и с этой женщиной. За одной стеной у меня три соратника Основоположника, наверху сам Основоположник, вернее, лошадь на его месте, сбоку, по закону убывающего плодородия, их дегенеративный наследник, а внутри я, моя женщина и ее несостоявшийся ребенок в виде гумовской куклы. Вот уж

действительно: мы рождены, чтоб Кафку сделать былью!
Господи, освободи меня от этого кошмара!

Загорается свет.

М а р и я (*в полубреду*). Ты посмотри, какой он хорошенький, весь в тебя, не отказывайся.

О с и п. Да-да, конечно, теперь я и сам вижу.

М а р и я. Ты будешь его любить?

О с и п. Я же все-таки отец!

М а р и я (*победно*). Признался наконец.

О с и п. Еще бы!

М а р и я. И такой спокойный, грудь не дергает, берет нежно-нежно. Какая прелесть!

О с и п. Действительно прелесть!

М а р и я. Если бы ты знал, Осип, как я всегда хотела от тебя ребенка!

Все уходит в темноту, оставляя нас наедине с ней.

Разве я не имела права на свою долю радости в этом мире? Чем одарила меня судьба? Что дала? Переходила из рук в руки, считая, что ждать мне на этом свете больше нечего, счастье обошло меня стороной и один прожитый захлеб день стоит спасения. И вот однажды я встретила Осипа. Что я в нем нашла? Не знаю. Просто он не был похож на тех, кого я встречала до него. И этого оказалось для меня достаточно. Но единственное, чего я ждала от него, — ребенка, а он не мог. Кто-то, не помню уж кто, надоумил меня пойти в церковь. Я и молиться-то толком не умела, я просто просила Господа простить рабе своей ее прегрешения и послать мне ребенка. И Господь, видно, услышал мои немудрящие молитвы. Чем мне отплатить Тебе, Господи!

Свет гаснет. В темноте раздается легкое конское ржание. Тут же свет вспыхивает. На пороге — П р о х о ж и й в дорогом пальто с меховым воротником и в пыжиковой шапке.

П р о х о ж и й. Нехорошо, товарищи, я понимаю, положение тяжелое, но не до того же, чтобы в таком священном для всякого советского человека месте устраивать жилье! И потом этот конь, и — где?

О с и п (*зло*). А вы кто такой?

П р о х о ж и й. Я бывал здесь как один из вождей партии и правительства.

О с и п. А спецбуфет вам здесь, дорогие вожди партии и правительства, можно устраивать, в таком священном для каждого советского человека месте?

Пр о х о ж и й (*с достоинством*). Это вопрос возраста некоторых наших товарищей, сочувствовать надо: несколько часов на ногах, на жаре или на холоде, это, сами понимаете, не всякий выдержит, вот и отдыхают товарищи по очереди.

О с и п. Ототдыхались, теперь наша очередь.

Пр о х о ж и й. Ну, зачем же так обострять, товарищ. Я ведь тоже понимаю положение, мне и самому сегодня деваться некуда.

О с и п. Хотите присоединиться?

Пр о х о ж и й (*смущенно*). В некотором роде — не мешало бы. Знаете, совсем замерз, хоть и одет соответственно. Хожу по городу — ни живой души. Третий день, поверьте, в туалете на Пушкинской ночью.

О с и п. А как же ваши знаменитые бомбоубежища? Там ведь, говорят, у вас запасов чуть не на сто лет.

Пр о х о ж и й (*еще смущеннее*). Не пускают.

О с и п. Что так?

Пр о х о ж и й. Я же бывший, мне туда дорога заказана.

О с и п (*смягчаясь*). Ладно, чего уж там, раздевайтесь, садитесь вот к печке, греться будем. У меня здесь запасов не меньше, чем у них в бомбоубежищах.

Пр о х о ж и й (*благодарно*). А я боялся, не примите.

О с и п. Почему же?

Пр о х о ж и й. Нас ведь в народе не очень любят, это мы знаем, нам докладывают. Понимаете: внутренние сводки.

О с и п. Да уж, прямо скажем, не за что.

Пр о х о ж и й. Все-таки мы что-то для народа сделали.

О с и п. Поэтому мы с вами здесь и оказались.

Пр о х о ж и й. Это не наша вина, объективные обстоятельства.

О с и п. Ох уж эти ваши объективные обстоятельства: в зубах навязло. Чаю хотите?

Пр о х о ж и й (*растроганно*). Не откажусь.

О с и п (*наливает ему чай в кружку*). Вам с сахаром?

Пр о х о ж и й. Если можно. (*Кивает в сторону Марии.*) А это, извиняюсь, у вас что же — жена?

О с и п. Жена. Без памяти. После родов.
П р о х о ж и й. Сочувствую.

Мария тихонько стонет.

О с и п. *(бросается к ней)*. Я здесь, родная.

М а р и я. Как малютка?

О с и п. Спит сном праведника.

М а р и я. Может, его покормить?

О с и п. У меня детского питания навалом. Тебе сейчас главное — спокойно отдыхать. Не беспокойся, ложись на меня.

М а р и я. Дай мне воды, пожалуйста.

О с и п. Может быть, чаю?

М а р и я. Нет, милый, холодной воды.

О с и п. Сейчас я натаю снегу. *(Срывается с места.)*
Через две минуты у тебя будет вода, Маша. *(Скрывается за дверным пологом.)*

Прохожий встает и тут же преобразается: вместо партийного вельможи перед нами элегантный господин с манерами изысканно светского человека.

П р о х о ж и й. *(подходя к Марии)*. Как вы себя чувствуете, сударыня?

М а р и я. Кто вы?

П р о х о ж и й. Когда-нибудь, если вы, конечно, захотите, я расскажу вам и о том, и о другом. Впрочем, если это вас так интересует, могу отрекомендоваться: я — артист тамбовской драмы. Точнее, герой-резонер. «Лес» Островского — моя стихия. Так как вы себя чувствуете?

М а р и я. Где Осип?

П р о х о ж и й. Вы имеете в виду того молодого человека, который только что был здесь?

М а р и я. Ради Бога, говорите, пожалуйста, прощел!

П р о х о ж и й. Могу и проще, и вообще по-разному, но с вами бы мне не хотелось, во всяком случае до определенного времени.

М а р и я. Я вас спрашиваю: где Осип?

П р о х о ж и й. Он же вам сказал: пошел за водой для вас.

М а р и я. Я очень волнуюсь.

П р о х о ж и й. Волноваться вам уже поздно.

М а р и я. *(встревоженно)*. Что такое?

Пр о х о ж и й. Все люди, как известно, смертны. Хотя в этом случае я тоже поучаствовал.

М а р и я (*кричит*). Что с ним?

Пр о х о ж и й. После того, что я вам сообщил, вопрос ваш просто неуместен.

М а р и я. Вы лжете!

Пр о х о ж и й. Меня не любят как раз за то, что я всегда говорю правду, но только не всегда утешительную.

М а р и я. Я не верю вам!

Пр о х о ж и й. Воля ваша.

М а р и я. Зачем вы лжете? Что вам от меня нужно?

Пр о х о ж и й. Я уже сказал, что никогда не лгу, а нужно мне от вас совсем немного: послушание. И тогда мы с вами обо всем договоримся.

М а р и я. Кто же вы наконец?

Пр о х о ж и й. Прохожий. И, хотя лошадь наверху — моя, я ею практически редко пользуюсь. Я больше хожу. Это развивает наблюдательность и, к тому же, способствует знакомству с великим множеством людей.

М а р и я. Но зачем вам я? Именно я?

Пр о х о ж и й. Первый разумный вопрос. Был бы выбор, я, наверное, нашел бы чего-нибудь получше, но выбирать больше не из чего, на земле почти никого не осталось. Ну, может быть, конечно, отсиживаются где-нибудь по норам, только я не оперативник из угрозыска, чтобы заниматься мелочными поисками, а тут и женщина, и место соответствующее.

М а р и я. Но у меня сын, понимаете, сын!

Пр о х о ж и й (*в полной темноте на его вдруг ожесточившемся лице сфокусировалось световое пятно*). Смотри же, чудак из Галилеи! Мало того, что люди глупы и злы, какими, впрочем, были всегда, они еще и ничтожные фантазеры, готовые верить в самые нелепые вещи. Они вознамерились построить всеобщее счастье, правда, на костях друг друга, но для начала построили только вот эту безвкусную усыпальницу с дармовым баром и утепленным туалетом под ней для своих косноязычных жрецов. Что из всего этого получилось, можешь теперь полюбоваться. Зачем уж Ты для них так старался, надо было оставить их своей участи!

Свет вспыхивает вновь.

(*Уже грубо.*) Неужели ты не видишь, что это кукла?

М а р и я (обиженно). Мой сын — не кукла, а человек.

П р о х о ж и й. Протри глаза, дура, это кукла, кукла из ГУМа.

М а р и я. Кто это вам сказал?

П р о х о ж и й (подносит куклу к самым ее глазам).
Смотри, смотри, смотри!

М а р и я. Вижу, это мой сын. И прошу вас осторожнее, вы можете сделать ему больно. Дайте-ка его мне. Вот так, мой дорогой, я тебя никому больше не отдам.

П р о х о ж и й. Да ты просто чокнутая.

М а р и я. Не более, чем ты.

П р о х о ж и й (хохочет). Вот как! Запомни: сколько стоит мир, не было существа нормальнее, чем я. Я даже слишком нормален для такого быдла, как вы.

М а р и я. Это и есть ненормальный.

П р о х о ж и й. Да что с этой дурой разговаривать! Оставайся здесь, пусть время само заканчивает с тобой свою работу, а гумовскую куклу прими от меня на память. Когда ты очухаешься, ты кое-что поймешь.

М а р и я. Уходите отсюда, я буду дожидаться Осипа.

П р о х о ж и й. Ты будешь ждать его слишком долго, чтобы дождаться.

М а р и я (упрямо). Все равно.

П р о х о ж и й. Будь ты проклята со своей беспробудной глупостью! (Он направляется к двери, по пути водой из ведра заливает огонь в печке и, перед тем как выйти, оборачивается к нам, весь свет в эту минуту направляется на него.) Ты все-таки проиграл мне, чудака из Галилеи!

Наступает крошечная тьма. Вскоре мы слышим конское ржание и удаляющийся цокот копыт. Затем во тьме вспыхивает язычок пламени в погасшей было печке, и тут же раздается пронзительный детский плач. Оживает и транзистор далекой музыкой вальса из «Доктора Живаго».

М а р и я (восторженно). Он плачет, он плачет, он плачет...

З а н а в е с

ПЬЕДЕСТАЛ

Метаморфоза в двух картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Н и к о л а й.

П а л ы ч.

А н н а.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Квадратное помещение с узким, наподобие амбразуры окном по фронтальной стене. В потолке зияет пролом. К нему приставлена деревянная лестница. Из обстановки: у правой стены прикрытый разным тряпьем топчан, посредине канцелярский двухтумбовый стол, вокруг него — венский стул, табуретка и расхристанное кресло. Слева — обитая клочковатым войлоком дверь. Помещение крайне захламлено. В сопровождении П а л ы ч а входит Н и к о л а й.

Н и к о л а й (*тянет носом*). Ну и запахок у тебя, отец!

П а л ы ч. Вот гость пошел: не успел за стол позвать, а он уже нос воротит.

Н и к о л а й. Ну извини, если обидел.

П а л ы ч (*миролюбиво*). Чего уж там, твоя правда, только я привык.

Н и к о л а й. Кроликов что ль разводишь?

П а л ы ч. Зачем кроликов: козел.

Н и к о л а й (*ошарашенно*). А это еще зачем?

П а л ы ч. Для тепла. И потом — молоко.

Н и к о л а й. Ты, я смотрю, шутник, отец: какое еще молоко?

П а л ы ч. Какое, какое, обнаковенное — козье.

Н и к о л а й (*насмешливо*). И много?

П а л ы ч. Нам с бабой хватает.

Н и к о л а й. А у тебя еще и баба есть?

П а л ы ч. Пока справляюсь.

Н и к о л а й. Молоток, отец. Здесь и держишь?

П а л ы ч (*в течение всего разговора открывает и ставит на стол принесенную с собой бутылку, достает из стола и протирает стаканы, сооружает кое-какую закуску*).

С козлом наверху и держу, ей там сподручнее: и покормит, и подоит, и приберет. Да и теплее там, возле козла-то.

Н и к о л а й. Да ты, дед, фаллократ.

П а л ы ч (*разливает по стаканам*). Чевой-то?

Н и к о л а й. Диктатор, значит.

П а л ы ч. С бабой только так, иначе забалует. (*Поднимает стакан.*) Ну, со свиданьицем, что ли?

Н и к о л а й (*чокается с ним*). Бывай, дед.

П а л ы ч (*выпив, занюхивает хлебом*). Эх, как ее только беспартийные пьют!

Н и к о л в й. Вместо воды.

П а л ы ч. Я тебя еще у магазина заприметил, думаю, у этого глаз догадливый, будет об чем перекинуться.

Н и к о л а й (*в тон ему*). Об чем же перекинемся, отец?

П а л ы ч. Об жизни.

Н и к о л а й. Об какой?

П а л ы ч (*разливает по второй*). Какая была, какая есть, какая будет.

Н и к о л а й. По большому счету, значит?

П а л ы ч. А чего мелочиться?

Н и к о л а й. Сначала, друже, нам с тобой надо выяснить: а была ли она вообще на земле.

П а л ы ч. Это как?

Н и к о л а й. В том смысле, отец, что можно ли это назвать жизнью?

П а л ы ч. Живем — хлеб жуем, винцом запиваем, чего еще надо?

Н и к о л а й. Не единым хлебом, отец, не единым хлебом, у настоящей жизни должны быть и другие признаки.

П а л ы ч. Ты давай закусывай, без закуси пить, и не такое загнешь.

Н и к о л а й. Закусывать — это пошло, дед. Хорошую выпивку украшает только прекрасная женщина.

П а л ы ч. Меня тоже после поддачи на бабу тянет. (*Разливает по стаканам.*) Уговорим остатнее, а там видно будет, глядишь, вторая засветит, а баба что — баба у нас

завсегда под боком. Я не жадный, я с другом всей душой поделюсь.

Н и к о л а й (*выпивает залпом*). Это же замечательно, друже: сидят два странствующих рыцаря за бутылкой доброго бургундского, и вдруг входит женщина ослепительной красоты, вся в голубом и белом!

П а л ы ч. Чего нет, того нет, братишка. Баба у меня страшнее атомной войны, хотя в смысле душевности мне хватает, тем паче, что у нее завсегда есть, как-никак сторожихой в продмаге. Правда, козлом несет и опохмеляется чаще нужного, но ежели после ведра, то годится.

Н и к о л а й (*в пьяном экстазе*). Друг мой, разве существуют на свете некрасивые женщины! Чушь! Она уже потому Божественна, что — женщина! Зови ее сюда, мой верный товарищ, пусть она украсит собой наш рыцарский стол. (*Запевает.*) «Налей полней бокалы, кто врет, что мы, брат, пьяны? За друга готов я хоть воду, но жаль, что с воды меня рвет...» «Возьмемся за руки, друзья, возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке...» Наливай, старина, душа взыскует!

П а л ы ч (*вскакивает, бросается к лестнице*). Придется нацедить, неровен час, плясать пойдет. (*Скрываясь в потолочном провале.*) Вот гость расплодился, хлебом не корми — дай спеть.

Н и к о л а й. «Под насыпью во рву некошеном, лежит и смотрит, как живая, в цветном платке, на косы брошенном, красивая и молодая... Вагоны шли привычной линией, подрагивали и скрипели. Молчали желтые и синие, в зеленых плакали и пели...» «А эту зиму звали Анной, она была прекрасней всех».

Сверху по лестнице спускается нечто громоздкое и бесформенное. Спустившись, существо сбрасывает с себя заношенную хламиду с капюшоном и оборачивается перед нами грациозной девушкой в белом и голубом.

А н н а. Вы, кажется, меня не ждали?

Н и к о л а й (*заметно трезвея*). Но откуда вы?

А н н а (*кивает наверх*). Оттуда.

Н и к о л а й. И вы там живете?

А н н а (*пожимает плечами*). Почему нет?

Н и к о л а й. Но...

А н н а. Жилье ничем не хуже других. Даже историческое, можно сказать, жилье.

Н и к о л а й. Историческое!

А н н а. Сознавайтесь, что вы начали еще у продмага, иначе вы давно бы догадались, куда пришли.

Н и к о л а й. Вы правы, действительно первый килограмм мы приняли, как говорится, не отходя от кассы.

А н н а. Это, мягко говоря, бросается в глаза. Здесь пьедестал, вернее, его интерьер.

Н и к о л а й *(ошарашенно)*. Чей еще?

А н н а. Вождя и учителя, лучшего друга советских заключенных.

Н и к о л а й *(кивает вверх)*. А там?

А н н а. Сапог.

Н и к о л а й. Господи!

А н н а. Ничего удивительного, к сожалению, у нас разучились не только строить, но и ломать: памятник снесли, а с одним сапогом не справились, вот и смастерилось вполне сносное жилище.

Н и к о л а й. И там можно жить?

А н н а. Еще как!

Н и к о л а й. А козел?

А н н а. Очень миленький козлик, гораздо человечнее многих из нас. К тому же чистоплотен.

Н и к о л а й. Не сказал бы.

А н н а. Это без привычки.

Н и к о л а й. Хозяин утверждает, что он еще и до-ится.

А н н а *(загадочно)*. Время от времени.

Н и к о л а й. У меня голова кругом идет, давайте выпьем, что ли?

А н н а. В принципе я не пью, но иногда не мешает.

Н и к о л а й *(смотрит в бутылку на свет)*. В хорошей компании никогда не мешает. Кажется, осталось. *(Разливает по стаканам.)* Будто специально для вас.

А н н а *(поднимая стакан)*. За что же выпьем?

Н и к о л а й. За вас. За прекрасную сторожиху!

А н н а *(чокается с ним, пьет)*. Будь по-вашему. Только недолго мне осталось сторожить.

Н и к о л а й. Действительно, вы достойны лучшей участи.

А н н а. Во всяком случае пока что эта работа меня устраивает: ночь дежурства, двое суток дома.

Н и к о л а й *(заигрывая)*. А между?

А н н а. А между — институт иностранных языков, вечернее отделение: английский и санскрит.

Н и к о л а й (*хватается за голову*). Час от часу не легче! У меня голова буквально идет кругом. Да кто же вы наконец такая, откуда вы и как вы сюда попали?

А н н а (*в зал*). Я простая девочка из провинции. Есть такой городок на Каме — Чистополь называется. Там я родилась и выросла, там окончила школу и впервые влюбилась. Он и сейчас снится мне по ночам, этот городок, весь то в снегах, то в белом цвету черемухи, с петушиным криком по утрам и пароходными гудками над рекой.

Возникает мелодия старинного вальса.

А потом? Потом что-то вдруг случилось, будто кто-то одним махом смазал краски на холсте: и земля встала дыбом, и обуглилось солнце, и пошли гулять по свету невиданные мятежи. Меня бросало, как щепку в море крови и слез из одной стороны в другую, помню: театр музкомедии в Пятигорске, мужья, офицеры, а может быть, красные командиры, дети-школьники, а может быть, гимназисты, Печорлаг, конторские «Ундервуды», бараки и коммуналки, пока судьба не забросила меня в этот сапог, где я наконец обрела покой и равновесие...

Н и к о л а й (*удивленно*). Музыка?.. Откуда здесь музыка?

А н н а (*вынимает из тумбы стола уже включенный кассетник, бутылку марочного вина, бокалы, в один из которых опускает розу*). Никаких чудес, милый, как видите, никаких чудес.

Н и к о л а й. Вы сами — чудо!

А н н а (*разливает вино по бокалам, поднимает молчаливый тост и пьет вместе с ним*). Давайте лучше танцевать.

Н и к о л а й. Ни слова больше: приглашаю я. (*Встает, церемонно раскланивается, берет ее за руку.*)

И они принимаются тихо кружиться под мелодию все того же вальса. Исподволь вальс переходит в танго, затем в шейк и рок, после чего снова возвращается к первоначальному ритму.

А н н а. Ах, как кружится голова, как голова кружится...

Н и к о л а й. Ты устала, девочка моя, приляг, а я посижу возле тебя. (*Будто мантию, набрасывает на нее ее хламиду с капюшоном, ведет к топчану, помогает ей улечься.*) Вот так. Спи, мой ангел. Боже мой, она ослепительна!

Она затихает под его рукой. Он встает, направляется к столу и обессиленно валится в кресло. Сверху, с бутылкой в руке, спускается Палыч.

П а л ы ч. Я смотрю, вы тут гульнули по буфету.

Н и к о л а й. Тебе этого не понять, дед.

П а л ы ч (*насмешливо*). Где уж нам уж выйти замуж.

Н и к о л а й. Тиши, дед, она спит.

П а л ы ч. Не велика барыня, не растает. (*Разливает по стаканам.*) Ты с этим квасом боеголовку не мешай, похмелье потом загрызет.

Н и к о л а й (*поднимает стакан*). Откуда она у тебя, гонишь, что ли?

П а л ы ч (*обиженно*). Зачем мне на статью нарываться, когда у меня козел есть.

Н и к о л а й. Он у тебя и водярой доится?

П а л ы ч (*загадочно*). Когда чем.

Н и к о л а й. Не прост ты, Палыч, ох не прост.

П а л ы ч. Простота, она, говорят, хуже воровства. Поживи с мое, тогда и начнешь рот разевать, будешь прост — снесут на погост. Я по таким дорожкам прошел, где шаг влево, шаг вправо и — каюк.

Н и к о л а й. Сидел, что ли?

П а л ы ч. И сидел, и лежал, и ходил, и бегал. Не мне рассказывать, не тебе слушать.

Н и к о л а й. Ну извини, извини, дед. Давай еще по одной?

П а л ы ч (*разливает*). Это другое дело, за милую душу. (*Выпивает.*) Ну как тебе баба моя?

Н и к о л а й. Откуда только тебе такая досталась, дед? (*Выпивает.*) Где только теперь такие водятся?

П а л ы ч. Оно, конечно, где нам в лаптях до вас в калошах, такие, как ты, к разным мамзелям привыкшие, да, извиняйте, других мне взять неоткуда, не по карману, у меня для лестарантов наличности — вошь на аркане. Страшна-то она, может, и страшна, зато — даром.

Н и к о л а й. Ты что это — всерьез, дед? (*Начинает поклевывать носом.*) Это тебе подарок судьбы.

П а л ы ч. Ишь, как заело.

Н и к о л а й (*почти засыпая*). Не то, дед, не те слова говоришь.

П а л ы ч. Молодой ишшо словам меня обучать, я их знаешь сколько знаю: книгу напиши — останется.

Н и к о л а й (*уже засыпая*). Тогда расскажи чего-нибудь.

П а л ы ч (*убедившись, что тот уснул*). О чем же я тебе расскажу, юноша? Рассказать свою жизнь — это значит целиком процитировать Библию, но это так утомительно, что ты едва ли выдержал бы до конца. К тому же все там настолько нелепо, что, как помнится, при мне выразился однажды Тертуллиан, чистейшая правда, а кто, скажи мне, мой молодой друг, любит правду? Тем более она не нужна тебе, у меня на твое будущее совсем другие планы.

А н н а (*тихо*). Спит?

П а л ы ч. От такого количества солдатская рота давно бы лежала влежку.

А н н а. Он очень молод.

П а л ы ч. Это, к счастью, всегда временно.

А н н а. Отпусти его, зачем он тебя?

П а л ы ч. Я хочу попробовать еще раз.

А н н а. Опять кончится тем же самым.

П а л ы ч. Как знать.

А н н а. Почему опять у них?

П а л ы ч. Хорошее сочетание — варвары и анархисты: падки на всяческие мифы и романтичны во всем, даже в палачестве.

А н н а. Не много ли для них?

П а л ы ч. Каждое последующее поколение уже ничего не помнит.

А н н а. Мне его жалко.

П а л ы ч. Ты еще не отвыкла от этого скверного чувства?

А н н а. Это не так легко, как ты думаешь.

П а л ы ч (*позевывая*). Ох, ох, ох, грехи человеческие! (*Встает.*) Тем не менее мне тоже время от времени нужно отдыхать. (*Поднимается по лестнице.*) О, мирская суета!

Анна поднимается и садится на край топчана, пристально вглядываясь в спящего Николая. Затем встает и подходит к нему, гладит его по голове.

А н н а. Если бы ты знал, как мне тебя жалко! Зачем тебе медные трубы, зачем тебе кого-то, куда-то везти, зачем соблазнять слабодушных, они уже и так на краю.

Кто-то требовательно стучится в дверь, и голос Анны мгновенно преобразается.

Чего нужно?

Хриплый голос из-за двери: «Палыч дома?»

Ходят тут всякие, нальют zenки и прутся, кто ни попадя.

Тот же голос, из-за двери: «Душа горит».

Ходи мимо, пьянь перекатная, пока дрыном не поперла. Палыча ему, душа у него горит, подставляй — зассу. Тут тебе что, забегаловка, что ли, или спиртзавод? Еще раз стукнешь, мигом в отделение отправлю!

Голос за дверью удаляется: «У, хипесница вонючая, попомни, я тебе еще заделаю козу во все дырки!»

Проваливай, пес шелудивый, грозильщик нашелся, не вешай лапшу на уши. *(Снова оборачивается к спящему Николаю.)* Куда ты их таких поведешь, милый! Они уже давно себя не помнят и давно забыли, зачем вообще существуют на свете. Оставь их самим себе, пусть допьют хотя бы эту чашу до дна, тогда, может быть, они еще проснутся! *(Тихонько запекает.)* «Баю-баюшки-баю, не ложися на краю, а то с краю упадешь и головку расшибешь...» *(В зал сквозь слезы.)* «Слушай, товарищ, война началась, бросай свое дело, на фронт собирайся...» *(Она подходит к столу и наливает себе полный стакан водки и залпом выпивает.)*

Сверху раздается громкое бляенье.

Заткнись, старый козел!

З а н а в е с

КАРТИНА ВТОРАЯ

Обстановка та же. Сверху спускается П а л ы ч. Он в меру прифранчен и выбран: типичный представитель передового пролетариата, собравшийся на праздничное действо.

П а л ы ч. Будущий вождь поживает.

А н н а *(умоляюще)*. Может быть, ты все же оставишь его в покое.

П а л ы ч. Теперь уже поздно, я — решил.

А н н а. И все же.

П а л ы ч *(раздраженно)*. Ты начинаешь мне действовать на нервы. Займись им всерьез, и чтобы к моему возвращению он был готов. *(Внимательно всматривается в нее.)* Уж ты не влюбилась ли?

А н н а. Я сказала: мне его жалко.

П а л ы ч. Женская жалость — это уже любовь. Впрочем, мне все равно, ты обязана сделать свою работу.

А н н а (в отчаянии). А если я не могу?

П а л ы ч. Ты знаешь, что тебя ждет.

А н н а. Но не всегда женщина может все.

П а л ы ч (жестко). Если захочет, сможет. (Смотрит на часы.) Там уже, видно, собираются, я пойду готовить почву. Как только он придет в форму, мы выпустим его на арену. (Прокашливается и, глядя перед собой, начинает «под Брежнева».) Дорогие товарищи! Я институтов не проходил, я буду говорить по-простому, по-рабочему: пора кончать с бюрократизмом и уравниловкой. Пора старикам по шапке. Как в песне поется, старикам различный почет, а молодым прямая дорога на руководящую работу. И хотя я лично сам от станка, от самой что ни на есть сохи, выдвигать надо народ побашковитей, чтобы с дипломом и прочее, а то опять наш брат-выдвиженец дров наломает. Скажу по правде, есть у меня на примете один хлопец. (Анне.) Годится? По-моему, вполне в духе и стиле времени.

А н н а. Как тебе не надоест!

П а л ы ч. Это моя работа.

А н н а. Когда только она кончится!

П а л ы ч. Ты прекрасно знаешь — никогда. (Направляется к выходу.) Как говорят в народе, кровь из носа, но через час он должен быть готов. (Выходит.)

Н и к о л а й (приходит в себя). Я, кажется, заснул?.. Свинья — при даме. Простите меня Бога ради.

А н н а. Вам налить?

Н и к о л а й. Как вы говорите, иногда не мешает.

А н н а (наливает ему). Только немного, а то вы опять заснете.

Н и к о л а й (пьет). Еще раз извините.

А н н а. Пустяки. Вам лучше?

Н и к о л а й. Еще бы!

А н н а. Вот и замечательно, Николай Иванович!

Н и к о л а й. Вы знаете, как меня зовут?

А н н а. Я знаю о вас все. Родился в трудовой интеллигентной семье, окончил школу с золотой медалью, затем волгоградский университет по физико-математическому отделению, аспирант, несколько научных открытий, горячий сторонник перестройки.

Н и к о л а й *(удивленно)*. Вы — хиромантка?

А н н а. Все гораздо проще, Николай Иванович в местной газете о вас был напечатан очерк. С портретом. Вот и все.

Н и к о л а й. Там все преувеличено: обычная газетная клюква.

А н н а. Не скромничайте, Николай, вы действительно прирожденный лидер.

Н и к о л а й *(польщенно)*. С чего это вы взяли?

А н н а. В вас есть харизма, женщина это чувствует с первого взгляда.

Н и к о л а й. Только зачем она мне, эта самая харизма?

А н н а. Не скажите. Вокруг происходят такие события, когда у человека с вашими данными есть шанс притронуться к оперению жар-птицы.

Н и к о л а й. Если птица — это вы, то я готов.

А н н а. Я серьезно.

Н и к о л а й. И я.

А н н а. Об этом потом, а сейчас я хотела бы спросить у вас: неужели вам не хотелось бы власти?

Н и к о л а й. А что я с нею буду делать?

А н н а *(загораясь)*. Власть — это все, Коля: слава, деньги, женщины, возможность исполнить любое желание.

Н и к о л а й. К славе я почти равнодушен, моей зарплаты плюс премиальные мне хватает, из женщин меня вполне устраиваете вы, а всех желаний не утолишь.

А н н а. Но подумайте, Коля, сколько можно сделать добра, какое проявить милосердие: помочь, утешить, обрадовать.

Н и к о л а й. Кто-то из Романовых воскликнул однажды, имея в виду одного из своих придворных: «И за что он меня так ненавидит, я не сделал ему ничего хорошего!» На мой взгляд, весьма поучительно.

А н н а *(умоляюще)*. Вы только начните, Коля, вы увидите, вам это понравится, вы только начните. Вам помогут, а когда вас при вашем уме и способностях по-настоящему узнают, вы обойдетесь и без посторонней помощи. *(Мечтательно.)* Годы пролетят для вас незаметно, и я уверена, что на этом же месте вам при жизни воздвигнут монумент, которому еще не было равного в прошлом.

Н и к о л а й. Козла оставят?

А н н а. Не шутите так, Коля.

Н и к о л а й. Но хотя бы вас.

А н н а. Зачем я вам, Коля, у вас будет из кого выбирать.

Н и к о л а й. А я уже выбрал.

А н н а. Лишь бы вы решились.

Н и к о л а й *(привлекает ее к себе)*. А я уже решил.
(Целует ее.)

А н н а. Я за тобой с закрытыми глазами.

Н и к о л а й. Что я должен сделать?

А н н а. Сейчас вернется Палыч, он поведет тебя на одно собрание, ты только покажешься и произнесешь несколько слов.

Н и к о л а й. И все?

А н н а. Абсолютно.

Н и к о л а й. Заметано.

Вновь как бы из ничего возникает прежняя музыка. Николай бережно снимает с нее ее хламиду, и они начинают медленно вальсировать, тесно прижимая друг к другу.

Ты знаешь, со мной еще никогда такого не было.

А н н а. И со мной.

Н и к о л а й. Ты не пожалеешь?

А н н а. Никогда.

Н и к о л а й. Тогда будь что будет!

А н н а. Я уже вижу: будет пьедестал, Коля.

Н и к о л а й. Без тебя он мне не нужен, Анна.

А н н а. Я и ты — теперь одно и то же.

На пороге возникает П а л ы ч. Некоторое время он одобрительно наблюдает за ними.

П а л ы ч. Совет да любовь, совет да любовь! Однако народ ждет, народ волнуется, пора и честь знать. *(Опять «под Брежнева».)* Трудовые коллективы предприятий, колхозов и совхозов, а также других организаций хотят видеть своего кандидата на предмет разговора по текущим вопросам в смысле выполнения и перевыполнения...

Н и к о л а й *(отпуская Анну)*. Глас народа — глас Божий. *(В тон ему.)* Идя навстречу пожеланиям трудящихся, хочу заверить собравшихся, что отдам все силы на подъем и развитие...

П а л ы ч. Вот это дело! Ай да Анька, ай да молодец!

А н н а (*сквозь слезы*). Отпусти ты его душу на покаяние!

П а л ы ч (*отмахиваясь*). Баба, она баба и есть.

Н и к о л а й. Ты, дед, не зарывайся.

П а л ы ч (*деловито*). Вот там в углу рукомойник, пойдисполоснись, малость вычисти перья, ноги в руки, и замной. Народу собралось порядочно, я их уже подзавел, твое дело показать им будку да пару слов толкнуть.

Николай отходит в угол, плещется под рукомойником.

А н н а. Может быть, все-таки отступиться?

П а л ы ч. Держи себя в руках, Анна.

А н н а. Есть множество других.

П а л ы ч. Не тот матерьял.

А н н а. На этот раз уступи мне его.

П а л ы ч. Никуда он от тебя не денется.

А н н а. Совсем уступи.

П а л ы ч. Уже слишком поздно.

А н н а. Тогда я сама его возьму.

П а л ы ч (*жестко*). Попробуй.

Николай возвращается.

А н н а (*с вызовом*). Коля, не ходи никуда.

Н и к о л а й. Ты передумала?

А н н а. Ты обойдешься без этого.

Н и к о л а й. Что вдруг?

А н н а. Ты погибнешь.

Н и к о л а й (*самолюбиво*). Ну, это мы еще посмотрим.

А н н а. Не ходи, Коля.

Н и к о л а й. Как говорили наши герои, отступить некуда, позади — Москва.

П а л ы ч. Впереди, Николай, впереди.

А н н а. Всё это дым, Коля, мираж, фата-моргана. Водка — ворованный спирт пополам с водой, вино — опивки из ближней забегаловки, роза — тряпошная с могилы на здешнем кладбище, а Палыч — чокнутый алкаш на пенсии. (*Почти кричит.*) Не ходи-и-!

Н и к о л а й (*входя в раж*). А козел? Козел настоящий? А ты сама?

А н н а. Останься — узнаешь.

Н и к о л а й. Нет уж, теперь не отступлю.

П а л ы ч (*одобрительно торопит его*). Чего тары-бары

растабарывать: сказано — народ ждет. (*Увлекает его к выходу.*) Держи хвост пистолетом, однава живем, Николай Иваныч!

Н и к о л а й (*выходя следом за ним*). Я скоро вернусь, Анна, скоро вернусь, дождись меня, не уходи, я еще многого тебе не сказал.

Уходят.

Анна остается одна. Она опять наливает себе полный стакан водки. Залпом выпивает и с маху разбивает стакан об пол. Выхватывает из бокала розу и бросает на пол, топчет ногами.

А н н а (*в зал*). «Слушай, товарищ, война началась, бросай свое дело, на фронт собирайся...»

Сверху раздается громкое бляенье.

(*Грозит кулаком вверх.*) Будь ты проклят, будь ты проклят, будь ты проклят!

З а н а в е с

МУЗЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ

Застолье в двух картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

О л е г.

В е р а.

Ю р и й К а р л о в и ч.

Д я д я С а ш а.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Двухсветный зал. На переднем плане выгорожен макет северной избы со стендами в самой глубине. Справа, около прялки, у входа сидит В е р а в национальном костюме. Она настолько неподвижна, что по началу кажется манекеном. Выходит О л е г, оглядывается.

О л е г. О чем задумались, девушка?

В е р а (*вздрагивая*). А!.. Извините... Сомлела.

О л е. С чего бы это?

В е р а. А вот так целый день сидишь, сидишь и сомлеешь.

О л е г. А зачем столько сидеть?

В е р а. У меня работа такая.

О л е. Работа?

В е р а. Ну да, я тут экспонатом работаю.

О л е г. Я бы поработал.

В е р а. А вы сами откуда?

О л е г. Я здешний.

В е р а. Здешних не берут.

О л е г. Дискриминация.

В е р а. Чего?

О л е г. Неуважение, значит.

В е р а. Не потому совсем.

О л е г. Чем же здешние не угодили?

В е р а. А вас много.

- О л е г. А вас?
- В е р а. Ученые считают, одно село на всю страну.
- О л е г. Ну уж и одно.
- В е р а. Точно одно, в науке подсчитано.
- О л е г. Средь высоких хлебов, что ли, затерялся?
- В е р а. А вы откуда знаете?
- О л е г. Догадываюсь.
- В е р а. Нас мало.
- О л е г. Но мы в тельняшках.
- В е р а. Вы шутите, а ученые говорят...
- О л е г. Что ученые говорят?
- В е р а. Что Ижма одна на весь свет.
- О л е г. Не слышал.
- В е р а. В книжках пишут, а вы не слышали.
- О л е г. Я книжек не читаю.
- В е р а. Чудно.
- О л е г. Я их пишу.
- В е р а. (*восхищенно*). Так вы писатель?
- О л е г. Почти.
- В е р а. Не пойму.
- О л е г. Я их пишу, а их не печатают.
- В е р а. Без разницы — главное, что пишете.
- О л е г. Хм, хорошая мысль, запомню.
- В е р а. Мне не жалко.
- О л е г. У вас все в Имже такие?
- В е р а. Не Имжа, а Ижма.
- О л е г. Прошу извинить.
- В е р а. Чего уж!
- О л е г. А далеко это — Ижма?
- В е р а. На Ижме. Река такая.
- О л е г. Не слышал.
- В е р а. В Печорском краю.
- О л е г. Далеко.
- В е р а. Не дальше земли.
- О л е г. Да вы поэт, девушка!
- В е р а. Какая есть.
- О л е г. И много таких в Ижме?
- В е р а. Хватает.
- О л е г. Хочу в Ижму!
- В е р а. Сели бы и поехали. Правда, скучно у нас там: дожди да снега, ветра да туманы, только по весне и развиднеется коротко, а потом сизнова.
- О л е г. Значит, в Москву за песнями?

В е р а. Песен у нас своих хватает, слушать некому: одни старики со старухами да алкаши с инвалидами, какие уж там песни! Я ведь и в Москву-то наладилась в музыкальное училище поступать, я самоучкой с детства на гармошке навострилась, только тут таких вроде меня целая прорва со всех концов съехалась, не прошла я по конкурсу, деваться некуда: обратно в Ижму совестно — засмеют, а оставаться — как жить, да и негде. Так бы и куковала теперь по скамейкам, коли б не дядя Саша.

О л е г. Земляк что ли?

В е р а. Обратно нет, дядя Саша тутошний, он в этом музее сторожует, поговорил за меня с Юрием Карлычем.

О л е г. Смотрите, какие связи у человека — на самого Юрия Карлыча выходит. И кто же это — Юрий Карлыч?

Слева в углу оживает казавшаяся до сих пор неподвижной фигура мужика в ватнике, мастерающего какую-то поделку. Это и есть дядя С а ш а.

Д я д я С а ш а. Много будешь знать, скоро состаришься. Ты чего это тут любопытствуешь, с чем пришел, зачем пожаловал?

О л е г. Материалы для книги собираю, отец, хочу о Севере написать.

Д я д я С а ш а. Пишут, пишут, а что толку писать, чего надо, давно написано. Это вас все энтот, который с бородой, сбаламутил, сказывают, большую мошну набил, вот вы и кинулись все бумагу изводить.

О л е г. Не в деньгах счастье, папаша, истину ищу, правду то есть.

Д я д я С а ш а. Знаем мы вашу правду: твое мое и мое мое, ты помри нынче, а я завтрава, то я на тебе поеду, то ты меня повезешь. Больно остры все стали на чужом горбу в рай ездить. Правды он ищет! Знаешь, где она, эта самая твоя правда?

О л е г. Если бы!

Д я д я С а ш а. За кудыкины горы спряталась. Нечего ей с вами, сукиными детьми, делать — правде этой. Вконец опаскудились, всякий свою паскудную кривденку за правду норовит выдать. Бывало, ведешь такого к стенке, паршивец по дороге уже под себя ходит, соплей утирается, а языком трепать — Егорий Победоносец. Вот и получай девять грамм в затылок, ежели такой герой...

В е р а (умоляюще). Дядя Саша!

Дядя Саша (*ворчливо*). Ишь, какая сахарная, уж и слова не скажи. (*К Олегу.*) Ну, чего тебе?

Олег. У вас ведь, видно, Юрий Карлович все решает, может, мне с ним поговорить.

Дядя Саша. Ишь, с самим Карлычем ему, а мы, видать, таким, вроде него, не ровня. Захочут только они с тобой разговоры разводить, это как сказать.

Вера (*снова умоляюще*). Дядя Саша!

Дядя Саша. Ладно, ладно, пойду кликну, а захочут — не захочут, не мое дело. (*Идет в угол и скрывается за одним из стендов.*)

Вера. Вы его особо не слушайте, это его после запыя ломает, а когда отойдет, мухи не обидит, рубаху с себя сымет последнюю.

Олег. И с первого встречного.

Вера. Нет, правда! Дядя Саша человека завсегда выручит. Кто б меня тут без дяди Саши устроил, уму-разуму научил.

Олег. Он еще и наставник, выходит?

Вера. Я в Москве как слепая кутя очутилась, куда идти, кого просить, кто научит, вот дядя Саша и научил. Что мне тут, в музее этом? Платят-то пятьдесят рэ с мелочью, а я еще молодая совсем, мне и поесть, и одеться хочется. На такую зарплату не больно-то разбежишься, на одни колготки в три раза больше уходит.

Олег. Так вы в три смены, что ли, здесь сидите?

Вера. Зачем здесь, я у трех вокзалов приварок имею.

Олег. Чего?

Вера. С девяти до пяти отсижу, кроме выходных, перышки почищу, марафет наведу и к восьми на Ярославский. Там пассажир больше издалека: непуганый, без закидонов, денежный. Иногда два стольника за ночь набирается, а иногда и фарцой кое-чего обломится. А дядя Саша и по клиентам мастер, и купить-продать, выменять — лучше не сыщешь. Юрий Карлыч опять же помогает.

Олег. Север... Ижма... Народные традиции... Юрий Карлыч... Дядя Саша... Три вокзала... Колготки... Фарца... Господи, да неужели это все наяву!

Вера (*вдруг настораживаясь*). Тише... Идет... Юрий Карлыч... Он у нас строгий.

Из-за стенда в углу появляется Ю р и й К а р л о в и ч. Он при боярской бороде, в пончо и шлепанцах на босу ногу.

Юрий Карлович (*передвигается несколько зигзагообразно, с остановками*). Кто здесь, извините, по мою душу? (*Икает.*) Прошу, прошу, без церемоний, у меня секретов от посетителей нет. Здравствуй, как сказал поэт, племя младое, незнакомое! (*Устраивается за столом, выпрастывает из-под пончо и ставит перед собой початую бутылку.*) Вероник, приборы, проще говоря, стаканы.

Вера (*бросается к полкам*). В один оборот, Юрий Карлыч.

Юрий Карлович (*рассматривает Олега*). Значит, интересуетесь Крайним Севером, молодой человек? Похвально, похвально, в наше сугубо прагматическое время приятно встретить юного идеалиста, еще не утратившего вкуса к настоящей науке... Да вы садитесь, садитесь, у нас здесь все запросто, как в народе: чем богаты, тем и рады.

Вера (*расставляя посуду*). Вы только закусывайте, Юрий Карлыч, а то неровен час, как в прошлый раз...

Юрий Карлович (*прижимает палец к губам*). Тсс... Ни слова, о друг мой, ни вздоха, о любви не говори, о ней все сказано, я хочу забыться и заснуть. (*К Олегу.*) Разливайте, молодой человек, а то обидится. Ну, как в народе говорят, со свиданьем.

Вера (*пьет, удушливо кашляет*). Это что... Серная кислота, что ли?

Юрий Карлович. Обыкновенный формалин в смеси с денатуратом, добавлено немного очищенной политуры для букета. Божественный напиток, не правда ли?

Вера (*после выпитого скромно обтирает губы кончиком головного платка*). Будто ликер.

Юрий Карлович. Значит, интересуетесь Крайним Севером, молодой человек? Ремесла, традиции, язык и так далее, извините, и так далее. Что же я могу рассказать вам об этом предмете, мой юный друг? Крайний Север — это... Это... Это... (*Заплетающимся языком.*) Помню, в Карлаге вызывает меня начальник надзорслужбы Кулиев и говорит, если, говорит, ты мне и дальше нормы давать не будешь, крыса ученая, я тебя на доходиловке бантиком завяжу. Или еще, помню, на Ухте в самые морозы блатные барак подожгли. Как сказали бы в народе, смеху было полны штаны... Или вот...

Вера. Вы закусывайте, Юрий Карлыч, закусывайте, вредно без закуски, сердце опять сорвется.

Ю р и й К а р л о в и ч (*отмахивается*). Когда говорят ученые, дамы молчат... Значит, интересуется народным творчеством нашего Севера, коллега?.. Помню, в Норильске на инвалидной командировке мы коробочки из берестовой коры для начальства мастырили. Можно сказать, золотое дно для доходяг вроде нас, одной каши по две миски с верхом на рыло обламывалось. Мы тогда на тех коробочках такие узоры выжигали, куда нынешним умельцам, кишка тонка. (*Разливает по стаканам.*) Пейте, мой юный друг, в другом месте вам такого не нальют.

О л е г (*пьет*). Пожалуй... У этой влаги мощь нейтронной бомбы: тело — в прах, а душе хоть бы что.

Ю р и й К а р л о в и ч. Сыграй нам, моя дорогая девочка, взволнуй наши замерзлые сердца родимым напевом!

В е р а (*бросается к одному из стендов, снимает с него гармошку, принимается наигрывать «Я с комариком»*). Это у нас запросто, это мы всегда со всей душой. «Я с комариком, я с комариком, я с комариком плясала, с комариком плясала. Комарик ножку мне, комарик ножку мне, комарик ножку отдал, все косточки раздробил...»

Ю р и й К а р л о в и ч (*пускается в пляс, увлекая за собой Олега*). Гуляй, рвань, пока трамваи ходят!

Постепенно танец превращается в сомнамбулическое кружение.

Х о р о м. «Во саду ли в огороде поймали китайца, руки-ноги оторвали, кое-что болтается...» «На бан мы прикатали и свистнули мешок, в мешке большая дырка и хлебушка кусок. Подначивай да поворачивай, если шухер на бану, все заначивай...»

Ю р и й К а р л о в и ч (*отдуваясь*). Ох, ох, ох... Закружили старика... В народе говорят, пора и честь знать... Пойду, прилягу... Продолжайте без меня... Люби покуда любится, гуляй пока гуляется... Цитирую по памяти... Адью... (*Скрывается за стендом.*)

В е р а. Набрался старичок.

О л е г. Ну, смотрю, у вас и малина, для знатоков с Петровки целый клад: есть на чем развернуться.

В е р а. Нормалек. Не берите в голову, нынче все такто, хочешь жить, умей крутиться, теперь возникать — себе дороже, рот раскрыть не соберешься, как тебе шею винтом вывернут. Одна всему мера: живи и не рыпайся.

О л е г. А я не хочу по этой мере! Не хочу!

В е р а. Вот и плохо. Коли себя не жалко, жену, детей пожалейте.

О л е г. Слава Богу, нет у меня ни жены, ни детей.

В е р а. Может, и к лучшему, забот меньше.

О л е г (*вдруг, как бы приходя в себя*). А вы бы за меня пошли?

В е р а (*просто*). А чего не пойти, коли человек хороший.

О л е г. Вот так, сразу?

В е р а. Резину тянуть — только дело портить.

О л е г. Считайте, что я вам сделал предложение.

В е р а. Только зря охмурять меня незачем, с вами я и так могу.

О л е г. За наличные.

В е р а (*обиженно*). Зачем же? С вами я и задаром могу, вы симпатичный.

О л е г. Эх вы, девочка, маленькая девочка из Ижмы! Проклятый век! Проклятое время! Жить бы вам и жить там среди снегов и болот, выйти замуж, нарожать детей, вырастить их, вынянчить внуков и в свой час отдать Богу душу без мук и сожалений. Но какая-то мстительная сила срывает таких, как вы, с насиженного поколениями места, втягивает в свою гибельную воронку, измочаливает им ум и душу, превращая их в конце концов в полый человеческий мусор. Когда мы только выберемся из этого зловонного омута? И выберемся ли?

В е р а. Чудно́ это вы все говорите.

Из-за того же стенда появляется дядя Саша.

Д я д я С а ш а. Спойли Карлыча, козлы. Теперь его неделю похмелять придется, пока не отойдет. (*Садится за стол, смотрит на свет бутылку.*) Как раз на один заход. (*Наливает, пьет.*) По науке заделано, сразу на кристалл ложится. Опять же в мозгах полное прояснение. (*Закусывает.*) Я так скажу: жись кругом наперекосяк пошла, пора отседова ноги уносить.

О л е г (*насмешливо*). На Северный полюс наладился? Или на Южный?

Д я д я С а ш а. Чего я там не видал, волков или ведмедей, что ли? Мне, куда потеплей, сподручнее, кости старые отогреть. Я к еврейцам налажусь, мне уже и справочку хороший человек спроворил, что я сам жидовской

веры, есть такой народец в Воронежской области, вроде русаки, а ихнему Богу молятся. Бумаги подавать буду, скажут обрезать — обрежусь, от меня с этого ошметка не убудет.

О л е г (*наливает, пьет*). Ликуй, Израиль, грядет российский Мессия на Земле Обетованной: научит самогон гнать и пить без закуски, а про бутылки сдавать я уже и не говорю!

В е р а. Хватит вам пить гадость эту, шли бы вы тоже отдохнули, у нас места много. (*Помогает ему подняться, ведет за собой.*) Вот так... Вот сюда... Хороший сон слаще вина, ляжешь камушком, встанешь калачиком...

Скрываются за стендом.

Дядя С а ш а (*встает, глядит перед собой*). Кажется, на этот раз мне попался довольно заурядный экземпляр. Что ж, тем корректнее будет эксперимент!

З а н а в е с

КАРТИНА ВТОРАЯ

Обстановка та же. Дядя С а ш а один за столом. Входит В е р а.

В е р а. Кто бы только знал, как мне все это надоело!

Дядя С а ш а. Уже?

В е р а. Давно.

Дядя С а ш а. Настоящая работа только начинается.

В е р а. От этой работы хоть снова в петлю!

Дядя С а ш а. Я тебя из нее вынул, я же могу вернуть тебя в прежнее положение.

В е р а. Не пугайте, я давно не боюсь.

Дядя С а ш а. Ой ли?

В е р а. Да, да, не боюсь!

Дядя С а ш а (*снова рассматривает бутылку на свет*). Ты же прекрасно знаешь, что это обыкновенная вода, с чего это тебя так раззадорило?

В е р а. Я сказала: мне надоело.

Дядя С а ш а. Мне придется тебя несколько протрезвить. (*Подходит к ней, наотмашь бьет ее несколько раз по лицу.*) Я не люблю, когда кто-то не хочет возвра-

щать долги. Тебе придется подумать над этим, женщина!

В е р а (*покорно сползает к его ногам, целует ему руку*). Простите меня, я, наверное, просто устала. Я больше не буду, клянусь вам, поверьте мне.

Д я д я С а ш а. О люди, странные вы существа, сколько я знаю вас, столько не перестаю удивляться: вы так же легко возносите, как и льстите, палачествуете, как и унижаетесь, воодушевляетесь и впадаете в панику. Вы подлы, великодушны, скупы, щедры, наивны, подозрительны, честны, бессовестны, глупы, гениальны и прочая, и прочая, и прочая. Как много в вас намешано! А иногда и все это вместе взятое в одном человеке. Порою мне кажется, что я зря с вами связался, хлопот много, а результат почти всегда один и тот же: сначала вы покоряетесь, но затем снова принимаетесь бунтовать. В конце концов я же не цирковой укротитель, чтобы постоянно держать при себе кнут и кусочек сахара. У меня другие задачи, и цели — тоже. (*Поднимает Веру с колен.*) Женщина, врежьте на своей бандуре что-нибудь воодушевляющее, только, пожалуйста, без этих пейзажных соплей.

Вера берет в руки гармошку, растягивает меха. Неожиданно возникает мелодия танго «Аргентина». Дядя Саша молодецкато подтягивается и галантно расшаркивается перед Верой.

В е р а (*ставит гармошку, которая, тем не менее, продолжает звучать, на стол*). Сумею ли?

Д я д я С а ш а (*властно привлекает ее к себе*). Как совершенно справедливо выразался один из ваших кумиров, не можешь — научим, не хочешь — заставим.

Ритмически передвигаются в танце.

В е р а. Время зря тратите.

Д я д я С а ш а. Сгодится.

В е р а. Едва ли.

Д я д я С а ш а. Посмотрим.

В е р а. Уверена.

Д я д я С а ш а. О женщина! Успела убедиться?

В е р а. Какой с него спрос — он пьяный.

Д я д я С а ш а. От воды?

В е р а. От вашей воды опьянеешь.

Д я д я С а ш а. Тогда каким же образом определила его?

В е р а. Визуально.

Дядя С а ш а. Что же ты в нем рассмотрела?

В е р а. Бесхарактерный алкаш.

Дядя С а ш а. Вот пусть и продолжает в том же духе.

В е р а. И это все?

Дядя С а ш а. С таких, как он, хватит и этого.

В е р а. Стоит ли связываться?

Дядя С а ш а. С меня его больше чем достаточно.

В е р а. Мелочитесь.

Дядя С а ш а. В нашем деле все впрок.

В е р а. Как знаете.

Дядя С а ш а *(останавливается)*.

Вера продолжает танцевать вокруг него.

Да, да, пусть продолжает в том же духе! Таким, как он, я просто облегчаю конец. Они уйдут в небытие в радужных снах сивушной нирваны без лишних хлопот и сожалений. А еще говорят, что я желаю кому-то зла! Напротив: чем легче для них конец, тем мне отраднее.

Из-за стенда в углу, не замечаемый ими, появляется О л е г, с недоумением смотрит на них.

Зачем мне лишние хлопоты? Мир праху их, безымянных! *(Замечает Олега, как ни в чем не бывало.)* Мы тут поплясали маленько, кровя разгоняет, опять же для сугрева.

О л е г *(растерянно)*. Не голова, а церковный колокол... Череп раскалывается... Сплошная муть!

Дядя С а ш а *(с готовностью бросается к столу, разливает из бутылки по стаканам)*. А мы опохмелим, милоч, опохмелим, оно враз земля на четыре копыта встанет. Ну, вздрогнули.

Все трое пьют.

О л е г *(с облегчением)*. Кажется, оседает.

Дядя С а ш а. От такого ерша у лошади осядет.

О л е г. Это называется: и в запой отправился парень молодой.

Дядя С а ш а. Не тушуйся, парень, все там будем.

В е р а. Может, хватит все-таки на сегодня?

Дядя С а ш а. Ты, девка, в мужинские дела не встрывай, мы как ни то без тебя разберемся. *(Олегу.)*

Вторая соколом пойдет. *(Наливает ему и себе.)* Поехали, как Гагарин сказывал!

О л е г *(пьет)*. Светало. Горизонт заалел. В лицо подул майский ветерок. Весна вступила в свои права.

Д я д я С а ш а. Теперича вижу, что порядок. Заговорил человек по-людски, все путем. *(Поднимается.)* Вы тут одне пожируйте, дело молодое, а я, пожалуй, ишшо за одной сбегаю, гулять дак гулять, однава живем!

В е р а *(подходит к Олегу, проводит ладонью по его голове)*. Зачем вы так?

О л е г. А, все равно нехорошо!

В е р а. Это пройдет.

О л е г. Мне бы ваш оптимизм.

В е р а. Вино разве облегчает?

О л е г. Хотя бы временно.

В е р а. А потом еще хуже будет.

О л е г. Час, да мой.

В е р а. Жизнь-то совсем короткая.

О л е г. Такая молодая, а все знаете.

В е р а. Не надо вам больше пить.

О л е г. Вам жалко?

В е р а. Это воды-то?

О л е г. Какой воды?

В е р а. Известно какой, обыкновенной, из-под крана.

О л е г *(рассматривая бутылку на свет)*. Вы шутите.

В е р а *(устало)*. Мне давно не до шуток.

О л е г. Вы серьезно?

В е р а. Уходили бы вы отсюда, пока не поздно, если вам вода в голову вдарила, то дальше еще хуже будет.

О л е г *(с вызовом)*. Вы что, здесь алхимией, что ли, занимаетесь? Тогда бы уж лучше изобретали алмазы или, на худой конец, золото, чем эту смесь сочинять, аш-два-о.

В е р а *(с еще большей нежностью гладит его по голове)*. Пропадете вы, совсем пропадете.

О л е г. Не хороните меня раньше времени.

В е р а *(почти кричит)*. Уходите же!

Из-за стенда появляется Ю р и й К а р л о в и ч.

Ю р и й К а р л о в и ч. Об чем шум, как говорили у нас на Колыме? *(Вере.)* Пойди-ка, Веруня, замастырь нам чифирчику, а мы здесь с молодым человеком тет-а-тет за жизнь потолкуем.

В е р а нехотя уходит.

О л е г. Что скажете, профессор?

Ю р и й К а р л о в и ч. Вы несколько повышаете меня в научном ранге, коллега. Моя карьера кончилась на кандидатской, на докторскую потом уже ни сил, ни желаний не оставалось. *(Рассматривает бутылку.)* Надеюсь, вы оставили старику?

О л е г *(зло)*. Бросьте вы свои шутки, дедуля, вы же прекрасно знаете, что это вода.

Ю р и й К а р л о в и ч *(нюхает отверстие бутылки)*. Вот уж никак не подумал бы, разит чистой ханкой.

О л е г. Не прикидывайтесь дурачком.

Ю р и й К а р л о в и ч. У вас нет воображения, молодой человек, это не делает вам чести. Принимайте жизнь не такой, какова она есть, а такой, какой вы хотите ее видеть, вам будет легче жить. Дарю вам на память этот бессмертный принцип основоположника социалистического реализма Максима Горького, он же Алексей Пешков, он же пайку украл, он же на работу не пошел. Я не жадный. У меня таких подарков для вас, как у Деда Мороза. И если вы уже еле лыко вяжете, значит, перед вами все-таки не вода, а ханка, то есть гремячая смесь из всех мыслимых алкашами подручных компонентов.

О л е г *(сникая)*. А, черт с вами, я не знаю, кто вы есть на самом деле и знать не желаю! Но если действительно вы знаете больше, чем дано простому смертному, тогда скажите, почему я так одинок?

Ю р и й К а р л о в и ч. Что ж, вопрос, достойный вдумчиво пьющего мужчины. *(Наливает себе, пьет.)* Человек вообще одинок по определению, а человек с душой и сердцем одинок вдвойне. И чем старше такой человек, тем более одиноким он становится, но по-настоящему одиноким человек ощущает себя только на смертном одре. К сожалению, от этого нет лекарства, мой друг, разве лишь *(щелкает по бутылке)* вот это, но это, увы, только иллюзорный паллиатив. Вам налить?

О л е г *(подставляет стакан)*. Что ж, последую совету пролетарского классика, попробую напрячь воображение.

Пьют.

Ю р и й К а р л о в и ч *(отставляя стакан)*. А вы говорите — вода!

О л е г *(вдруг затягивает на мотив «Я встретил вас...»)*. «О подвигах, о доблести, о славе я забывал на горестной

земле, когда твое лицо в простой оправе передо мной стояло на столе...»

Ю р и й К а р л о в и ч. Полное восхищение духа, степень самой высокой кондиции, песня возносит человека в горние выси. Перед таким состоянием я падаю ниц и смиренно замираю. Мне тут больше нечего делать, выводы я оставляю вечности! (*Уходит.*)

О л е г. Господи, почему я так одинок!

Появляется В е р а.

В е р а. Вы уже успели напиться. Очнитесь же вы наконец!

О л е г. Зачем?

В е р а. Что мне с вами делать?

О л е г. Пожалеть.

В е р а (*бросается к нему, принимается его трясти*). Очнись, очнись, очнись! Пойми же, ты, дурачок, не пил ничего, кроме воды, все это тебе только кажется. (*Вдруг прижимает его голову к груди, почти исступленно гладит ее.*) Золотой ты мой, перламутровый, сокол мой быстроглазый, кровиночка моя ненаглядная, жить тебе еще и жить, топтать траву-мураву, росой умыться, с серебра пить, с золота кушать, не горюй, аметистовый, закрой глазыньки, сосни чуток, когда встанешь, все как рукой сымет, а я тебе, бирюзовому, на сон грядущий заветное попою: «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан, не входи, голубушка, попусту в изъян...»

Появляется дядя С а ш а с бутылкой в руках.

Дядя С а ш а. Смиловались? А я одна нога здесь, другая тут, пулей обернулся, можно сказать, из-под земли достал. (*Ставит бутылку на стол.*) Пей — не хочу!

В е р а. Не в коня корм, он и так чуть теплый.

О л е г (*вырывается из ее рук*). Наливай, дед, наше дело правое!

В е р а (*пытается удержать его*). Нельзя тебе больше.

Дядя С а ш а (*Вере, жестко*). Не встречай, девка, видишь, человек гуляет, душа у него простору просит, грех удерживать.

О л е г (*вырывает у него из рук бутылку, раскручивает ее, жадно прикикает к горлышку*). Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»! (*Отбрасывает бутылку в сторону.*)

Пощады никто не желает. Да здравствует Ижма! (*Плашмя валится на пол.*)

В е р а (*бросается к нему*). Ведь говорила же я!

Д я д я С а ш а (*наклоняется над Олегом, переворачивает его, трогает ему зрачок*). Причитать бесполезно, он — мертв. (*Выпрямляется.*) Что и следовало доказать. Так, кажется, пишется у них в газетах.

В е р а (*приподнимает Олега, кладет его голову к себе на колени*). Какая Ижма! Не было никакой Ижмы! В глаза я не видела никогда этой Ижмы. И пропади она пропадом! И не поступала я ни в какое музыкальное училище! И не ездила я к трем вокзалам! И нет никакого дяди Саши! И никакого Юрий Карлыча тоже нет! Все это одна морока! Проснись только, приди в себя, я тебе все расскажу, только очнись! Мы уйдем отсюда вместе, чем бы я за это ни заплатила. Ты поймешь, ты все поймешь, ты же такой умный!

Д я д я С а ш а (*прямо перед собой*). Выражаясь побасурмански, шерше ля фам, господа, шерше ля фам, а если по-человечески, то баба, она баба и есть. Желая здравствовать, уважаемые!

Вера и дядя Саша расходятся по своим местам и застывают в том же положении, в каком мы застали их в начале действия. Медленно гаснет свет вокруг распростертого на полу тела Олега.

З а н а в е с

СОДЕРЖАНИЕ

Стань за черту	5
Жив человек	53
Позывные твоих параллелей	99
Эхо в конце августа	130
Дом без номера	175
Бесы	216
Кто боится Рэя Бредбери	305
Берлин на исходе ночи	350
Там вдали за рекой	386
Кукла, или Конь Калигулы	422
Пьедестал	437
Музейные ценности	450

Владимир Емельянович
Максимов

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ Том восьмой

Художественный редактор *И. Сайко*
Технический редактор *Г. Смирнова*
Корректоры *Г. Аверина, И. Сахарук*

Подписано в печать 23.02.93. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 24,36. Усл. кр.-отт. 24,36. Уч.-изд. л. 26,67.
Тираж 85 000 экз. Заказ 1069.

Издательский центр «ТЕРРА». 109280, Москва, Автозаводская, 10,
а/я 73.

Ярославский полиграфкомбинат Министерства печати и информации
Российской Федерации. 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

